

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ**

**АДМИНИСТРАЦИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ, РЕСТАВРАЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НАСЛЕДИЯ)
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

ООО «КУБАНЬОХРАНКУЛЬТУРА»

ООО «ЦЕНТР ПРАКТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

14

**АРМАВИР – КРАСНОДАР – МОСКВА
2018**

ББК 63.4(2Р37)+63.(2Р37)
И90

**Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.М. МУНЧАЕВ (отв. редактор),
С.Б. ВАЛЬЧАК, А.В. ПЬЯНКОВ (отв. секретари),
А.Н. ГЕЙ, Н.И. ГУЛЬЧЕНКО, Г.Г. ДАВЫДЕНКО,
Р.В. ЗАСУХИН, А.П. ЛОПАТИН, С.Н. МАЛАХОВ,
О.Н. МЕЛЬНИКОВА, С.В. ОЛЬХОВСКИЙ.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к.и.н. С. В. Демиденко,
к.и.н. У. Ю. Кочкаров

Историко-археологический альманах.

Вып. 14 — Армавир, Краснодар, Москва, 2018 — 220 с.

В альманахе публикуются статьи по археологии, истории, этнологии и музееведению, тематика которых связана с разработкой актуальных проблем древней, средневековой, новой и новейшей истории юга России и Восточной Европы.

Для археологов, историков, музейных работников, искусствоведов, преподавателей и студентов вузов, а также всех, кто интересуется историей народов юга Восточной Европы и Кавказа.

ISBN 978-5-902830-53-5 (ИП Н. Н. Вольная)

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2018 г.

© МУК Армавирский краеведческий музей, 2018 г.

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

С глубоким удовлетворением, как всегда, представляю вам, дорогие читатели, очередной, четырнадцатый выпуск «Историко-археологического альманаха», который подготовлен Армавирским краеведческим музеем и Институтом археологии Российской академии наук. Издание этого, как и предыдущих выпусков, оказалось возможным благодаря поддержке Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края и других организаций.

Данный выпуск продолжает традиционную серию, рассматривающую различные проблемы истории и археологии юга России и соседних регионов. Авторский коллектив выпусков Альманаха, помимо исследователей из Армавира и ИА РАН, в разные годы включал специалистов различных научных учреждений и музеев, преподавателей и аспирантов ВУЗов (академий, университетов, институтов) практически всех регионов Северного Кавказа, европейской части России, Украины, Абхазии, Приднестровья. В настоящем выпуске представлены 19 статей, которые были подготовлены 32 авторами — сотрудниками научных учреждений, музеев, преподавателями ВУЗов.

Структура предлагаемого выпуска состоит из трёх разделов.

В раздел «Археология» включено двенадцать статей по различным проблемам археологии Восточной Европы — от бронзового века до эпохи средних веков. Авторы этих работ вводят в научный оборот новые археологические материалы, сообщают о проведенных в различные годы раскопках археологических памятников, а также предлагают ряд интересных гипотез. Большинство статей этого раздела касается традиционной для «Альманаха» северокавказской тематики и в основном освещает актуальные проблемы археологии Северного

и Западного Кавказа. Представленные авторами настоящего выпуска материалы эпохи бронзы, раннего железного века и периода средневековья в большинстве своём посвящены публикации археологических памятников и находок, освещают раскопки нескольких последних лет. Они вводят в научный оборот новые материалы и развивают некоторые важные направления в изучении археологии Северного Кавказа, а также сопредельных регионов Восточной Европы. Публикация представленных статей, несомненно, расширит наши представления об археологии, древней и средневековой истории и культуре народов Северного Кавказа и России в целом.

Раздел «История» состоит из пяти статей, в которых рассматриваются вопросы реконструкции контактов и взаимосвязей Кавказа в раннем средневековье, а также разнообразные сюжеты истории Кавказа нового времени.

Представленные работы, безусловно, вызовут интерес не только у специалистов — археологов, этнографов, историков, музееведов, но и у широкого круга читателей, интересующихся прошлым Юга России.

В разделе «Охрана памятников» специалисты традиционно рассматривают актуальные в этой области проблемы.

Отдельная статья — дань памяти известному советскому и российскому археологу А.М.Лескову.

Таким образом, дорогие читатели, перед вами представлены результаты работ по археологии, истории и этнографии, материальной и духовной культуре народов одного из интереснейших регионов России, к которому будут обращаться все те, кто интересуется историей Кавказа и всего юга Восточной Европы.

*Р.М. МУНЧАЕВ,
член-корреспондент РАН*

АРХЕОЛОГИЯ

Д.А. ЯЦЮК

ОЛЬХОВСКИЙ КУРГАН

В сезоне 2011 г. Краснодарской археологической экспедицией ООО «ЮРЦАИ» было проведено исследование на кургане № 1 «курганной группы из 4 курганов» на правом берегу реки Кирпили, на восточной окраине х. Ольховского Тимашевского района Краснодарского края (рис. 1, 1). Никаких археологических исследований на территории могильника ранее не проводилось.

Высота курганной насыпи составляла 0,63 м от уровня современной дневной поверхности. Размеры насыпи 36х36 м. Курган имел круглую форму, на момент начала раскопок поверхность памятника ровная, без растительности, распаханная. В центральной части кургана находилась неглубокая западина, обозначенная на поверхности кургана светло-коричневым грунтом.

Стратиграфия кургана (рис. 1, 3)

Длина разреза центральной бровки составила 32 м. Высота разреза в центральной части бровки до материка составила 1,8 м. Высота разреза на концах бровки — 0,9–1 м.

В разрезе прослежены следующие слои: **дерновый слой** — гумус черного цвета толщиной 0,2–0,4 м; **курганный слой** — гумусированный суглинок светло-коричневого цвета толщиной до 0,8 м; **древний горизонт** — гумусированный суглинок серо-коричневого цвета толщиной до 0,4 м; **предматерик** — суглинок светло-коричневого цвета, толщина слоя — 0,2–0,5 м; **материк** — глина желто-коричневого цвета.

Как показала стратиграфия бровки, курган был насыпан в один прием и состоял из одной насыпи, сооруженной в эпоху энеолита — ранней бронзы. Курганная насыпь имела высоту до 0,8 м, и была насыпана над погребением № 20.

Погребение № 1 (рис. 2). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 2,85 м. Расстояние от ЛК на СВ до черепа человека — 5,40 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,49 м.

Описание: обнаружено в ЮВ секторе кургана в курганной насыпи по фрагментам кости человека. Следов погребальной ямы не прослежено. Погребение было ориентировано своей осью по линии СЗ-ЮВ. Костяк человека лежал скорченно на левом боку, головой на СЗ. Сохранность костей плохая, скелет сохранился фрагментарно. Судя по сохранившимся фрагментам, кисти погребенного были подтянуты к лицу, ноги согнуты в коленях под острым углом. В ногах на расстоянии 10 см от пальцев ног находилась галька красно-коричневого цвета (обожженная) №1.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Антропология: М, возраст 35–50, нет патологий.

Инвентарь: галька, окатанная, красно-коричневого цвета, неправильной формы. Размеры: 4,2х3,7х2,6 см.

Погребение № 2 (рис. 2). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 5,80 м. Расстояние от ЛК на СВ до черепа человека — 5,75 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,02 м.

Описание: выявлено в ЮВ секторе кургана в курганной насыпи по фрагментам кости человека. Следов погребальной ямы не прослежено. Погребение было ориентировано длинной своей осью по линии С–Ю. Костяк ребенка лежал головой на Ю. Сохранность скелета плохая, сохранились лишь фрагменты черепа, таза и костей ног. Погребение безинвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: не определена.

Антропология: возраст 0–6 месяцев, нет патологий.

Погребение № 3 (рис. 2). Впускное, в предматерике.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ к ЮВ стенке ямы — 3,00 м. Расстояние от ЛК на СВ к ЮВ стенке ямы — 1,86 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,64 м.

Описание: выявлено в центральном секторе кургана в слое предматерика по пятну заполнения. Пятно подквадратной формы с округлыми углами размерами 155x146 см. Погребение было зачищено в 2 уровнях. При зачистке первого уровня был обнаружен тлен белого цвета органического происхождения, перекрывавший костяк. Тлен сохранился фрагментарно, в основном в центральном и северном секторах ямы. Фрагменты тлена перекрывали стопы, область таза и черепа костяка. В СЗ секторе ямы прослежены следы подстилки органического происхождения черно-коричневого цвета. Высота от прослеживаемого края ямы 19 см. Стенки вертикальные, дно ровное, плавно понижается на восток. Костяк ребенка лежал скорченно на правом боку, ориентирован по линии запад — восток, головой на восток. К югу от головы лежат остатки 2 древесных плах. За спиной, вдоль туловища, прослежен костный тлен в виде 3 расходящихся радиально полос. На одной из плах видны следы костного тлена. Сохранность костей хорошая, кости обильно посыпаны охрой, от чего приобрели красный оттенок. Лицевая часть черепа не сохранилась, также отсутствуют лучевые кости рук. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Антропология: возраст 6±2, нет патологий зубов, срослись только дуги с телами позвонков, ничего другого не срослось.

Погребение № 4 (рис. 2). Впускное, в предматерике.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 5 м. Расстояние

от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 10,8 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,89 м.

Описание: обнаружено по пятну заполнения ямы в ЮЗ секторе кургана в слое предматерика. Пятно темно-коричневого цвета, по форме неровное, подтреугольной формы, с округлыми углами. Размеры ямы 120x155 см. Глубина ямы от прослеженного края 12 см. Стенки вертикальные, дно неровное, повышается в восточной своей части. При выборке заполнения ямы был обнаружен костяк взрослого человека. Скелет лежал скорченно на правом боку, ориентирован по линии СЗ–ЮВ, головой на СЗ. Сохранность костей плохая, отсутствуют лицевая часть черепа, левая ключица, половина ребер и лучевые кости правой руки. Погребение частично разрушено грызунами. Руки вытянуты вдоль тела, правая к тазу, а левая к коленям. В районе колен сохранились остатки от подсыпки охрой бордового цвета. Также под костями сохранились фрагменты подстилки органического происхождения черно-коричневого цвета.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Антропология: Ж, возраст 40–45, зубной камень сильный, кариес пришеечный.

Погребение № 5 (рис. 2). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до фрагментов таза человека — 5,4 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до фрагментов таза человека — 5,6 м. Глубина от R0 до дна у таза — 0,69 м.

Описание: выявлено в ЮЗ части кургана в курганной насыпи. От костяка сохранились лишь части таза и ног. Бедренные и берцовые кости находились не в анатомическом порядке. К югу от них лежало крыло таза человека. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: не определена.

Погребение № 6 (рис. 3). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 0,9 м. Расстояние

от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 1,6 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,50 м.

Описание: выявлено в центральной части кургана в курганной насыпи. Могильная яма не прослежена. При зачистке погребения в заполнении (над ним) были обнаружены фрагменты мелких костей животного плохой сохранности. Костяк человека лежал вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела, голова завалилась на ЮВ. Сохранность костяка удовлетворительная, отсутствуют большая часть ребер и правая кисть. Погребение ориентировано по линии ЗЮЗ — ВСВ, головой на ЗЮЗ. За головой находилась лепная коричнево-глиняная кружка-кувшинчик с ручкой № 1. К югу от черепа прослежены остатки тлена органического происхождения коричневого цвета и тлен от фрагмента кости. К ЮВ от правой руки находился лепной сосуд № 2. На уровне таза, к ЮВ от костяка, прослежены костный тлен и зубы животного (собака), на котором находились четыре бронзовые заклепки № 4. За ними был найден фрагмент донца со стенкой лепного черноглиняного сосуда № 3. У левой бедренной кости (в области колена) находился фрагмент железного ножа № 5.

Культурно-историческая атрибуция: меотская культура, IV–III вв. до н.э.

Антропология: М, возраст 25-30, краудинг передних зубов, очень слабая гипоплазия, нет других патологий зубов и костей, мускульный рельеф плечевой и кисти очень сильный, нет «комплекса положения на корточках».

Инвентарь: кружка-кувшинчик лепная (№ 1). Обжиг неравномерный, внешняя поверхность коричневая, с черными пятнами, внутренняя серо-коричневого цвета. Тулово широкое, приземистое, округлое. Дно плоское. Горло короткое, вертикальное, венчик округлен. Тесто плотное, с незначительной примесью микроскопических блесток слюды. Размеры: h — 9,3 см, h тулова — 8,2 см, диаметр устья — 9,5 см, d тулова — 13,2 см, d дна — 5,8 см. Сохранность: склеен, часть венчика и тулова утрачена.

Горшок лепной (№ 2). Обжиг неравномерный, внешняя поверхность серо-черная, с коричневыми пятнами, внутренняя коричневого цвета. Тулово бочковидное, резко сужается ко дну, дно небольшое, плоское, снаружи выделено закраиной. Шейка невысокая, венчик округлен. Тесто плотное, с примесью мелко толченого известняка. Размеры: h — 13 см, высота тулова — 12 см, d устья — 14,5 см, d тулова — 17 см, d дна — 9,2 см. Сохранность: реставрирован во фрагментах, склеен, загипсован, часть венчика и тулова утрачена.

Нижняя часть лепного горшка (№ 3) вторично использована. В изломе черпок черного цвета, обжиг неравномерный, внешняя поверхность черная, с серыми и коричневая пятнами. Дно плоское, снаружи выделено слабой закраиной. Тесто плотное, с незначительной примесью мелко толченого известняка. Размеры: h — 4,1 см, восстановленный d дна — 10 см. Сохранность: реставрирован во фрагментах, склеен.

Заклепки бронзовые 4 шт. (№ 4). Заклепки идентичные, цилиндрические, грибовидные, с широкой верхней шляпкой и слегка выраженной нижней, ножки полые внутри. Размеры: h — 1 см, d ножки — 0,2 см, d верхней шляпки — 0,5 см, d верхней шляпки — 0,3 см. Сохранность: целые.

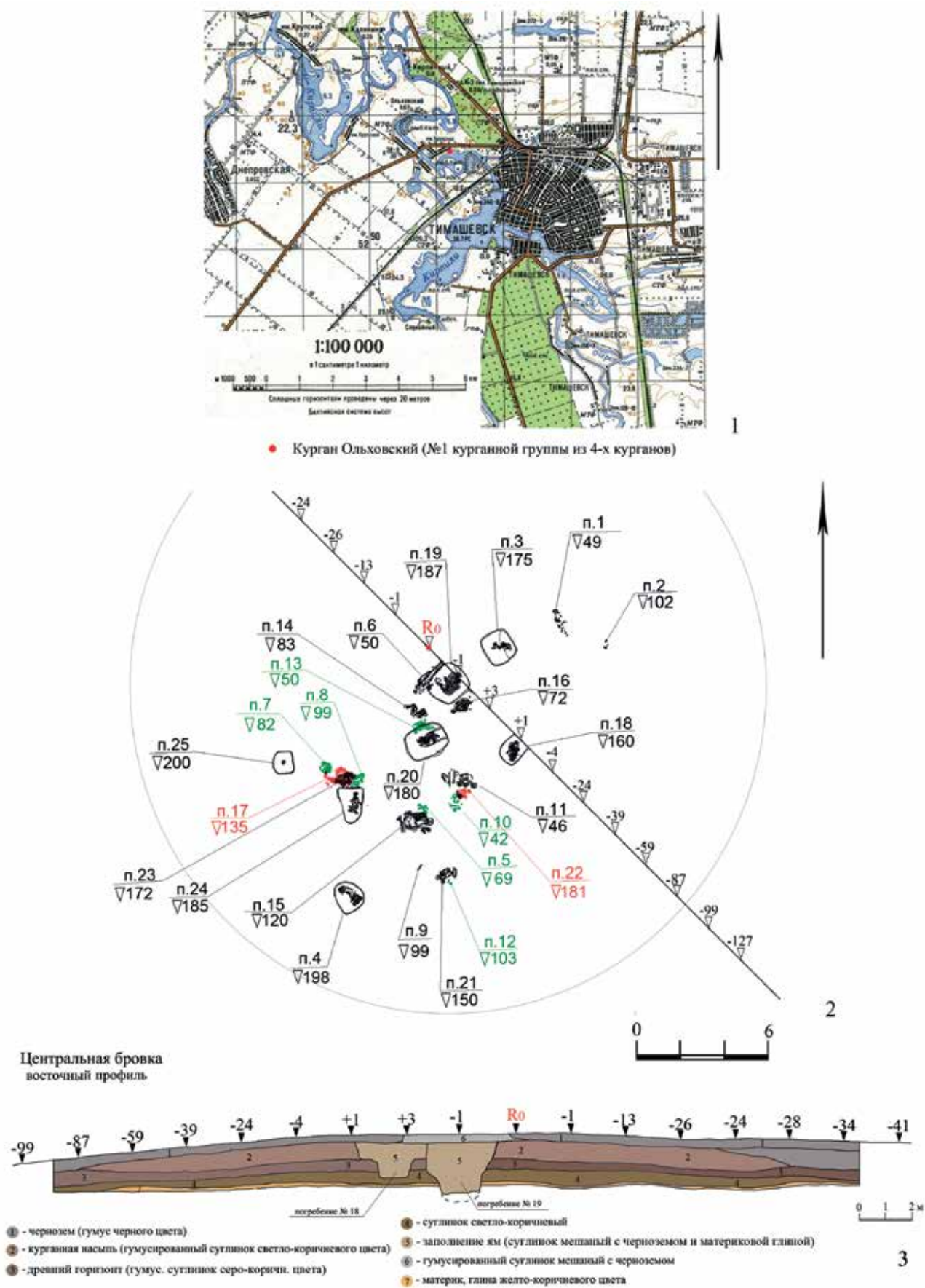
Фрагмент однолезвийного железного ножа (№ 5). Размеры: сохранившаяся l — 4,5 см, s — 1,9 см, t — 0,3 см. Сохранность: фрагмент, покрыт сильной окалиной.

Погребение № 7 (рис. 3). Впускное, в курганной насыпи.

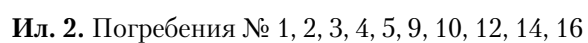
Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 0,7 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 7,3 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,75 м.

Описание: обнаружено в центральном секторе кургана по фрагментам керамики в слое курганной насыпи. Состояло из развала половины крупного пифоидного сосуда № 1. Сосуд лежал на боку, донной частью на запад, внутри него находился череп ребёнка. Сохранность черепа плохая, в виде тлена.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Ил. 1. 1 – местонахождение кургана; 2 – общий план; 3 – центральная бровка.

Инвентарь: сосуд пифоидный, с высоким, резко расширяющимся кверху туловом с округлым плечиком. Дно узкое, вогнутое, слегка выделено снаружи. Шейка невысокая, вертикальная, венчик округлен. На плечике, на границе с шейкой расположена горизонтальная ручка с вертикальным сквозным округлым отверстием. Обжиг неравномерный: внешняя поверхность темно-серая, внутренняя оранжево-коричневая, с темно-серыми пятнами. Внутри черепок серый. Тесто плотное, с примесью мелко тертого известняка. Размеры даны по графической реконструкции: h — 41 см, h шейки — 2,6 см, высота тулова — 38,4 см, наибольший диаметр тулова — 43,8 см, восстановленный d устья — 24 см, d дна — 8,2 см, d отверстия на ручке — 0,6 см. Сохранность: половина сосуда, склеен из фрагментов. Поверхность покрыта известняковой патиной.

Погребение № 8 (рис. 3). Впускное, в курганный насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 2,1 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 6,3 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,99 м.

Описание: обнаружено в центральном секторе кургана в слое курганный насыпи. Погребальная яма не прослеживалась. Костяк ребенка лежал скорченно на левом боку, ноги согнуты под острым углом, руки сложены вместе, кисти покоятся у лица. Погребение ориентировано по линии СВ — ЮЗ, головой на СВ. У костяка отсутствуют плечевые кости рук. К западу от черепа находилось пятно тлена органического происхождения черного цвета. Под головой был обнаружен тлен от подстилки органического происхождения коричневого цвета. У правого предплечья тонкой полосой вдоль лучевой кости было прослежено пятно тлена темно-красного цвета органического происхождения. У правого предплечья находился лепной сосуд № 1.

Культурно-историческая атрибуция: майкопская культура¹.

Антропология: возраст 10–15, эпифизы не приросли, позвонки срослись, кости большие.

Инвентарь: Кувшинчик лепной. Черепок внутри черный, внешняя и внутренняя поверхности коричневые. Тулово биконическое, дно округленное. Горло высокое, слегка расширяется к венчику. Венчик отогнут наружу, скошен внутрь, внутренняя кромка округлена, внешняя заужена и также округлена. Тесто плотное, с примесью мелко толченого известняка и мелкой дресвы. Размеры: h — 9 см, h горла — 2,9 см, d устья — 6,3 см, d тулова — 10 см. Сохранность: часть венчика и горла утрачено в древности.

Погребение № 9 (рис. 2). Впускное, в курганный насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до кости человека — 6,9 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до кости человека — 7,7 м. Глубина от R0 до дна у кости человека — 0,94 м.

Описание: выявлено в центральном секторе кургана в слое курганный насыпи по фрагменту кости. От погребения сохранились лишь несколько фрагментов кости ног: берцовая, малая берцовая. У нижнего эпифиза стопы лежал фрагмент черепа. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: не определена.

Антропология: возраст 15–20.

Погребение № 10 (рис. 2). Впускное, в курганный насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 5,90 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 3,80 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,53 м.

Описание: обнаружено в центральном секторе кургана по фрагментам костей в слое курганный насыпи. Погребальная яма не прослеживалась. Анатомический порядок в расположении костей отсутствовал, возможно, погребенный лежал скорченно на правом боку по линии С — Ю, головой на север. Череп развернут лицевой стороной на восток. Сохранность костяка неполная, отсутствуют кости левой руки, стоп, ребра. Остальные кости представлены в основном фрагментарно. По данным антропологии, в погреб-

бении находились кости двух человек. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: не определена.

Антропология: 1. Ж, возраст 30–40, нет патологий посткраниальных костей. 2. 10 лет $\pm$ 30 месяцев, нет патологий черепа и зубов.

Погребение № 11 (рис. 4). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 6,1 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 3 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,46 м.

Описание: обнаружено в центральном секторе кургана в слое курганной насыпи по фрагментам костей. Костяк лежал скорченно на левом боку, ориентирован по линии ЮВ — СЗ, головой на ЮВ. Руки сложены вместе и подтянуты кистями к лицу, ноги поджаты. Сохранность костяка неполная: отсутствуют большая часть позвоночника, часть рёбер, большая часть таза и кости стопы. В районе локтей погребенного лежал черноглиняный сосуд № 1. При разборке погребения в лепном сосуде были обнаружены мелкие неопределенные кости животного.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха ранней бронзы.

Антропология: М, возраст 25–30, скол эмали на правом С1. На правой бедренной чуть выше середины диафиза спереди огромный костный нарост (высота 62 мм, ширина 31 мм), по краю нароста идёт тонкая бороздка, сверху — гребень, по краю — след перелома, часть кости отщепилась, а потом приросла, возможно, кость была срублена сверху и изнутри-медиально (человек ударил сам себя?), на сломе кости видно, что отщеп-нашлётка кости внутри более губчатый, под ним расположен кортикальный слой основной части диафиза.

Инвентарь: сосуд лепной, доведенный на гончарном круге. В изломе черепок черного цвета, внешняя поверхность коричневая, с серыми пятнами. Тулово округлое, дно плоское. Горло высокое, цилиндриче-

ское. Венчик округлен. В центральной части горла расположен сосцевидный прилеп, с горизонтальным круглым отверстием, имитирующий ручку. Тесто плотное, с большой примесью мелко дробленной дресвы и мелко толченого известняка. Размеры: h — 15,9 см, h горла — 7 см, h тулова — 8,9, d устья — 10,3 см, d тулова — 12,4 см, d дна — 6,1 см, h прилепа — 3,9 см, s прилепа — 2,7 см, d отверстия — 0,9 см. Сохранность: реставрирован во фрагментах, склеен, загипсован, часть горла утрачена в древности.

Погребение № 12 (рис. 2). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до кости человека — 8,4 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до кости человека — 7 м. Глубина от R0 — 1,08 м.

Описание: обнаружено в центральном секторе кургана в слое курганной насыпи по фрагментам костей. Костяк практически не сохранился, остались лишь фрагменты черепа и фрагмент бедренной кости к западу от него. Погребение безынвентарное.

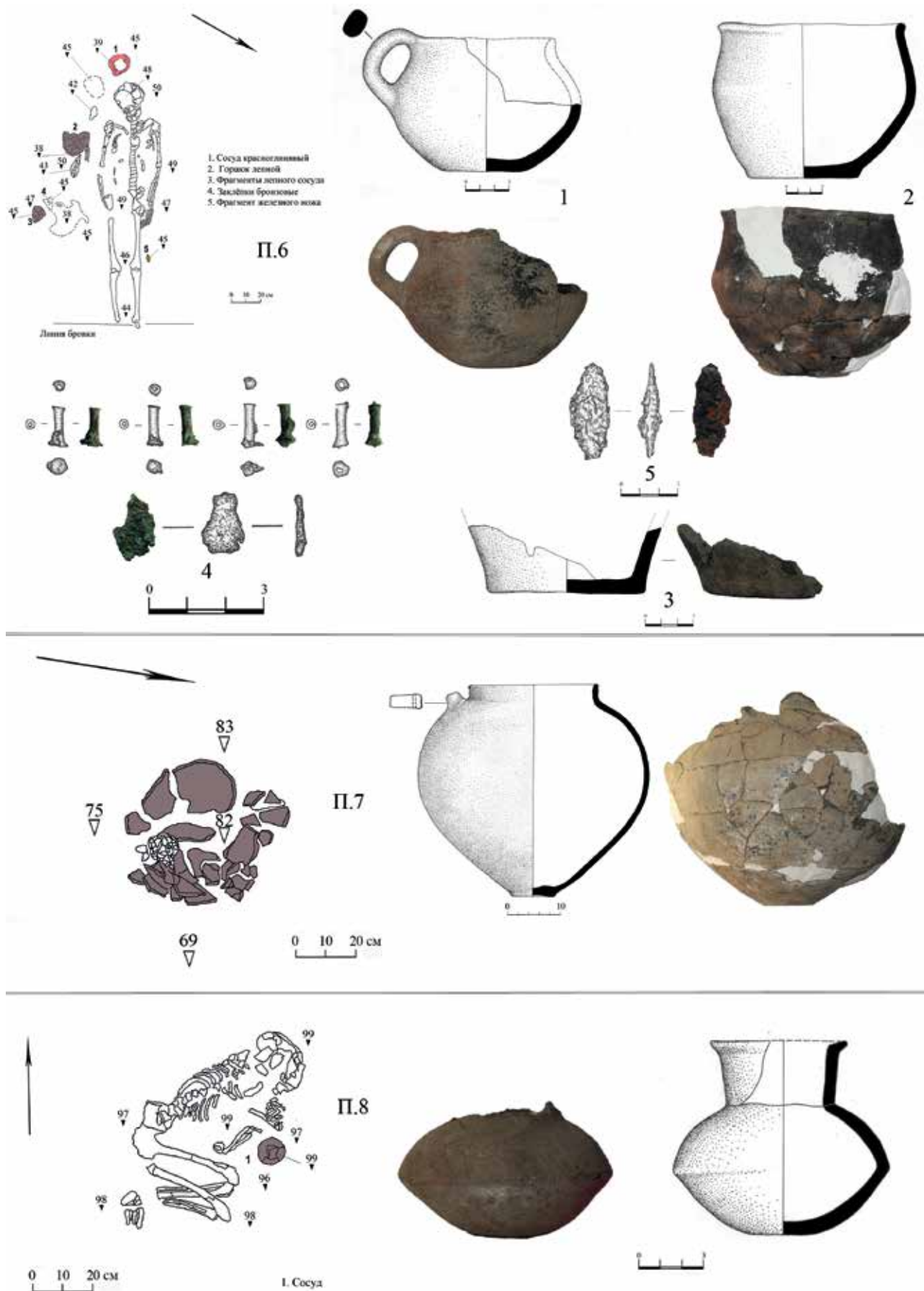
Культурно-историческая атрибуция: не определена.

Антропология: Ж, возраст 15–25.

Погребение № 13 (рис. 4). Впускное, в курганной насыпи.

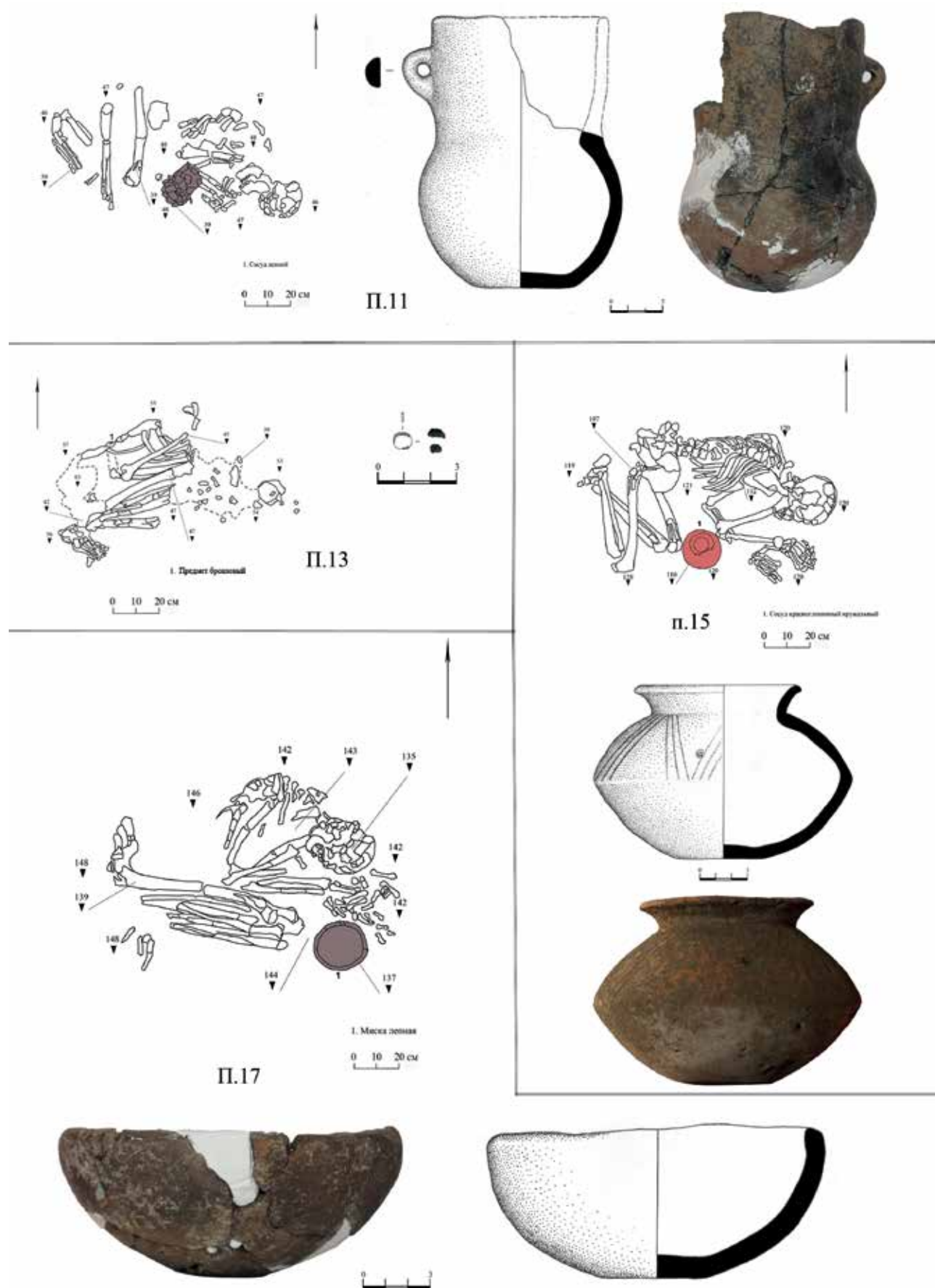
Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 2,7 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 2,5 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,53 м.

Описание: обнаружено в центральном секторе кургана в слое курганной насыпи. Погребальная яма не прослежена. Погребенный лежал в сильно скорченном положении на левом боку. Ноги коленями подтянуты к груди, пятки к тазу, руки сложены вместе и подтянуты к лицу. Правая нога лежит выше правой руки, на ней. Костяк в хорошей сохранности, отсутствует позвоночник. Череп в плохой сохранности, возможно, разрушен грызунами, сохранилась лишь верхняя часть. Ориентировка погребения по линии В — З, головой на В. В районе позвоночника в средней его части был найден бронзовый предмет № 1.

Ил. 3. Погребения № 6, 7, 8

(здесь и далее нумерация вещей совпадает с нумерацией описи инвентаря каждого погребения)

Ил. 4. Погребения № 11, 13, 15, 17

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Антропология: М, возраст 20–25 по зубам, 35–40 по костям, слабая гипоплазия, следы зубного камня.

Инвентарь: Предметы бронзового века № 1, фрагменты, выполненные из плоской ленты. Размеры: d — 0,7 см, s — 0,3 см. Сохранность: два фрагмента покрыты патиной.

Погребение № 14 (рис. 2). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 2,2 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 2,3 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,83 м.

Описание: выявлено в центральном секторе кургана в слое курганной насыпи. Погребальной ямы не прослежено. Кости в плохой сохранности, в большей степени сохранились в виде тлена. Погребенный лежал скорченно на правом боку. Ориентировка по линии З — В, головой на В. Руки сложены вместе ладонями у колен. Ноги согнуты под небольшим углом. Под костяком частично прослеживался тлен органического происхождения черного цвета от подстилки. Его фрагменты сохранились в области лица и груди, а также в области берцовых костей. В районе кистей рук, а также частично на костях таза прослежено пятно охры красного цвета. Фрагменты пятна охры также находились у головы на тлене от подстилки. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Антропология: возраст 15–20, слабая гипоплазия, следы зубного камня.

Погребение № 15 (рис. 4). Впускное, в древнем горизонте.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 5,8 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 5,5 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,2 м.

Описание: выявлено в центральном секторе кургана по фрагментам кости человека в слое древнего горизонта. Погребальной ямы не прослежено. Ориентировано по линии ЗСЗ — ВЮВ, головой на ВЮВ.

Поза погребенного — скорченно на левом боку, руки сложены вместе кистями у лицевой части черепа. Ноги сильно поджаты в коленях. Сохранность костей практически полная, отсутствуют пальцы ног. Кости в хорошем состоянии. Кости ладоней погребенного окрашены охрой красного цвета. У левого колена, между коленом и локтями, находился красноглиняный лепной сосуд № 1.

Культурно-историческая атрибуция: Майкопская культура.

Антропология: Ж, возраст 30–35, выпадение у корня правого I1 — каверна около корня в виде воронки с острыми краями, зубной камень, краудинг правого I1 внутрь, чрезмерная стёртость передних зубов, возможно, из-за специфической деятельности, нет патологий посткраниального скелета.

Инвентарь: Сосуд лепной красноглиняный. Тулово биконическое, дно слабо выделено, плоское. Шейка короткая, резко расширяется кверху. Венчик нависает наружу, кромка округлена. Верхняя поверхность тулова покрыта резным орнаментом — диагональными, сходящимися в верхней части линиями . Тесто плотное, без видимых примесей. Размеры: h — 11,1 см, h шейки — 1,5 см, d устья — 10,8 см, d тулова — 16,5 см, d дна — 6 см. Сохранность: целый, часть шейки утрачена в древности, на верхней части тулова небольшое отверстие (возможно, пробито).

Погребение № 16 (рис. 2). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 2,9 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 0,8 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 0,79 м.

Описание: выявлено в центральном секторе кургана в слое курганной насыпи. Следов погребальной ямы не прослежено. Погребение по обряду трупоположения в позе скорченно на правом боку. Ориентировано по линии ЮЗ — СВ, головой на ЮЗ. Сохранность костяка практически полная. Кости сохранились в виде тлена. Левая рука опущена к тазу, ноги сильно сжаты в коленях и подтянуты к груди. Практически

под всем костяком прослеживаются остатки подстилки в виде тлена органического происхождения черно-коричневого цвета. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Антропология: М, возраст 45–50, пародонтоз, зубной камень.

Погребение № 17 (рис. 4). Впускное, в предматерике.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 1,6 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 6,8 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,42 м.

Описание: выявлено в ЮЗ секторе кургана в слое предматерика. Следов погребальной ямы не прослежено. Погребенный лежал в сильно скорченном положении на левом боку. Ориентирован по линии ВЮВ — СЗЗ, головой на ВЮВ. Сохранность костяка практически полная, отсутствуют кости большей части позвоночника, часть таза и костей стоп. Состояние костей хорошее. Руки погребенного сведены вместе кистями к груди, ноги сильно подогнуты в коленях и подтянуты к груди. К ЮВ от скелета в районе кистей и колен находилась лепная миска № 1.

Культурно-историческая атрибуция: Новосвободненская культура.

Антропология: М, возраст 35–40, пародонтоз, задние моляры выпали, альвеолы заросли (передние зубы на месте), следы зубного камня, нет других патологий зубов, нет патологий посткраниальных костей.

Инвентарь: Миска лепная. В изломе черепок коричневого цвета, внешняя поверхность коричневая, с серыми и черными пятнами. Тулово полусферическое, дно плоское, слабовыраженное. Бортик короткий, наклонен внутрь. Венчик округлен. Тесто плотное, с незначительной примесью мелко дробленной дресвы и мелко толченого известняка. Размеры: h — 6 см, d устья — 13,7 см, d тулова — 15,2 см. Сохранность: реставрирована во фрагментах, склеена, загипсована.

Погребение № 18 (рис. 6). Впускное, в курганной насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 4,30 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 0 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,60 м.

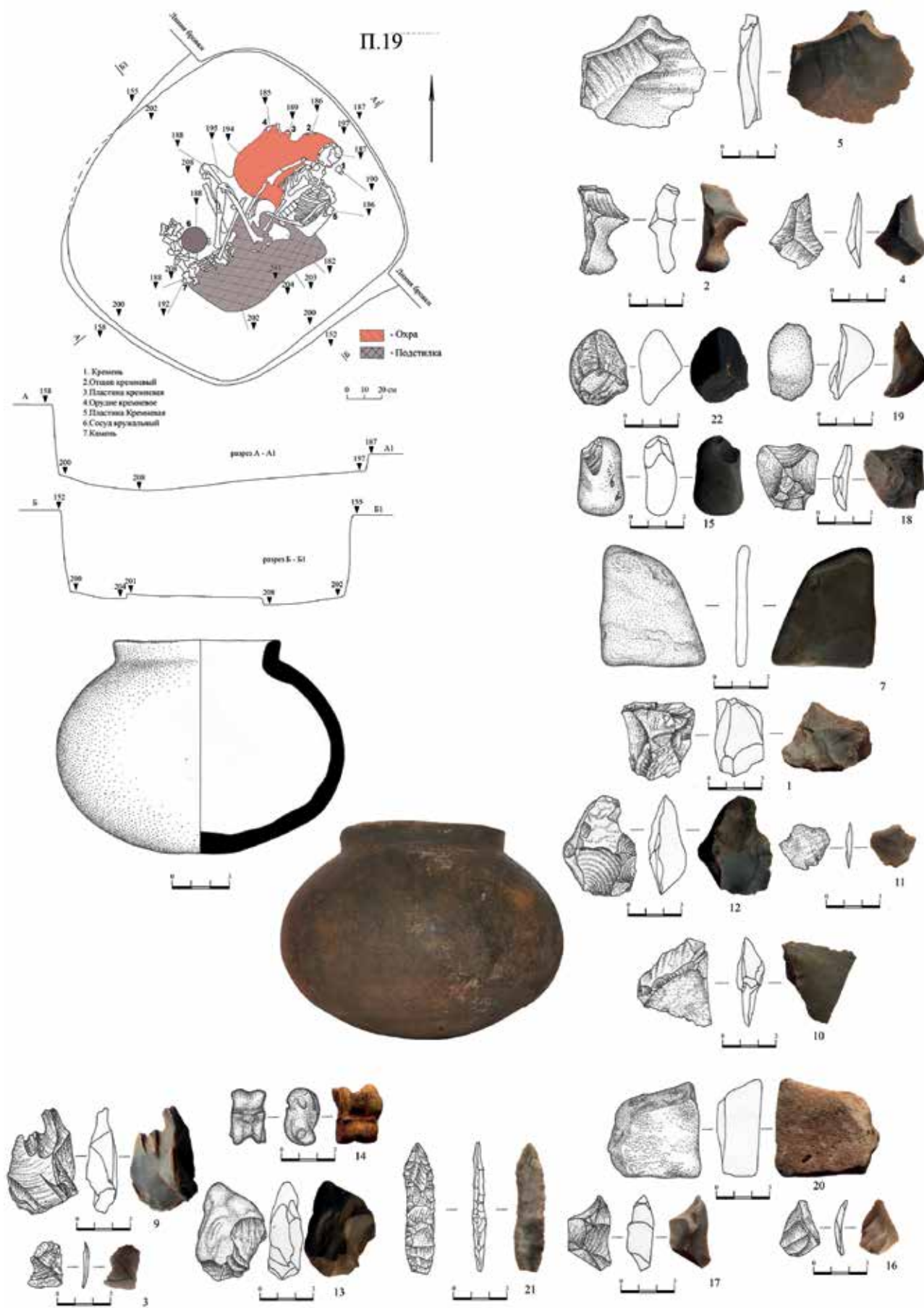
Описание: обнаружено по пятну погребальной ямы в центральной бровке. Яма была впущена с уровня курганной насыпи. Над погребением была сделана врезка. Заполнение могильной ямы — коричневый суглинок, мешанный с чернозёмом и материковой глиной. Могильная яма подпрямоугольной формы, стенки вертикальные, дно неровное, понижается от стенок к середине (центру). Яма ориентирована длинной своей осью по линии СВВ — ЗЗЮ. Погребенный лежал в центре ямы скорченно на спине, ноги повернуты вправо (на юг), пятки подтянуты к тазу. Череп покоится на затылке, плечевые кости вдоль тела, правое предплечье лежит прямо, левое под тупым углом уходит под таз. На плече на правом верхнем эпифизе находилось серебряное кольцо № 1. У колена стоял на дне лощеный серого цвета кувшинчик № 2. У дна кувшинчика находилась бронзовая пластина № 3. У стоп справа от пальцев левой ноги находилась кость животного. Погребенный ориентирован головой и длинной осью тела на СВВ. Весь скелет был обильно посыпан охрой, в области правой лопатки находился большой кусок охры темно-красного цвета округлой формы. При разборке погребения в черепе человека был обнаружен кремневый предмет № 4.

Культурно-историческая атрибуция: Новосвободненская культура.

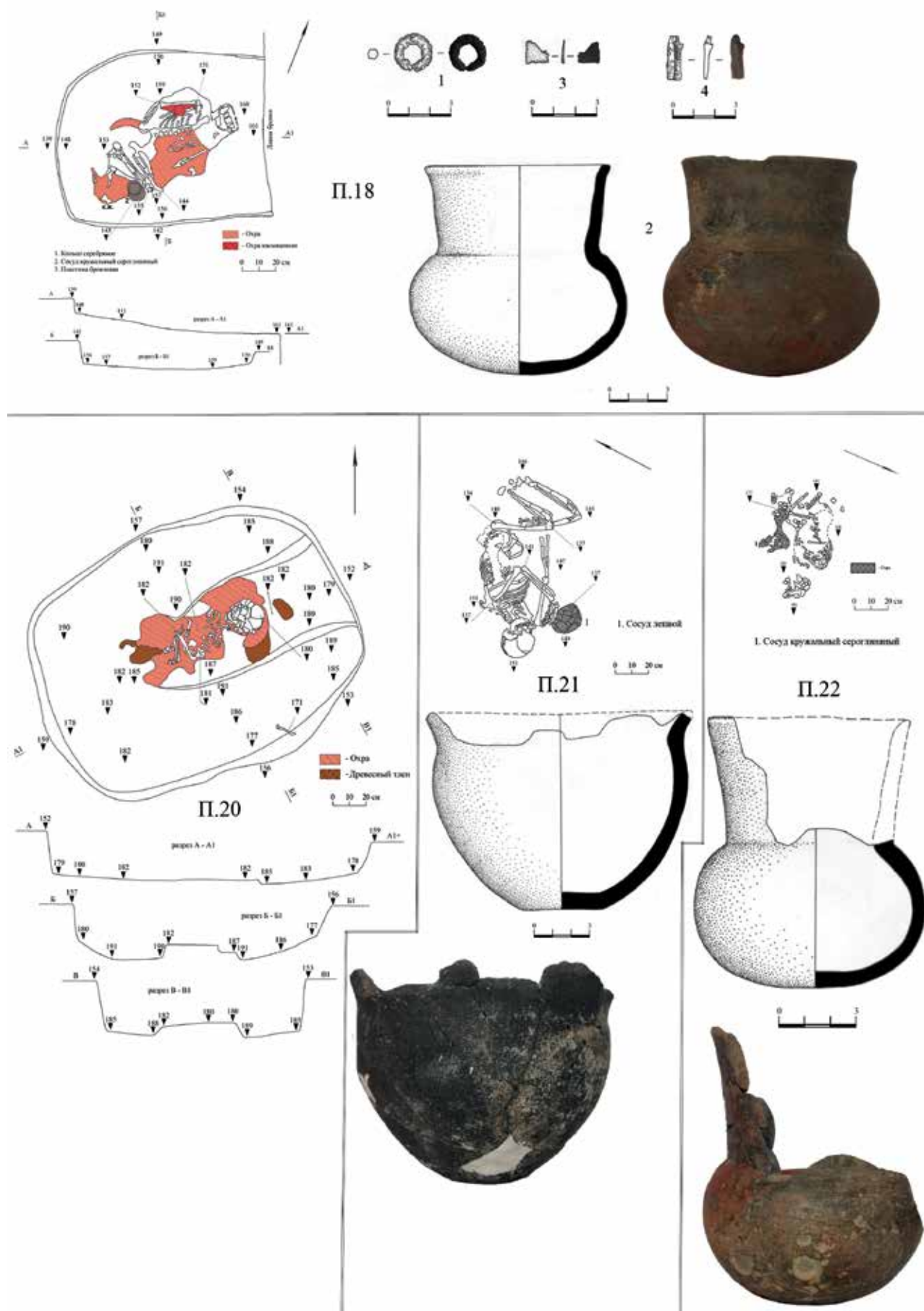
Антропология: возраст 6 ± 2 , нет *cribra orbitalia*, нет патологий зубов и скелета.

Инвентарь: Кольцо серебряное (№ 1), выполненное из круглого в сечении прута. Концы сведены, концы заужены. Размеры: d кольца — 1,7 см, d прута — 0,5 см. Сохранность: склеено из двух фрагментов.

Сосуд лепной сероглиняный (№ 2). Тулово округлое, дно округленное, не выделено. Горло высокое, слегка расширяется к венчику, отделено от тулова уступом. Венчик незначительно отогнут наружу, округлен. Тесто плотное, без видимых примесей.

Ил. 5. Погребение № 19

Ил. 6. Погребения № 18, 20, 21, 22

Обжиг очень хороший, черепок звонкий. Внутренняя поверхность горла залощена, внешняя поверхность залощена вертикально, тулово залощено горизонтально. Размеры: h — 11,5 см, h горла — 4,3 см, d устья — 9,8 см, d тулова — 11,4 см. Сохранность: целый, часть венчика утрачена в древности.

Пластинки бронзовой фрагмент (№ 3). Размеры: 1x1 см, s — 0,1 см. Сохранность: фрагмент, покрыт сильной окалиной.

Ножевидной пластины фрагмент (№ 4), прямоугольной формы, серо-коричневого цвета. Размеры: сохранившаяся l — 2 см, s — 0,65 см, t — 0,2 см. Сохранность: фрагмент.

Погребение № 19 (рис. 5). Впускное, в курганный насыпи.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 1,9 м. Расстояние от ЛК на СВ до черепа человека — 0,2 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,87 м.

Описание: обнаружено в центральной части кургана при зачистке центральной бровки по могильной яме в профиле бровки. Яма была впущена с уровня курганный насыпи. Под погребение была сделана прирезка. Заполнение могильной ямы — суглинок, мешанный с черноземом и материковой глиной. Могильная яма подовальной формы, стенки вертикальные. Ориентировано по длинной линии СВ — ЮЗ. Дно погребальной ямы неровное, понижается от краев к центру. Погребенный (взрослый человек) лежал в позе скорчено на спине, головой и длинной осью тела ориентирован на СВ. Череп сохранился плохо, покоился на затылке, туловище слегка развернуто влево, правая рука вытянута вдоль тела, запястье покоилось на бедре. Левая рука согнута в локте, запястье лежит между крыльями таза. Ноги сильно согнуты в коленях и повернуты влево, ступни подтянуты к тазу. Сохранность костей хорошая. Справа от головы у виска находился кремь № 1. Слева у плеча находился кремневый отщеп № 2. Левее его на расстоянии 0,3 м находилась кремневая пластина № 3, палец человека и кремневое орудие № 4. У верхнего эпифи-

за левой плечевой кости находилась плоская кремневая крупная пластина № 5. У стоп погребенного находился вверх дном круглодонный лепной сосуд № 6. Здесь же располагались 15 сложенных альчи-ков крупного животного. Под альчиками располагался каменный плоский предмет (плитка) № 7. Погребенный был обильно посыпан охрой, особенно верхняя часть скелета (до пояса). Справа от погребения расчищен тлен от подстилки органического происхождения коричневого цвета.

При разборке погребения под черепом человека были обнаружены: альчик бараний № 8; нуклеидный кремневый отщеп № 9; кремневый отщеп № 10; кремневый отщеп № 11; кремневый отщеп № 12. Под спиной были найдены: кремневый отщеп № 13; альчик бараний № 14; заготовка кремневая № 15; кремневый отщеп № 16; кремневый отщеп № 17; кремневый отщеп № 18; заготовка кремневая № 19; камень подквадратной формы № 20. В районе живота были расчищены нож кремневый № 21 и кремь № 22.

Культурно-историческая атрибуция: Новосвободненская культура.

Антропология: Ж, возраст 30–35, нет патологий посткраниального скелета.

Инвентарь: Кремневый отщеп (№ 1), неправильной формы, светло-серого цвета. Размеры: 4x3,5x2,1 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 2), неправильной формы, серого цвета. Размеры: 4,7x2,9x1,75 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 3), неправильной формы, серо-коричневого цвета. Размеры: 2,4x1,5x0,15 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 4), неправильной формы, серого цвета. Размеры: 4x2,5x1,3 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 5), неправильной формы, серо-коричневого цвета. Размеры: 6,7x7,5x0,8 см. Сохранность: целый.

Сосуд лепной (№ 6). Обжиг неравномерный, поверхность коричневая, с серыми пятнами. Тулово округлое, дно не выделено, округленное. Шейка короткая, расширяется кверху, отделено от тулова желобком. Вен-

чик горизонтально срезан. Тесто плотное, с примесью мелко толченого известняка. Внешняя поверхность сосуда сохранила следы слабого лощения. Размеры: h — 10,6 см, h шейки — 0,8 см, d устья — 9 см, d тулова — 14,9 см. Сохранность: целый.

Плитка каменная (№ 7), трапециевидной формы, серо-коричневого цвета. Размеры: 6,7х5,5х0,7 см. Сохранность: целый.

Альчик бараний (№ 8), без следов обработки. Размеры: 2,9х1,8х2 см. Сохранность: целый.

Нуклевидный отщеп кремневый (№ 9), неправильной формы, серого цвета. Размеры: 5,9х3,8 см, толщина — 1,8 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 10) треугольной формы серо-коричневого цвета. Размеры: l — 4,4 см, s — 4,4 см, t — 1,3 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 11) плоской неправильной формы серо-коричневого цвета. Размеры: 2,2х2,6 см, толщина — 0,2 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 12) неправильной формы коричнево-черного цвета. Размеры: 5,4х4 см, толщина — 1,9 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 13) неправильной формы коричнево-черного цвета. Размеры: 5,3х3,8 см, толщина — 1,8 см. Сохранность: целый.

Альчик бараний (№ 14), без следов обработки. Размеры: 3,1х2х1,5 см. Сохранность: целый.

Заготовка кремневая (№ 15), в виде окатанной гальки серого цвета, со следами сколов. Размеры: 4,3х2,7 см, толщина — 1,6 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 16) треугольной формы серо-коричневого цвета. Размеры: l — 3 см, s — 2,2 см, t — 0,3 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 17) неправильной формы серого цвета. Размеры: 3,5х3,4х0,7 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 18) неправильной формы серо-коричневого цвета. Размеры: 4,2х2,1х1,3 см. Сохранность: целый.

Заготовка кремневая (№ 19), в виде окатанной гальки, серого цвета, со следами сколов. Размеры: 4,3х2,7 см, t — 1,6 см. Сохранность: целая.

Камень подквадратной формы (№ 20) плотного микроскопического песчаника. Размеры: 5х4,8 см, t — 2,1 см. Сохранность: целый.

Нож кремниевый (№ 21), серого цвета, длинной, листовидной формы, края режущей поверхности покрыты мелкой ретушью. Размеры: l — 7,2 см, s — 1,5 см, t — 0,7 см. Сохранность: кончик ножа утрачен в древности.

Кремень (№ 22). Камень неправильной формы черного цвета. Размеры: 4,2х2,3х3,1 см. Сохранность: целый.

Погребение № 20 (рис. 6). Основное, в предматерике.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 3,7 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 2,7 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,82 м.

Описание: выявлено в центральной части кургана по пятну погребальной ямы в слое предматерика. Яма подовальной формы, заполнение — гумус, мешанный с суглинком серо-коричневого цвета. Стенки вертикальные, дно неровное, повышается к стенкам, с возвышением в виде полочки по центру ямы, плавно сходящей на нет от СВ края к центру ямы. Высота полочки в СВ секторе до 10 см. Яма ориентирована длинной своей осью по линии СВВ — ЮЗЗ. Глубина ямы от прослеженного края до 27 см. Погребенный (ребенок) лежал на «полочке» скорченно на правом боку, ноги подогнуты в коленях под острым углом, пятки подтянуты к тазу. Сохранность костяка неполная, отсутствуют кости рук. У головы прослежены пятна тлена органического происхождения темно-красного цвета. Под костяком находилось пятно, состоявшее из обильной подсыпки охрой красного цвета. В ногах прослежены куски древесного угля. В ЮВ секторе ямы, у стенки, находилась плечевая кость, по всей видимости, перемещенная в результате жизнедеятельности грызунов. Слева от костяка слой охры наи-

более толст, возможно, ранее был куском. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха энеолита — ранней бронзы.

Антропология: возраст 4 ± 1 , барабанные пластинки височных костей крайне утолщены, с фестончатым краем — патология, инфекция; слуховой проход без разрастаний, нет патологий зубов и скелета.

Погребение № 21 (рис. 6). Впускное, в предматерике.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 7,8 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 7,2 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,51 м.

Описание: обнаружено в центральной части кургана в слое предматерика. Погребальная яма не прослежена. Костяк лежал в позе скорченно на правом боку. Погребение ориентировано по линии СВВ–ЮЗЗ, головой на ЮЗЗ. Костяк в хорошей сохранности, практически полный. Отсутствуют лишь частично кости стоп. Левая рука погребенного лежит локтем в области живота, локоть согнут под прямым углом, кисть вытянута к лицу. Правая рука вытянута вдоль костяка, кистью на левом колене. Ноги согнуты под прямым углом по отношению к линии тела, в коленях ноги согнуты под острым углом. На лицевой кости черепа, на костях носа, отмечены следы охры красного цвета. У правого плеча (за кистью левой руки) находился лепной сосуд № 1.

Культурно-историческая атрибуция: Новосвободненская культура.

Антропология: Ж, возраст 25–30, отпечатки пахионовых грануляций, зубной камень, нет других патологий зубов, нет гипоплазии, нет искусственной деформации черепа, кости заметно изношены (35–45 лет) по сравнению с зубами, нет патологий посткраниального скелета.

Инвентарь: Горшок лепной. Обжиг неравномерный, внешняя поверхность серо-черная, внутренняя коричневого цвета. Тулово округленное, резко сужается ко дну, дно небольшое, плоское, снаружи не выделено. Шейка невысокая, резко расширяется кверху, отделена от тулов слабым

переходом. Венчик сужен, округлен. Тесто плотное, с примесью мелко толченого известняка. Размеры: h — 10,7 см, h шейки — 1,8 см, d устья — 13,7 см, d тулова — 14 см, d дна — 4,5 см. Сохранность: реставрирован во фрагментах, склеен, часть венчика утрачена.

Погребение № 22 (рис. 6). Впускное, в материке.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 6,1 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 3,3 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,81 м.

Описание: обнаружено в центральной части кургана в материке. Погребальная яма не прослежена. Костяк ребенка лежал скорченно на левом боку, погребение ориентировано по оси СВВ–ЮЗЗ, головой на СВВ. Сохранность костяка плохая, неполная, кости хрупкие, отсутствуют фрагменты черепа, рук, кисти и ступни. Правая рука согнута в локте и лежит на ребрах, левая рука вытянута вдоль тела к ногам. Ноги согнуты в коленях под острым углом и подтянуты к туловищу, практически под прямым углом. Под костяком прослеживается тонкий слой подстилки красно-бурой охры. На уровне груди к ЮВ от костяка находился лепной сосуд № 1. Юго-восточнее него, вплотную к сосуду, у колен ребенка, за костяком (в области таза), а также у бедренных костей находилось 22 бараньих альчика, без следов обработки, частично перекрытых толстым слоем охры.

Культурно-историческая атрибуция: Новосвободненская культура.

Антропология: судя по костям в погребении находились два ребенка.

Инвентарь: Сосуд лепной, сероглиняный. Тулово округлое, дно округленное, не выделено. Горло высокое, расширяется к венчику, отделено от тулова уступом. Венчик незначительно отогнут наружу, заужен, округлен. Тесто плотное, без видимых примесей. Обжиг очень хороший, черепок звонкий. Внутренняя поверхность горла залощена, внешняя поверхность залощена вертикально, тулово залощено горизонтально. Размеры: h — 10,5 см, h горла —

4,8 см, восстановленный d устья — 7,7 см, d тулова — 8,9 см. Сохранность: реставрирован во фрагментах, склеен, часть венчика и тулова утрачена.

Погребение № 23 (рис. 7). Впускное, в предматерике.

Местоположение: Расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 1,8 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 6,6 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,72 м.

Описание: обнаружено в центральной части кургана в слое предматерика. Погребальная яма не прослежена. Костяк лежал скорченно на левом боку, ориентирован по линии З — В, головой на В. Сохранность костяка полная, отсутствуют лишь кости позвоночника в области пояса. Правое плечо завалено вперед, перекрывая собой кости левой руки. Руки согнуты в локтях, левая под прямым углом, правая под острым, кистью к лицу. Ноги подтянуты к костям правой руки, бедренными костями вдоль костей предплечья правой руки. В коленях ноги согнуты под острым углом, пятки подтянуты к тазу. У колена правой ноги и предполагаемой левой кистью находился лепной сосуд № 1. Под костяком прослежены места (в области таза и рук) остатки подстилки в виде тлена черного цвета. Также у костей рук и таза прослежена подсыпка охры красно-коричневого цвета. Также охрой красного цвета была окрашена черепная коробка. В южном секторе погребальной ямы при зачистке была прослежена погребальная яма погребения № 24. При разборке погребения под черепом человека была обнаружена кремневая пластина № 2. Под сосудом № 1 при разборке погребения были найдены бронзовое шило № 3 и кусок охры красного цвета, в котором были найдены две кремневые пластины № 4 и № 5.

Культурно-историческая атрибуция: Новосвободненская культура.

Антропология: Ж, возраст 35–40, нет патологий черепа, пародонтоз слабый, зубной камень сильный, нет кариеса, нет гипоплазии, все зубы на месте, нет лопатовидности, нет патологий посткраниального скелета.

Инвентарь: Сосуд лепной (№ 1). Обжиг неравномерный, поверхность серо-коричневая, с черными пятнами. Тулово округленное, дно небольшое, плоское, снаружи не выделено. Шейка высокая, расширяется кверху, отделена от тулова глубоким прочерченным желобком. Венчик сужен, округлен. Тесто пористое, с примесью мелко толченого известняка. Внешняя поверхность горшка сохранила следы слабого лощения. Размеры: h — 12,3 см, h шейки — 3,4 см, d устья — 10,3 см, d тулова — 12,8 см. Сохранность: целый.

Кремневый отщеп (№ 2) треугольной формы серого цвета. Размеры: 2x1,7 см, s — 0,2 см. Сохранность: целый.

Шило бронзовое (№ 3), четырехгранное, с коротким четырехгранным черенком, выделенным в нижней трети шила неглубоким желобком. Размеры: l шила — 5,2 см, l черенка — 1,8 см, наибольшая t шила — 0,2 см. Сохранность: целое, покрыто зеленой патиной.

Пластины кремниевой (№ 4) ножевидной фрагмент. Размеры: 1,2x1,7 см, t — 0,1 см. Сохранность: фрагмент.

Пластины кремниевой (№ 5) ножевидной фрагмент. Размеры: 2x1,1 см, t — 0,2 см. Сохранность: фрагмент.

Погребение № 24 (рис. 7). Впускное, в предматерике.

Местоположение: расстояние от R0 на ЮВ до черепа человека — 2,45 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 6,55 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 1,85 м.

Описание: обнаружено в центральной части кургана, в слое предматерика, при зачистке погребения № 23 по заполнению ямы (суглинок темно-коричневого цвета). Размеры ямы — 86x154 см. Глубина от прослеженного края ямы до 21 см. Яма имеет форму усеченного овала. Длинной своей осью ориентирована по линии С–Ю. Стенки ямы вертикальные, дно неровное, понижается к центру. Костяк погребенного находился ближе к восточной стенке ямы скорченно на правом боку. Плечи развернуты, правая рука лежит вдоль тела,

правая кисть под коленом левой ноги. Левая рука лежит вдоль тела, согнута в локте, левая кисть лежит на тазе. Ноги согнуты под прямым углом по отношению к линии тела, левая нога подтянута немного выше правой. Ноги согнуты в коленях под острым углом, ступни сведены вместе и подтянуты к тазу. Сохранность костяка практически полная, отсутствуют кости позвоночника. Восточнее костяка, у восточной стенки ямы, на уровне пояса и локтя левой руки находились кости животного, под которыми прослеживается тонкая полоска тлена органического происхождения коричневого цвета. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Антропология: возраст 9 ± 2 , нет патологий черепа, нет гипоплазии, нет лопатовидности, нет патологий посткраниального скелета.

Погребение № 25 (рис. 7). Впускное, в материке.

Местоположение: расстояние от R0 на СЗ до черепа человека — 1 м. Расстояние от ЛК на ЮЗ до черепа человека — 8,5 м. Глубина от R0 до дна у черепа — 2 м.

Описание: обнаружено в ЮЗ секторе кургана в материке. Было выявлено по пятну темного цвета прямоугольной формы с округлыми углами. Заполнение — суглинок темно-коричневого цвета. Глубина ямы от прослеженного края до 7 см. Размеры ямы — 103х90 см. Стенки вертикальные, дно ровное. Стенки ямы ориентированы по сторонам света. По центру ямы лежал череп человека. В заполнении ямы были встречены мелкие куски охры красного цвета. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция:

Антропология: возраст 3 ± 1 , нет cribra orbitalia, нет гипоплазии.

В результате раскопок кургана № 1 «курганной группы из 4 курганов» было исследовано 25 погребений. В расположении погребений имеются примеры прямой стратиграфии. Так, погребение № 5 (относящееся к неопределенной культуре

бронзового века) перекрывает погребение № 15 (Майкопская культура) и относится к более позднему периоду, погребение № 6 (IV–III вв. до н.э.) перекрывает п. № 19 (новосвободненская культура), погребение № 20 (энеолит-ранняя бронза) является более ранним по отношению к п. № 13 (относящемуся к неопределенной культуре бронзового века), погребение № 21 (Новосвободненская культура) является более ранним по отношению к п. № 12 (неопределенной культурной принадлежности), а погребение № 22 (Новосвободненская культура) является более ранним по отношению к п. № 10 (неопределенной культурной принадлежности). Особо следует выделить ситуацию, сложившуюся в месте, где четыре погребения образуют стратиграфическую лестницу. Так, погребения № 7 и № 8 (относящиеся к Майкопской культуре) находятся сверху над погребением № 17 (Новосвободненская культура), которое, в свою очередь, перекрывает п. 23, также относящееся к Новосвободненской культуре.

Таким образом, в кургане представлены пять условных страт:

- эпоха энеолита — ранней бронзы, основное погребение № 20;
- Майкопская культура, погребения № 8 и 15, возможно № 7;
- Новосвободненская культура, погребения № 17, 18, 19, 21, 22 и 23;
- эпоха бронзы, погребения № 1, 3, 4, 11, 13, 14, 16, 24;
- эпоха РЖВ, погребение № 6;
- погребения неопределенной принадлежности № 2, 5, 9, 10, 12, 25.

Предварительные антропологические замечания².

Плохая сохранность материала не позволяет абсолютизировать полученные выводы, но стоит сделать некоторые замечания.

В редких случаях удовлетворительной сохранности лицевого скелета расовый облик выглядит европеоидным (нет большой высоты и ширины лица, нет поперечной уплощенности лица, клыковые ямки и

верхнечелюстные вырезки развиты хорошо, носовые кости сильно профилированы, нос узкий).

Среди исследованного материала встречены следы лишь одной травмы, которая может быть бытовой (возможно, нанесённая по неосторожности самим пострадавшим — погр. 11).

Зубные патологии имеют умеренную частоту, встречены все варианты патологий. Маркёры стресса выражены слабо. Частота линейной гипоплазии эмали не слишком велика, и гипоплазия чаще имеет слабую выраженность. Пародонтоз и зубной камень встречаются часто, но обычно в слабой и средней степени развития. Кариес встречен единично (погр. 4), чаще его нет. Имеются случаи переломов коронок зу-

бов и сколов эмали. В одном случае можно предположить специфическое использование передних зубов в хозяйственной деятельности (погр. 15).

Посткраниальные кости чаще имеют слабый и умеренный мускульный рельеф, нет случаев выраженной функциональной асимметрии.

«Комплекс положения на корточках» не определён (сохранность большей части материала не позволяет определить его).

Ни в одном случае не определён «комплекс всадничества».

В совокупности полученные данные дают картину мирного населения, не подвергавшегося частым стрессам, вероятнее всего, оседлого, со сбалансированным питанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выражаю благодарность к.и.н. Резепкину Алексею Дмитриевичу за помощь в определении культурной принадлежности погребений.

2. Антропологическая экспертиза была проведена к.б.н. Дробышевским Станиславом Владимировичем.

Л.Н. ВОДОЛАЖСКАЯ, А.Н. УСАЧУК, М.Ю. НЕВСКИЙ

ВОДЯНЫЕ ЧАСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ: УНИКАЛЬНЫЙ СОСУД СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОНБАССА

В 1985 г. у поселка Старопетровское (окрестности г. Енакиево, Донецкая обл., Украина) в разрушенном кургане был найден сосуд, принадлежащий срубной культуре и датируемый XV–XIV вв. до н.э. (Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И., 1994, с.102, 107–108; Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2002, с.33; Захарова Е.Ю., 2000, с.89, 91). Его уникальность заключается в сочетании группы знаков, нанесенных на внешнюю и внутреннюю поверхности сосуда. Особенно редкими являлись метки на внутренней стороне сосуда, которые представляют собой вертикальный ряд ногтевых вдавлений (*рис.1*).

В свое время, готовя материалы раскопанных курганов Центрального Донбасса к печати, авторы поместили в разделе «Находки из разрушенных курганов» описание сосуда из Старопетровского (Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И., 1994, с.102, 107–108). В то время сосуд хранился в коллекции кружка археологии на базе Енакиевского Дома пионеров и школьников, которым руководил В.Ф. Клименко (Усачук А.Н., 2011, с.218). В 2002 г., завершая почти 30-летнюю работу кружка, В.Ф. Клименко передал почти все материалы, которые хранились там, в фонды Донецкого областного краеведческого музея (Украина). В числе многочисленной погребальной посуды на хранение в музей поступил и сосуд из Старопетровского (ДОКМ, кп 112219; а 3161). Сейчас, занявшись вплотную этим сосудом, мы пришли к выводу, что нужно сделать не только его фотографии, но и новое, более расширенное и уточненное в деталях описание находки.

Сосуд лепной с выраженным ребром. Прослеживается система лепки: сначала было изготовлено тулово (банка) высотой 8,8–9,4 см, а затем к нему примазана лента глины шириной около 3 см. Место стыка образовало ребро, которое изнутри слегка

поправляли и выравнивали, оставляя неглубокие вмятины от пальцев. Венчик чуть отклонен наружу. Дно с небольшой закраиной. Возле дна снаружи пальцами нанесены горизонтальные расчесы — следы от примазывания днища сосуда. Внутренняя поверхность дна оставлена очень неровной, и на ней сохранились длинные линии следов придавливания и разглаживания сырой глины пальцами. Внешняя поверхность сосуда неровная, покрыта тонкими локальными горизонтальными и диагональными расчесами, выполненными деревянным орудием. Под ними прослеживаются первоначальные вертикальные расчесы мелкозубчатого штампа, почти уничтоженные последующим заглаживанием. Под венчиком — полоса горизонтальных расчесов пальцами, связанных с формовкой сосуда. Заметим, что участок поверхности, на котором нанесена длинная композиция знаков, специально сделан более ровным. На противоположной стороне сосуда подобные участки поверхности между венчиком и ребром остались не выровненными — с наплывами глины от грубого горизонтально-диагонального разглаживания стенок. Внутренняя поверхность сосуда имеет глубокие горизонтальные и диагональные следы заглаживания разными щепками, а кое-где по следам деревянных орудий идут слабые горизонтальные следы пальцев. Поверх следов заглаживания нанесены единичные диагональные прочерченные следы. Один довольно глубокий след в виде линии шириной 0,1–0,2 см идет по крутой диагонали от торца венчика сосуда почти до дна, перечеркивая следы заглаживания. Этот след выполнен одним движением. Судя по тому, что в районе дна отпечаток тонкого (скорее всего деревянного) орудия более четкий, глубокий и узкий, а к венчику становится менее глубоким, более широким и неровным, можно сделать вывод, что нанесение следа шло от дна к устью сосуда. На расстоянии

чуть более 5 см от этого следа на внутренней поверхности сосуда — два диагональных параллельных друг другу тонких следа, нанесенных по сырой глине острием (материал его неясен: металлическая игла?, очень тонкое металлическое лезвие?) В отличие от широкого тонкие следы начинаются не под венчиком, а от внутренней части ребра сосуда и также немного не доходят до дна. Эти следы тоже нанесены одним движением каждый, причем направление этого движения противоположно технике нанесения широкого следа: от внутренней части ребра вниз ко дну сосуда. С технологической точки зрения диагональные широкий и узкие следы при изготовлении сосуда излишни. Возможно, появление их на почти законченном изделии связано с какими-то ритуальными манипуляциями с сырой посудой перед сушкой и обжигом. Следует, на наш взгляд, обратить внимание на то, что широкий и узкие следы нанесены в противоположных направлениях. В качестве своеобразной аналогии приведем пример гончарного орудия из раннесрубного жилища поселения Ильичевка в

Подонцовье (Донецкая обл., Украина) (Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., 2006, с.249–252). Здесь на поверхность шпателя из фрагмента ребра крупного рогатого скота нанесены изображения двух птиц, которые противопоставлены одна другой (обращены ногами в противоположные стороны). Разнонаправленность птиц подчеркнута еще и тем, что они вырезаны на шпателе с помощью двух разных инструментов (кремневого и бронзового) (Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., 2006, с.251). Противопоставление ильичевских птиц на гончарном орудии не осталось незамеченным (Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., 2006, с.257; Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2012, с.45). Возможно, идеи расположения противопоставленных изображений на гончарном орудии и диагональных прочерченных противопоставленных следов на внутренней поверхности готового к обжигу сосуда близки.

Под венчиком старопетровского сосуда участок наружной поверхности покрыт прочерченными знаками (рис. 1). Знаки образуют две группы шириной 8,2 см и 3 см.

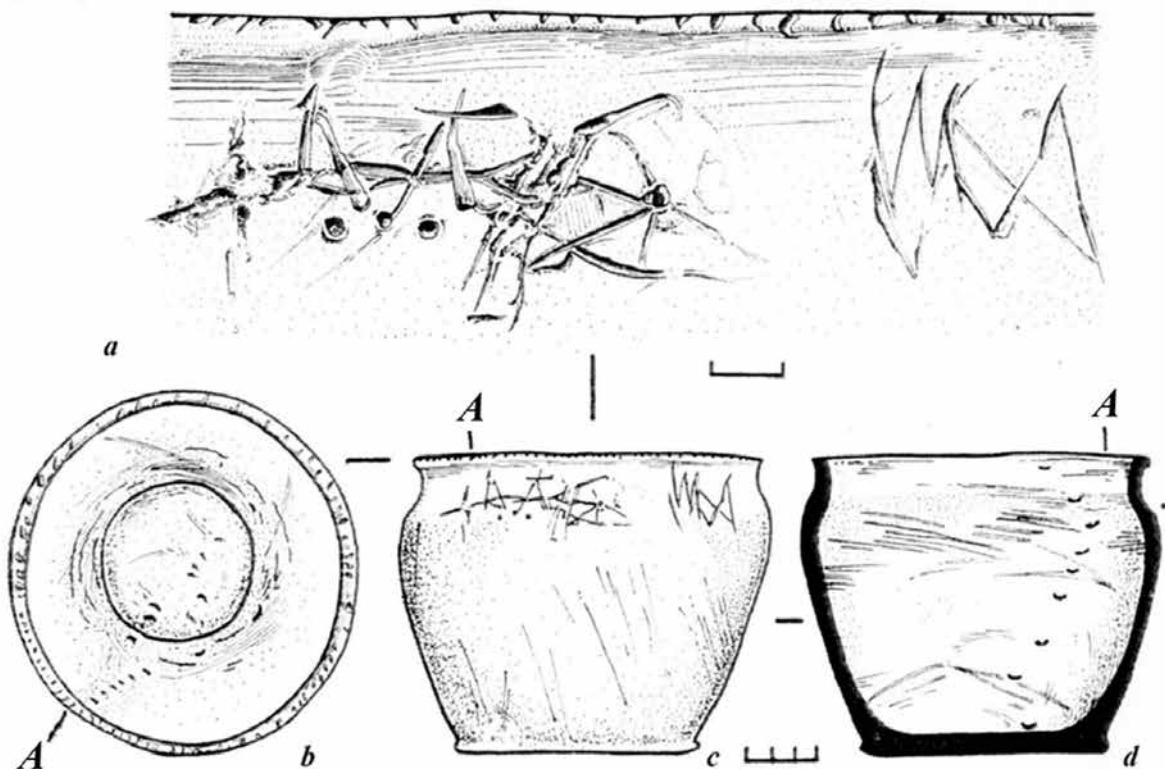

Рис. 1. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, рисунок сосуда с метками на внутренней поверхности: а – композиция на внешней стороне сосуда, б – вид сверху, с – вид сбоку, d – метки на внутренней боковой поверхности; А – место нанесения меток на внутренней поверхности относительно композиции на внешней стороне сосуда (прорисовка: В.Б. Панковский, А.Н. Усачук, 1993 г.)

Срез венчика украшен отпечатками ногтя, причем частота вдавлений на участке венчика, под которым находятся обе группы знаков, больше, чем на остальных участках. На внутренней поверхности сосуда напротив креста первой группы знаков проходит вертикальная немного неровная линия отпечатков ногтя, начинающаяся в районе внутренней части ребра сосуда и заходящая на дно. Всего зафиксировано 8 отпечатков, нанесенных на тулово сосуда, и 8 отпечатков ногтя на дне. В 2,6 см левее 7-го от дна отпечатка ногтя в линии на внутренней стороне стенки нанесены еще 2 таких же отпечатка, но получившиеся неглубокие и менее четкие, чем почти все отпечатки в линии (рис.1). Создается впечатление, что эта пара не относится к вертикальной линии ногтевых вдавлений. Обратим внимание, что два тонких прочерченных следа, идущих от внутренней части ребра сосуда ко дну, находятся напротив линии отпечатков ногтя.

Метки оставлены одним и тем же ногтем. Длина отпечатков 0,55 см. На дне — немногим более 0,6–0,65 см. Толщина отпечатков 0,1 см и иногда чуть более. С учетом толщины отпечатков их наносил взрослый человек (Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенев А.Г., 2014, с.88–100), который при нанесении, скорее всего, использовал не всю ногтевую пластину, а лишь ее отросший край.

Сосуд неровен. Высота его от 11,6–11,8 до 12,0–12,2 см. Диаметр венчика 14,3–14,6 см, ребра — 15,3–15,6 см, дна — 9,4–9,8 см (край дна в некоторых местах немного утрачен).

Цвет старопетровского сосуда снаружи желто-серый с темно-серыми (изредка до почти черного цвета) пятнами. Судя по этим пятнам, обжиг костровой, шел в восстановительной среде (Сайко Э.В., 1982, с.157; Глушков И.Г., 1996, с.82; Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., 2002, с.29). Преобладающая светло-серая окраска внутренней поверхности предполагает, что при обжиге сосуд стоял на дне и был наполнен золой и пеплом от древесного угля. Тесто

в изломе темно-серое без резких прослоек, что отражает длительную выдержку сосуда в обжигательном устройстве (Глушков И.Г., 1996, с.81–82; Цетлин Ю.Б., 2012, с.119). В целом, обжиг сосуда довольно качественный, при постукивании по стенкам сосуда звук чистый и почти звонкий. Качество сосуда проявилось и во время экспериментов с неоднократным наполнением его водой (см. ниже). Скорее всего, сосуд из Старопетровского хоть и обожжен в костре, но не в открытом, а в защищенном от ветра — в углубленном костре или яме (Беседин В.И., 1996, с.171–172; Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., 2002, с.35, 38), или зольнике-яме (Борисов В.А., 2005, с.169). Подобное технико-технологическое обеспечение позволяло сглаживать негативные моменты кострового обжига (Сайко Э.В., 1982, с.139–140) и существовало в среде срубного населения (Беседин В.И., с.171–172; Усачук А.Н., Горбов В.Н., 2008, с.76).

Наиболее известным типом древних сосудов, с вертикально расположенными метками, являются водяные часы (клепсидры).

Обнаруженный в 1985 г. вблизи поселка Старопетровское срубный сосуд имеет метки на внутренней стороне, напоминающие разметку водяных часов (Vodolazhskaya L.N., 2013, p.68–88). Так как отверстие для вытекания воды в сосуде отсутствует, мы предположили, что старопетровский сосуд мог быть водяными часами накопительного типа.

Для проверки этого предположения А.Н. Усачуком были проведены измерения объема каждого слоя сосуда между метками с помощью воды. Для того чтобы добиться максимальной точности измерений, были использованы химико-лабораторные мерные стаканы: на 200 мл и на 25 мл ПАО «Стеклоприбор».

При сопоставлении расположения меток с рисунком на внешней боковой поверхности сосуда было выявлено, что на уровне обода «колеса» и на уровне его центра на внутренней поверхности сосуда располагаются две метки. То есть элементы «ко-

леса» могли выполнять функцию меток на внешней стороне сосуда. Предположив, что верхняя часть обода «колеса» также могла играть роль метки, мы попытались учесть и ее в дальнейших измерениях водой, обозначив как метку Т.

Каждое измерение сосуда водой производилось в шести повторях. Воду наливали с помощью мерных стаканов (определяя тем самым объем) до каждой из меток и для меток на внутренней боковой поверхности измеряли высоту уровня воды от дна.

Для проверки гипотезы о водяных часах нами были рассмотрены слои между метками 1 и 8 (рис. 2). Слой воды между дном и первой меткой нами не рассматривался, т. к. его объем был значительно меньше объемов между остальными метками. С нашей точки зрения, для начала отсчета времени сосуд каждый раз должен был заполняться водой до первой метки. Это могло быть целесообразным с точки зрения контроля целостности дна и контроля горизонтального уровня установки сосуда, близкого к горизонтальному.

По результатам измерений общий измеренный объем старопетровского сосуда оказался равен $V_{\text{сл общ}} = 1181,1 \text{ см}^3$. Суммарный измеренный объем слоев сосуда между крайними (1-й и 8-й) метками равен $V_{\text{сл мет}} = 953,1 \text{ см}^3$. Средний измеренный объем слоя между соседними метками равен $V_{\text{сл ср}} = 136,2 \text{ см}^3$, а среднее квадратичное отклонение равно $\sigma_{\text{сл ср}} = \pm 21,7 \text{ см}^3$. Итак, в случае со старопетровским сосудом мы имеем 8 боковых меток, маркирующих семь слоев воды, каждый из которых имеет объем $V_{\text{сл}} = 136,2 \pm 21,7 \text{ см}^3$. С помощью такой разметки можно было измерять каждый час со средней точностью $\Delta t_{\text{сл ср}} = \sigma_{\text{сл ср}} / V_{\text{сл ср}} = \pm 0,16 \text{ часа} = \pm 9,6 \text{ минуты}$.

Если мы рассмотрим в качестве метки и верхнюю часть обода «колеса», то общий объем между крайними метками (первой меткой и меткой Т) будет равен $\approx 1098,4 \text{ см}^3$, а объем слоя между восьмой меткой и меткой Т будет равен $\approx 145,4 \text{ см}^3$, т. е. также будет соответствовать среднему значению измеренного объема слоя между остальными

Рис. 2. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, фотография внутренней поверхности сосуда. На фотографии рядом с метками на боковой поверхности нанесены их номера в измерениях

соседними метками на боковой поверхности, а это означает, что верхняя часть обода «колеса» действительно могла использоваться в качестве метки.

Если сопоставить каждый слой между метками с временным промежутком, равным одному часу, то с помощью семи слоев можно было измерить семь часов, а с учетом метки Т можно было измерить восемь часов равной длительности.

Если допустить, что каждому слою старопетровского сосуда соответствует один час длительностью 60 минут, или 3600 секунд, то промежутку времени, равному одной секунде, будет соответствовать объем воды $V_{\text{1сек}} \approx V_{\text{сл ср}} / 3600 = 0,04 \text{ см}^3$. Известно, что объем обычной водной капли составляет в среднем $0,03\text{--}0,05 \text{ см}^3$. Долгое время, вплоть до XIX в., «капля» была наименьшей единицей аптекарской меры (Powell R., 1809, p.6). То есть если с помощью старопетровского сосуда измеряли время, а каждой его метке соответствовал один час, равный $1/24$ части солнечных суток, то вода в сосуд должна была поступать со скоростью, равной примерно одной капле в секунду. Однако о секунде как единице измерения времени достоверно известно только с 1000 года

н. э. (al-Biruni, 1879, p.147), хотя отсутствие достоверных свидетельств еще не говорит о невозможности существования этой единицы измерения в более ранние эпохи. Существование в более ранние периоды и само происхождение секунды вполне могли быть связаны с наблюдением за пульсом взрослого здорового человека в спокойном состоянии, который, как правило, равен 60 ударам в минуту, или одному удару в секунду.

Таким образом, равенство объема воды, соответствующего одной секунде (наименьшей единице измерения времени), объему одной водной капли (наименьшей старинной единице измерения объема жидкости) также может рассматриваться как свидетельство в пользу использования старопетровского сосуда в качестве водяных часов накопительного типа.

В древнем Вавилоне вес воды в водяных часах измерялся в *mina* (*mana*) (Neugebauer O., 1947, p.39). Исходя из длительности суток, равной 6 *mina* (Bezold C., Boll F., Korff A., 1913, p.54; Weidner E.F., 1914, p.66; Weidner E.F., 1915, p.43), и веса одной *mina*, находящегося примерно в диапазоне от 460 до 540 г (Powell M.A., 1995, p.1955), можно определить, что вес воды для измерения одного часа находился в диапазоне от 115 г до 135 г, а одной секунде соответствовал вес в диапазоне от 0,03 до 0,04 г.

Таким образом, с учетом того, что средняя плотность пресной воды ≈ 1 г/см³ при температуре от +15° до +20° С, объем пресной воды, соответствующий одной *mina*, находится в диапазоне от 460 до 540 см³ (следовательно, в среднем объем одной *mina* равен ≈ 500 см³). Объем воды, необходимый для измерения 1 часа, находится в диапазоне от 115 до 135 см³, а для измерения 1 секунды — от 0,03 до 0,04 см³, как и в старопетровском сосуде. Объем воды для измерения одного часа с помощью старопетровского сосуда превышает верхнюю границу для традиционной *mina* всего на 1,2 см³ (0,9%). Столь малой величиной отличия вполне можно пренебречь, отнеся ее к погрешности измерений.

В старовавилонских астрономических текстах — в табличках BM 17175 + 17284 (опубликованы в приложении к изданию MUL.APIN (Hunger H., Pingree D., 1989, p.163–164) — приведена схема определения длительности дня и ночи — дневной и ночной стражи — в зависимости от сезонов года. В дни равноденствия для измерения длительности дня требуется 3 *mina* воды, а ночи — 3 *mina*. В день летнего солнцестояния для измерения длительности дня требуется 4 *mina* воды, а ночи — 2 *mina* воды. В день зимнего солнцестояния для измерения длительности дня требуется 2 *mina* воды, а ночи — 4 *mina* воды.

Данный текст послужил прототипом для более поздних текстов, в которых описывалась такая же длина дневной или ночной стражи на протяжении года: в «Астролябиях», в таблице XIV серии EAE и в MUL.APIN (Куртик Г.Е., 2013, с.22–40).

Интересным фактом является то, что указанное в табличке BM 17175 отношение длительности дня в день летнего солнцестояния к длительности дня в равноденствие и к длительности дня в зимнее солнцестояние — 4:3:2 (аналогично для ночи, но в обратном порядке), наиболее точно соответствует не широтам Месопотамии (примерно, 30° N — 38° N), а широтам между 45° N и 50° N (табл.1, 2). В таблице 1 приведены результаты расчетов длительности дня (от восхода до захода Солнца) в минутах для 1500 года до н. э. для долготы, равной 44° E (выбор долготы принципиального значения не имеет, т. к. длительность дня и ночи зависит только от широты) и для широт в диапазоне от 30° N до 50° N. Расчеты производились нами с помощью астрономической программы RedShift-7 Advanced. В таблице 2 представлены результаты пересчета длительности дня в *mina* для тех же широт.

Чтобы соответствовать соотношению, указанному в табличке BM 17175, при длительности дня в равноденствие, равной 725 минутам, длительность дня в летнее солнцестояние должна быть равна 967 минутам, а в зимнее солнцестояние — 483 минутам. Таким образом, длительность дня в летнее

Таблица 1

Длительность дня в минутах на разных широтах, рассчитанная для 1500 года до н. э.;

 $t_{\text{днec}}$ — длительность дневного времени в минутах

	$t_{\text{днec}}$ (минуты)					
	30° N	35° N	40° N	45° N	48° N	50° N
Летнее солнцестояние	845	871	901	939	965	983
Равноденствие	725	725	725	725	725	725
Зимнее солнцестояние	608	582	553	518	493	475

солнцестояние меньше, чем указано в табличке ВМ 17175, для 30° N примерно на 2 часа, для 35° N — на 1,6 часа, для 40° N — на 1,1 часа, для 45° N — на 0,5 часа, а для 50° N — больше на 0,3 часа. Длительность дня в зимнее солнцестояние больше, чем указано в табличке ВМ 17175, для 30° N примерно на 2 часа, для 35° N — на 1,7 часа, для 40° N — на 1,2 часа, для 45° N — на 0,6 часа, а для 50° N — меньше на 0,1 часа. Соотношения длительности дня и, соответственно, ночи будут точно такими же, как указано в табличке, в диапазоне от 47°55' N до 49°25' N с точностью 5'. Широта обнаружения старопетровского сосуда 48°13' N как раз попадает в этот диапазон.

Старопетровский сосуд имеет объем между крайними метками (с учетом метки Т) $\approx 1098,4 \text{ см}^3 = 2,03 \text{ mina} \approx 2 \text{ mina}$ (где $1 \text{ mina} = 540 \text{ см}^3$). Таким образом, с помощью девяти меток (восемь на внутренней боковой поверхности и метка Т на внешней) старопетровского сосуда можно было измерить восемь часов равной длительности аналогично вавилонским часам, при наполнении сосуда водой с той же скоростью, как и в вавилонских водяных часах — одна капля в секунду. Примерно восемь часов длится день в зимнее солнцестояние (ночь в летнее солнцестояние) на широте обнаружения старопетровского сосуда. Для измерения

этого промежутка времени сосуд должен был наполниться один раз. В день летнего солнцестояния или в ночь зимнего солнцестояния, старопетровский сосуд должен был наполниться дважды. А на протяжении целых суток — трижды. То есть с помощью старопетровского сосуда было легко производить измерения длительности дня и ночи в дни летнего и зимнего солнцестояний по правилу, указанному в табличке ВМ 17175. А если учесть, что широта обнаружения старопетровского сосуда равна 48°13' N и попадает в диапазон широт, оптимально соответствующих правилу из этой таблички, то можно предположить, что как минимум опосредованные контакты между срубным населением Северного Причерноморья (Северо-Восточного Приазовья) и населением Древней Месопотамии в эпоху поздней бронзы все-таки существовали.

Так как древних водяных часов из Месопотамии до сих пор обнаружено не было и не известно, как они точно выглядели, можно предположить, что они могли быть похожи на старопетровский сосуд. Внешне он представляет собой обычный лепной сосуд с малозаметными ногтевыми вдавлениями на внутренней боковой поверхности. Долгое время никто из исследователей не предполагал, что сосуд мог использоваться как водяные часы. Аналогия между месопотамскими и старопетровскими

Таблица 2

Длительность дня в mina на разных широтах, рассчитанная для 1500 года до н. э.;

 t_{mina} — длительность дневного времени в mina

	$t_{\text{днec}}$ (mina)					
	30° N	35° N	40° N	45° N	48° N	50° N
Летнее солнцестояние	3,5	3,6	3,7	3,9	4,0	4,1
Равноденствие	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0
Зимнее солнцестояние	2,5	2,4	2,3	2,1	2,0	2,0

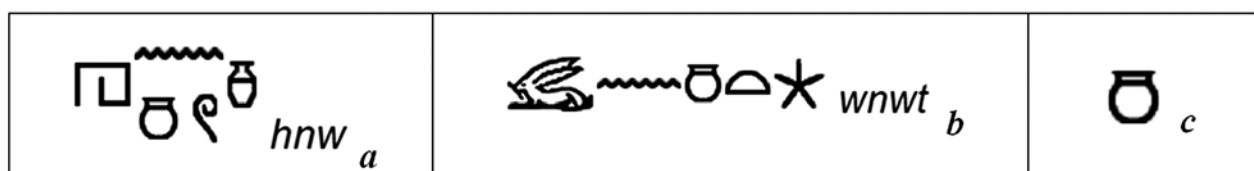

Рис. 3. Египетские надписи, содержащие иероглиф сосуда Ноу:

а – единица объема *hinu*, б – час, с – сосуд (банка/ваза) Ноу

тамскими водяными часами и старопетровским сосудом может в дальнейшем помочь исследователям в поисках как фрагментов, так и целых экземпляров древних месопотамских водяных часов.

Известные древнеегипетские водяные часы — карнакская клепсидра значительно превышала объем старопетровского сосуда. Так, рабочий объем карнакской клепсидры приблизительно равен 22 л. Считается, что она была предназначена для измерения 12 часов со скоростью 10 капель в секунду при объеме капли $0,05 \text{ см}^3$ (Sloley, R.W., 1924, p.43–50).

То есть для измерения одного часа требовалось примерно 1,8 л, что более чем в три раза превышает объем, необходимый для аналогичного измерения и в месопотамских водяных часах, и в старопетровском сосуде. А скорость наполнения такой клепсидры должна была почти в десять раз превышать скорость наполнения месопотамских водяных часов.

Однако известно, что в Древнем Египте существовала единица объема *hinu*, или *hin* (банка), равная 480 см^3 (Clagett M., 1999, p.14). Вес пресной воды такого объема приблизительно равен по весу одной месопотамской *mina*. Возможно, *hinu* и *mina* имеют общее происхождение, и *hinu* использовалась в водяных часах аналогично *mina* в более простых вариантах водяных часов, чем карнакская клепсидра. Так, в написании египетского названия единицы объема *hinu* (рис.3а) и в написании часа (рис.3б) в отличие от написания других единиц объема и времени присутствует иероглиф, интерпретируемый как сосуд Ноу (рис.3с).

Известен также отрывок текста на поверхности фрагмента линейки или L-образных солнечных часов: «Час в локоть. Банка из меди, заполнена водой...»

(Scott N.E., 1942, p.70–75). Банку из меди в этом фрагменте исследователи интерпретируют как водяные часы (Clagett M., 1999, p.11). Возможно, что медная банка из надписи на линейке и сосуд, обозначаемый иероглифом «сосуд Ноу», являются родственными типами сосудов, представляющими собой водяные часы накопительного типа, аналогом которых может являться старопетровский сосуд.

Водяные часы в виде банки, похожей на сосуд Ноу, возможно использовались в Древнем Египте на ранних этапах развития технологии измерения времени и применялись в дальнейшем для бытовых измерений, т. к. были просты в изготовлении и не требовали дорогостоящих материалов для своего изготовления. Если это действительно так и сосуды Ноу, применяемые в качестве водяных часов, могли внешне выглядеть как обычные лепные горшки, правда, с метками внутри, то теперь, зная их основные внешние признаки, можно было бы целенаправленно попытаться их обнаружить среди уже найденных древнеегипетских керамических сосудов и их фрагментов.

Под венчиком старопетровского сосуда участок наружной поверхности покрыт прочерченными знаками (рис.4). Знаки образуют две группы шириной 8,2 и 3 см. Длинная группа представляет собой небрежно прочерченный небольшой неровный зигзаг, перереченный горизонтальной линией. Слева от него находится грубо прочерченный косой крест, напоминающий четырехлучевую звезду, справа — круглая композиция, напоминающая колесо со спицами. Под зигзагом, ниже его стыка с «колесом», прочерчена очень короткая горизонтальная линия. Крест прочерчен не двумя линиями, а в четыре приема небольшими штрихами из центра. В результате этого в центре остался участок, небрежно придавленный пальцем. Под

Рис. 4. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности:
a – фотография композиции на внешней стороне сосуда, **b** – прорисовка композиции
 (фотография А.Н. Усачука, 2014 г.; прорисовка В.Б. Панковского и А.Н. Усачука, 1993 г.)

зигзагом три вдавления. Диаметр крайних вдавлений — 0,2 см, центрального — 0,15 см. Глубина крайних вдавлений — 0,3 см, центрального — не более 0,15 см. Центральное вдавление является центром композиции, поскольку замыкает собой линии зигзага. «Колесо», располагающееся справа от зигзага, представляет собой грубо (в три приема) начерченный полукруг. Он чертился сверху вниз, причем возле второй (по порядку нанесения) линии полукруга находятся две неровные тонкие линии, прочерченные параллельно друг другу и второй линии полукруга. В центре полукруга — круглое вдавление диаметром 0,3 см, глубиной 0,45 см. От места вдавления к полукругу очерчены пять «спиц». Судя по наложению прочерченных линий, композиция наносилась справа налево: вначале сделано вдавление, от которого идут «спицы», затем полукруг. Отметим,

что первоначально очерчены первая, вторая, четвертая и пятая (очень слабо) «спицы» (считая сверху вниз слева направо). Третья «спица» прочерчена после нанесения полукруга.

После полукруга прочерчены три неровные наклонные линии, затем прочерчена короткая горизонтальная линия и сделаны три вдавления. После вдавления прочерчен зигзаг, а затем — крест. Линии прочерчивались деревянным острием. В 1,8 см справа от первой (длинной) группы расположена вторая группа, представляющая собой небрежно прочерченный зигзаг. Использовалось орудие более тонкое, чем при прочерчивании линий первой группы. Глубина линий этого зигзага гораздо меньше линий первой (длинной) группы знаков. Срез венчика украшен отпечатками ногтя, причем частота вдавлений на участке вен-

чика, под которым находятся обе группы знаков, больше, чем на остальных участках.

На внутренней поверхности сосуда, напротив креста первой группы знаков, проходит вертикальная линия отпечатков ногтя, заходящая на дно.

Знаки на внешней стороне старопетровского сосуда уже привлекали внимание специалистов (Захарова Е.Ю., 2000, с.89, 91; Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2002, с.33). Е.Ю. Захарова считает, что композицию на сосуде «уместно ... обозначить термином «письмена», и относит их ко второму типу надписей. Интересно наблюдение исследовательницы, что подобные «надписи» на всех сосудах срубной культуры выполнены прочерчиванием острым предметом до обжига. Отметим и более важное наблюдение: все надписи второго типа отличает «как бы слитное написание знаков, так что не всегда удастся с большой долей вероятности разделить их на отдельные знаки» (Захарова Е.Ю., 2000, с.89). Добавим, что Е.Ю. Захарова привела очень близкую аналогию второй (короткой) строке старопетровской композиции, выявленную ею на сосуде срубной культуры с территории Донбасса из коллекции Н.Е. Бранденбурга (Захарова Е.Ю., 2000, с.91).

Однако ни Е.Ю. Захарова, ни соглашающиеся с ее выводами В.Ф. Клименко и В.И. Цымбал (Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2002, с.33) не рассматривали композицию на внешней и внутренней сторонах старопетровского сосуда как единую смысловую композицию.

Кроме того, неясен смысл нанесения меток на внутреннюю сторону дна сосуда. Наличие же своеобразной композиции и возможные аналогии (сосуд из коллекции Н.Е. Бранденбурга) позволяют считать, что реальное использование старопетровского и подобных ему сосудов могло быть более сложным.

Центральным элементом всей композиции на внешней поверхности старопетровского сосуда является рисунок «колеса». Так как круговые элементы в орнаментах часто трактуют как солярные, мы

предположили, что и «колесо» композиции могло быть связано с Солнцем. В связи с этим предположением мы попытались сопоставить со «спицами колеса» азимуты восходов и заходов Солнца.

Азимуты восходов и заходов Солнца в дни равноденствий и солнцестояний были рассчитаны по формулам 1–3 (Kelley D., Milone E., 2005, p.21):

$$\cos A_r = \frac{\sin \delta - \sin \varphi \cdot \sin h}{\cos \varphi \cdot \cos h}, \quad (1)$$

$$A_s = 360^\circ - A_r, \quad (2),$$

где A_r — азимут восхода светила, отсчитываемый от севера к востоку (геодезический), A_s — азимут захода светила, δ — склонение светила, h — высота светила над горизонтом, φ — географическая широта. Высота светила в момент восхода (захода) рассчитывалась на верхний край диска:

$$h = -R - \rho + p, \quad (3),$$

где R — угловой радиус светила, ρ — рефракция на горизонте, p — горизонтальный параллакс светила (Потемкина Т.М., Юревич В.А., 1998, с.19). Для Солнца принимаем $R=16'$, $\rho=35'$, $p=8,8''$ (Абалакин В.К., 1981, с.44).

В дни летнего солнцестояния склонение Солнца равно углу наклона эклиптики к небесному экватору ε , который рассчитывается с помощью формул (Монтенбрук О., Пфлегер Т., 2002, с.35):

$$\varepsilon = 23.43929111^\circ - 46.8150'' \cdot T - 0.00059'' \cdot T^2 + 0.001813 \cdot T^3, \quad (4),$$

$$T \approx \frac{(y - 2000)}{100}, \quad (5),$$

где T — число юлианских столетий, отсчитывающих эпоху от полудня 1 января 2000 года, y — год нужной эпохи. В дни зимнего солнцестояния склонение Солнца $\delta = -\varepsilon$, а в дни равноденствий — $\delta = 0$.

Рассчитанный нами по формулам 4 и 5 угол наклона эклиптики к небесному экватору для 1400 г. до н. э. $\varepsilon = 23^\circ 51' 41''$. Ре-

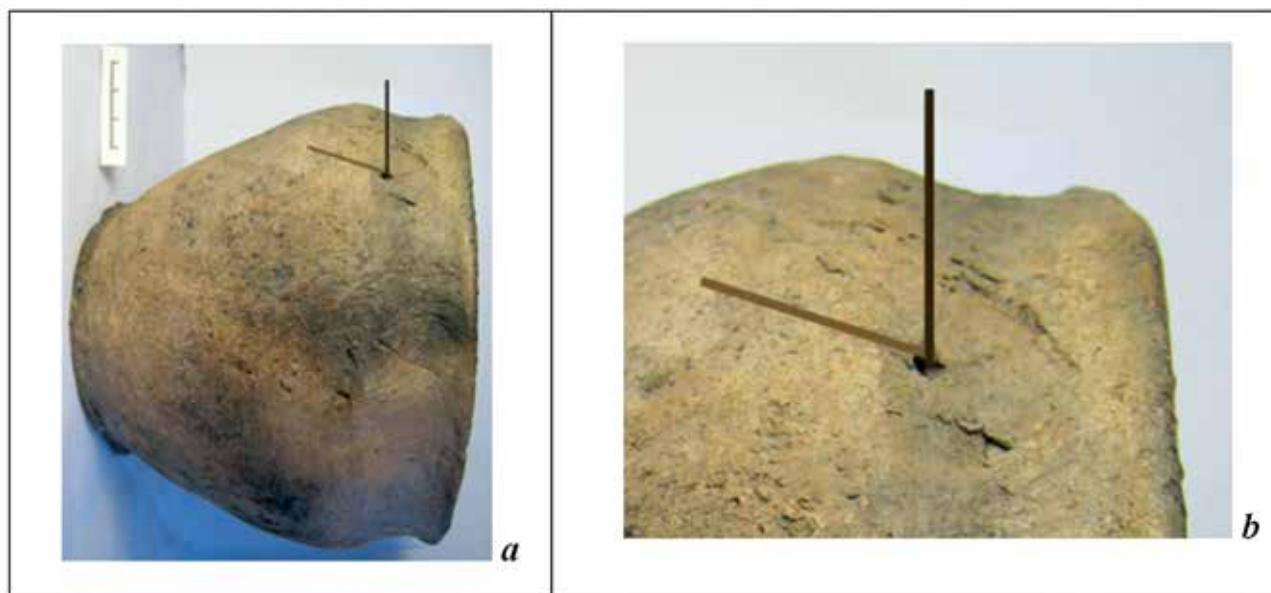

Рис. 5. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности, моделирование гномона в центре «колеса»: **a** – вид сосуда целиком, **b** – фрагмент сосуда с «колесом»

зультаты наших расчетов азимутов восхода и захода Солнца по формулам 1–3 для астрономически значимых событий для географических координат пос. Старопетровского $48^{\circ}13' \text{ N}$, $38^{\circ}09' \text{ E}$ представлены в таблице 3.

В центре «колеса» имеется углубление, в которое можно воткнуть тонкую веточку или соломинку в качестве гномона, который отбрасывал бы тень при освещении Солнцем (рис. 5).

В рамках одной из наших гипотез нижняя (для стоящего сосуда) «спица» соот-

ветствовала тени, отбрасываемой такой соломинкой в полдень, и, соответственно, указывала направление на Север. При этом направление первой «спицы», если считать по часовой стрелке от нижней «спицы», совпало с направлением тени, которую отбрасывала бы соломинка при заходе Солнца в день зимнего солнцестояния. Направление второй «спицы» совпало с направлением тени при заходе Солнца в день равноденствия, а третьей «спицы» — при заходе Солнца в день летнего солнцестояния (рис. 6). Совпадение направлений рассматривалось

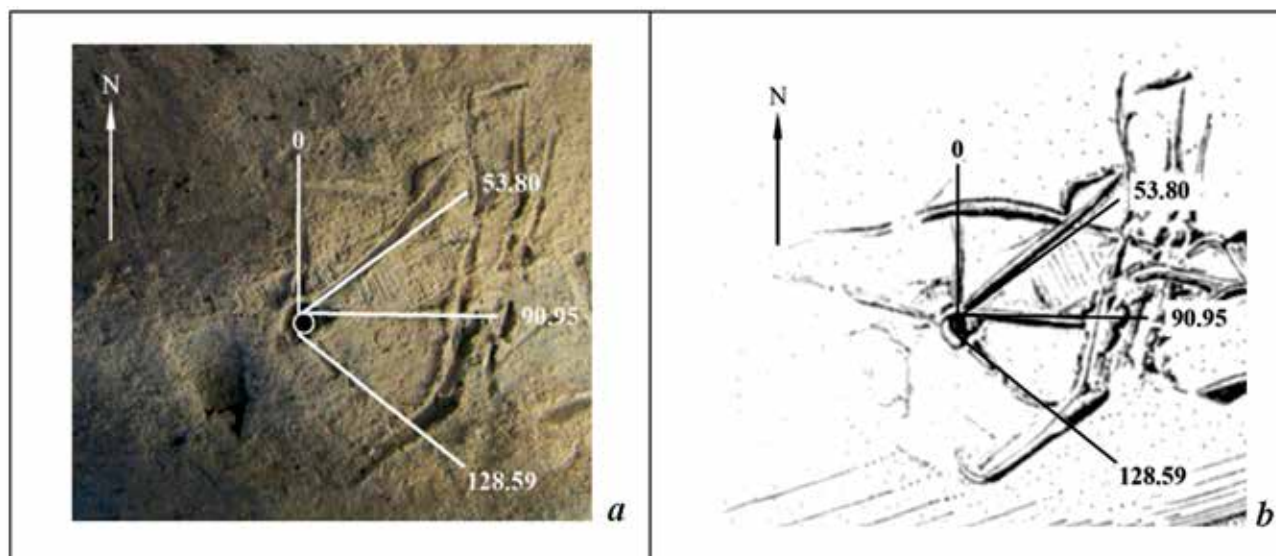

Рис. 6. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности, «колесо» из композиции с нанесенными азимутами направления тени, соответствующими заходу Солнца в дни равноденствия, летнего и зимнего солнцестояний:

a – фотография, **b** – прорисовка, **N** – направление на истинный север

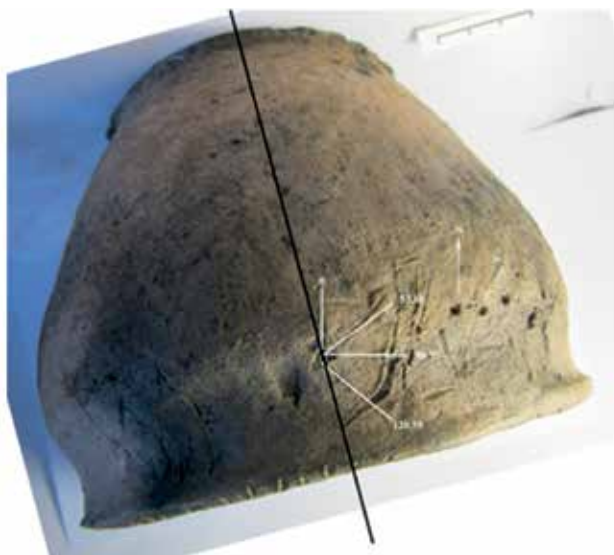

Рис. 7. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности, отклонение сосуда (вертикальной оси симметрии сосуда) от направления на Север «колеса». Ось симметрии нанесена черной линией. N – направление на истинный север.

нами как приблизительное, т. к. поверхность сосуда в области «колеса» искривлена.

Наиболее точно с направлениями тени совпали части «спиц», прилегающие к центру «колеса». Так как «спицы», как указывалось выше, при нанесении рисунка прочерчивались от центрального вдавления к «ободу» «колеса», то прилегающие к центру части «спиц» вычерчивались более тщательно и их направления были более значимыми.

При повторном изучении композиции на старопетровском сосуде было выявлено, что характер нанесения еще одной — пятой «спицы» качественно отличался от характера нанесения первых четырех «спиц» (рис. 4). Вероятно, линия, которую первоначально приняли за «спицу», являлась

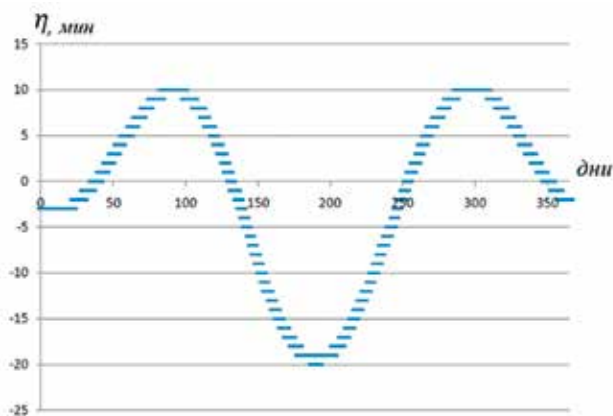

Рис. 8. График уравнения времени: η – уравнение времени. По оси ординат – значение уравнения времени, по оси абсцисс – количество дней от начала года

лишь случайным следом, возникшим при обработке (заглаживании) внешней поверхности сосуда. Поэтому ее пространственное расположение при анализе «колеса» не рассматривалось.

Нижняя «спица» «колеса», указывающая на Север, отклонена от вертикальной оси симметрии сосуда на угол, приблизительно равный 15° (рис. 7). Эта величина соответствует углу, на который перемещается Солнце по эклиптике за один час (360° за 24 часа) и может быть использована для приблизительного определения длительности дня.

С учетом того, что центральный элемент композиции, скорее всего, являлся чертежом, связанным с конкретными астрономическими явлениями — заходом Солнца в дни равноденствий и солнцестояний, мы предположили, что и другие элементы композиции также могли иметь астрономический смысл.

Таблица 3

Азимуты Солнца в моменты его восхода/захода в дни равноденствий и солнцестояний, рассчитанные на верхний край видимого диска Солнца.

h — высота Солнца, δ — склонение Солнца, A_r — азимут восхода Солнца, A_s — азимут захода Солнца, $A_r + 180$ — направление тени при восходе Солнца, $A_s - 180$ — направление тени при заходе Солнца

Явление	$h, (^\circ)$	$\delta, (^\circ)$	$A_r, (^\circ)$	$A_s, (^\circ)$	$A_r + 180, (^\circ)$	$A_s - 180, (^\circ)$
Летнее солнцестояние	-0,85	23,86	51,41	308,59	231,41	128,59
Равноденствие	-0,85	0,00	89,05	270,95	269,05	90,95
Зимнее солнцестояние	-0,85	-23,86	126,20	233,80	306,20	53,80

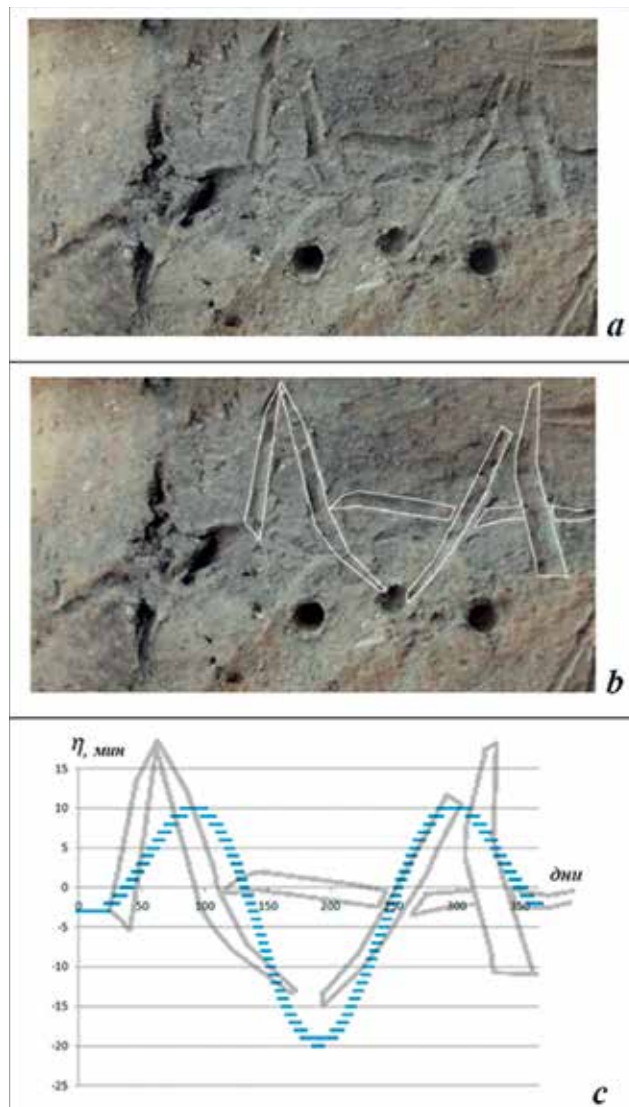

Рис. 9. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности: **a** – фотография композиции «зигзаг»; **b** – схематичная прорисовка «зигзага», **c** – совмещение прорисовки «зигзага» и графика уравнения времени

Первоначально предположение об использовании старопетровского сосуда как водяных часов возникло в связи с необходимостью отсчитывать контрольные промежутки времени длительностью в один час при разметке аналемматических солнечных часов (Vodolazhskaya L.N., 2013, p.68–88). Однако солнечные часы всегда показывают местное истинное солнечное время, а водяные — среднее солнечное время. Продолжительность истинных солнечных суток — величина непостоянная, поэтому показания солнечных и водяных часов совпадают не всегда.

С точки зрения современной астрономии истинные солнечные сутки — это промежуток времени между двумя последовательными верхними или нижними кульминациями Солнца на одном и том же географическом меридиане (Кононович Э.В., Мороз В.И., 2004, с.33–35), где кульминацией называется явление пересечения светилом небесного меридиана — большого круга небесной сферы, плоскость которого проходит через отвесную линию и ось мира.

Неравномерность суточного движения Солнца обусловлена эллиптичностью орбиты Земли вокруг Солнца и наклоном земной оси к плоскости эклиптики. Продолжительностью средних солнечных суток является среднее значение продолжительности истинных солнечных суток за год. Разность между истинным солнечным временем и средним временем в один и тот же момент называется уравнением времени, которое рассчитывается по формуле 6. Иногда используется инвертированное уравнение времени, равное разности между средним временем и истинным солнечным временем.

$$\eta = T_s - T_m, \quad (6),$$

где η — уравнение времени, T_s — истинное солнечное время, T_m — среднее солнечное время.

Мы вычислили значение уравнения времени для 1400 г. до н. э. с помощью астрономической компьютерной программы HORIZONS (<http://ssd.jpl.nasa.gov/?horizons>). Его график представлен на рисунке 8. Начало координат соответствует дате начала года (об определении даты начала года см. ниже).

«Зигзаг» из композиции напоминает своей формой график уравнения времени (рис.9). При этом горизонтальной оси соответствует нулевое отклонение от среднего солнечного времени. Три точечных вдавления под «зигзагом» расположены так, что каждое вдавление можно соотнести с одним из экстремумов (пиков) на графике. Крайние вдавления располагаются ниже центрального и соответствуют пикам «зиг-

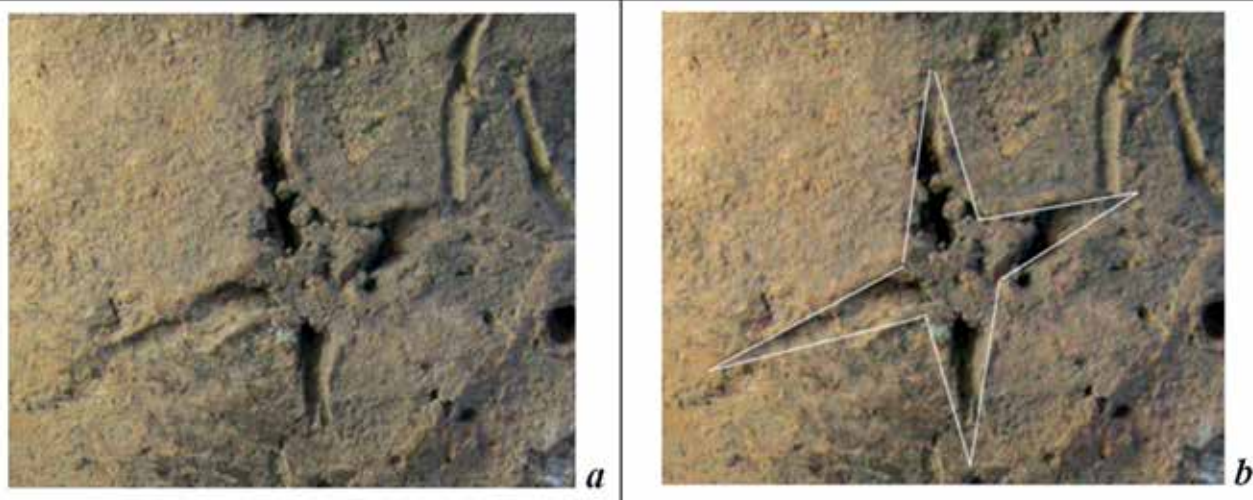

Рис. 10. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности:
а – фотография композиции «звезда»; **б** – схематичная прорисовка «звезды»

зага», когда показания водяных часов будут отставать от показаний солнечных часов, т. е. уровень воды в водяных часах будет ниже, а их показания меньше, чем в то же время по солнечным часам, но в другие дни. Центральное вдавление располагается, соответственно, выше центрального и соответствует пику, когда показания водяных часов будут опережать показания солнечных часов, т. е. уровень воды в водяных часах будет выше, а их показания больше, чем в то же время по солнечным часам в другие дни. То есть эти вдавления могли показывать пики инвертированного графика уравнения времени и играть роль небольшой подсказки для правильного использования водяных часов.

В Вавилоне во II веке до н. э. уже знали об отклонении истинного солнечного времени от среднего солнечного. Тогда же существовали достаточно хорошо и подробно разработанные теории, описывающие неравномерное видимое движение Солнца (Leverington D., 2003, p.6–7) Птолемей — позднеэллинистический астроном из Александрии (Египет) в своем фундаментальном труде «Альмагест» (книга III, часть 9) также рассматривал вопрос о неравномерности движения Солнца (Toomer G.J., 1998, p.171).

Однако все эти теории не могли появиться внезапно. Для их формирования требовались годы систематических наблюдений за движением Солнца. Мы счита-

ем, что фрагмент композиции «зигзаг» на старопетровском сосуде как раз и является одним из таких свидетельств наблюдения в более ранние эпохи неравномерности годового движения Солнца.

Рядом с «зигзагом» в композиции на поверхности старопетровского сосуда прорисована четырехлучевая «звезда» (рис.10).

Известно, что в вавилонских «астролябиях» (XII век до н. э.) с календарными месяцами соотносились гелиакические восходы различных звезд (Куртик Г.Е., 2013, с.22–40). В Древнем Египте с III тысячелетия до н. э. начало года отсчитывалось от гелиакического восхода (первого в году появления звезды перед восходом Солнца) звезды Сириус, который первоначально совпадал с летним солнцестоянием и разливом Нила (Кононович Э.В., Мороз В.И., 2004, с.41). Сириус виден практически на любой широте, вплоть до 73° N, и является самой яркой звездой всего ночного неба, имея звездную величину 1,46 m (Кононович Э.В., Мороз В.И., 2004, с.510].

Так как Сириус отлично видно на широте обнаружения старопетровского сосуда, мы предположили, что четырехлучевая звезда в композиции символизировала его гелиакический восход. При сравнении графика уравнения времени, построенного для дат начала года, соответствующих солнцестояниям, равноденствиям и гелиакическому восходу Сириуса, было обнаружено, что больше всего по своей форме на «зигзаг»

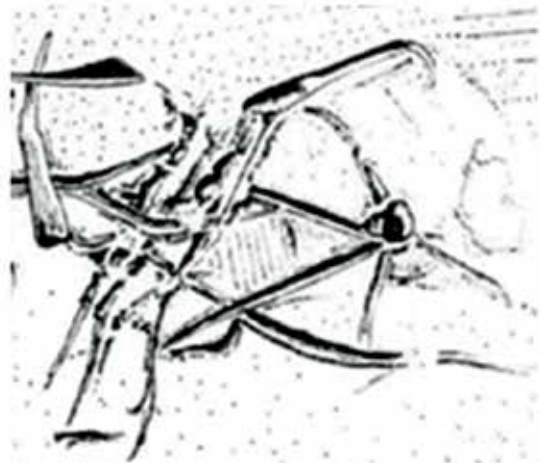
*a**b*

Рис. 11. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности: *a* – фотография композиции «колесо»; *b* – схематичная прорисовка «колеса»

похож график, где начало года совпадает с гелиакическим восходом Сириуса на широте пос. Старопетровское.

Явление гелиакического восхода Сириуса характеризуется высотой Сириуса примерно от $+2^\circ$ до $+3^\circ$ и высотой Солнца от -8° до -6° , где высотой светила h называется дуга вертикала светила от плоскости математического горизонта до направления на светило. Высота отсчитывается в пределах от 0° до $+90^\circ$ (Gautschy R., 2011, p.116–131).

Древнеегипетский календарь, в котором начало года соответствовало дате гелиакического восхода Сириуса, впервые был введен в 2767 г. до н.э. в Мемфисе (Parker R.A., 1976, p.182). В этот год гелиакический восход Сириуса совпал с летним солнцестоянием. В астрономической программе RedShift-7 Advanced дата летнего солнцестояния для этого года приходится на 16 июля. С помощью этой же программы мы рассчитали, что в этот день высота Сириуса достигала $+3^\circ$ при высоте Солнца $\approx -6^\circ$. Опираясь на эти значения, мы определили, что на широте обнаружения старопетровского сосуда гелиакический восход Сириуса в 1400 году до н. э. приходился на 9 августа – 34-й день после летнего солнцестояния (примерно соответствует 25 июля для 2000-х годов н. э.). С помощью расчетов на программе RedShift Advanced мы определили, что гелиакический восход Сириуса приходился на один и тот же день

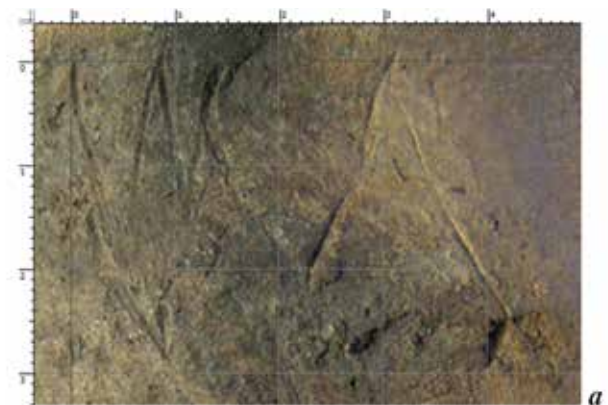
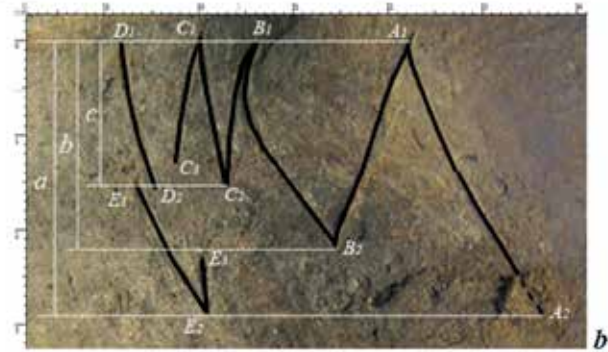
*a**b*

Рис. 12. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности, композиция «тонкий зигзаг»: *a* – фотография композиции; *b* – чертеж со схематичной прорисовкой «тонкого зигзага»

после летнего солнцестояния примерно в диапазоне ± 100 лет.

Таким образом, визуальное сходство графика уравнения времени для начала года, соответствующего дате гелиакического восхода Сириуса на широте пос. Старопетровское, с элементом «зигзаг» композиции на старопетровском сосуде не только

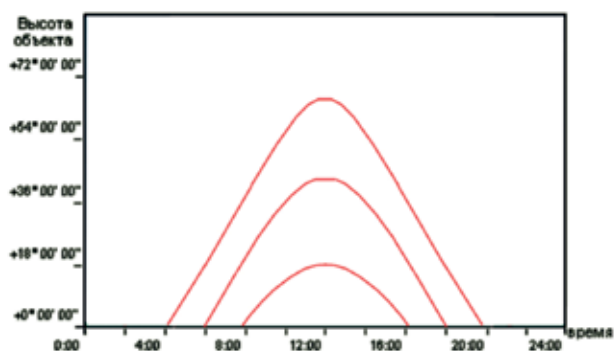

Рис. 13. Графики изменения высоты Солнца в зависимости от времени суток в дни зимнего солнцестояния (нижний график), равноденствия (средний график) и летнего солнцестояния (верхний график)

свидетельствует в пользу астрономической интерпретации композиции в целом, но и позволяет предположить наличие у срубного населения календарной системы, близкой к древнеегипетской, с началом года, отсчитываемым от даты гелиакического восхода Сириуса.

Еще один элемент в композиции, который, с нашей точки зрения, может быть связан с календарным исчислением времени: три тонкие линии слева внизу от «колеса» (рис. 11).

«Колесо» в композиции на старопетровском сосуде семантически и функционально связано с Солнцем и может символизировать солнечный год — отрезок времени, за который Солнце завершает один цикл смены времён года, например, от одного дня

летнего солнцестояния до другого. Такой солнечный год в современной астрономии называется тропическим. В нем содержится примерно 365,24 суток. Промежуток между двумя гелиакическими восходами Сириуса составляет примерно 365,25 суток. Эти величины близки, и, возможно, первоначально длительность года в 365 суток была определена египтянами именно благодаря наблюдениям за гелиакическими восходами Сириуса. Количество целых дней между его восходами составляет 365 суток, но только на протяжении 3 лет. На четвертый год между его гелиакическими восходами будет 366 суток, затем все будет повторяться. Видимо, поэтому за длину своего года египтянами было принято 365 дней. За каждые 4 года сезонные явления опережали календарь на 1 сутки, и возникала необходимость во введении високосного года, который был официально введен в Египте только в III веке до н. э. Так как при систематических наблюдениях за гелиакальными восходами звезд было легко заметить закономерность, связанную с повторением на протяжении трех лет промежутка в 365 дней, мы считаем, что три черты рядом с «колесом» композиции на старопетровском сосуде могут обозначать именно эти три повторяющихся года, когда солнечное годовое «колесо» как бы «вращается на одном месте».

Вторая группа знаков, расположенная правее «колеса» и представляющая собой

Рис. 14. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, фотография сосуда с метками на внутренней поверхности: *a* — вид сбоку; *b* — вид сверху

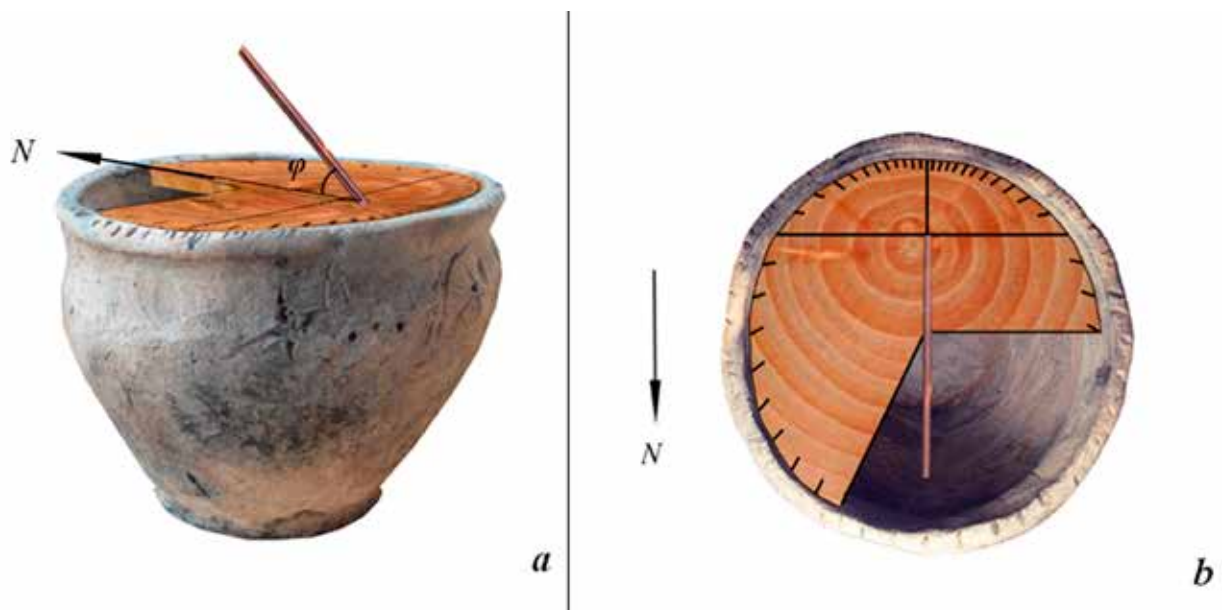

Рис. 15. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, реконструкция горизонтальных солнечных часов с наклонным гномоном, выполненная на основе фотографии сосуда:

a – вид сбоку; **b** – вид сверху. В верхней части сосуда – предполагаемая крышка в виде деревянного диска с нанесенными точными часовыми метками, укрепленным гномоном и отверстием для поступления воды в сосуд. **N** – направление на истинный Север, φ – широта пос. Старопетровское

еще один «зигзаг», нанесена более тонкими линиями — «тонкий зигзаг» (рис. 12).

Вторая группа знаков — «тонкий зигзаг» — состоит из трех пиков и, на наш взгляд, могла бы символизировать изменения длительности дня, связанные с изменениями максимальной высоты Солнца в верхней кульминации (в полдень) и изменениями углового расстояния между азимутами восхода и захода Солнца в дни зимнего солнцестояния (пик с вершиной A1), равноденствия (пик с вершиной B1) и летнего солнцестояния (пик с вершиной C1). Высота Солнца в момент верхней кульминации и время восхода и захода Солнца для дней солнцестояний и равноденствий представлены на рисунке 13.

Величина длительности дня от восхода до захода Солнца в дни летнего солнцестояния D_{ss} относится к длительности в равноденствия D_{eq} и длительности в зимнее солнцестояние D_{ws} , для широты обнаружения старопетровского сосуда как $D_{ss}:D_{eq}:D_{ws}=4:3:2=2:1.5:1$ (табл. 9).

Чтобы легче было анализировать высоту пиков, мы развернули на чертеже изображение «тонкого зигзага» так, чтобы вершины A_p , B_p , C_1 расположились на одной линии

(рис. 12 b), и измерили высоту этих пиков. Высота пика C_1 рассматривалась нами как проекция отрезка $[C_1C_2]$ на вертикальную ось, $c \approx 1,5$ см. При этом хорошо заметно, что отрезки $[D_1D_2]$ и $[E_1E_2]$ имеют примерно такие же длину и наклон, как отрезок $[C_1C_2]$. Очень похоже, что отрезки $[D_1D_2]$ и $[E_1E_2]$ являлись эталонами длины при нанесении «тонкого зигзага» и выполняли функцию образцов, отталкиваясь от которых и были нанесены остальные линии.

Высота пика B_1 рассматривалась нами как проекция отрезка $[B_1B_2]$ на вертикальную ось, $b \approx 2,2$ см. Сильная изогнутость линии отрезка $[B_1B_2]$, скорее всего, является случайным дефектом. Точки B_2 и E_2 находятся примерно на одном уровне, поэтому, возможно, отрезок $[E_2E_3]$ выполнял вспомогательную роль для определения местоположения точки B_2 .

Высота пика A_1 рассматривалась нами как проекция отрезка $[A_1A_2]$ на вертикальную ось. Однако, имея в виду, что нанесение линии $[A_1A_2]$, скорее всего, как и остальных линий, опиралось на образцы $[D_1D_2]$ и $[E_1E_2]$, а также то, что отрезок $[A_1A_2]$ заканчивается дефектом поверхности, мы расположили точку A_2 в зоне дефекта на том же уровне,

что и точку E_2 на эталонном отрезке $[E_1E_2]$. Высота пика A_1 при этом равна $a \approx 2,9$ см.

Отношение высоты пиков $a:b:c \approx 2,9:2,2:1,5 = 1,9:1,5:1$ очень близко к отношению длительности дня для солнцестояний и равноденствий $D_{ss}:D_{eq}:D_{ws} = 4:3:2 = 2:1,5:1$, что подтверждает нашу гипотезу о том, что «тонкий зигзаг» символизирует изменение длительности дня на протяжении года.

На срезе венчика старопетровского сосуда нанесены метки (рис. 14). Мы предположили, что они также могут иметь астрономический смысл.

Метки, располагающиеся по кругу венчика, напоминают часовые метки аналемматических солнечных часов (Vodolazhskaya L.N., 2013, p.68–88; Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu., 2014, p.31–53).

Однако попытка сопоставить их с рассчитанными часовыми углами аналемматических солнечных часов не дала положительных результатов. Тогда нами была предпринята попытка сопоставить с метками часовые углы горизонтальных солнечных часов с наклонным гномоном.

Место крепления наклонного гномона было определено нами эмпирически с помощью компьютерного эксперимента, проведенного на базе графического редактора Adobe Photoshop CS5. Оптимальный вариант с максимальным количеством совпаде-

ний меток венчика и часовых линий первоначально был определен нами визуально, а затем проанализирован с помощью статистических методов (см. ниже). Выявленное нами наиболее вероятное место крепления характеризуется отношением расстояния от гномона до ближайшего края венчика к расстоянию от гномона до максимально удаленного края венчика как 1:4. При этом часть венчика с часто расположенными маленькими метками оказалась ориентирована на Юг, а с редкими и крупными метками — на Север (рис. 15).

Расчет часовых углов для горизонтальных солнечных часов с наклонным гномоном проводился нами по формуле (Waugh A. E., 1973, p.35–51):

$$H'_t = \arctg(\sin \varphi \cdot \tg(H_t))$$

или

$$H'_t = \arctg(\sin \varphi \cdot \tg(15 \cdot (t - 12))),$$

при $t \in [6; 18]$ (7)

$$H'_t = \arctg(\sin \varphi \cdot \tg(15 \cdot (t - 12))) - 180,$$

при $t \in [0; 6]$ (8)

$$H'_t = \arctg(\sin \varphi \cdot \tg(15 \cdot (t - 12))) + 180,$$

при $t \in [18; 24]$ (9),

где $H_t = 15^\circ \cdot (t - 12)$ — часовой угол Солнца (для полдня $H_{12} = 0^\circ$), t — время,

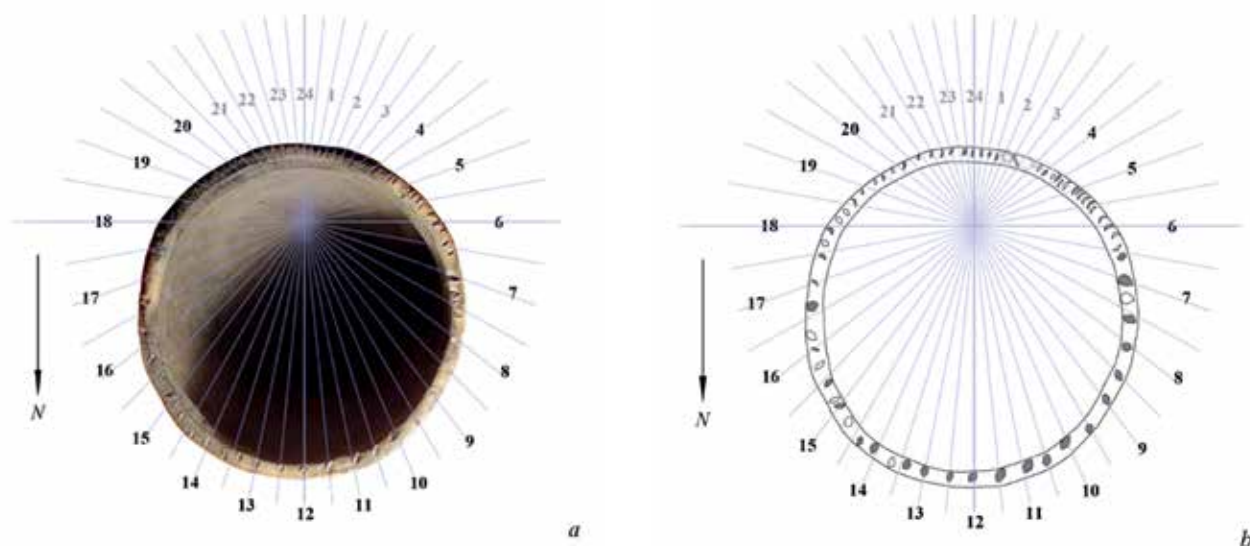

Рис. 16. Координатная плоскость с часовыми линиями горизонтальных солнечных часов с наклонным гномоном: H'_t — угол между полуденной линией и заданной часовой линией. $H'_{12} = 0^\circ$, $H'_6 = -90^\circ$, $H'_{18} = 90^\circ$. Пунктиром обозначены часовые линии нерабочего диапазона солнечных часов от 21 часа ночи до 3 часов утра по местному истинному солнечному времени. N — истинный Север

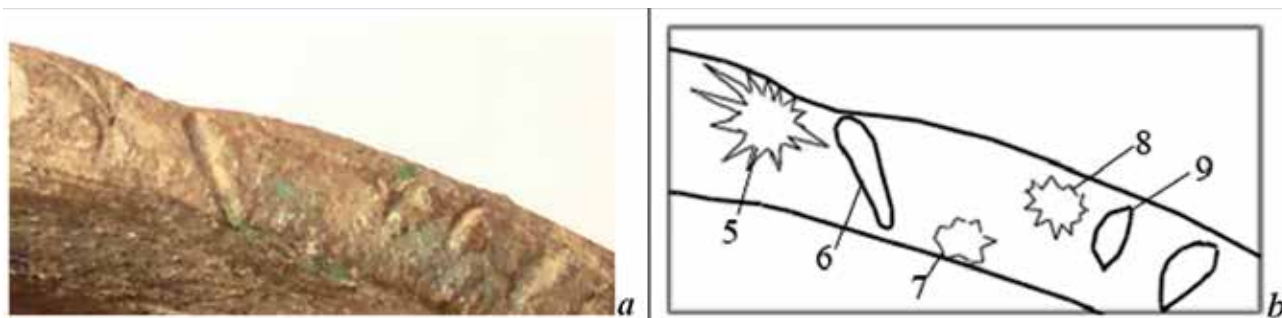

Рис. 17. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности: **а** – фотография венчика с метками; **б** – прорисовка венчика с метками. Синими линиями обозначены часовые линии горизонтальных солнечных часов с наклонным гномоном. Цифрами нанесены часы, соответствующие часовым линиям. Серым цветом отмечены метки, располагающиеся в непосредственной близости от часовых линий. **N** – истинный Север

H'_t – угол между полуденной линией и часовой линией на часах (рис. 16), φ – широта местности.

Результаты наших расчетов по формулам 7–9 для широты пос. Старопетровское $\text{Lat} = 48^\circ 13' \text{ N}$ представлены в таблице 4.

Оптимальный результат совмещения рассчитанных часовых углов с метками на венчике старопетровского сосуда представлен на рисунке 17. Количество меток на венчике сосуда превышает количество рассчитанных часовых линий, однако сразу заметно хорошее совпадение часовых линий с метками в диапазоне от 8 до 13 часов.

Метки венчика, совпадающие с часовыми линиями, выделены на рисунке 17

серым цветом. Метки венчика, не относящиеся явно к меткам солнечных часов, изображены без цветной заливки. Возможно, эти метки, за исключением меток 5–9 (об этом см. ниже), могли служить для маскировки технологии измерения времени и препятствовали использованию сосуда как солнечных часов без участия его владельца. Корректное использование старопетровского сосуда как солнечных часов могло быть связано с использованием дополнительного более точного «циферблата», возможно, с подписями в виде деревянного диска-крышки, в котором и был укреплен гномон (рис. 15). Такая крышка могла играть роль шкалы с подписями к венчику с метками, аналогично как

Таблица 4

Рассчитанные часовые линии горизонтальных солнечных часов:

H_t – часовой угол Солнца, H'_t – рассчитанный угол между полуденной линией и часовой линией, t – время

t , (час)	0	0,5	1	1,5	2	2,5	3	3,5	4	4,5	5	5,5
H_t (°)	–180,0	–172,5	–165,0	–157,5	–150,0	–142,5	–135,0	–127,5	–120,0	–112,5	–105,0	–97,5
H'_t (°)	–180,0	–174,4	–168,7	–162,8	–156,7	–150,2	–143,3	–135,8	–127,7	–119,1	–109,8	–100,0
t , (час)	6,0	6,5	7,0	7,5	8,0	8,5	9,0	9,5	10,0	10,5	11,0	11,5
H_t (°)	–90,0	–82,5	–75,0	–67,5	–60,0	–52,5	–45,0	–37,5	–30,0	–22,5	–15,0	–7,5
H'_t (°)	–90,0	–80,0	–70,2	–60,9	–52,3	–44,2	–36,7	–29,8	–23,3	–17,2	–11,3	–5,6
t , (час)	12,0	12,5	13,0	13,5	14,0	14,5	15,0	15,5	16,0	16,5	17,0	17,5
H_t (°)	0,0	7,5	15,0	22,5	30,0	37,5	45,0	52,5	60,0	67,5	75,0	82,5
H'_t (°)	0,0	5,6	11,3	17,2	23,3	29,8	36,7	44,2	52,3	60,9	70,2	80,0
t , (час)	18,0	18,5	19,0	19,5	20,0	20,5	21,0	21,5	22,0	22,5	23,0	23,5
H_t (°)	90,0	97,5	105,0	112,5	120,0	127,5	135,0	142,5	150,0	157,5	165,0	172,5
H'_t (°)	90,0	100,0	109,8	119,1	127,7	135,8	143,3	150,2	156,7	162,8	168,7	174,4

Рис. 18. Пос. Старопетровское, разрушенный курган, сосуд с метками на внутренней поверхности. Цифрами обозначены номера меток венчика

L-образные солнечные часы играли роль шкалы с подписями к дисковидным вертикальным солнечным часам (Vodolazhskaya L.N., 2014, p.1–18). Отсутствие таких вспомогательных подписей препятствовало правильной интерпретации показаний солнечных часов без участия владельца сосуда.

Рассчитанная нами средняя абсолютная погрешность измерения времени в диапазоне от 8 до 13 часов $\Delta t'_{z\text{cp}} \approx 1,8$ минуты оказалась минимальной по сравнению с другими диапазонами, также как и соответствующее среднее квадратичное отклонение $\sigma \approx 1,6$ минуты. То есть в этом диапазоне измерение времени могло производиться с максимальной точностью, что свидетельствует о ключевой роли данного диапазона в технологии измерения времени с помощью рассматриваемых солнечных часов. Так как в этом диапазоне находится метка 12 часов, а с 12 часами связано такое легко фиксируемое явление, как самая короткая тень на протяжении светового дня, указанный диапазон мог использоваться для контроля пространственной ориентации сосуда, а также скорости наполнения сосуда и измерения отклонения показаний солнечных часов от показаний водяных часов — измерения величины уравнивания времени (формула 13).

Аналогична рассчитанная нами средняя абсолютная погрешность для диапазона, включающего все метки, $\Delta t'_{z\text{cp}} \approx 3,9$ минуты, среднее квадратичное отклонение $\sigma \approx 3,9$ минуты.

Рассчитанная средняя абсолютная погрешность для временного диапазона, не относящегося к рабочему диапазону солнечных часов, от 20 до 4 часов утра имеет максимальное значение по сравнению со всеми другими диапазонами: $\Delta t'_{z\text{cp}} \approx 5,5$ минуты, а среднее квадратичное отклонение $\sigma \approx 5,7$ минуты. Это вполне ожидаемый результат для диапазона меток, который не мог участвовать в непосредственном измерении времени с помощью солнечных часов.

К рабочему диапазону солнечных часов, определяемому временем восхода и захода Солнца в день летнего солнцестояния, относятся только метки с 4 до 20 часов. Рассчитанная нами средняя абсолютная погрешность для этого диапазона — $\Delta t'_{z\text{cp}} \approx 3,4$ минуты, среднее квадратичное отклонение $\sigma \approx 3,1$ минуты. Средняя абсолютная погрешность для временного диапазона, ограниченного временем восхода и захода Солнца в дни равноденствия от 6 до 18 часов: $\Delta t'_{z\text{cp}} \approx 3,1$ минуты, среднее квадратичное отклонение — $\sigma \approx 2,7$ минуты. Средняя абсолютная погрешность для временного диапазона, ограниченного временем восхода и захода Солнца в дни зимнего солнцестояния от 8 до 16 часов: $\Delta t'_{z\text{cp}} \approx 2,7$ минуты. Рассчитанное среднее квадратичное отклонение — $\sigma \approx 2,5$ минуты. Учитывая полученные результаты, можно сделать вывод, что в рабочем диапазоне как для зимнего солнцестояния, так и для равноденствия и летнего солнцестояния точность возможных измерений времени с помощью меток венчика была приблизительно одинакова и равнялась ≈ 3 минутам.

Таким образом, мы считаем, что метки венчика старопетровского сосуда вполне могли служить часовыми метками солнечных часов с наклонным гномоном. С их помощью во временном диапазоне от 4 до 20 часов могли проводиться измерения

времени со средней точностью 3,4 минуты. Эта точность близка по своему значению точности измерения времени с помощью древнеегипетских вертикальных солнечных часов с наклонным гномоном той же эпохи — 3,6 мин (Vodolazhskaya L.N., 2014, p.1–18). Этот факт косвенно свидетельствует о сходстве и возможной опосредованной передаче технологии измерения времени между рассматриваемыми регионами.

На венчике старопетровского сосуда почти все метки нанесены с помощью ногтевых вдавлений. Однако метки венчика с номерами 5–8 (отсчитывая по часовой стрелке от метки 24 часов) от них отличаются (рис. 18). Метка с номером 5 напоминает звезду и выполнена с помощью прочерчивания линий из центральной точки тонким острым предметом, видимо, заостренной тростинкой. Метка с номером 6 представляет собой наклонную черту в виде отпечатка тонкой палочки, скорее всего, тоже тростинки. Метки с номерами 7 и 8 напоминают звезды, но имеют значительно меньшие размеры, чем метка 6. Эти метки выполнены с помощью надавливания тонким острым предметом.

Непосредственно под этой группой меток, на внешней боковой поверхности старопетровского сосуда, расположено изображение звезды основной композиции (рис.19). Предположив, что звезда на венчике сосуда, также как звезда на боковой поверхности, могла символизировать Сириус, мы вычислили время гелиакического восхода Сириуса с помощью астрономической программы RedShift 7 Advanced. Результаты расчетов для разной высоты Сириуса представлены в таблице 14.

Как уже указывалось выше, явление гелиакического восхода Сириуса характеризуется высотой Сириуса примерно от +2° до +3°, и высотой Солнца от –8° до –6° (Gautschi R., 2011, p.116–131).

Такой восход Сириуса в 1400 г. до н. э. (в диапазоне примерно ±100 лет) наблюдался 9 августа. Вычислив с помощью программы RedShift 7 Advanced время T_s восхода Сириуса для его высоты h_s , равной

последовательно 0°, +2°, +3° над горизонтом, и проанализировав его, мы обнаружили, что оно близко времени T_z , отмеченному метками 7, 8 и 9. Вычисление T_z — времени, соответствующего метке с заданным номером Z , проводилось по формулам:

$$\Delta t'_s = \frac{\Delta H'_s}{\Delta H'_t} \cdot 30 \quad (10),$$

$$T_z = T_s + \Delta t'_s \quad (11),$$

где $\Delta t'_s$ — отличие времени, соответствующего метке с номером Z , от времени астрономического события, связанного с видимым положением Сириуса, $\Delta H'_t = H'_t - H'_{t+0.5}$ — угловое расстояние между соседними часовыми линиями, ближайшими по времени к астрономическому событию (табл. 4), $\Delta H'_s = H'_s - H'_z$ — разность между часовой линией H'_s , соответствующей астрономическому событию, и угловым расстоянием H'_z , на котором находится метка с номером Z относительно полуденной линии, T_z — время, соответствующее метке с номером Z , T_s — время астрономического события, связанного с Сириусом.

Результаты наших расчетов по формулам 10 и 11 представлены в таблице 5.

Анализируя результаты вычислений, представленные в таблице 5, мы можем сделать вывод о том, что метки 5–9 действительно отмечают на венчике сосуда, как на циферблате, моменты времени, которые соответствуют характерным видимым положениям Сириуса на небосклоне вблизи даты его гелиакического восхода. Проследить по времени восход Сириуса с помощью солнечных часов было невозможно. Это можно было сделать только с помощью водяных часов. Видимо, именно для этого и использовался в первую очередь старопетровский сосуд.

Самой ранней по дате и времени из меток 5–9 является метка 7. Она представляет собой малую звездообразную метку, которая располагается у внутренней кромки венчика. Она соответствует видимому пересечению звездой Сириус линии гори-

Таблица 5

Время восхода Сириуса вблизи даты его гелиакического восхода и время, соответствующее меткам 5–9 на венчике старопетровского сосуда:

Z — номер метки, h_s — высота Сириуса, h_{sun} — высота Солнца, T_s — время астрономического события, связанного с видимым положением Сириуса, H'_s — угловое расстояние, на котором должна находиться метка относительно полуденной линии, для времени данного астрономического события, H'_z — угловое расстояние, на котором находится метка с номером Z относительно полуденной линии, $\Delta H'_s$ — разность между угловым расстоянием H'_s и угловым расстоянием H'_z , T_z — время, соответствующее метке с номером Z , $\Delta t'_s$ — абсолютное отклонение времени, соответствующего метке с номером Z , от времени астрономического события, связанного с видимым положением Сириуса

Z	h_s , (°)	h_{sun} , (°)	дата	T_s	H'_s , (°)	H'_z , (°)	$\Delta H'_s$, (°)	$\Delta t'_s$, (мин)	T_z
5	+0°04'	–20°03' астрономическая ночь	26.08.1400	2:13	–153,9	–153,7	–0,2	0,9	2:13,9
6/1	+3°07'	17°58' начало астрономи- ческих сумерек	26.08.1400	2:34	–149,3	–149,0	–0,3	1,4	2:35,4
6/2	+3°04'	–12°26' начало навигац- ионных сумерек	18.08.1400	3:05	–142,1	–143	0,9	–3,6	3:01,4
7	+0°00'	–8°36'	9.08.1400	3:20	–138,4	–139,5	1,1	–4,4	03:15,6
8	+2°00'	–6°59'	9.08.1400	3:33	–135	–136,2	1,2	–4,5	03:28,5
9	+3°00'	–6°06' начало граждан- ских сумерек	9.08.1400	3:40	–133,2	–132,7	–0,5	1,9	3:41,9

зонта. Солнце при этом находится примерно на 9° ниже горизонта. Такое положение Солнца соответствует навигационным сумеркам, которые характеризуются хорошей видимостью только самых ярких — навигационных звезд, к которым относится и Сириус. Большинство звезд практически невозможно увидеть в непосредственной близости от горизонта, но Сириус является самой яркой звездой ночного неба, что делает возможность такого наблюдения более вероятной при благоприятных погодных условиях. К тому же окрестности поселка Старопетровского характеризуются равнинным ландшафтом, не препятствующим пригоризонтным наблюдениям. Возможно,

наблюдения гелиакического восхода Сириуса велись в направлении небольшого (1–2°) естественного понижения горизонта относительно основной линии горизонта, как на фотографии, что и делало возможным его наблюдение в момент времени, соответствующий метке 7.

Следующая за ней метка 8 — вторая звездообразная малая метка, которая расположена у внешней кромки венчика. Она соответствует высоте Сириуса +2°. Солнце при этом находится примерно на 7° ниже горизонта, что также соответствует навигационным сумеркам. То, что метка 8 похожа по форме и размеру на метку 7, но находится дальше, как бы выше, от места

крепления гномона, можно рассматривать как подтверждение того, что обе метки символизируют один и тот же небесный объект — звезду, но на разной высоте над горизонтом. Малый размер этих меток в таком случае можно трактовать как слабую видимость звезды, связанную с ее близостью к горизонту и одновременно с близостью ее наблюдения по времени к завершению навигационных сумерек, когда общее освещение увеличивается.

Метка 9 изображена в виде обычной лунки, выполненной как ногтевое вдавление. Время, отмеченное этой лункой, совпадает с достижением Сириусом высоты $+3^\circ$. Высота Солнца при этом достигает примерно -6° . Это положение Солнца характеризует утреннее завершение навигационных сумерек и начало гражданских сумерек. С этого момента освещение увеличивается настолько, что становятся невидимы даже яркие навигационные звезды. Типичная для меток венчика старопетровского сосуда форма метки 9, скорее всего, и показывает, что Сириус также становится в этот момент уже невидимым.

Как отмечалось выше, отсчет года со дня гелиакического восхода Сириуса в Египте был введен в эпоху, когда Сириус поднимался до высоты $+3^\circ$ в момент, когда Солнце достигало высоты -6° . Метка 9 на венчике фиксирует именно такой момент времени. Так как он связан с началом гражданских сумерек и, соответственно, качественным изменением видимости звезд, мы попытались рассчитать даты и время, когда достижение Сириусом высоты $+3^\circ$ совпадало с началом астрономических и навигационных сумерек, т. к. эти моменты также связаны с качественным изменением видимости небесных объектов. Утром начало астрономических сумерек характеризуется достижением Солнца высоты -18° . В этот момент перестают быть видимыми Млечный путь и туманности. Остаются видимыми только звезды. После завершения астрономических сумерек, в момент начала навигационных сумерек, Солнце достигает высоты -12° . С этого момента становится

невидимой основная масса звезд на небе. Как уже отмечалось выше, остаются видимыми только самые яркие — навигационные звезды.

Наши расчеты показали, что датой достижения Сириусом высоты $+3^\circ$ в момент начала навигационных сумерек было 18 августа. Причем время этой астрономической ситуации совпало со временем, соответствующим краю метки 6, находящемуся ближе к внутреннему краю венчика. Датой достижения Сириусом высоты $+3^\circ$ в момент начала астрономических сумерек оказалось 26 августа. Время этой астрономической ситуации совпало со временем, соответствующим краю метки 6, находящемуся ближе к внешнему краю венчика. Расчеты также показали, что в тот же день — 26 августа Сириус восходил, находясь на высоте $h \approx 0^\circ$, в момент времени, соответствующий метке 5, представляющей собой прочерченную звезду. В этот момент Солнце находилось на высоте около -20° , что соответствовало астрономической ночи, характеризуемой высотой Солнца $h < -18^\circ$. Астрономической ночью освещение минимально, поэтому становятся видимыми и доступными для визуального наблюдения не только звезды, но и некоторые туманности с галактиками, в том числе Млечный путь. Сириус в это время начинает производить впечатление более яркой звезды по сравнению с днем гелиакического восхода и ближайшими к нему днями. Возможно, именно с этим связаны большие размеры звездообразной метки 5 по сравнению с малыми звездообразными метками 7 и 8, соответствующими дате гелиакического восхода Сириуса.

Так как на венчике старопетровского сосуда к наблюдению Сириуса вблизи даты его гелиакического восхода относится целый ряд меток, фиксирующих время, связанное с особенностью видимого движения Сириуса, на протяжении 17 дней, можно предположить, что с Сириусом связывался весь этот период. Возможно, истоки традиции празднования каникул со дня гелиакического восхода Сириуса (Holberg J.B., 2007, p.22, 214, 218) связаны именно с

наблюдениями за изменением видимости Сириуса на его восходе после дня гелиакического восхода. Наличие на венчике старопетровского сосуда целого ряда меток, связанных с Сириусом, позволяло проводить дублирующие наблюдения Сириуса вблизи дня его гелиакического восхода, например, для коррекции даты начала отсчета астрономического года или же для вычисления этой даты, если, например, плохие погодные условия препятствовали наблюдениям непосредственно в день гелиакического восхода Сириуса.

Таким образом, в процессе исследования была создана геометрическая модель старопетровского сосуда с метками на внутренней поверхности, позволившая рассчитать объемы слоев между метками. На основании полученных результатов была выдвинута гипотеза о возможном использовании старопетровского сосуда как водяных часов накопительного типа. Измерения с помощью воды объема слоев сосуда между метками подтвердили эту гипотезу. С помощью такой разметки старопетровским сосудом можно было измерять временные промежутки длительностью один час с точностью $\approx 9,6$ минуты. Объем воды для измерения одного часа с помощью старопетровского сосуда оказался приблизительно равен объему воды для измерения того же промежутка времени в древневавилонских водяных часах. В рамках данного исследования для меток на венчике старопетровского сосуда была разработана модель горизонтальных солнечных часов с наклонным гномоном, который крепился на деревянной дисковидной крышке с отверстием для поступления воды. Рассчитанная точность возможных измерений временных промежутков длительностью половина часа с помощью таких солнечных часов в рабочем диапазоне равнялась $\approx 3,4$ минуты. Одновременное измерение

времени с помощью водяных и солнечных часов позволяло заметить разницу в их показаниях, отражающую отличие среднесолнечного времени от истинного солнечного времени. В связи с этим один из элементов композиции на внешней поверхности сосуда был интерпретирован как схематичное изображение изменения величины такого отличия на протяжении года — графика уравнивания времени. Ряд меток на внешней поверхности сосуда и на его венчике был сопоставлен со звездой Сириус и с ее гелиакическим восходом. Приводимые в статье результаты астрономических расчетов позволяют утверждать, что астрономическое начало года у срубного населения Северного Причерноморья фиксировалось с момента гелиакического восхода Сириуса. Другие элементы композиции также удалось сопоставить с астрономическими закономерностями, связанными с видимым движением Солнца на протяжении года. Таким образом, в процессе проведенного исследования было установлено, что старопетровский сосуд является самыми древними водяными часами, обнаруженными на территории Европы, и имеют приблизительно такой же возраст, как и самые древние из известных древнеегипетских водяных часов. Подобные сосуды — водяные часы были, в частности, необходимы для разметки солнечных часов, которые уже были обнаружены у срубного населения Северного Причерноморья. С большой долей вероятности старопетровский сосуд являлся уникальным древнейшим комплексным устройством для измерения времени одновременно и с помощью водяных часов, и с помощью солнечных часов, позволявшим следить за неравномерностью видимого движения Солнца задолго до существующих письменных свидетельств о таких наблюдениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалакин В.К., 1981. Астрономический календарь. Постоянная часть. — М.: Наука. 703 с.
- Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенева А.Г., 2014. Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — Т. 13. — Вып. 3: Археология и этнография.
- Беседин В.И., 1996. Гончарное производство // А.Д. Пряхин. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. вторая. — Воронеж.
- Борисов В.А., 2005. Технологические особенности глиняной посуды поселения Березовая Лука // Ю.Ф. Кирюшин, А.М. Малолетко, А.А. Тишкин. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т.1. — Барнаул.
- Глушков И.Г., 1996. Керамика как археологический источник. — Новосибирск. — 328 с.
- Захарова Е.Ю., 2000. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. — Воронеж: ЦЧКИ, 163 с.
- Клименко В.Ф., Усачук А.Н., Цымбал В.И., 1994. Курганные древности Центрального Донбасса. — Донецк: РИП «Лебедь». 128 с.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2002. О сосудах со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы в Северо-Восточном Приазовье и Подонцовье // ДАС. Вып. 10. — Донецк: изд-во ДОНУ.
- Кононович Э.В., Мороз В.И., 2004. Общий курс астрономии. — М.: Едиториал УРСС. 544 с.
- Куртик Г.Е., 2013. Измерение времени и календари в Древней Месопотамии (шумерский период) // Вопросы истории естествознания и техники. № 4.
- Монтенбрук О., Пфлегер Т., 2002. Астрономия на персональном компьютере. — СПб.: Питер. 320 с.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А., 2002. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). — Новосибирск. — 200 с.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В., 2012. Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. — Уфа.
- Сайко Э.В., 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. — Москва. — 212 с.
- Усачук А.Н., 2011. «45 лет моей жизни связано с археологией...» (о Викторе Федоровиче Клименко) // ДАЗ. 2011. № 15. — Донецк.
- Усачук А.Н., Горбов В.Н., 2008. Технология изготовления керамики поселения Ляпичев хутор (по материалам раскопок М.И. Артамонова и М.П. Грязнова) // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. — Омск.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., 2006. Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.3. — Донецк.
- Цетлин Ю.Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. — М. — 384 с.
- al-Biruni, 1879. The chronology of ancient nations: an English version of the Arabic text of the Athâr-ul-Bâkiya of Albîrûnî, or «Vestiges of the Past». 464 p.
- Bezold C., Boll F., Kopff A., 1913. Zenit- und Aequatorial gestirne am babylonischen Fixsternhimmel. Sitzungsber. d. Heidelberger Akad. d. Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse. — № 11. — 59 p.
- Clagett M., 1999. Ancient Egyptian Science: Ancient Egyptian mathematics. American Philosophical Society. — 476 p.
- Gautschy R., 2011. Der Stern Sirius in Ägypten // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde 178. — Vol. 2.

- Holberg J.B.*, 2007. Sirius: Brightest Diamond in the Night Sky. Chichester, UK: Praxis Publishing. — 250 p.
- Hunger H., Pingree D.*, 1989. MUL.APIN // An Astronomical Compendium in Cuneiform, AfO Beiheft 24, Horn.
- Neugebauer O.*, 1947. Studies in Ancient Astronomy. VIII. The Water Clock in Babylonian Astronomy // Isis, № 37 (1/2).
- Powell M.A.*, 1995. Metrology and Mathematics in Ancient Mesopotamia. In Sasson, Jack M. Civilizations of the Ancient Near East III. — New York, NY: Charles Scribner's Sons.
- Powell R.*, 1815. The pharmacopoeia of the Royal College of Physicians of London, M. DCCC. IX. Longman, Hurst, Rees, and Orme. — 449 p.
- Kelley D., Milone E.*, 2005. Exploring Ancient Skies: An Encyclopedic Survey of Archaeoastronomy. — New York: Springer-NY. 614 p.
- Leverington D.*, 2003. Babylon to Voyager and beyond: a history of planetary astronomy. — Cambridge University Press. 568 p.
- Parker R.A.*, 1976. The Sothic dating of the twelfth and eighteenth dynasties // Studies in Honor of G.R. Hughes. — Chicago.
- Scott N.E.*, 1942. Egyptian Cubit Rods // Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, n.s., I.
- Sloley R.*, 1924. Ancient Clepsydrae // Ancient Egypt. Pt. 2.
- Toomer G.J.*, 1998. Ptolemy's Almagest. Princeton University Press. — 712 p.
- Vodolazhskaya L.N.*, 2013. Analemmatic and horizontal sundials of the Bronze Age (Northern Black Sea Coast) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. № 1 (1).
- Vodolazhskaya L.N.*, 2014. Reconstruction of ancient Egyptian sundials // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. № 2 (2).
- Vodolazhskaya L.N., Larenok P.A., Nevsky M.Yu.*, 2014. Ancient astronomical instrument from Srubna burial of kurgan field Tavriya-1 (Northern Black Sea Coast) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. № 2 (2).
- Weidner E.F.*, 1914. Alter und Bedeutung der babylonischen Astronomie und Astrallehre. — Leipzig: J.C. Hinrichs. 108 p.
- Waugh A.E.*, 1973. Sundials: Their Theory and Construction. Dover Publications, Inc. — New York, USA. 230 p.
- Weidner E.F.*, 1915. Handbuch der babylonischen Astronomie. I. — Leipzig. — 147 p.

ПРЕДМЕТЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Археологические фонды Краснодарского музея регулярно пополняются не только материалами, полученными в результате масштабных археологических исследований в крае, но и разрозненными материалами из грабительских раскопок на территории Краснодарского края и Республики Адыгея, изъятыми и переданными в музей сотрудниками правоохранительных органов. Эти предметы хоть и утратившие свой археологический контекст, тем не менее сохраняют свою значимость для типологических и статистических исследований базой для которых являются аналогичные находки из надёжно документированных памятников. Часть таких вещей была введена в научный оборот ранее (Вальчак С.Б., Хачатурова Е.А., 2015, с.32–39), но их список далеко не исчерпан. В очередной публикации мы представляем группу бронзовых изделий предскифского времени, которые являются функциональными и декоративными деталями конской упряжки и украшениями протомеотского населения региона в VIII–VII вв. до н. э.

1. Удила бронзовые (№295) литые, стержневидные, двучастные, с двумя отверстиями на внешних окончаниях («двукольчатые»). Стержни удила подовальные, имеют двурядно-прямоугольный рельеф на одной из сторон, поверхность прямоугольных выступов имеет вид четырёхгранных пирамидок (рис.1, 1). Подобный рельеф является наиболее характерным для удила этого типа на всей территории юга Восточной Европы и Северо-Западного Кавказа, в частности. На внешних кольцах окончаний звеньев сохранились неудалённые литники. Размеры: длина звеньев удила — 11,5 и 11,3 см, диаметр стержней — 1,1 см.

Двукольчатые удила относятся к типу 1 в классификации протомеотских древностей (Эрлих В.Р., 2007, с.115–117) или типу 1, подгруппы 2, группы 1, подотдела 2, от-

дела 1 в классификации удила Восточной Европы, где являются наиболее распространённой формой предскифского времени (Вальчак С.Б., 2009, с.34–36, прил.1, табл.8–11).

2–3. В публикуемой коллекции находятся ещё двое удила рассматриваемого типа. Одни из них практически аналогичны в деталях описанным выше (№296), наружное кольцо одного из внешних окончаний сохранилось частично, длина звеньев удила — 10,4 и 11,1 см, диаметр стержней — 1,1 см; другие (№294) не имеют приостей на рельефных прямоугольниках, длина обоих звеньев этих удила — 10,6 см, диаметр стержней — 1,1 и 0,9 см.

4. Псалий (№291) литой, стержневидный, с длинным изогнутым во внешнюю сторону верхним концом, в виде лопасти подовальной формы и с завершающимся дисковидной шляпкой коротким нижним концом. Элементы крепления псалия выполнены в виде трёх петель сегментовидной формы с такими же отверстиями. Сечение стержня приближается к ромбовидному, лопасть поломана и имеет литейный брак в виде отверстия. На шляпке-завершении нижнего конца сохранился неудалённый литник. Длина псалия — 11,9 см, диаметр стержня — ок. 1 см, ширина лопасти — 3 см (рис.1, 3).

Подобные псалии объединены В.Р. Эрлихом в вариант «а» типа IV (Эрлих В.Р., 2007, с.125, 126). С.Б. Вальчак относит такие псалии к варианту 1 (предклассическому, Кочипэ 5 — Зандак 38) типа 6 (Новочеркасск) (Вальчак С.Б., 2009, с.72, 73). От псалиев второго (классического) варианта этого типа они отличаются более разнообразным, нестандартным оформлением деталей, в частности петель. Это позволяет считать такие псалии опытными экземплярами, одними из первых в череде изделий ставшего каноническим типа. Псалии

первого варианта встречаются на позднем этапе предскифского периода преимущественно на Северо-Западном Кавказе: могильники Кочипэ, п.5; Пшиш-1, п.105; Абинский, к.1, п.1 (Вальчак С.Б., 2009, прил.2, табл.22, рис.82). Датируются такие псалии, вероятно, в пределах последней четверти — конца VIII в. до н.э. (Эрлих В.Р., 2007, с.177–179; Вальчак С.Б., 2009, с.93).

5. Псалий (№292) литой, стержневидный, завершающийся дисковидной шляпкой на коротком конце, длинный и изогнутый во внешнюю сторону верхний конец выполнен в виде лопасти вытянуто-овальной формы. Элементы крепления — три петли в виде круглых колец с круглыми же отверстиями (рис.1, 4). На верхнем крае выпуклой стороны лопасти имеется рельефный орнамент в виде четырёхлепестковой розетки — широко распространённого мотива орнаментации бляшек и других изделий предскифского периода. Верхний конец псалия отломан. Размеры: длина — 12,5 см, диаметр стержня — ок. 0,8 см, ширина лопасти — 2 см.

По классификации В.Р. Эрлиха, такие псалии относятся к типу IV (Эрлих В.Р., 1991, с.34; 2007, с.123, 124, рис.187). По С.Л. Дудареву, они отнесены к отделу I, типу I, варианту 8 вида II (Дударев С.Л., 1999, с.130, 133). С.Б. Вальчак относит подобные псалии к варианту 2 (классическому) типа 6 (Новочеркасск) (Вальчак С.Б., 2009, с.72–73, рис.92, 93). Псалии классического варианта типа Новочеркасск широко распространены на позднейшем этапе предскифского периода и являются чуть ли не единственной формой на всём пространстве юга Восточной Европы. В подавляющем большинстве они найдены на Северо-Западном Кавказе: могильники Кочипэ, Пшиш-I, Кубанский, Беляевский, станица Переправная и мн. др. (Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р., 2016, с.71, 72). Такие псалии составляют многочисленные уздечные комплекты с двукольчатыми удилами с прямоугольными видами рельефа стержней (Вальчак С.Б., 2009, с.87, прил.2, табл.23–25, 28). Датируются такие псалии

концом VIII — около середины VII в. до н.э. (Эрлих В.Р., 2007, с.178, 179; Вальчак С.Б., 2009, с.92–94).

Рельефная орнаментация лопастей псалиев рассматриваемого варианта типа Новочеркасск встречается редко. Различные фигуры на краях верхних концов трёхпетельчатых псалиев характерны для более ранних типов Фарс 2–35, иногда Фарс 14 и варианта Кочипэ 5 — Зандак 38 (Вальчак С.Б., 2009, с.69–72, рис.72–75; 76 3,4; 78, 3,4,6; 82, 2), например, шести одинаковых псалиев из грабительской «добычи» на юге европейской России (рис.4, 1).

6. Лопасть псалия литая (№285), аналогичная лопасти предыдущего псалия, но отличающаяся менее качественной отливкой рельефного орнамента (рис.1, 2). Лопасть разломана на две части. Длина 5,1 см, ширина 1,9 см.

7. Псалий (№293) литой, стержневидный, завершающийся дисковидной шляпкой на коротком конце, длинный конец утрачен. Элементы крепления — три петли в виде круглых колец с круглыми же отверстиями (рис.2, 1). Отличается крайне небрежной формовкой модели или отливкой: кривой стержень, грубый продольный шов, неровные и «сросшиеся» петли, создаёт впечатление литейного брака. Сохранившаяся длина — 7,7 см, диаметр стержня — ок. 0,7 см.

Из-за отсутствия верхнего конца псалия его тип установить затруднительно, но, несомненно, относится к формам предскифского времени.

8–11. Бляшки (№281–284) литые, в виде выпуклой четырёхлепестковой розетки с центральным дисковидным выступом, вокруг которого расположены четыре круглых сквозных отверстия. На внутренней стороне — дуговидная, круглая в сечении петля для крепления (рис.2, 2,3,6,7). Одна из блях фрагментирована. Размеры: 2,5–2,6 x 2,5–2,6 см.

Такие бляшки, но отличающиеся размерами, являются достаточно частой находкой в комплексах предскифского времени на Северном Кавказе, а мотив четырёхле-

Рис. 1. 1 — удила, 2 — лопасть псаля, 3, 4 — псаля

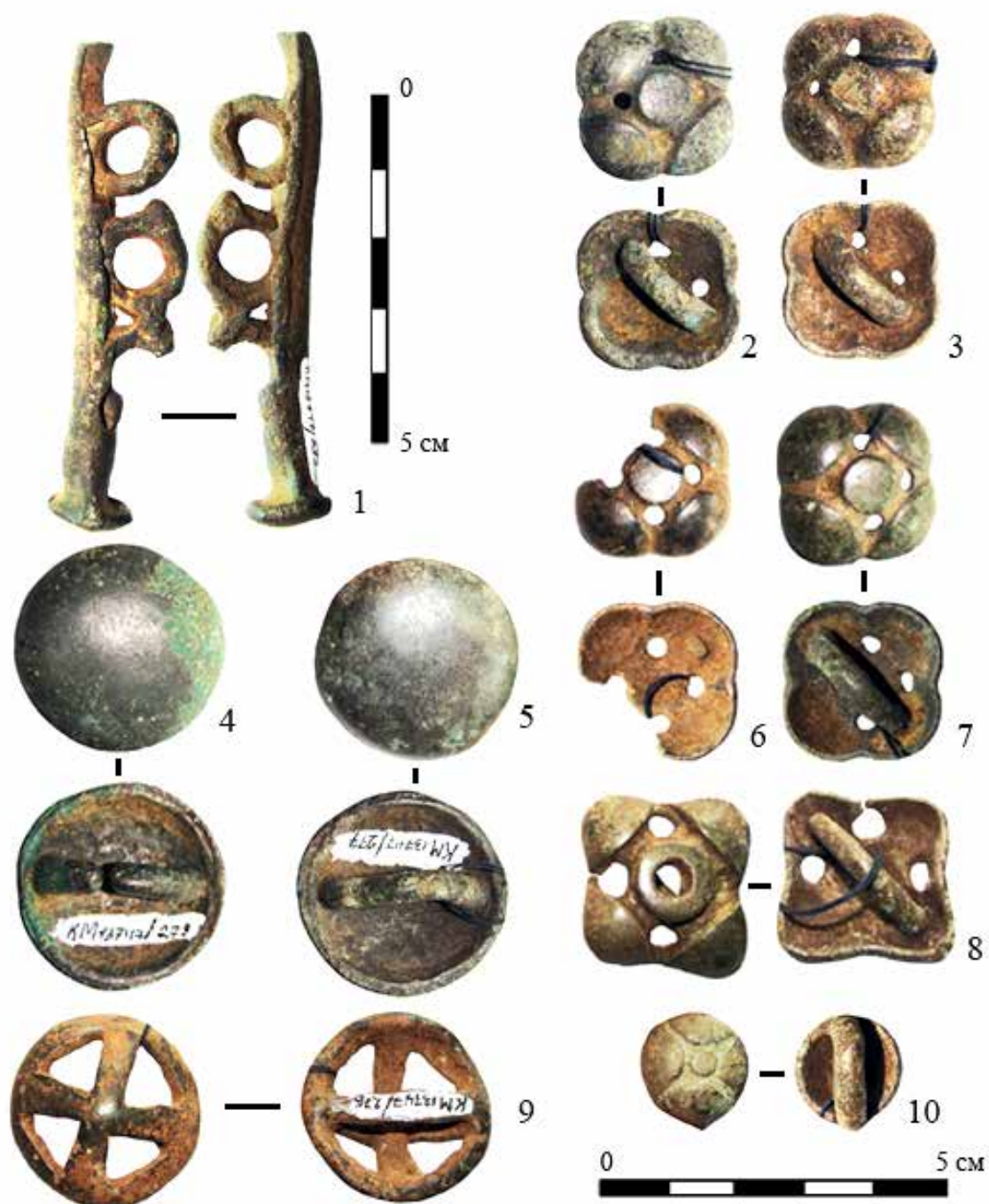

Рис.2. 1 — псалий, 2–10 — бляшки-украшения

пестковой розетки со вписанным ромбом с вогнутыми сторонами или четырёхлучевой «звездой», с рельефно выделенным диском или кругом в центре — один из самых характерных для предскифского времени. Четырёхлепестковые бляшки, впрочем, как и бляшки разнообразных иных форм, обычны среди декоративных деталей уздечек, но встречаются и среди украшений одежды.

Различные их варианты объединены в тип 1 (Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2005, с.29, 30) или в тип 8 (Эрлих В.Р., 2007, с.133, 134, рис.198, 1–3, 7, 9–12), встречаются как на Северо-Западном Кавказе, так и в более восточных ареалах кобанской культуры (рис.4, 5). Датируются обычно в широких рамках VIII–VII вв. до н.э. (Козенкова В.И., 1995, с.111, табл. XXVIII, 14), но их совстречаемость с определёнными и не самыми ранними для предскифских комплексов типами предметов упряжи и вооружения предполагает определение нижней границы бытования подобных бляшек около середины VIII до н.э.

12. Бляшка (№280) литая, в виде выпуклой четырёхлепестковой розетки с центральным дисковидным выступом со сквозным отверстием, вокруг которого расположены четыре округлых отверстия. На внутренней стороне — дуговидная, круглая в сечении петля для крепления (рис.2, 8). Бляшка в незначительных деталях отличается от описанных выше. Размеры: 2,9 x 3,0 см.

13. Бляшка (№279) литая, круглой формы, выпуклая. В щиток вписан рельефный орнамент в виде четырёхлучевой «звезды» с выпуклым диском в центре. На внутренней стороне — дуговидная, круглая в сечении петля для крепления (рис.2, 10). Размеры: 1,5 x 1,6 см.

Подобные бляшки не менее характерны для памятников предскифского времени, чем описанные выше четырёхлепестковые. Они объединены в тип 5 (Эрлих В.Р., 2007, с.131, 132, рис.195, 14–17) или тип 1 (Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2007, с.46, 47, рис.1, 1–3). Встречаются как в прото-меотских памятниках, так и в комплексах

кобанской культуры Северного Кавказа (рис.4, 6). Время их бытования определяется VIII — первой половиной VII в. до н.э. (Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2013, с.206, рис.24).

14–15. Бляшки (№№277, 278) литые, круглой формы, выпуклые. Щиток не имеет орнамента. На внутренней стороне — дуговидная, круглая в сечении петля для крепления (рис.2, 4, 5). Размеры: 3,0 x 1,1–1,4 см.

Подобные бляхи различных размеров широко распространены в различных культурах предскифского периода на всём его протяжении и позднее, в скифское время. Они могут быть отнесены к варианту 1 типа III (Козенкова В.И., 1995, с.108, 110, табл. XXVIII, 8–10) или вариантам 1–4 типа 1 (Эрлих В.Р., 2007, с.131, рис.195, 1–11, 13).

16. Бляшка (№276) литая, круглой формы, выпуклая. Щиток прорезной, четыре сквозных треугольных отверстия формируют фигуру в виде креста с расширяющимися концами и полусферическим выступом в центре. На внутренней стороне — дуговидная «внутренняя» петля для крепления, не выступающая за края бляхи (рис.2, 9). Диаметр ок. 2,7 см.

Точные аналогии рассматриваемой бляшке нам не известны, но подобный мотив в различном детальном исполнении хорошо известен в предскифских археологических комплексах Восточной Европы. Рассматриваемая бляха соответствует изделиям типа 13 (Эрлих В.Р., 2007, с.136, рис.201) или типа 3 (Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2007, с.47, рис.1, 9–14) и по сопутствующему в комплексах материалу могут быть датированы концом VIII — первой половиной VII в. до н.э.

17. Бляшка-лунница (№275) литая. Щиток дуговидной формы декорирован пятью рельефными дисками. Вдоль вогнутого края имеется рельефный пояс, заканчивающийся округлыми завитками на крайних дисках. На внутренней стороне — дуговидная, круглая в сечении петля для крепления (рис.3, 6). Размеры: длина — 3,9 см, высота — 2,2 см.

Данная категория бляшек, будучи яркой, примечательной и характерной особенностью украшений предскифского периода неоднократно привлекала внимание исследователей, что выразилось в многочисленных типологических схемах и классификациях. Подобные лунницы относятся к типу VIII (Козенкова В.И., 1995, с.111), типу III или IV (Могилов О.Д., 2004, с.54, 55; 2005, с.294–297, рис.3), типу 1 или 2 (вариант 1) группы 2 (Тарасова Н.В., Вальчак С.Б., 2004, с.82–84; Тарасова Н.В., 2006, с.242–244, рис.3, 1–9) и типу 7 (Эрлих В.Р., 2007, с.133, рис.197). Разнообразие форм и довольно большое количество находок лунниц выразились и в многочисленности вариантов датировок той или иной формы.

На основании материалов закрытых археологических комплексов отведение бляшкам-лунницам с декором из пяти дисков (рис.4, 8) временного промежутка не ранее конца второй четверти — середины VIII, вплоть до первой половины VII в. до н.э. включительно (Тарасова Н.В., 2006, с. 243, 244), представляется нам наиболее вероятным.

18. Пронизь-распределитель литая (№288). Представляет собой изделие крестовидной формы с рельефным диском в середине лицевой стороны, двумя перпендикулярными каналами (4 округлых отверстия) и отверстием неправильной формы с тыльной стороны (рис.3, 5). Размеры: 2,0 x 1,9 см.

Подобные пронизи использовались для соединения перекрёстных ремней оголовья уздечки. Относится к варианту 2 типа 1, который известен в памятниках конца IX–VIII вв. до н.э. в Центральной Европе, изредка встречаются и в Восточной (Эрлих В.Р., 2007, с.136, рис.202, 2) (рис.4, 3), например, в п.3 мог. Пшиш-I в Адыгее (рис.4, 2), датированном серединой VIII в. до н.э. (Сазонов А.А., 1995, с.88, 89, рис.3; 2004, с.391, рис.II, 3).

19. Наконечник литой (№287), с асимметричным биконическим туловом с приострѐнным нижним концом и усеченно-коническим расширением в верхней части.

Под расширением имеются два овальных отверстия (рис.3, 4). Размеры: длина — 2,7 см, макс. диаметр — 1,4 см.

Данные изделия считаются наконечниками ремней и употреблялись как в составе конского снаряжения (п.9 мог. Фарс), так и в качестве аксессуаров одежды (Большемихайловка, к.1, п.1). По пропорциям, форме нижнего конца и верхнего расширения могут быть разделены не менее чем на два-три варианта. Относятся к типу 1 (Эрлих В.Р., 2007, с.139, 140, рис.209, 1–4). В.И.Козенкова необоснованно причислила предметы к ворворкам и отнесла их к варианту 2 типа I (Козенкова В.И., 1995, с.114, табл.IV, 23). Подобные наконечники ремней встречаются в основном в северокавказских погребениях предскифского времени (рис.4, 4), но наиболее поздние экземпляры есть и в степных памятниках, где, несомненно, являются импортом (Дубовская О.Р., 1997, с.195, рис.6, 17; Махортых С.В., 2005, с.105, рис.29, 20). Датировку этих находок можно определить VIII в. до н.э., не ранее его второй четверти — середины.

20. Пронизь литая с цилиндрическим туловом (№289). В середине и по краям расположены дисковидные расширения (рис.3, 1). Размеры: длина — 3,7 см, макс. диаметр — 1,6 см.

21. Пронизь литая с усеченно-биконическим туловом (№290). По краям расположены усеченно-биконические расширения, отделѐнные от тулова рельефными поясками (рис.3, 2). Размеры: длина — 2,7 см, макс. диаметр — 1,7 см.

22. Пронизь литая с усеченно-шаровидным туловом (№288). По краям расположены расширения в виде округлых колец-поясков (рис.3, 3). Размеры: длина — 1,4 см, макс. диаметр — 1,3 см.

Рассматриваемые пронизи в закрытых археологических комплексах предскифского времени на Северном Кавказе нам не известны, так что точное определение их даты пока затруднительно. Изредка подобные изделия встречаются, но вне контекста, например, пронизь с усеченно-биконическим туловом и четырьмя выступами по

Рис. 3. 1–3 — пронизы, 4 — наконечник ремня, 5 — пронизь-распределитель, 6 — лунница

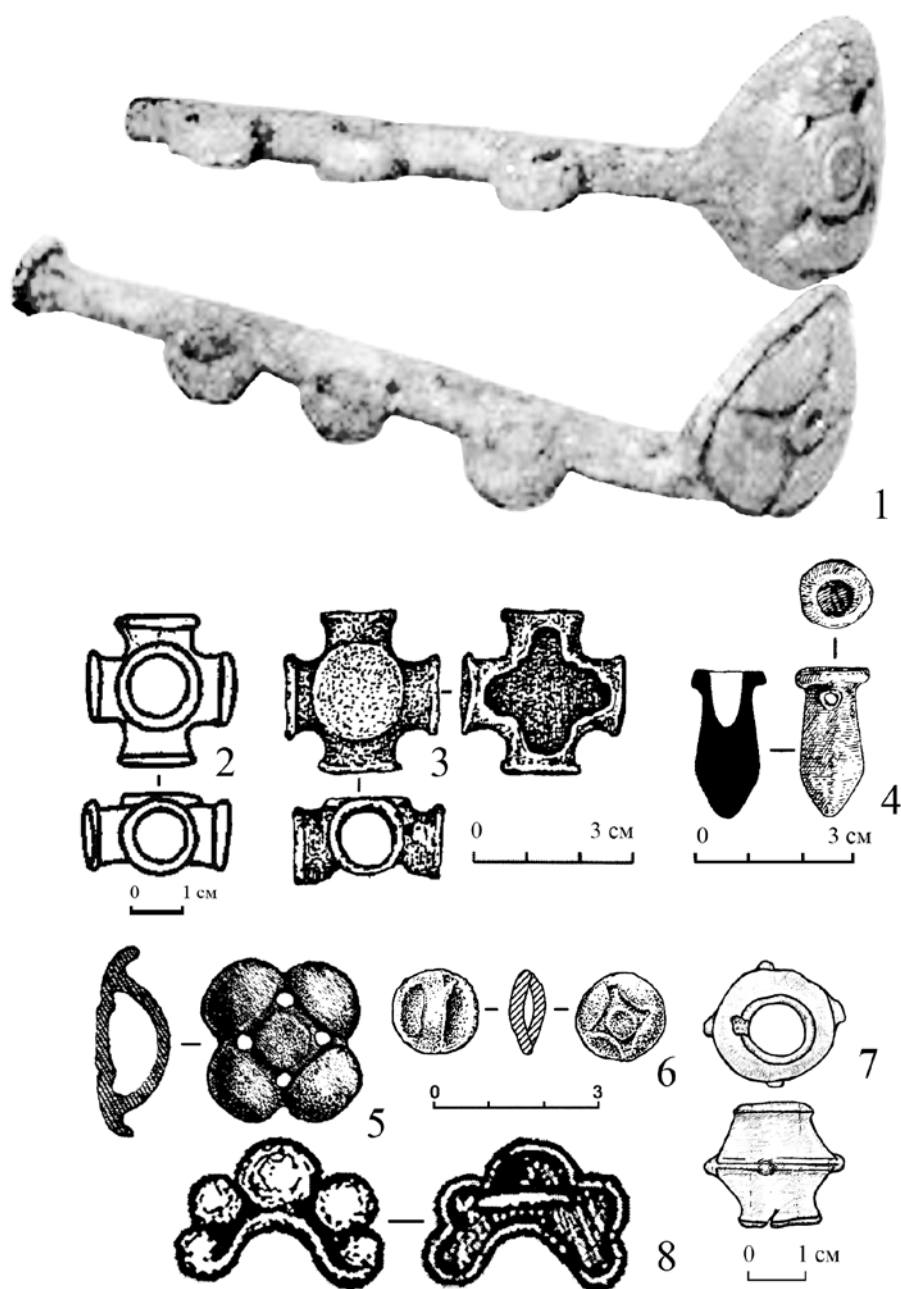

Рис. 4. Бронзовые вещи-анalogии из памятников Северного Кавказа: 1 — псалии (юг России), 2, 3 — пронизи-распределители (п.3 мог. Пшиш-I, мог. Псекупский), 4 — наконечник ремня п.15 мог. КМФ 1), 5, 6 — бляшки (п.2 мог. Каенномостский, п.2 мог. Нарзанный-2), 7 — пронизь (Краснодарский край), 8 — лунница (п.33 мог. Кочипэ)

окружности в центре (рис.4, 7) происходит из упоминавшегося ранее собрания беспаспортных вещей, переданных сотрудникам ИА РАН (Вальчак С.Б., Хачатурова Е.А., 2015, с.38). Вполне вероятно, что эти пронизи могли быть аксессуарами одежды, входить в состав ожерелья или служить

накосниками, подобно цилиндрическим и спиралевидным пронизям кобанской культуры.

Хочется надеяться, что очередная публикация вещей из фондов КГИАМЗ поможет уточнить этот и другие вопросы предскифской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2013. Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2 // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение. — М.
- Вальчак С.Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. — М.
- Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2005. Четырёхлепестковые бляшки-розетки в предскифских памятниках Восточной Европы // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. — Краснодар.
- Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2007. Типология и хронология предскифских бляшек с солярными знаками // Ранний залізний вік Європи: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції. — Київ — Чигирин, 2007.
- Вальчак С.Б., Хачатурова Е.А., 2015. Коллекция предметов раннего железного века, поступившая в Краснодарский музей-заповедник // ИАА. Вып. 13. — Армавир — Краснодар — М.
- Дубовская О.Р., 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // *Археологический альманах*. №6. — Донецк.
- Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н.э.). — Армавир.
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В2-5. Вып. 4. — М.
- Махортых С.В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. — Киев.
- Могилов О.Д., 2004. Місяцеподібні бляхи доскіфського часу // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології (Матеріали Міжнародної наукової конференції). — Київ.
- Могилов А.Д., 2005. Предскифские бляхи-лунницы Восточной и Центральной Европы // Скифия, Фракия и эллинский мир. *Stratum+*. №3, 2003–2004. — СПб — Кишинёв — Одесса — Бухарест.
- Сазонов А.А., 1995. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I // *Археология Адыгеи*. — Майкоп.
- Сазонов А.А., 2004. О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci*. — Kraków.
- Тарасова Н.В., 2006. Классификация и хронология украшений-лунниц предскифского периода // *Древности скифской эпохи*. МИАР. №7. — М.
- Тарасова Н.В., Вальчак С.Б., 2004. Классификация и хронология украшений-лунниц предскифского периода // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології (Матеріали Міжнародної наукової конференції). — Київ.
- Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. — М.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М.

Р.В. ПРОКОФЬЕВ, Т.Е. ПРОКОФЬЕВА

РАСКОПКИ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «НЕВИННОМЫССКИЙ VI»

В 2014 г. Ростовская Археологическая Экспедиция проводила спасательные раскопки курганного могильника «Невинномысский VI», попадающего в зону реконструкции газовой компрессорной станции «Невинномысск» в Кочубеевском районе Ставропольского края (рис.1, 1). Все находки переданы на хранение в Георгиевский историко-краеведческий музей.

Могильник расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Барсучки 1-е в промзоне на СВ окраине г. Невинномысска. Памятник представляет собой одиночный курган. Место, отмеченное по результатам обследования (ГУП «Наследие», г. Ставрополь, 2009 г.) как «курган 2», оказалось незначительными неровностями рельефа на распаханном поле над одной из ниток действующих газопроводов.

Еще до начала наших раскопок несанкционированные строительные работы полностью уничтожили земляную насыпь кургана 1. По данным 2009 г., его высота составляла 0,4 м, диаметр — 30 м.

Стратиграфия центральной бровки подтвердила полное уничтожение земляной насыпи кургана строительными работами. Зафиксированная у северного края разреза прикурганная выборка свидетельствует о том, что одна из насыпей кургана была сформирована грунтом с прилегающей территории.

Всего в кургане было исследовано 9 погребений и 6 ситуаций, представлявших собой отдельные маловыразительные находки (рис.1, 2).

Погребение 1. Впускное. Раннего железного века (?).

Могильная яма не прослежена. Погребение сильно разрушено. Судя по сохранившимся костям, погребенный ребенок возрастом 10–12 лет¹ был положен вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Антропологом отмечены лопатообразность резцов и

эмалевая гипоплазия зубов погребенного. У левого коленного сустава и к В от костяка зафиксированы небольшие пятна коричневого тлена (рис.1, 3). При расчистке погребения встречались мелкие древесные угольки.

Инвентарь представлен фрагментом клинка железного ножа (рис.1, 4), найденным среди костей кисти правой руки погребенного.

Погребение 2. Впускное. Неопределенное.

Могильная яма не прослежена. Погребение сильно разрушено. От костяка погребенного ребенка неопределенного возраста сохранились череп и отдельные разрозненные кости, по которым поза и ориентировка погребенного не восстанавливаются. Неподалеку от черепа зафиксированы небольшие пятна коричневого тлена и углистое пятно (рис.1, 5).

Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение 3. Впускное. Сарматской культуры.

Могильная яма не прослежена. Погребение частично разрушено. Судя по сохранившимся костям, погребенная женщина возрастом 17–25–30 лет была положена вытянуто на спине, головой на З. Антропологом отмечен периостит большеберцовых костей погребенной. У тазовых костей и между костями ног прослежены пятна темно-коричневого тлена. Между берцовых костей — отдельные мелкие угольки (рис.2).

Инвентарь:

1. Рядом с черепом найден гончарный кувшин. Тесто плотное, с примесью мелко дробленной ракушки. Внешняя поверхность серая и темно-серая, покрыта неровным сплошным лощением. Внутренняя поверхность светло-коричневая. Излом черепка серый. Сосуд сильно фрагментирован, установлена профилировка лишь его отдельных элементов (рис.3, 10–12).

2. У левой руки среди костного тлена лежали бронзовые бляшки (не менее 5 экз.), изготовленные из тонких пластин квадратной формы, по центру которых проштампована полусферическая выпуклость (рис.3, 7–8).

3. У коленного сустава левой ноги стояла гончарная кружка. Тесто плотное, с обильной примесью мелкого песка. Внешняя и внутренняя поверхности темно-серые, излом черепка светло-коричневый. Внешняя поверхность покрыта неровным сплошным лощением и орнаментирована пролощенными бороздками. Ручка крепится к тулову в пробойной технике — цилиндрические глиняные штыри, являющиеся продолжением прилепов ручки, вставлялись в округлые отверстия в стенке и примазывались изнутри сосуда. В плоскости дна, ближе к краю, проделано два сквозных отверстия небольшого диаметра (рис.3, 2).

D^B — 9 см, D^T — 14,3 см, D^D — 9,5 см, H — 12,5 см, V — 1 л².

4. Рядом с гончарной кружкой лежал фрагмент красноглиняной гончарной миски с врезным волнистым орнаментом и следами ремонта в виде парных небольших округлых сквозных отверстий. Тесто плотное, с примесью очень мелкой слюды. Черепок на всю толщу оранжевый. Внешняя поверхность тщательно заглажена (рис.3, 6).

Реконструируемые размеры: D^B — 23,8 см, D^T — 25,5 см, H > 9,6 см.

Внутри фрагмента миски лежали обломки костей лошади (фрагмент ребра и косточки запястья-предплюсны).

5. У внутренней стороны нижней части левой большеберцовой кости найден железный колчаный крюк (рис.3, 3).

6. Между пяточных костей лежал фрагмент черешка железного ножа с накладной костяной рукоятью, крепившейся железным штифтом с расплюсненной головкой (рис.3, 4).

7. Вплотную к стопам погребенной стояла сероглиняная гончарная миска с ребра-

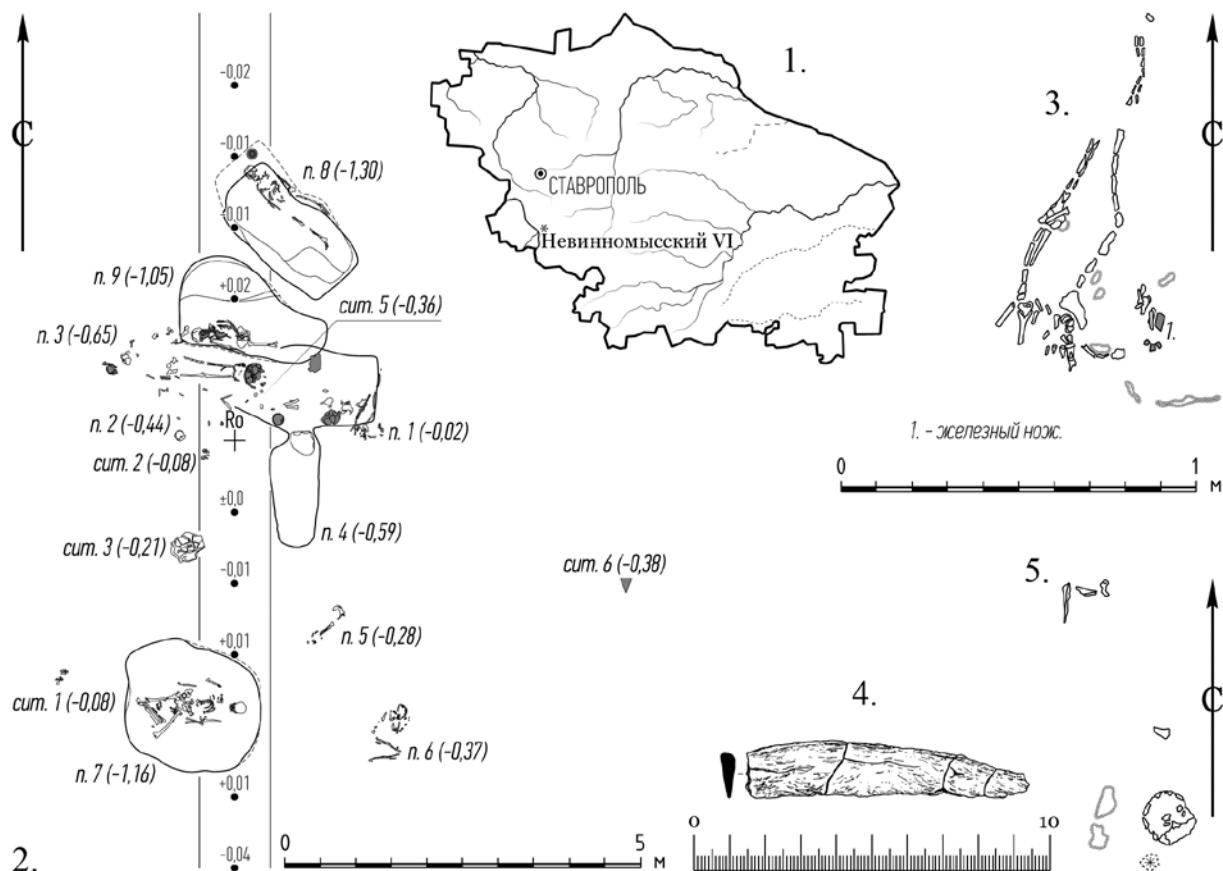

Рис. 1. Курганный могильник «Невинномысский VI». Курган 1: 1 — местоположение памятника на карте-схеме Ставропольского края; 2 — общий план; 3 — погребение 1, план; 4 — погребение 1, железный нож; 5 — погребение 2, план

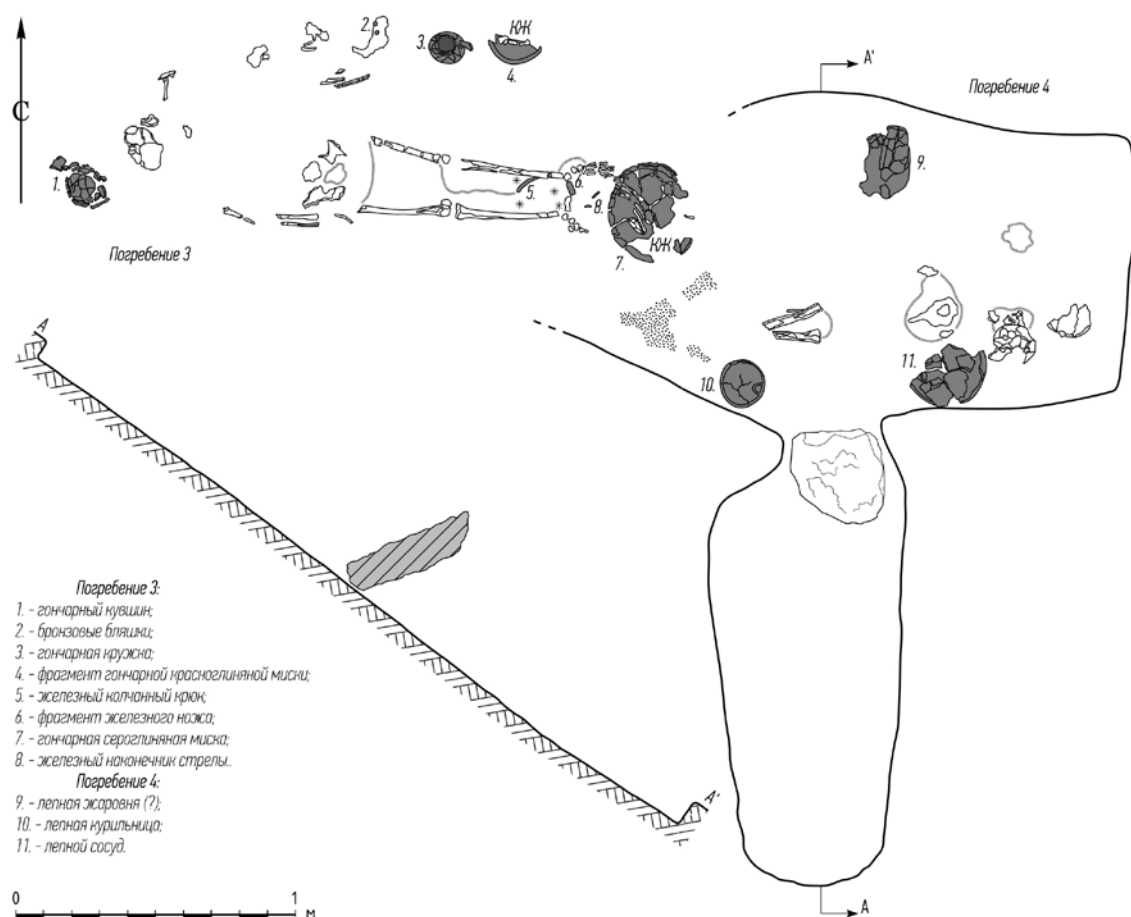

Рис. 2. Курганный могильник «Невинномысский VI». Курган 1, погребения 3 и 4, план

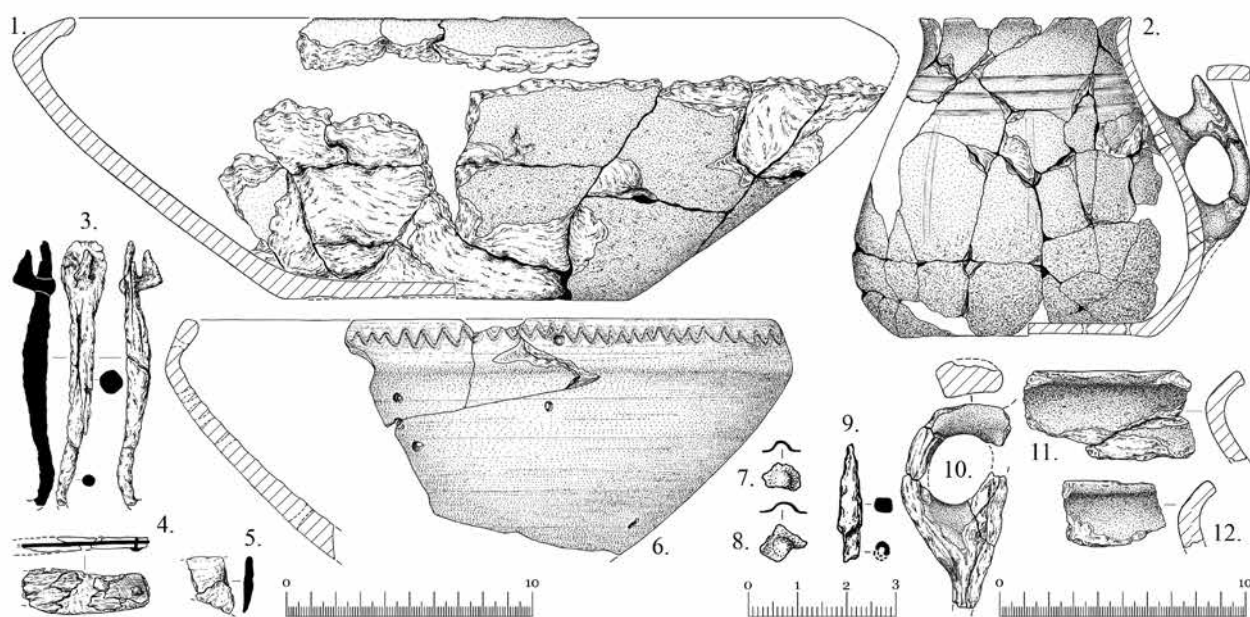

Рис. 3. Курганный могильник «Невинномысский VI». Курган 1, погребение 3, инвентарь:

1 - сероглиняная гончарная миска, 2 - гончарная кружка, 3 - железный колчанный крюк, 4 - фрагмент черешка железного ножа с костяной рукоятью, 5 - фрагмент клинка железного ножа, 6 - красноглиняная гончарная миска, 7-8 - бронзовые бляшки, 9 - железный наконечник стрелы, 10-12 - фрагменты ручки и венчика гончарного кувшина

ми овцы или козы внутри. Тесто рыхлое, слоистое, с примесью мелко дробленной ракушки. Внешняя поверхность темно-серая, покрыта неровным сплошным лощением. Внутренняя поверхность серая. Излом черепка двуцветный — оранжевый и темно-серый (рис.3, 1).

Реконструируемые размеры: D^B — 31,4 см, D^T — 36 см, D^L — 14 см, Н — 11,4 см.

8. Между сероглиняной гончарной миской и фрагментом железного ножа найден железный втульчатый четырехгранный наконечник стрелы (рис.3, 9).

9. В заполнении погребения в районе гончарного кувшина найден обломок клинка железного ножа (рис.3, 5).

Погребение 4. Впускное. Катакомбной культуры.

Могильная яма катакомбной конструкции. Входной колодец трапецевидной формы, длинной осью ориентирован по линии С—Ю. В северной стенке устроен вход в камеру, загороженный наклонно стоящим камнем известняка. Камера подпрямоугольной формы, длинной осью ориентирована перпендикулярно длинной оси входного колодца.

Погребение сильно разрушено. Судя по сохранившимся костям, погребенная женщина (?) возрастом 30–35 лет была положена скорченно на левом (?) боку, головой на В, рядом со входным отверстием в камеру. Пространство под задней стенкой оставалось незанятым. Антропологом отмечена эмалевая гипоплазия зубов погребенной. Рядом с костями на дне камеры прослеживался темно-коричневый и мелковолокнистый светло-коричневый тлен. У юго-западного угла на дне камеры отмечены пятна ярко-красной охры (рис.2).

Инвентарь:

1. У задней стенки камеры найден фрагментированный лепной сосуд (жаровня?). Тесто рыхлое, слоистое, с обильной примесью песка и слюды. Внешняя и внутренняя поверхности различных оттенков серого, с отдельными светло-коричневыми пятнами. Излом черепка темно-серый (рис.4, 3).

Реконструируемые размеры: D^B — 14,4 см, D^T — 18 см, D^L — 7,5 см, Н — 10 см.

2. Слева у входа в камеру стояла лепная курильница, орнаментированная веревочным штампом и округлыми оттисками полой трубочки. Тесто плотное, с примесью песка и слюды. Внешняя поверхность чаши серовато-светло-коричневая, ножки — оранжевые. Внутренняя поверхность бурая, с отдельными черными пятнами нагара. Излом черепка коричневатого-оранжевый (рис.4, 1).

D^B — 20,5 см, ширина основания — 8,2 см, Н — 11,4 см.

3. Справа у входа в камеру вплотную к черепу лежал лепной сосуд, покрытый тонкими неглубокими расчесами. Тесто рыхлое, с обильной примесью песка и слюды. Внутренняя и внешняя поверхности оранжево-коричневые, с пятнами темно-серого цвета. Местами на внешней поверхности отмечены тонкие вертикальные полосы-потеки темно-коричневого цвета. Излом черепка оранжево-коричневый (рис.4, 2).

D^B — 16,2 см, D^T — 18,9 см, D^L — 9,5 см, Н — 12 см, V — 1,6 л.

Погребение 5. Впускное. Лолинской культуры (?).

Могильная яма не прослежена. Костяк очень плохой сохранности, по большей части представлен отпечатками костного тлена на грунте. Судя по сохранившимся костям, погребенный ребенок возрастом 10–12 лет был положен скорченно на левом боку, головой на СВ. На уровне залегания костей прослежены отдельные пятна коричневого тлена, углистое пятно и отдельные древесные угольки (рис.5, 1).

Инвентарь в погребении отсутствовал.

Погребение 6. Впускное. Лолинской культуры.

Могильная яма не прослежена. Костяк плохой сохранности, по большей части представлен отпечатками костного тлена на грунте. Судя по сохранившимся костям, погребенная женщина (?) возрастом 25–35 лет была положена скорченно на левом боку, головой на ССВ. Под костяком погребенной прослежено обширное пятно тем-

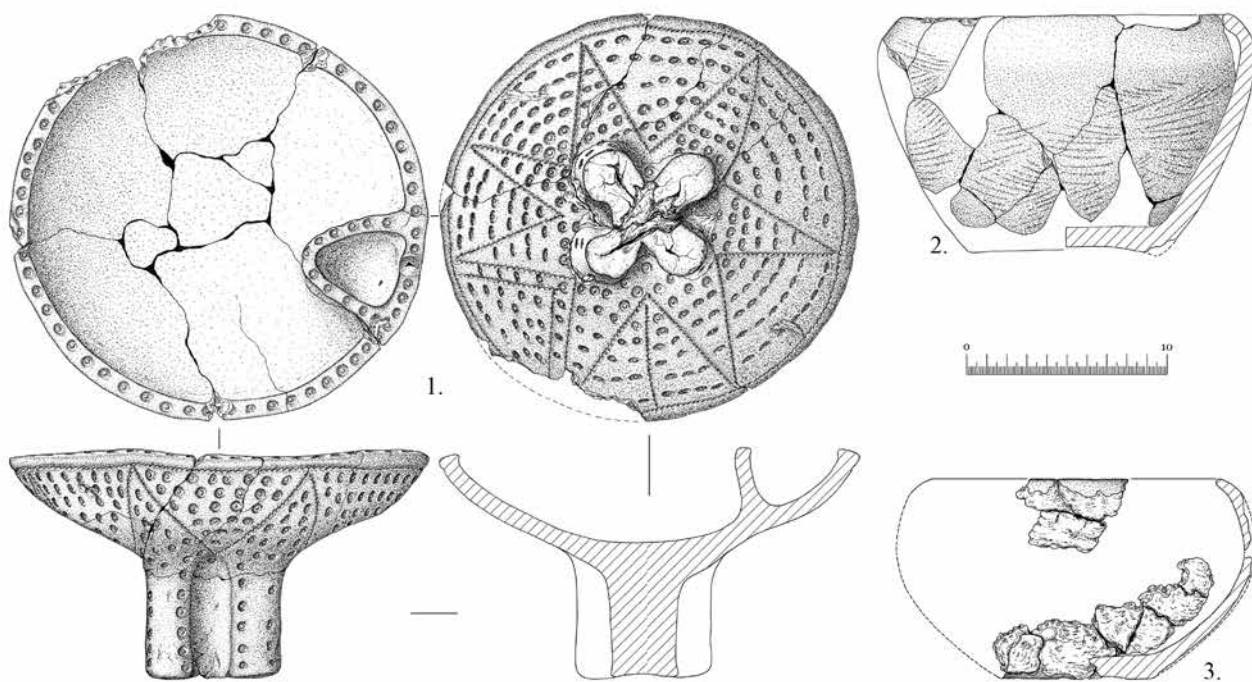

Рис. 4. Курганный могильник «Невинномысский VI». Курган 1, погребение 4, инвентарь:
1 – лепная курильница, 2 – лепной сосуд, 3 – лепной сосуд (жаровня?)

но-коричневого тлена, а между локтевым суставом и бедренной костью — углистое пятно с отдельными мелкими древесными угольками (рис.5, 2).

Инвентарь:

1. У черепа и за спиной погребенной найден фаянсовый короткоцилиндрический бисер бежевого (4 ед.) и бирюзового (2 ед.) цветов (рис.5, 3).

2. За спиной погребенной лежал мелкий обломок бронзового предмета неясной формы и назначения, рассыпавшийся при извлечении его из грунта.

Погребение 7. Основное. Ямной культуры.

Могильная яма неровной подокруглой формы. Погребенный мужчина возрастом 17–25 лет был положен на дне по центру могильной ямы скорченно на спине, головой на В. Антропологом отмечены лопатобразность резцов и эмалевая гипоплазия зубов погребенного. Под верхней частью костяка на дне ямы прослежено обширное пятно темно-коричневого тлена, у середины левой бедренной кости — небольшое пятно красной охры (рис.5, 4).

Инвентарь составили три кремневых наконечника стрелы флажковидной фор-

мы, найденных на костях левой половины грудной клетки, на правом крыле таза и под левой бедренной костью погребенного. Наконечники изготовлены из непрозрачного кремня серого, коричневато-бежевого и светло-коричневого цвета (рис.5, 5–7).

Погребение 8. Впускное. Сарматской культуры.

Могильная яма подбойной конструкции. Входной колодец подпрямоугольной формы, длинной осью ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. В юго-восточном углу оставлена невысокая подпрямоугольная в плане ступенька. Камера подпрямоугольной формы устроена вдоль северо-восточной стенки входного колодца и ориентирована длинной осью параллельно его длинной оси.

Погребенная женщина возрастом 35–40 лет была положена на дне вдоль задней стенки подбоя, вытянута на спине, головой на ССЗ. Антропологом у погребенной отмечены поротический гиперостоз орбит, эмалевая гипоплазия, зубной камень и зубочелюстная патология. Под верхней частью костяка прослежено обширное пятно темно-коричневого тлена, под грудной клеткой — угольная посыпка, под чере-

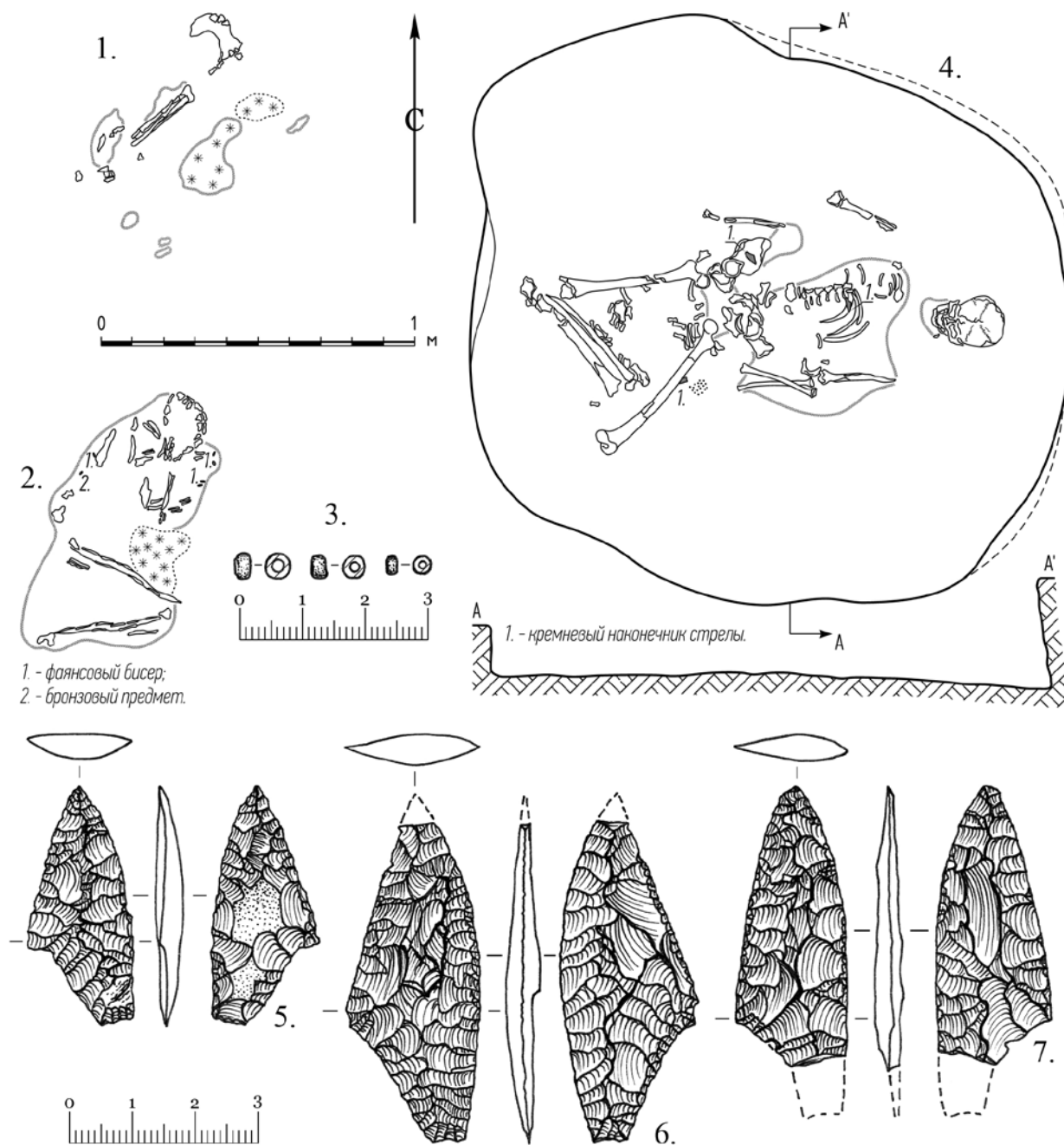

Рис. 5. Курганный могильник «Невинномысский VI». Курган 1:

1 – погребение 5, план; 2 – погребение 6, план; 3 – погребение 6, пастовый бисер; 4 – погребение 7, план;
5–7 – погребение 7, кремневые наконечники стрел

пом — посыпка мелом, перекрытая слоем мелких древесных угольков мощностью до 2 см (рис.6, 1). В заполнении погребения встречены кости двух особей овцы или козы (нижние эпифизы левых плечевых и левая лучевая).

Инвентарь:

1. В северном углу подбоя стоял лепной сосуд. Тесто слоистое, с примесью песка, редких мелких слюды и белых известковых

частиц. Обжиг неровный, с пятнами черного, серого, светло-коричневого и светло-оранжевого цветов (рис.6, 2).

D^B — 10 см, D^T — 11,2 см, D^D — 13,8 см, H — 12,6 см, V — 1,1 л.

2. У черепа найдена пара бронзовых серег, с одним концом, оформленным в виде полусферической шишечки и тонкими неровными поперечными бороздками далее по стержню серьги (рис.6, 4–5).

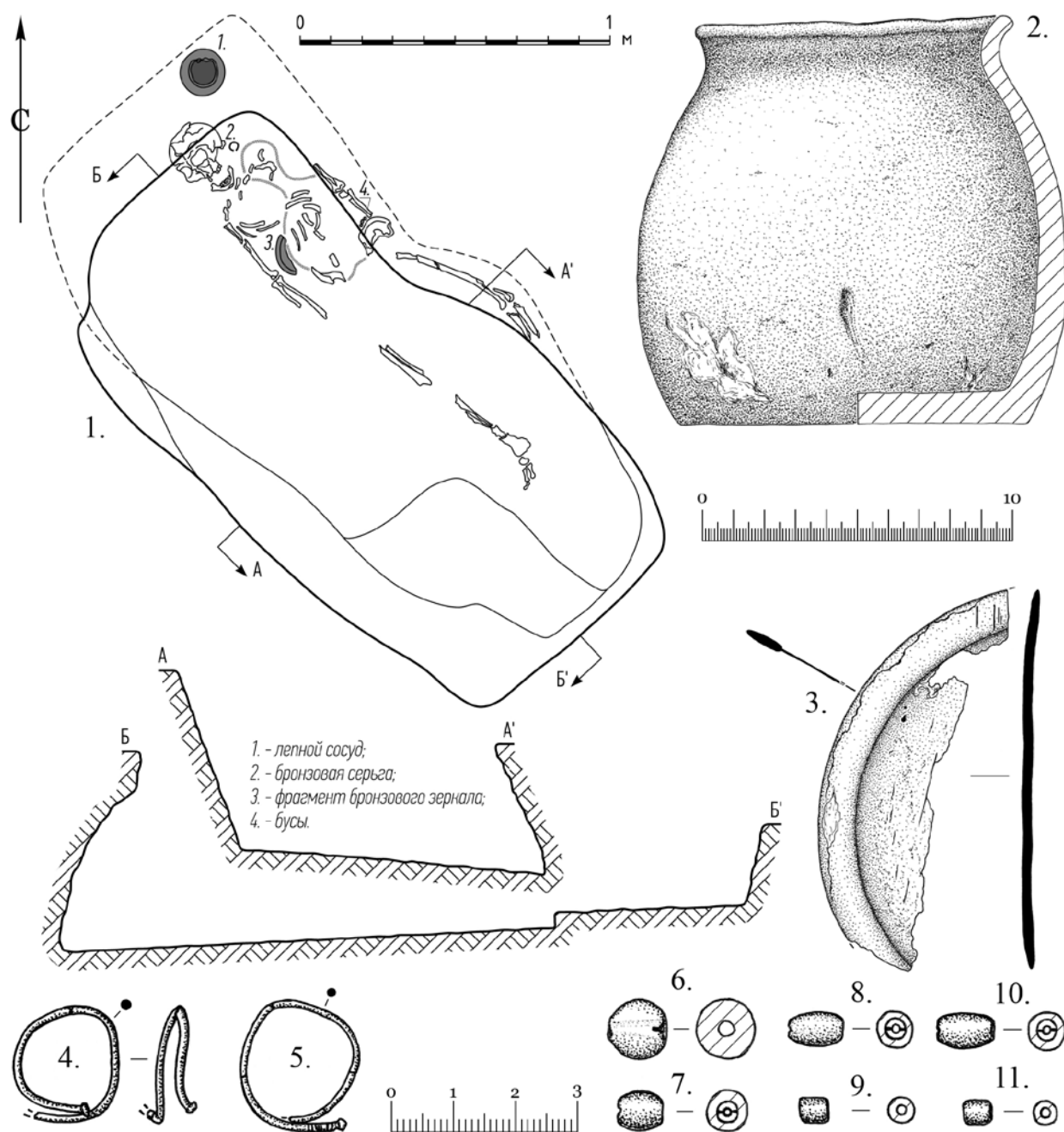

Рис. 6. Курганный могильник «Невинномысский VI». Курган 1, погребение 8:
1 — план, 2 — лепной сосуд, 3 — фрагмент бронзового зеркала, 4–5 — бронзовые серьги,
6, 9, 11 — стеклянные бусы, 7, 8, 10 — сердоликовые бусы

3. Над правым локтевым суставом погребенной в 0,23 м от дна найден фрагмент бронзового зеркала с уплощенным валиком по краю. С краю на валике видны несколько поперечных бороздок — следы неудачных ударов острым орудием, один из которых оказался достаточно сильным и точным, чтобы перерубить зеркало. Из этого видно, что зеркало в могилу было помещено намеренно фрагментированным (рис.6, 3).

4. У левого запястья (рис.6, 10–11) и под нижней челюстью (рис.6, 6–9) найдены бусы следующих типов:

- бочонковидные сердоликовые (5 ед.). Сердолик светло-коричневый, полупрозрачный, жилистый. Поверхность изделий заполирована плохо, у краев отверстий прослеживаются надпилы, отмечающие место начала сверления. Канал от-

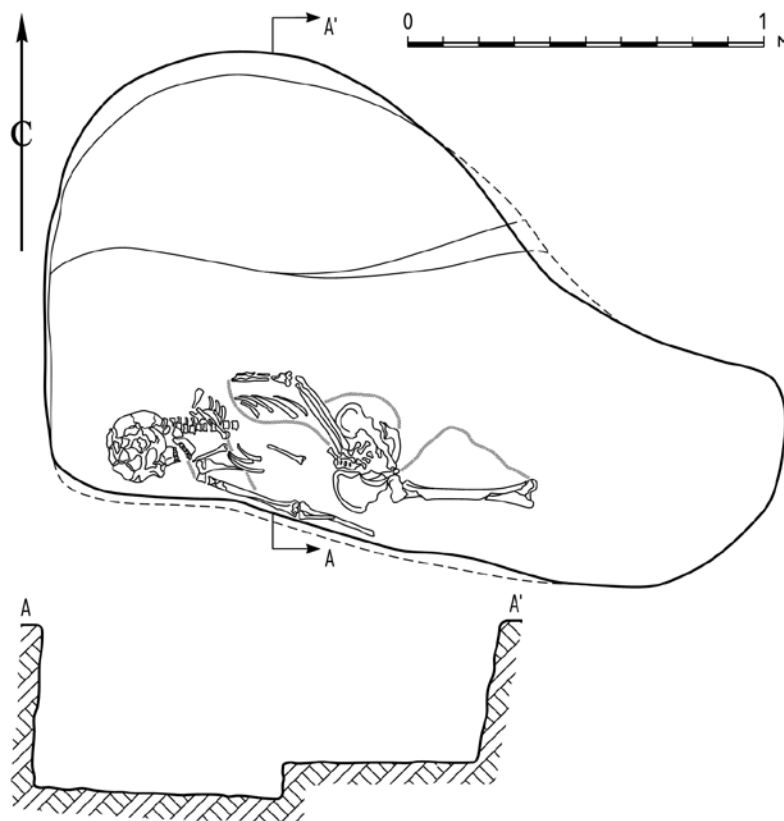

Рис. 7. Курганный могильник «Невинномысский VI». Курган 1, погребение 9, план

верстия выполнен двусторонним конусообразным сверлением (рис.6, 7–8,10);

- округлая из бесцветного прозрачного стекла. Изготовлена из отрезка стеклянной палочки, канал отверстия выполнен путем прокола (рис.6, 6);
- короткоцилиндрические из синего прозрачного стекла (4 ед.). Изготовлены из тянутой трубочки — продольная структура ядра прослеживается хорошо (рис.6, 9,11).

Погребение 9. Впускное. Северокавказской культуры.

Могильная яма катакомбной конструкции. Входной колодец полукруглой формы, длинной осью ориентирован по линии З–В. В камеру ведет невысокая ступенька. Камера подпрямоугольной формы устроена к югу от входного колодца и ориентирована длинной осью параллельно его длинной оси.

Погребенный мужчина возрастом старше 45 лет был положен вытянуто на правом

боку с завалом на спину, вплотную к задней стенке камеры, головой на З. Антропологом у погребенного отмечены лопатообразность верхних вторых резцов, эмалевая гипоплазия, зубной камень, зубочелюстная патология, верхний левый второй резец с прижизненными наружными продольными сколами коронки, спондилез и артроз. Под костяком на дне камеры прослежен темно-коричневый тлен (рис.7).

В заполнении ямы найдены кости овцы или козы (нижний эпифиз левой плечевой и верхний эпифиз левой лучевой) и зайца (фрагмент правой тазовой).

Инвентарь в погребении отсутствовал.

* * *

Проведенные раскопки показали, что курган 1 могильника «Невинномысский VI» был возведен в эпоху ранней бронзы над погребением 7 ямной культуры. Наиболее вероятно, что причиной смерти явились ранения стрелами, кремневые наконечники которых были обнаружены в грудной клетке, тазе и бедренной кости погребен-

ного. При этом интересно, что наконечники представляют один из характерных для майкопской культуры типов.

В эпоху средней бронзы в северном секторе кургана было совершено безынвентарное погребение 9 северокавказской культуры. Позднее неподалеку от него было устроено погребение 4 катакомбной культуры, содержащее довольно разнообразный керамический инвентарь. Вероятно, именно с этим погребением могла быть связана досыпка кургана, фиксирующаяся наличием выборки у северного края насыпи. Во всяком случае именно в связи с одним из этих погребений первоначальный центр кургана, отмеченный погребением 7, смещается к северу.

На рубеже эпох средней — поздней бронзы в юго-восточный сектор кургана неглубоко было впущено как минимум два погребения лолинской культуры, бедных инвентарем (погребения 5 и 6).

В раннем железном веке в центре кургана было совершено не менее двух погребений III—I вв. до н.э. с рядовым, но относительно разнообразным инвентарем (погребения 3 и 8). К этой же эпохе предположительно может быть отнесено и погребение 1.

К эпохе средневековья принадлежат немногочисленные находки фрагментов гончарных сосудов из ситуаций, позволяющие предположить наличие в кургане погребений и этого времени, разрушенных современным строительством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все антропологические и палеозоологические определения выполнены старшим научным сотрудником Института аридных зон Южного научного центра Российской академии наук к.б.н. Батиевой Е.Ф.

2. Здесь и далее при описании сосудов приняты следующие сокращения: D^B — диаметр венчика, D^T — максимальный диаметр тулова, D^D — диаметр дна, H — высота, V — измеренный водой объем.

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПЕРВЫХ ВЕКОВ НА СЕЛИЩЕ МУХОРТОВА ПОЛЯНА-2 В ДОЛИНЕ РЕКИ АШЕ

Селище Мухортова Поляна-2 расположено на северо-западной окраине аула Шхафит (Мухортова Поляна) Лазаревского района г. Сочи Краснодарского края, на высокой правобережной террасе р. Аше (Нечипорук А.А., 2014, с.140) (рис.1). В 2013 году на селище проводились аварийно-спасательные раскопки, в ходе которых в северо-западной оконечности раскопа был выявлен грунтовый могильник, синхронный раннему горизонту памятника: I–III вв. н.э. В границах раскопа было исследовано три погребения (в полевой документации и отчете даны как Сооружение 3, Погребение 3 и Погребение 4) (Нечипорук А.А., 2015, с.4).

Погребения расположены в нижней части склона пологого холма, занимающего верхнюю (северо-западную) часть раскопа (рис.2). Исследованные погребения совершены по обряду ингумации, на небольшой глубине и с использованием в погребальных сооружениях камня. Не исключено, что некоторые погребения могли быть полностью разрушены плоскостным смывом, а также в ходе хозяйственных и строительных работ.

Одно из погребений, получившее обозначение в полевой документации Сооружение 3, представляло собой компактное подовальное в плане скопление крупных и среднего размера необработанных камней (1,63x0,83 м), вытянутых по линии ЗСЗ — ВЮВ (рис.3). Камни уложены неплотно, в один ряд. Данная каменная конструкция, как выяснилось в ходе дальнейших работ, оказалась закладом погребения. После проведения фиксации и разборки каменной конструкции под ней был выявлен скелет человека. Между нижним уровнем камней и костями погребенного прослежена прослойка земли. Таким образом, камни были уложены на полностью или частично засыпанное погребение. В результате этого,

каменный заклад оказался смещен относительно погребения и не полностью накрыл его. Пятно ямы не прослежено. Яма в плане имела подквадратную форму с сильно скругленными углами. Сохранившиеся размеры: 2,43x1,88 м. Дно плоское, с плавным наклоном к Ю (вниз по склону).

Скелет мужчины 20–30 лет¹, лежал вытянуто на спине, черепом к ЗСЗ (рис.2, 3). Сохранность костей плохая, местами в виде костного тлена. Череп располагался на теменной кости. Кости правой руки вытянуты вдоль корпуса, левая рука согнута в локтевом суставе, кисть — на правой стороне таза. Ноги вытянуты, прямые.

Инвентарь:

1. С юга от погребенного вдоль костей правой ноги располагался железный кованный меч (рис.4, 1). Острие направлено вниз, рукоять находилась у костей правого предплечья. Относится к отделу IV типу 2 согласно типологии И.И. Марченко (Марченко И.И., 1996, с.56–58) или типу 1 варианту 3 согласно типологии А.В. Иванова (Иванов А.В., 2008, с.75–81). Меч обоюдоострый, линзовидный в сечении, с длинным черенком-штырем без перекрестия. Откован из одной заготовки. Черенок тонкий, в сечении подпрямоугольный. Переход от черенка к лезвию плавный, с пологими плечиками. Общая длина 94,5 см. Длина черенка — 16,0 см. Ширина клинка у рукояти — 3,7 см. Согласно И.И. Марченко данный тип мечей на памятниках Прикубанья бытует во II в.н.э. (Марченко И.И., 1996, с.58). А.В. Иванов время бытования таких мечей также определяет II в. н.э. (Иванов А.В., 2008, с.75–81).

2. Над костями таза, под левым предплечьем, располагался плохой сохранности железный черешковый миниатюрный нож (рис.4, 2). Сохранился фрагмент клиновидного в сечении лезвия. Размеры: 2,8x1,2x0,5 см.

3. На костях таза располагалась небольшая железная пряжка ремня (рис.4, 3). Сохранилась во фрагментах. Рамка круглая в плане. Выполнена из круглого в сечении прута диаметром 0,3 см. Диаметр рамки — 2,1 см.

4. В левой стороне грудной клетки, у ключицы, располагались фрагменты железной фибулы (рис.4, 4). Сохранность плохая, зафиксирована в виде железных окислов и отдельных фрагментов.

С северо-запада от костяка человека (слева), на одном уровне и вплотную к нему, располагался скелет лошади (пол установить не удалось) возрастом 6 лет² (рис.3). Каменный заклад перекрывал лишь костяк человека. Туша лошади была уложена на правом боку, головой на запад — северо-запад, мордой к западу. Сохранность костей плохая, местами в виде костного тлена. Передние ноги поджаты, расположены у левой плечевой кости человека. Задние ноги прижаты к коленному суставу и берцовым костям левой ноги погребенного.

Сбруя представлена следующими предметами:

1. Перед мордой коня располагались кольчатые двусоставные железные удила с колесовидными псалиями (рис.4, 5). Грызла изготовлены из округлых в сечении стержней (длина 9,1 см), края которых завернуты, образуя на внутренних концах неподвижные кольца D 2,2–2,3 см, а с внешней уплощенные D-образные петли для крепления ремней оголовья. У одного стержня кольцо и петля расположены в одной плоскости, у второго — во взаимно перпендикулярных плоскостях. Концы удили выполнены нацело с псалиями. Псалии круглые в плане (сохранились не полностью, диаметр не восстанавливается), с четырьмя приваренными спицами, в сечении круглые. Псалии такого типа известны в Крыму, на Северном Кавказе, в Прикубанье и на Нижнем Дону во II–III вв. н.э. (Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2007, с.90). Согласно типологии И.И. Марченко относятся к типу 3 варианту «б» и датируются I в. н.э. — первой пол. III в. н.э. (Марченко И.И., 1996, с.76).

2. В районе грудины коня располагалась сбруйная рамчатая железная пряжка (рис.4, 6). Рамка в плане подпрямоугольной формы с выгнутой внешней стороной (размеры 4,5х3,6 см), в сечении круглая. Основание, на котором крепится язычок, прямое. Язычок выполнен из круглого в сечении, плавно изогнутого в центральной части стержня (длина 3,0 см), один край которого расплюсчен и обернут вокруг рамки, образуя замкнутую петлю. Сохранилась во фрагментах, коррозирована.

3. К ЮВ от удили располагалось бронзовое сбруйное кольцо (рис.4, 7). Выполнено из круглого в сечении стержня диаметром 0,5 см. Диаметр кольца — 2,6 см.

Подобные комплексы с захоронением коня вместе с покойным широко представлены в Закубанье и на Северо-Западном Кавказе, вплоть до Абхазии. Датируется Сооружение 3 II — 1-й пол. III в. н.э.

Погребение 3. Могильная яма не прослежена. Погребенный — мужчина в возрасте 35–45 лет. Костяк лежал вытянуто на спине, черепом к ЗСЗ (рис.5). Оказался частично разрушен плоскостным смывом, поэтому сохранился не полностью: отсутствуют кости правой руки, часть грудной клетки, большая часть таза и бедренная кость правой ноги. Сохранность костей плохая, на отдельных участках представлены костным тленом. Кости левой руки вытянуты вдоль корпуса, кисть не сохранилась. Ноги вытянуты, прямые. На шейных позвонках, плечах и верхней части грудной клетки уложен плоский подпрямоугольной формы камень (0,35х0,16 м) без следов обработки, ориентированный длинной осью от плеча к плечу (ЮЮЗ–ССВ). Погребение по периметру было обложено в один ряд необработанными среднего размера камнями. Они уложены с интервалом от 0,10 до 0,45 м. С юго-западной и южной сторон камни не сохранились.

Инвентарь:

1. Между костями предплечья левой руки, у запястья, располагался миниатюрный железный черешковый нож, ориентированный острием к ЮВ (рис.6, 1). Лезвие

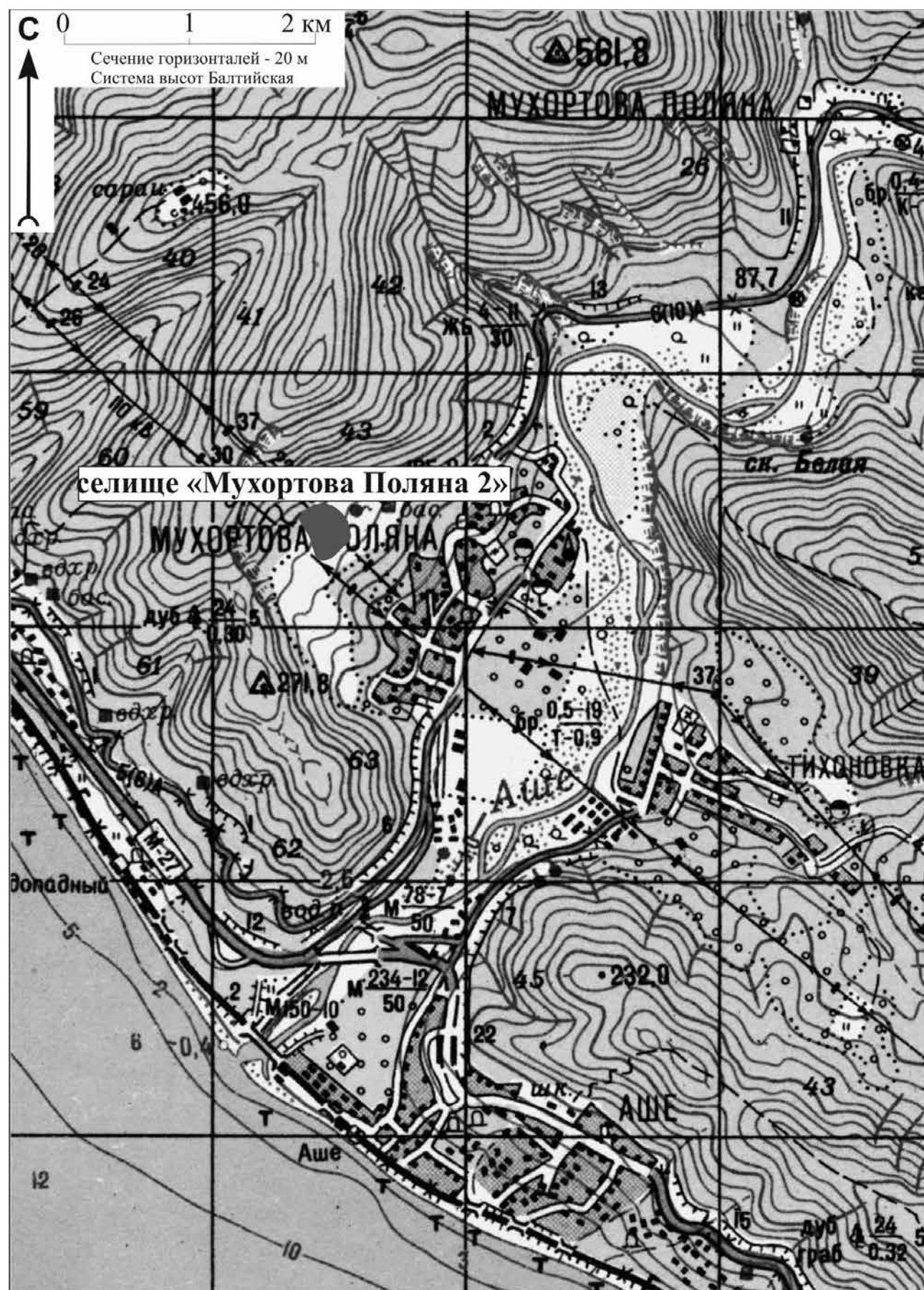

Рис. 1. Общий план расположения селища Мухортова Поляна-2

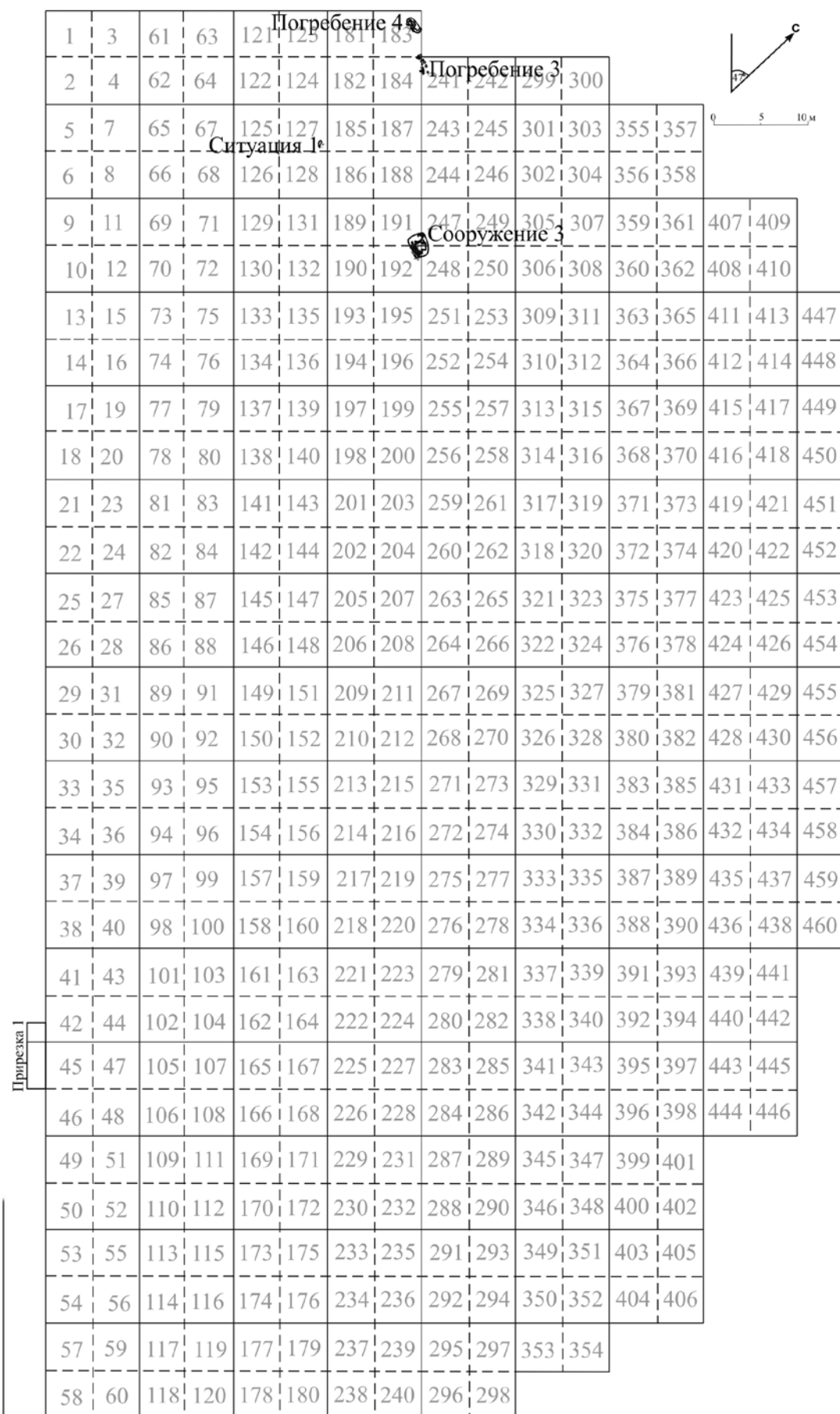

Рис. 2. Селище «Мухортова Поляна-2»: план раскопа 1

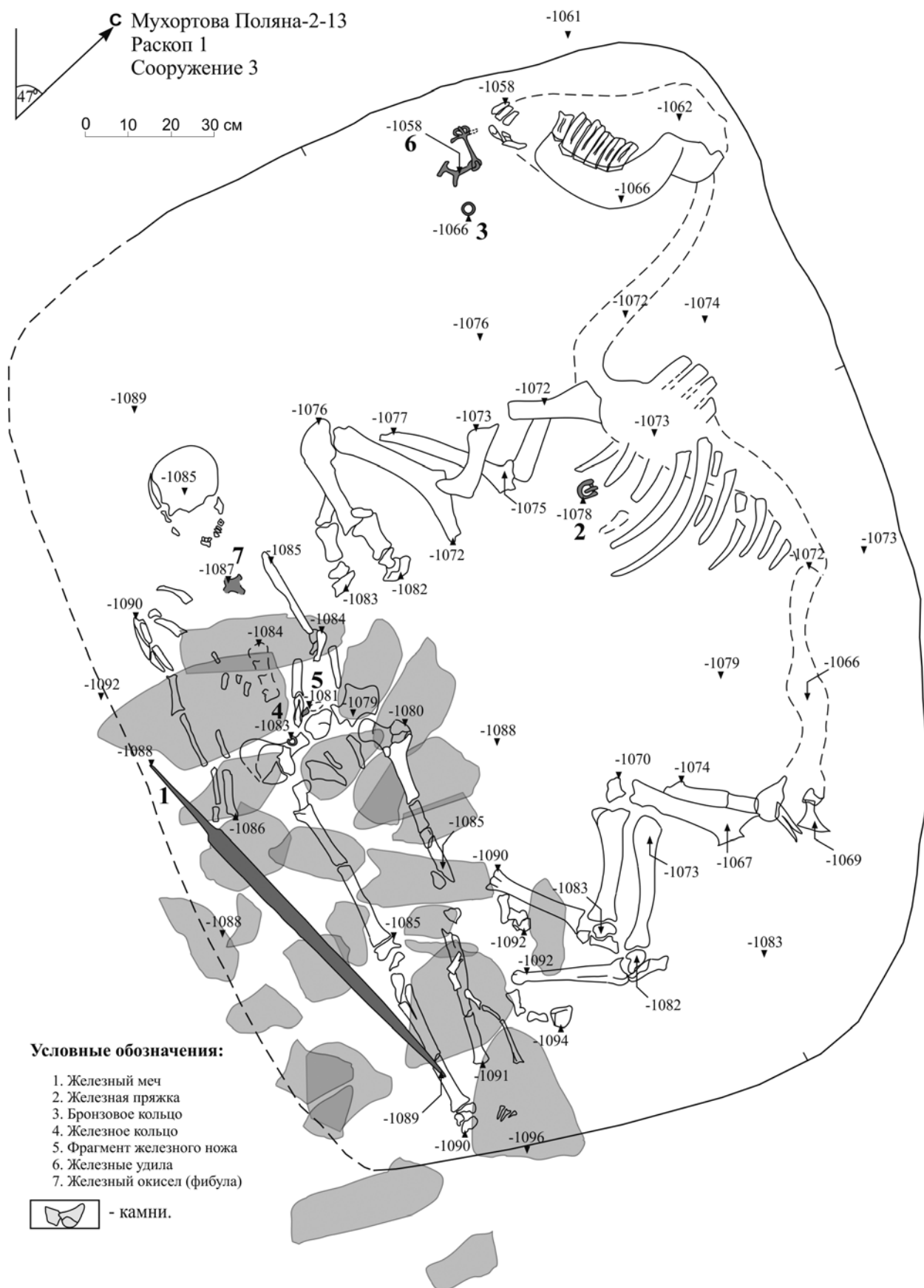

Рис. 3. Селище Мухортова Поляна-2: раскоп 1, сооружение 3, сводный план

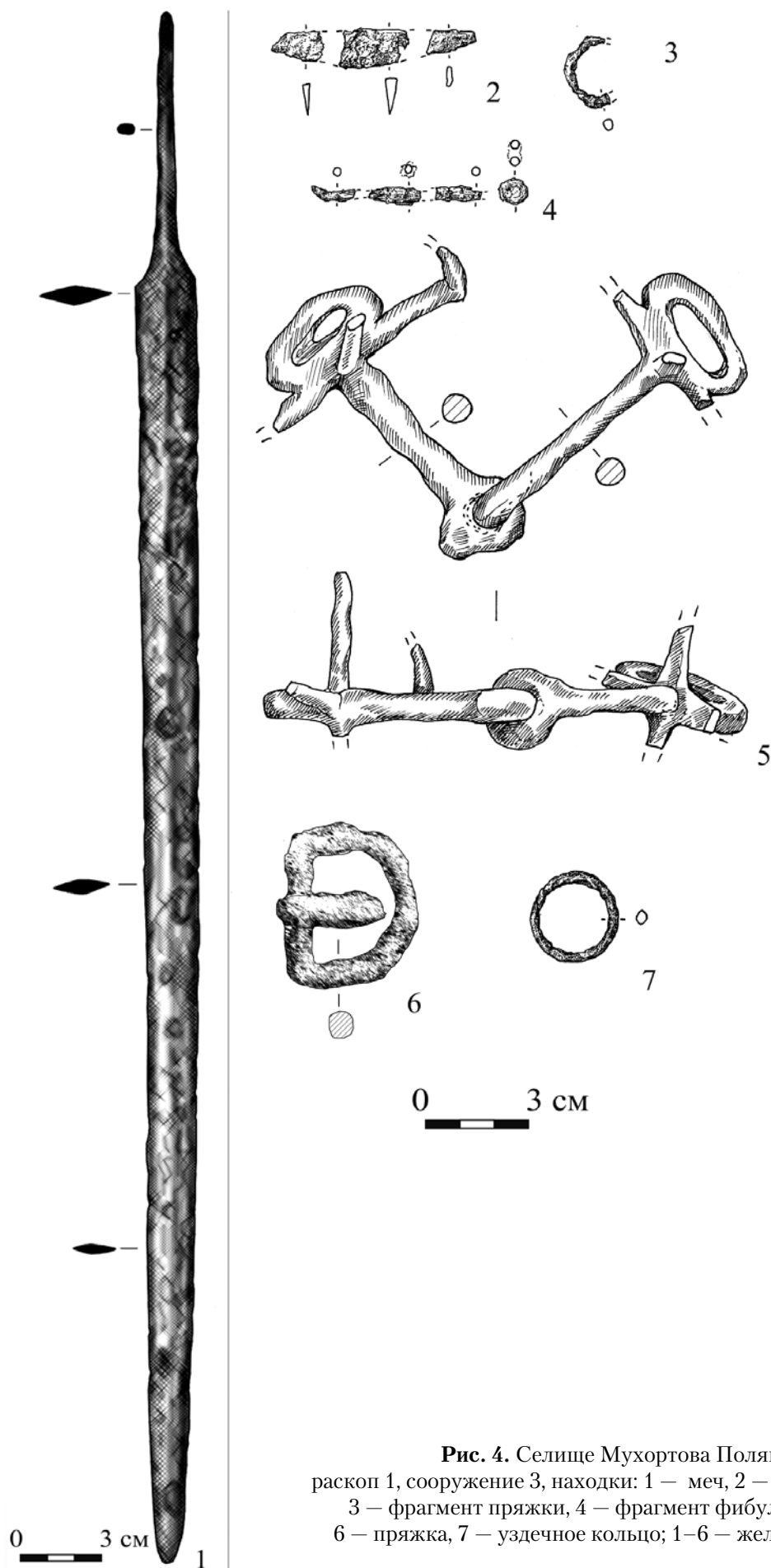
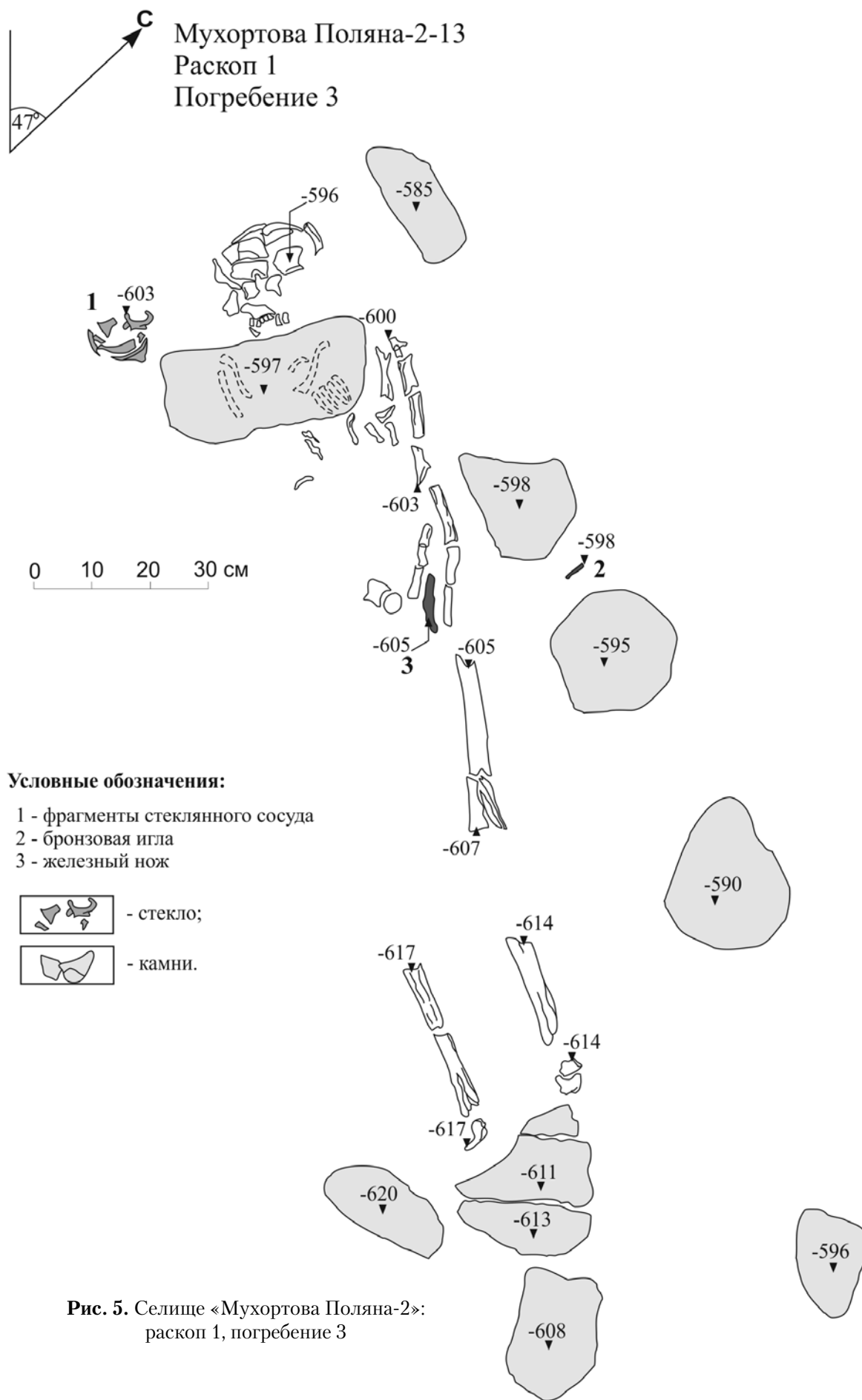

Рис. 4. Селище Мухортова Поляна-2:
раскоп 1, сооружение 3, находки: 1 — меч, 2 — фрагменты ножа,
3 — фрагмент пряжки, 4 — фрагмент фибулы, 5 — удила,
6 — пряжка, 7 — уздечное кольцо; 1-6 — железо, 7 — бронза

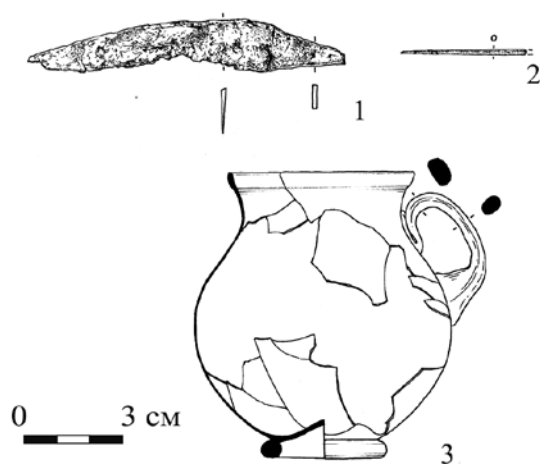

Рис. 6. Селище «Мухортова Поляна-2», раскоп 1, погребение 3, находки:
1 — нож, 2 — фрагмент фибулы, 3 — модиолус;
1 — железо, 2 — бронза, 3 — стекло

клиновидное в сечении, спинка изогнута. Черешок в плане подтреугольный, в сечении плоский, плавно расширяется к лезвию. Общая длина — 9,7 см, длина лезвия — 7,6 см.

2. К юго — юго-западу от черепа располагался тонкостенный сосуд — модиолус — из зеленоватого прозрачного стекла (рис.6, 3). Имеет вид небольшого кубка (горшковидный профиль) на кольцевом поддоне с петельчатой ручкой. Венчик отогнут наружу, слегка утолщен. Горло короткое, плавно переходит в округлое тулово. Дно конусообразно вогнуто. По краю дна округлый в сечении кольцевой поддон. Ручка подовальная в сечении, верхним краем припаяна под горлом, нижним — к тулову. Нижний край ручки имеет конусообразное утолщение. Стенки тонкие толщина 0,05–0,1 см, к венчику слегка утолщаются. Д устья — 5,7 см. Д дна — 3,8 см. Сохранился во фрагментах, часть стенок утрачена, стекло слегка иридировано. Выполнен в технике свободного выдувания. Такого типа сосуды производились в Римской империи и являются довольно редкой находкой для Северо-Восточного Причерноморья. Исследователи относят их к кубкам (Алексеева Е.М., Сорокина Н.П., 2007, с.59, 60, табл. 39). Близкие аналогии известны по раскопкам городов Боспора. Хранящиеся в Эрмитаже шаровидные одноручные кубки, найденные при раскопках в Пантикапее и Нимфее, датируются I в. и счи-

таются привезенными из Восточного Средиземноморья (Алексеева Е.М., Сорокина Н.П., 2007, с.60). Похожий сосуд (стакан-модий) найден во время раскопок ГМИИ одного из склепов некрополя Тирамбы, датирующегося первыми веками н.э. (Античное наследие..., 2010, с.368, 369, рис.33). В Прикубанье в это время в употреблении были простые стаканы, также выполненные в технике свободного выдувания (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2003, с.113, 159, рис.18; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2013, с.241–244). Близкими по форме модиолусу из Погребения 3 являются стаканы, представленные в могильнике Нейзац в Крыму (Шабанов С.Б., 2011, с.179–180, рис.1, 2).

3. Между камней северной продольной стенки выявлен фрагмент бронзовой фибулы (рис.6, 2). Представлен круглой в сечении иглой. Длина — 3,8 см.

4. При разборке костей скелета, под запястьем левой руки, рядом с ножом, были выявлены сильно коррозированные фрагменты железного изделия (в основном лишь пятно окислов), форма которого не восстанавливается. Размеры пятна окислов 5х2 см.

Погребение 3 датируется I–II вв. н.э.

Погребение 4. Пятно ямы не прослежено. Погребение было перекрыто каменным закладом, представленным несколькими крупными и среднего размера необработанными плоскими камнями. Камни залежали горизонтально, на удалении друг от друга. Самый крупный, расположенный в западной части заклада, перекрывал грудную клетку, шею и правую плечевую кость (рис.7). Еще один крупный камень перекрывал кости ног в районе коленных суставов. Несколько более мелких камней располагалось в восточной части, частично перекрывая кости стоп. Яма слегка углублена в материковую породу, имеет подовальную форму (размеры 1,86х0,73 м). По периметру ямы, с западной, южной и восточной сторон, располагались отдельные необработанные камни.

Погребенный — мужчина (?) в возрасте 15–25 лет. Костяк лежал вытянуто на спине, черепом к 3. Кости рук вытянуты

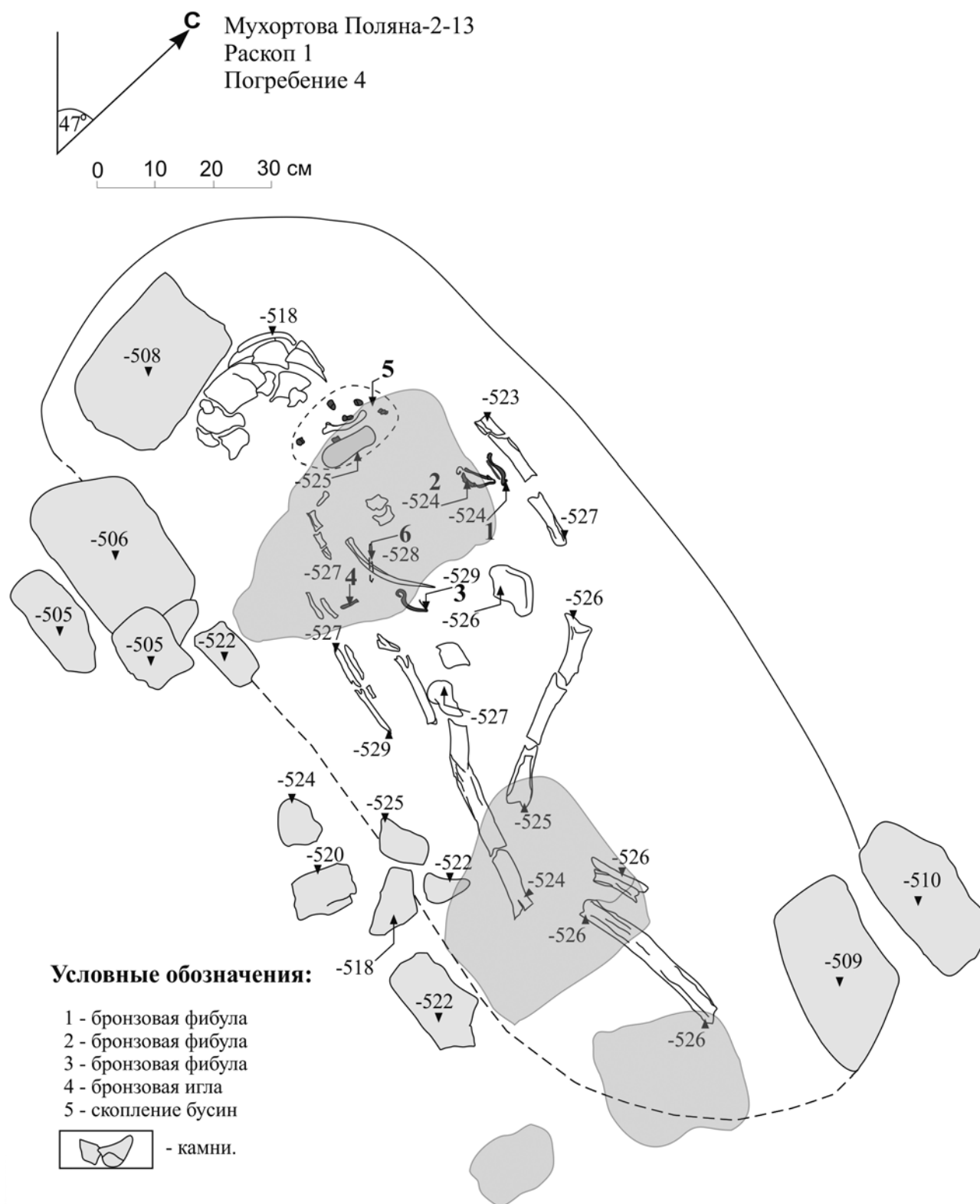

Рис. 7. Селище «Мухортова Поляна-2», раскоп 1, погребение 4

вдоль корпуса. Кости ног слегка согнуты в коленных суставах и отведены в сторону. Сохранность костей плохая, зачастую представлены костным тленом.

Инвентарь:

1. В районе шейных позвонков и нижней челюсти располагалось ожерелье из

16 стеклянных фигурных бус зеленого и желтого цветов (рис. 8, 1–16). Бусы имеют цилиндрическую удлиненную форму с 2–4 поперечными рядами округлых бугорков желтого глухого (6 экз.) и зеленого полупрозрачного (9 экз.) стекла³. Представлены различные схемы расположения бугорков:

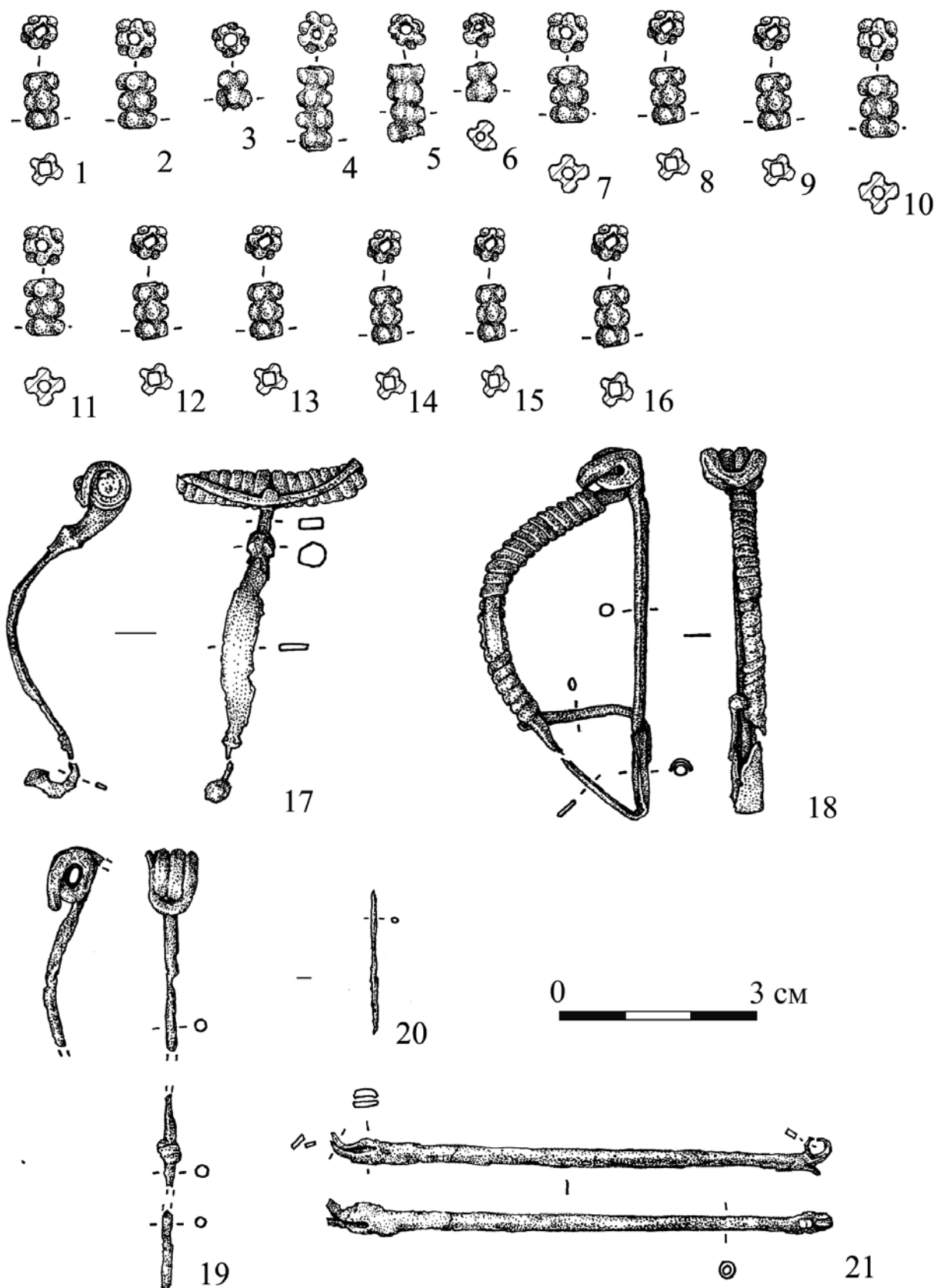

Рис. 8. Селище «Мухортова Поляна-2», раскоп 1, погребение 4; находки:
1–16 – бусы, 17–19 – фибулы, 20 – фрагмент иглы, 21 – изделие; 1–16 – стекло, 17–21 – бронза

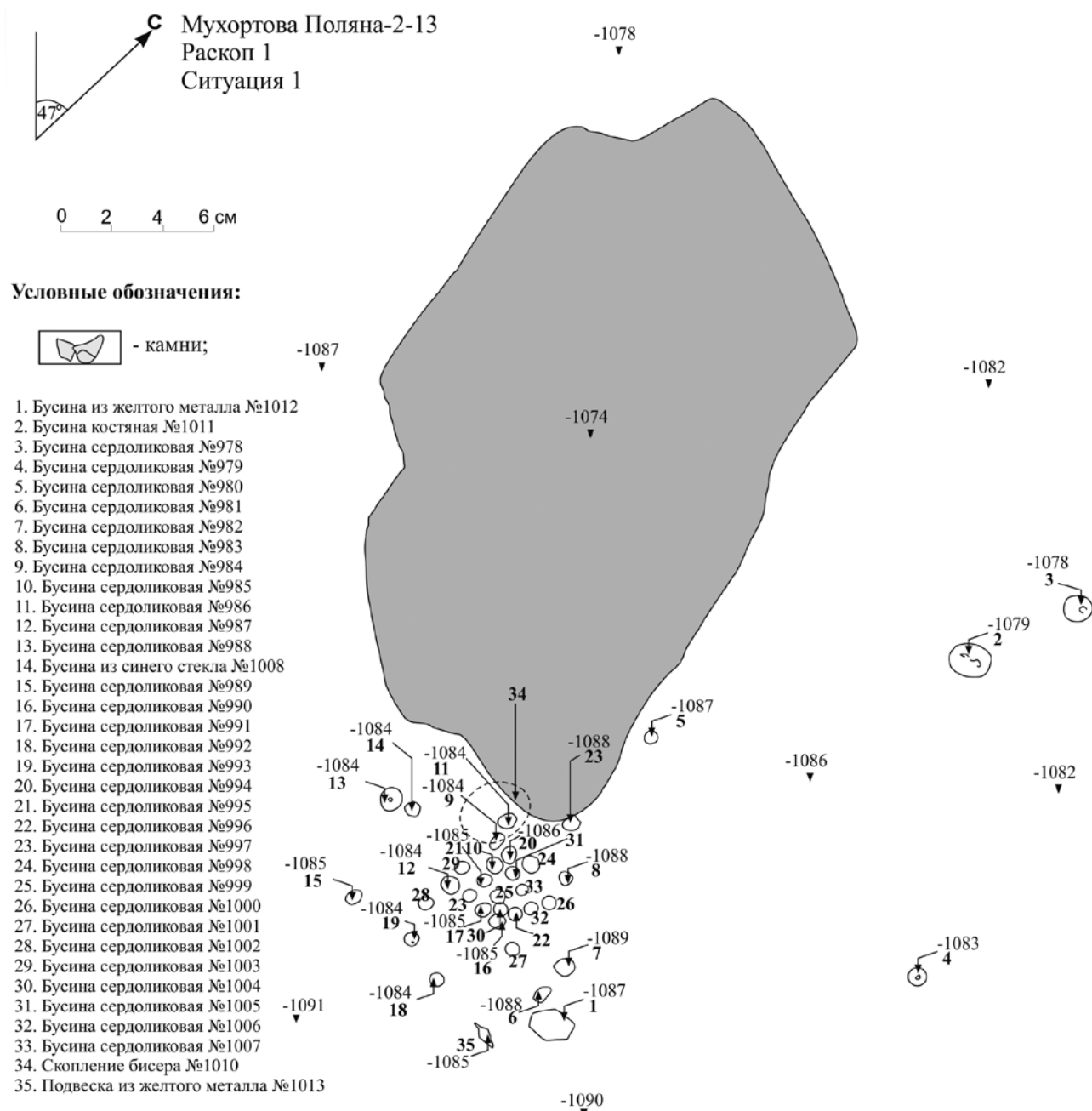

Рис. 9. Селище «Мухортова Поляна-2», раскоп 1, ситуация 1

1 — вдоль длинной оси бусины; 2 — в шахматном порядке. Края многих экземпляров обломаны, поэтому возможно предположить, что они имели более 4-х поперечных рядов бугорков. Изготовлены из тянутой трубочки не очень высокого качества пористого стекла. Зеленые бусы: длина — 0,55–1,1 см, диаметр — 0,4–0,5 см. Желтые бусы: длина — 0,6–1,25 см, диаметр — 0,45–0,6 см. Соответствуют типу 159 по сводам Е.М. Алексеевой, датируются II в. до н.э. — II в. н.э. (Алексеева Е. М., 1978, с.72).

2. Между грудной клеткой и плечевой костью левой руки располагалась бронзо-

вая фибула (рис.8, 17). Относится к группе 10 серии 2 («основная», или восточная) — сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке по классификации В.В. Кропотова (Кропотов В.В., 2008, с.104–110) или группе 11 серии 1 варианту I–3 по классификации А.К. Амброза (Амброз А.К., 1966, с.40, 41). Фибула в плане Т-образная (5,3х3,0 см). Имеет изогнутую пластинчатую спинку шириной до 0,6 см с двумя биконическими «бусинами» по краям, резко изогнутым краем и биконической граненой кнопкой на конце. Приемник сплошной, не сохранился. Пружинное устройство (дли-

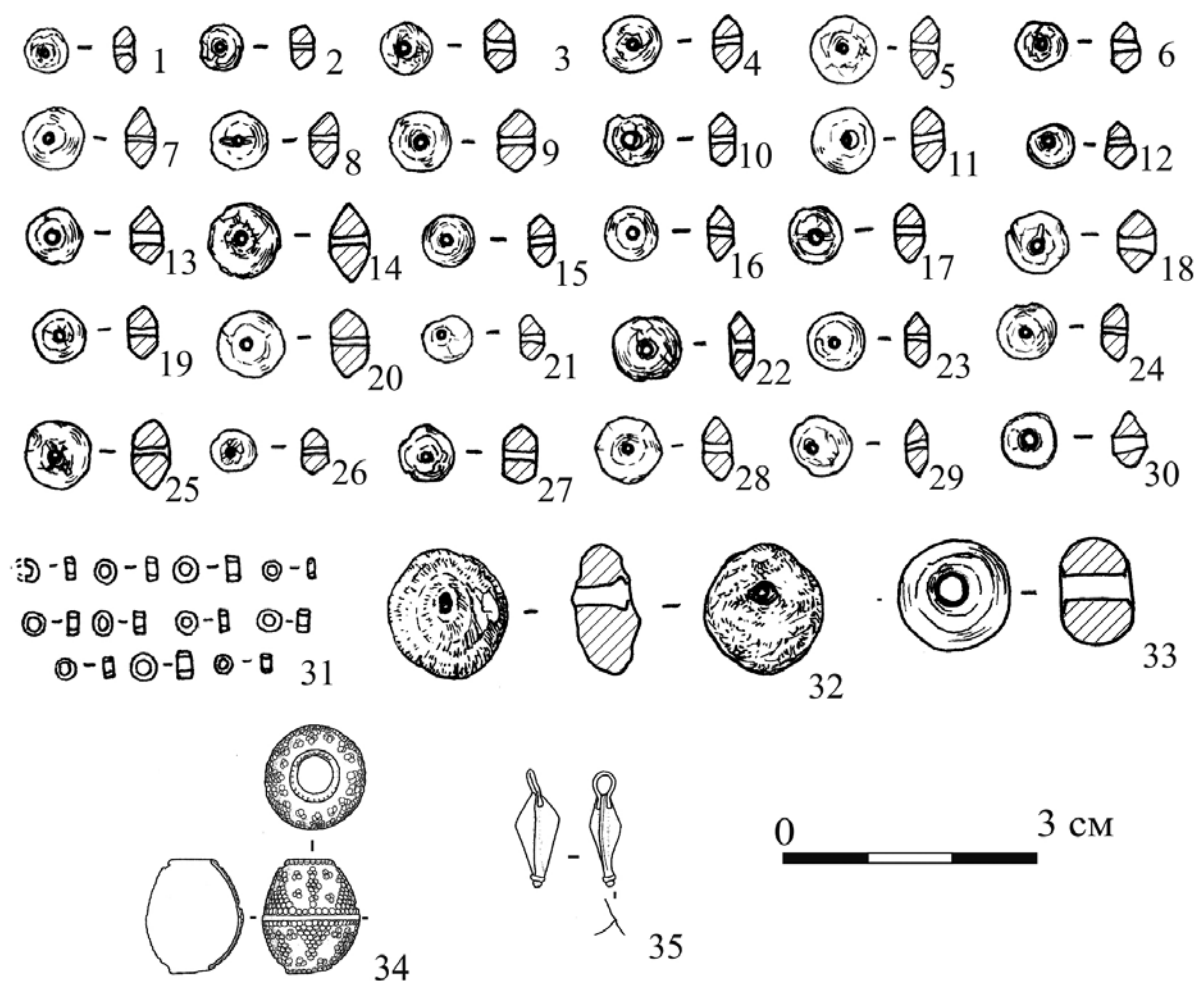

Рис. 10. Селище «Мухортова Поляна-2», раскоп 1, ситуация 1, находки:
1–30, 33 – бусы (31 – бисер, 32 – бусина-подвеска, 34 – бусина-пронизь, 35 – подвеска);
1–29, 33 – сердолик, 30 – стекло, 31 – стеклянная паста, 32 – кость, 34, 35 – золото

на 3,0 см) расположено перпендикулярно к корпусу, пружина многовитковая, с крючком для тетивы, тетива верхняя. Игла не сохранилась. Датируются такие фибулы согласно А.К. Амброзу II – 1-й пол. III в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с.41). В.М. Косяненко датирует данные фибулы II в. н.э. (Косяненко В.М., 1987, с.47).

3. Между грудной клеткой и плечевой костью левой руки, рядом с вышеописанной фибулой, располагалась еще одна бронзовая фибула (рис.8, 18). Относится к группе 4 серии I варианту 4 – лучковые подвязные фибулы – по классификации В.В. Кропотова (Кропотов В.В., 2008, с.77, 78) или группе 15 серии 1 варианту 5 по классификации А.К. Амброза (Амброз А.К., 1966, с.50, 51). Спинка дуговидная, со сплошной обмоткой. Ножка плоская, подо-

гнута вниз, образуя приемник. Приемник прямой, с пазом для иглы, подвязан к спинке. Пружинное устройство с верхней тетивой. Игла круглая в сечении, прямая. Размеры: 5,8х2,7 см. Датируются такие фибулы согласно В.В. Кропотову 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н.э. (Кропотов В.В., 2008, с.77).

4. В районе живота, над правым крылом таза, располагалась бронзовая фибула (рис.8, 19). Относится к группе 4 серии I (вариант не восстанавливается из-за плохой сохранности изделия) – лучковые подвязные фибулы – по классификации В.В. Кропотова (Кропотов В.В., 2008, с.71–73) или группе 15 серии 1 (вариант не восстанавливается) по классификации А.К. Амброза (Амброз А.К., 1966, с.47, 48). Спинка дуговидная. Приемник был подвязан к спинке. Пружинное устройство с

верхней тетивой. Игла круглая в сечении, прямая. Фибула фрагментирована, отдельные части утрачены.

5. Между плечевой костью правой руки и ребрами выявлена бронзовая игла (рис.8, 20). Представлена тонким, круглым в сечении стержнем размерами 2,3х0,1 см. Верхняя часть с ушком утрачена.

6. Под ребрами, к западу от вышеописанной фибулы, было выявлено бронзовое изделие (рис.8, 21). Имеет вид полой трубочки диаметром 0,3 см, свернутой из тонкой пластины. Края расплющены и свернуты в круглые мелкие петли на концах диаметром 0,4 см (сохранились фрагментарно). Длина изделия — 7,8 см.

Погребение 4 датируется II в. н.э.

Кроме того, с одним из разрушенных погребений, вероятно, связана ситуация 1. Представлена скоплением бус, бисера и одной подвески, сконцентрированных вокруг одиноко лежащего необработанного камня размерами 0,29х0,16 м (рис.9). Основная масса находок располагалась у ЮВ края камня. Здесь было зафиксировано небольшое скопление бисера. Отдельные бусины располагались к востоку от камня. Признаков погребения или каких-либо конструктивных особенностей, связанных с ситуацией 1, не выявлено. Вероятно, скопление бус является остатками одного ожерелья, которое могло быть частью погребального инвентаря из несохранившегося погребения (детского?).

Основная масса бусин имеет усеченно-биконическую форму и выполнена из сердолика (29 экз.) (рис.10, 1–29). Размеры от 0,6х0,3 см до 0,9х0,5 см, диаметры отверстий 0,1–0,15 см. Лишь одна бусина более крупная (1,3х0,8 см), уплощенно-эллипсоидной формы, с отверстием диаметром 0,4 см (рис.10, 33). Вероятно, изначально была в центральной части ожерелья, поскольку отличается от остальных бус формой и размерами. Часть бусин изготовлена из синего полупрозрачного стекла (не менее 7 экз., все, за исключением одной, расколоты) и также имеет усеченно-биконическую форму (рис.10, 30). Размеры 0,7х0,4 см, диаметры отверстий 0,2 см. Бисер (не менее 12 экз.) из-

готовлен из светло-зеленой стеклянной пасты, имеет цилиндрическую форму (рис.10, 31). Размеры: от 0,25х0,15 до 0,35х0,2 см, диаметры отверстий 0,15–0,2 см.

Среди бусин выделяется крупная бусина-пронизь из золота (рис.10, 34). Имеет шарообразную форму, полая внутри. Спаяна из двух полусфер с отверстиями в верхней части. Место спайки украшено припаянной тонкой проволочкой. Поверхность бусины орнаментирована зернью, образующей орнамент, состоящий из следующих элементов: два тонких однорядных пояска по обе стороны от центральной проволочки; треугольники, прижатые основанием к пояскам и расположенные на равном расстоянии; ромбы с «гроздьями» из трех шариков на концах, расположены в пустых пространствах между треугольниками; «грозди» из трех шариков, окружающие ромбы с четырех сторон. По краю отверстий припаяны тонкие уплощенные ажурные проволочки. Диаметр отверстий — 0,45 см. Размеры бусины — 1,4х1,2 см. Вес — 2,46 г.

Кроме того, в составе комплекса выявлена костяная бусина-подвеска (рис.10, 32). В плане округлая, в поперечном сечении — уплощенно-овальная. В центральной части пробито отверстие (за основу было взято имевшееся уже отверстие) диаметром 0,2 см. Поверхность неровная, бугристая. Размеры — 1,5х1,4х0,7 см.

Среди бусин, в южной части ситуации 1 была выявлена миниатюрная подвеска из золота (рис.10, 35). Подвеска веретенообразная в плане, трехлепестковая в сечении. В верхней части припаяна петелька для подвешивания. В основании припаян декоративный элемент, состоящий из шарика и обрамляющей его снизу круглой в сечении проволоки. Размеры — 1,4х0,5 см. Диаметр петельки — 0,3 см. Вес — 0,31 г. Подвеска немного деформирована. Подобные подвески в некоторых случаях являлись составным элементом более сложных ювелирных изделий (бляхи и подвески). Аналогии им, а также бусине-пронизи известны из погребения у п. Лоо (Иванова М.И., Голубев П.М., 1961, с.284–290).

Ситуация 1 датируется II–III вв. н.э.

Могильник на селище Мухортова Поляна-2 достаточно компактен, с малым количеством погребений (хотя какая-то часть могильника, вероятно, осталась за пределами раскопа), что в целом соответствует результатам проведенных раскопок, в ходе которых были выявлены предположительно остатки одной компактно расположенной усадьбы I–III вв. н.э., вплотную к которой и примыкал исследованный могильник. Могильники этого периода на территории Большого Сочи изучены

крайне слабо и представлены несколькими яркими погребальными комплексами в Лоо, Мацесте и Красной Поляне (Воронов Ю.Н., 1979, с.73), а также разрозненными случайными находками из разрушенных захоронений, открытых в разное время при строительстве в населенных пунктах прибрежной зоны. Могильник Мухортова Поляна-2, вероятно, оставлен рядовым сельским населением одного из местных народов, входивших в состав начавшегося формироваться союза племен, известного под этнонимом «зихи».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антропологические определения выполнены м.н.с. ЦЕИ РАН А.О. Китовой.

2. Osteологические определения выполнены А.М. Магирей-Кирсановым.

3. Приношу искреннюю благодарность Т.Е. Прокофьевой за помощь в подготовке к публикации бус.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Алексеева Е. М., 1978.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1-12. — М.: «Наука».
- Алексеева Е.М., Сорокина Н.П., 2007.* Коллекция стекла античной Горгиппии (I–III вв.). — М.
- Амброз А.К., 1966.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. САИ. Вып. Д1-30. М.: «Наука».
- Античное наследие..., 2010* — Античное наследие Кубани. — М., 2010. — Т. 3.
- Воронов Ю.Н., 1979.* Древности Сочи и его окрестностей. — Краснодар.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2007.* Элитный некрополь II в. н.э. у центральных ворот Неаполя Скифского // Древняя Таврика. — Симферополь.
- Иванова М.И., Голубев П.М., 1961.* Находки в Лоо // СА. № 3.
- Иванов А.В., 2008.* О длинных мечях без металлического перекрестья и навершия (По материалам меотских памятников Кубани) // МИАСК. — Армавир. — Вып. 9.
- Косяненко В.М., 1987.* Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. №2.
- Кропотов В.В., 2008.* Фибулы Юга Восточной Европы II в. до н.э. — III в. н.э. (типология, периодизация и распространение): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Киев.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2003.* Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. Вып. 3. — Краснодар.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2013.* О типологии и хронологии стекланных стаканов из Краснодарского могильника на ул. Почтовой // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. — Краснодар.
- Марченко И.И., 1996.* Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). — Краснодар.
- Нечипорук А.А., 2014.* Исследования селища «Мухортова Поляна 2» // 4-е Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической

конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). — Краснодар.

Нечипорук А.А., 2015. Отчет о проведении археологических раскопок на селище «Мухортова Поляна-2» в Лазаревском районе г. Сочи Краснодарского края в 2013 году. Т. 2. — Ростов-на-Дону.

Шабанов С.Б., 2011. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. — Симферополь — Керчь.

О РАСКОПКАХ КУРГАНА НА ЗОЛОТОМ КЛАДБИЩЕ

В сезон 2014 г. экспедицией Южного регионального центра археологических исследований (г. Краснодар) были произведены раскопки кургана №1 из состава курганной группы «Выездной», расположенной в 400 м к юго-западу от юго-западной окраины станицы Ладожской Усть-Лабинского района Краснодарского края, на высоком правом берегу р. Кубани (рис.1, А). Само географическое положение кургана по умолчанию предполагало его отнесение к группе «Золотое кладбище», что и подтвердилось полностью уже на стадии проведения полевых работ. Это обстоятельство, как, впрочем, и понимание значения этого памятника для сарматской археологии, обусловило создание данной заметки, которая выполнена не в форме публикации — это было бы, на мой взгляд, при ограниченной информативности материала громоздко и не совсем удобно, а в виде беглого повествования, основанного на самых важных и интересных моментах.

Курган невысокий, от уровня современной дневной поверхности он возвышался на 0,40 м, имел довольно небольшой диаметр — порядка 36 м (рис.1, Б). Стратиграфия кургана (рис.1, Г) была простая, хорошо читаемая. Прослежены две, последовательно сооруженные насыпи. Первая насыпь опиралась непосредственно на древний горизонт, сохранившая высота насыпи — 1,20 м, её диаметр составлял порядка 17,40 м. Не ясно, для чего была возведена эта насыпь, так как связанное с ней погребение отсутствовало. Вполне возможно, что оно было уничтожено крупной катакомбой (погребение №8), которая была впущена в центр первой насыпи. Одновременно с этим захоронением по периметру насыпи были сооружены еще семь однотипных катакомб (рис.1, В). Затем все эти комплексы были перекрыты еще одной насыпью высотой до 1 м. Отмечу, на мой взгляд, очень интересную деталь: полы последней насыпи

были закреплены слоем темного болотного илистого суглинка с вкраплениями синей глины и железистых пород. Эта «крепида» фиксировалась яркими, темными линзами по бокам стратиграфического разреза.

Конструкция уже упомянутых семи катакомб (погребения №№1–7) представляла собой простой «чулок», ориентированный по линии СВ–ЮЗ, с небольшой трапециевидной входной ямой без выделенного дромоса, вытянутой погребальной камерой с неровным, чаще резко понижающимся дном (рис.2). Все без исключения погребения были ограблены в древности, причем через входную яму. Именно в заполнении входных ям были встречены фрагменты верхней части скелета и черепных коробок. Практически во всех случаях ограблению подверглась только часть камеры до уровня пояса погребенного, и в большинстве случаев неповрежденными оставались лишь ноги покойных. Судя по их положению, погребенные лежали вытянуто на спине, головой к входной яме, ориентировка устойчивая: все покойные неизменно были ориентированы в северо-восточном секторе.

Оставленный грабителями погребальный инвентарь небогат, что в целом ожидаемо. Эти предметы по какой-то причине остались не востребованными, хотя в большинстве случаев они в руках злоумышленников побывали. В погребениях найдены два сероглиняных кувшина, бусы, железные пряжки, ножи, шило, пряслице, еще были встречены мел и природный битум, а также два кремня, причем один в качестве кресала со стертыми рабочими поверхностями, второй — скребок на ножевидной пластине.

Сероглиняные кувшины, безусловно, местного, меотского производства, но изготовлены, судя по тесту и обжигу, в разных центрах. Полную аналогию этим сосудам среди меотских и сарматских древностей

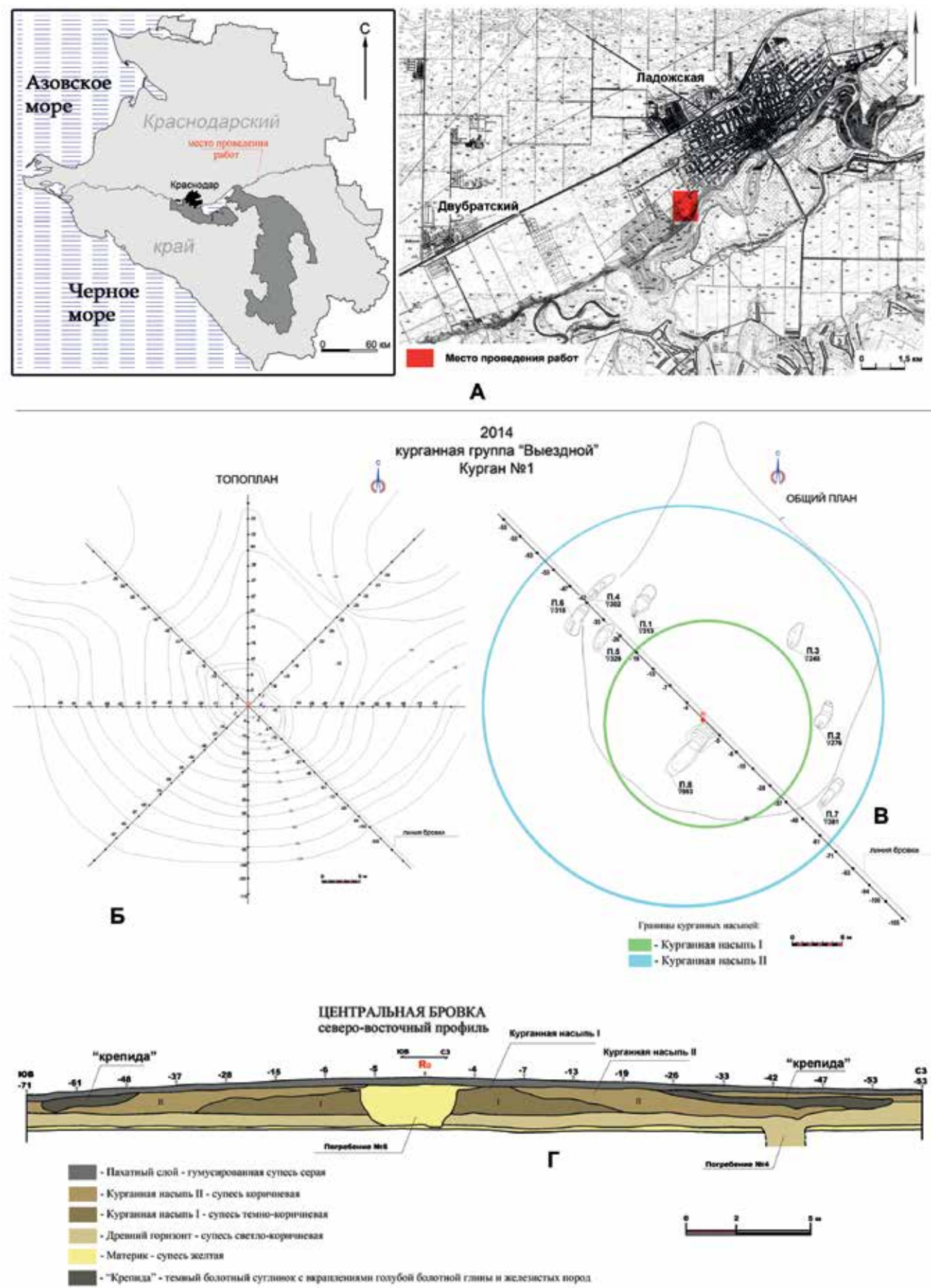

Рис. 1.

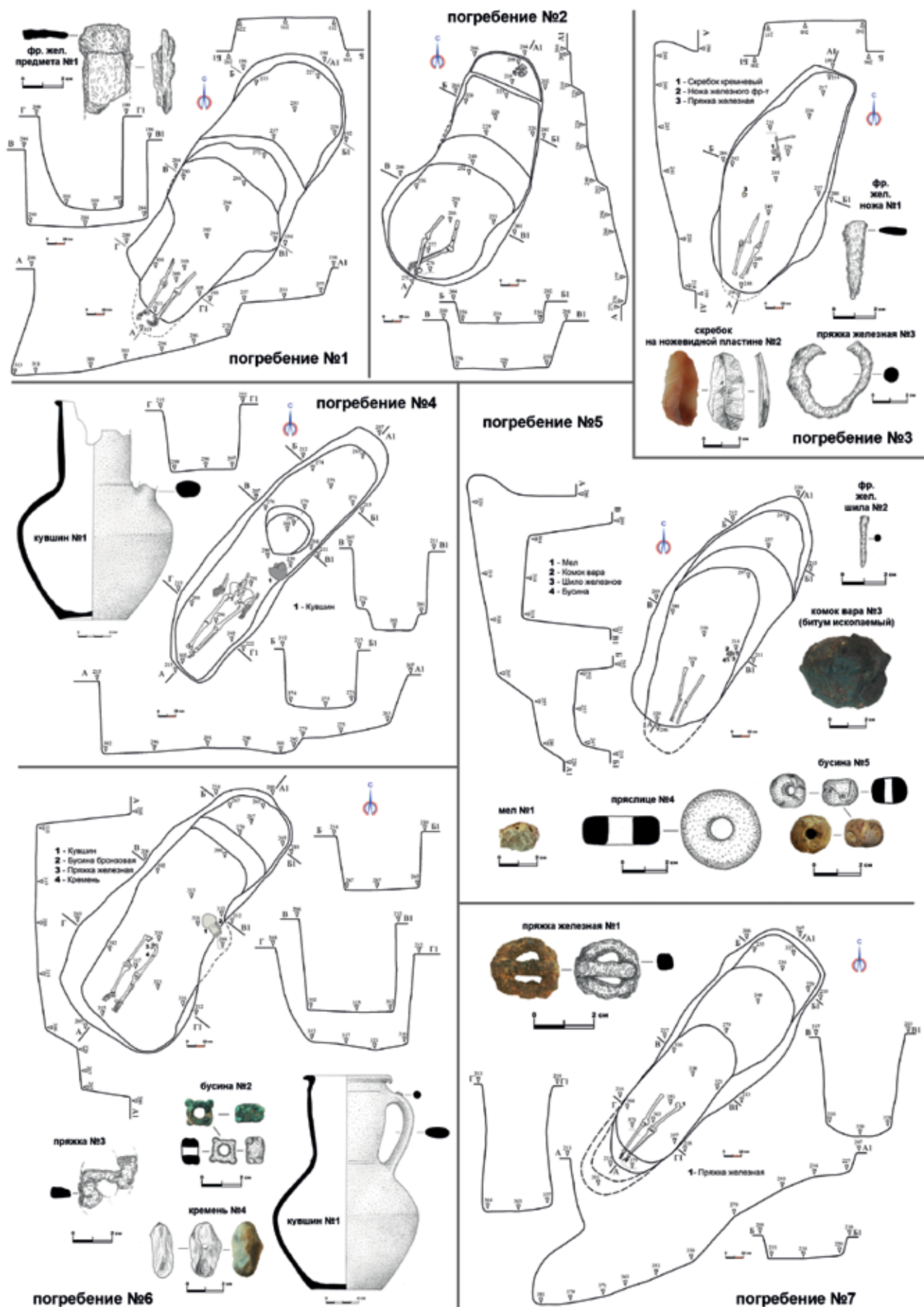

Рис. 2.

мне найти не удалось, что ожидаемо, учитывая тот факт, что на римское время приходится всплеск производства местной керамики. Это, в свою очередь, привело к разнообразию форм, особенно это касается кувшинов. Между тем сосуды подобного облика, судя по меотским памятникам Средней Кубани, начинают появляться в I в. н. э., продолжают бытовать во II в. н. э. и уже на первом этапе их распространения начинают украшаться зооморфным орнаментом, которым в большинстве случаев декорировались ручки кувшинов. Однако, как и на соседних территориях, в I в. н. э. зооморфное декорирование встречается редко (Абрамова М.П., 1993, с.136), на Кубани оно представлено в значительно большей степени начиная с рубежа I–II в. н. э., а наибольшее распространение получило уже во II в. н. э. Подобная ситуация наблюдается и с бусами. Прямые аналоги им отсутствуют, но следует отметить, что близкие типы бус в своде Е.М. Алексеевой относятся к первым векам н. э. (Алексеева Е.М., 1982, с.25, тип.16). Еще шире датируются железные пряжки, которые были встречены в трех погребениях, впрочем, остальной материал еще менее информативен.

Теперь о центральной катакомбе (погребение №8). Эта погребальная конструкция представляла собой крупную чулковую катакомбу, ориентированную длинной осью по линии СВ-ЮЗ, с трапециевидной входной ямой со ступеньками, размеры 2,43х3,10 м, лежащей на одной оси с камерой без выраженного дромоса, с подпрямоугольной погребальной камерой, размерами 4,10х1,5 м (рис.3). Общая длина катакомбы составляла 6,47 м, глубина камеры от верха кургана — 5,93 м. Поверхность дна камеры ровная, дно имело плавное понижение от входной камеры к ЮЗ стенке, перепад высот — 0,65 м. Погребение, как и все комплексы кургана, полностью ограблено в древности через входную яму. В заполнении входной ямы на разном уровне были встречены фрагментарно части скелета человека, фрагменты черепной коробки, челюсть овцы, бедро коровы, зубы коро-

вы, фрагменты челюсти и черепа лошади, две небольшие окатанные речные гальки. Грабителями в погребальной камере было оставлено немного: в районе восточного угла камеры у юго-восточной стенки находились фрагментированный железный нож и кусок мела; в центральной части камеры находилось два локальных скопления бус, среди которых лежала небольшая бронзовая пряжка; у северо-западной стенки в центральной части камеры располагались фрагмент вместилища курильницы и её каменная округлая крышка.

Бусы, найденные в центральной катакомбе, — агатовая (тип 3б), а также янтарные и четыре халцедоновые бусины, датируются довольно широко, в пределах I–II вв. н. э. (Алексеева Е.М., 1982, с.11–12, 20). Агатовые бусы (тип 9а) также бытовали в широком хронологическом диапазоне, однако наиболее часто встречаются в комплексах I в. н. э. (Алексеева Е.М., 1978, с.12). Не обойдем вниманием и курильницу, точнее, ее фрагмент. Сосуды этой морфологии — довольно редкая форма. В сводке керамики, приведенной И.И. Гущиной и И.П. Засецкой в комплексах Золотого кладбища, подобные экземпляры отсутствуют, хотя курильницы как таковые, правда в небольшом количестве, есть (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с.27–28). Формовочная масса с большой примесью дресвы и песка, способ обжига, в котором при оставлении темно-серой внешней поверхности внутренняя часть черепка имела ярко-кирпичный цвет, сильно контрастируют с местной посудой и свидетельствуют в пользу того, что курильница была изготовлена не на Кубани. И действительно, ближайшая аналогия этому экземпляру происходит с Дона, из хорошо датированного амфорой типа С-Д середины II в. н. э. комплекса (Ларенок В.А., Ларенок П.А., 2015, с.155, рис.5, 13).

Таким образом, центральная катакомба относится к выделенной И.И. Гущиной и И.П. Засецкой II и III хронологической группе, т. е. ко второй половине I–II в. н. э. — началу III в. н. э. (Гущина И.И.,

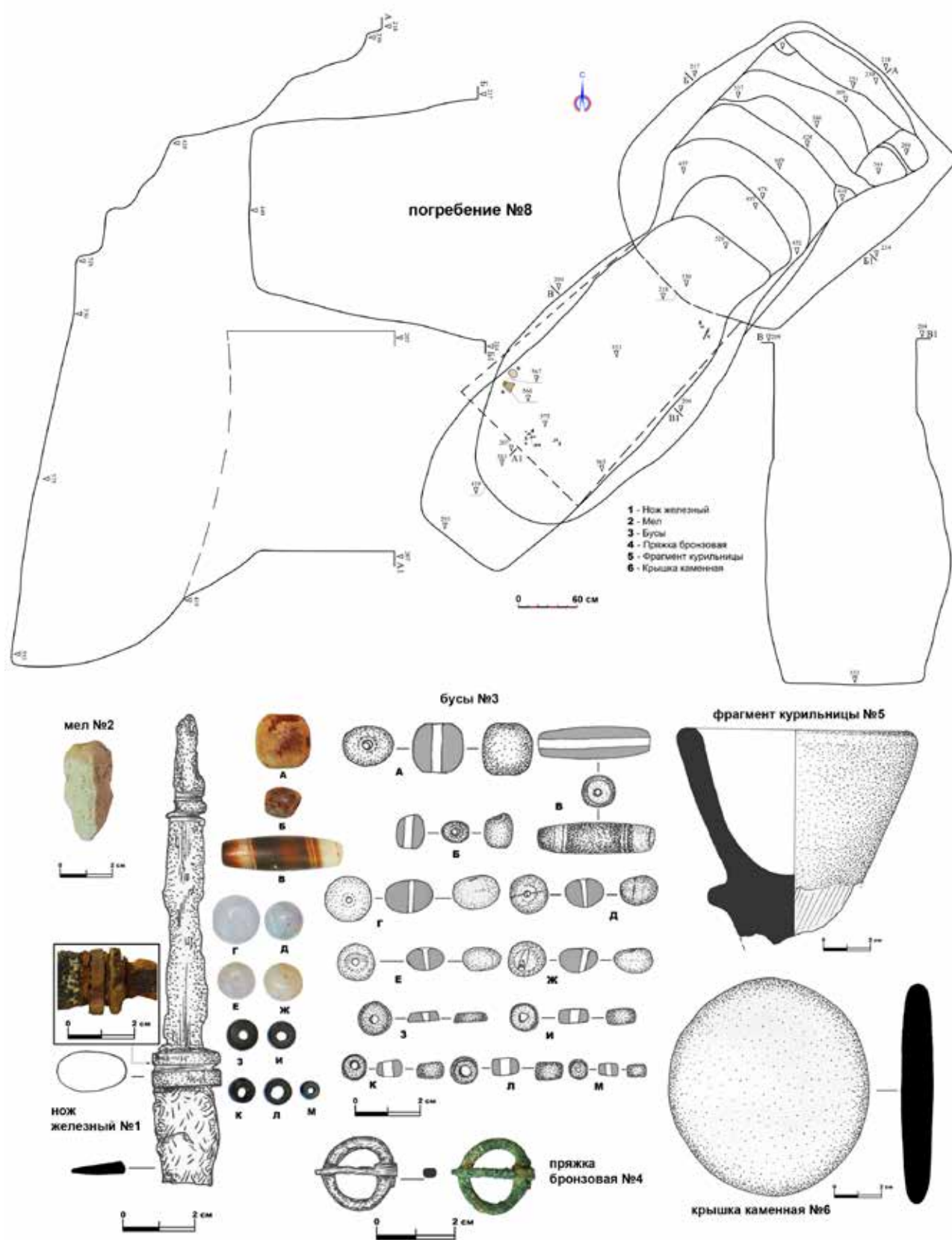

Рис. 3.

Засецкая И.П., 1994, с.27–28). К слову сказать, погребения этих хронологических групп, как было подмечено еще Н.И. Веселовским и неопровержимо доказано А.М. Ждановским, а затем И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, составляют основу «Золотого кладбища» (Веселовский Н.И., 1905, с.36, 368; Ждановский А.М., 1985, с.11–12; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, с.37). Этим же временем, опираясь на данные стратиграфии, следует датировать и остальные семь катакомб кургана.

Единство форм погребальных сооружений, ориентировка, а так же факт перекрытия захоронений одной насыпью дают все основания полагать, что основная катакомба и семь ей сопутствующих погребений были сооружены одновременно и в таком случае по своей сути представляют собой единый комплекс. Конечно, от нас скрыта степень связей внутри этого комплекса. Скорее всего, это связи родственные. Если же говорить о культурной его атрибуции, то комплекс, несомненно, относится к кругу сарматских древностей.

При раскопках этого кургана был подмечен один момент, на который следует обратить внимание отдельно: как происходило ограбление.

Выше уже отмечалось, что все погребения были ограблены через входную яму с дальнейшим выходом на камеру. Также были потревожены те участки погребения (за исключением центральной катакомбы, где грабители перевернули всю камеру), где, по-видимому, находились особо ценные предметы, возможно украшения, т. е. голова, шея и руки. Ноги же остались не потрево-

женными, также в одном погребении остались нетронутыми запястья и кисти рук. Складывается впечатление, что грабители заранее знали не только местоположение входной ямы относительно кургана, так как точно определяли её расположение (на территории кургана нами не было выявлено ни одной «разведочной» грабительской ямы), но и состав погребального инвентаря, что немаловажно, его положение внутри камеры, именно поэтому грабили исключительно зонально. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что грабители не только были свидетелями сооружения погребений и, возможно, возведения второй насыпи, но и непосредственными участниками погребальной церемонии. В таком случае они могли быть либо родственниками, что нам представляется маловероятным, либо людьми со стороны, но по каким-то причинам участвовавшими в совершении погребений. Данная курганная группа, одному из курганов которой и посвящена эта работа, расположена всего в нескольких сотнях метров сразу от двух меотских городищ: «Ладожское-5» и «Газопроводное» — крупных поселенческих пунктов с хорошей фортификационной системой, имеющих сразу несколько цитаделей. Не исключено, что при сооружении комплекса и возведении насыпи могло использоваться местное население с городищ. Во всяком случае, меоты были непосредственными свидетелями события — оно происходило в прямой видимости. Как видится, именно они, не обремененные кровнородственными узами, а значит, моральными нормами, вполне могли поживиться на могилах «соседей».

ПРИМЕЧАНИЕ

Благодарю за помощь в работе на кургане Д.А. Яцюк и М.В. Иванова.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). — М.
- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. П-12. — М.
- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. П-12. — М.
- Веселовский Н.И., 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества // Труды XII Археологического

съезда в г. Харькове 1902 г. Т.1. — Харьков.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. — СПб.

Ждановский А.М., 1985. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. — III в. н.э.: Дис. канд. ист. наук. — М.

Ларенок В.А., Ларенок П.А., 2015. Новые комплексы среднесарматского времени из раскопок 2014 года близ Ростова-на-Дону // V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар.

А.А. КРАСНОПЕРОВ, Ю.А. МЕНЬШИКОВА, Е.М. ЧЕРНЫХ

ОБ ОДНОМ РЕДКОМ ТИПЕ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ

В реконструкции археологического костюма головному убору всегда отводится особое место, и это нашло отражение в многочисленных специальных исследованиях (Мастыкова А.В., 2009; Яценко С.А., 1986; Жилина Н.В., 2003, 2010; Сабурова М.А., 1974, 1975, 1978; Степанова Ю.В., 2010). Головные уборы из Прикамья рубежа новой эры — первой половины I тысячелетия предметно рассматривались в работах Т.И. Останиной (1997), Н.И. Шутовой (1999, с.210–231), А.А. Красноперова (2005, с.77–92). При всем разнообразии подходов и оценок они, тем не менее, обнаруживают определенное единство в определении типов женского головного убора, представленного лентами-повязками, мягкими шапочками и высокими уборами с плоским верхом (Останина Т.И., 1997, рис.68–69, 72–74; Красноперов А.А., 2006д, с.57–88). Большинство из этих уборов (лента, шапочка) распространены повсеместно, у всех народов; высокие уборы имеют специфический внешний вид и обладают рядом отличительных особенностей, позволяющих, пусть и предположительно, проследить их истоки и преемственность. Знакомство с этнографической литературой позволяет выделить в них 2 самостоятельные группы: полностью твердых, с целиком жестким каркасом, и полутвердых, сочетающих твердые и мягкие детали. Для поволжского региона характерны головные уборы в виде конуса или цилиндра, свернутого из бересты (в виде исключения — из кожи), покрытого тканью и украшенного. Нижний край прямой, без дополнительных деталей. Сзади к верху убора крепится плат, спускающийся на спину. С ними зачастую сопоставляются высокие головные уборы на твердой основе у народов Средней Азии. Внешний вид этой группы уборов различается (высокие конусовидные, шлемообразные), общие черты проявляются в материа-

ле изготовления и крое: войлочная основа с простежкой, покрытие красного цвета, металлические украшения со вставками камней; обязательные детали — ушные и затылочные лопасти и длинная полоса ткани, спускающаяся на спину. Термины восходят к иранскому кулах. Название убора и крой с определенностью указывают на его происхождение, уходящее корнями в культуру ираноязычных народов раннего железного века (Амударьинский клад, рельефы Персеполя, курган Иссык). Итого мы имеем две внешне похожие, но значительно отличающиеся традиции: головной убор из войлока с наушниками и назатыльником и головной убор на основе растительного происхождения с прямым нижним краем. Надо лишь добавить, что войлок — характерная черта кочевого быта, а береза так далеко на юг не растет.

Достаточно уверенно реконструируются уборы из курганов Причерноморья (Мирошина Т.В., 1981, рис.3; Бабенко Л.И., 1999, рис.2) — *калафы* и *тиары*. Но это греко-скифские уборы, сочетающие обе традиции, греческую и кочевую, их отличает сплошной назатыльник. По своей форме очень близок скифским тиарам высокий головной убор, зафиксированный на Кипчаковском могильнике в Башкирии (см. ниже). Вероятно, эта группа археологических находок отмечает определенный этап развития высоких головных уборов и исходный культурный ареал их дальнейшего распространения.

Позднепьяноборский/мазунинский головной убор (III в. — нач. V в.) отличается от более раннего, первых веков нашей эры, насыщенностью и полнотой органических и металлических деталей, что позволяет с большей убедительностью интерпретировать его внешний вид. Но проблема остается. В ходе исследования могильников мазунинского типа в Удмуртском Прикамье

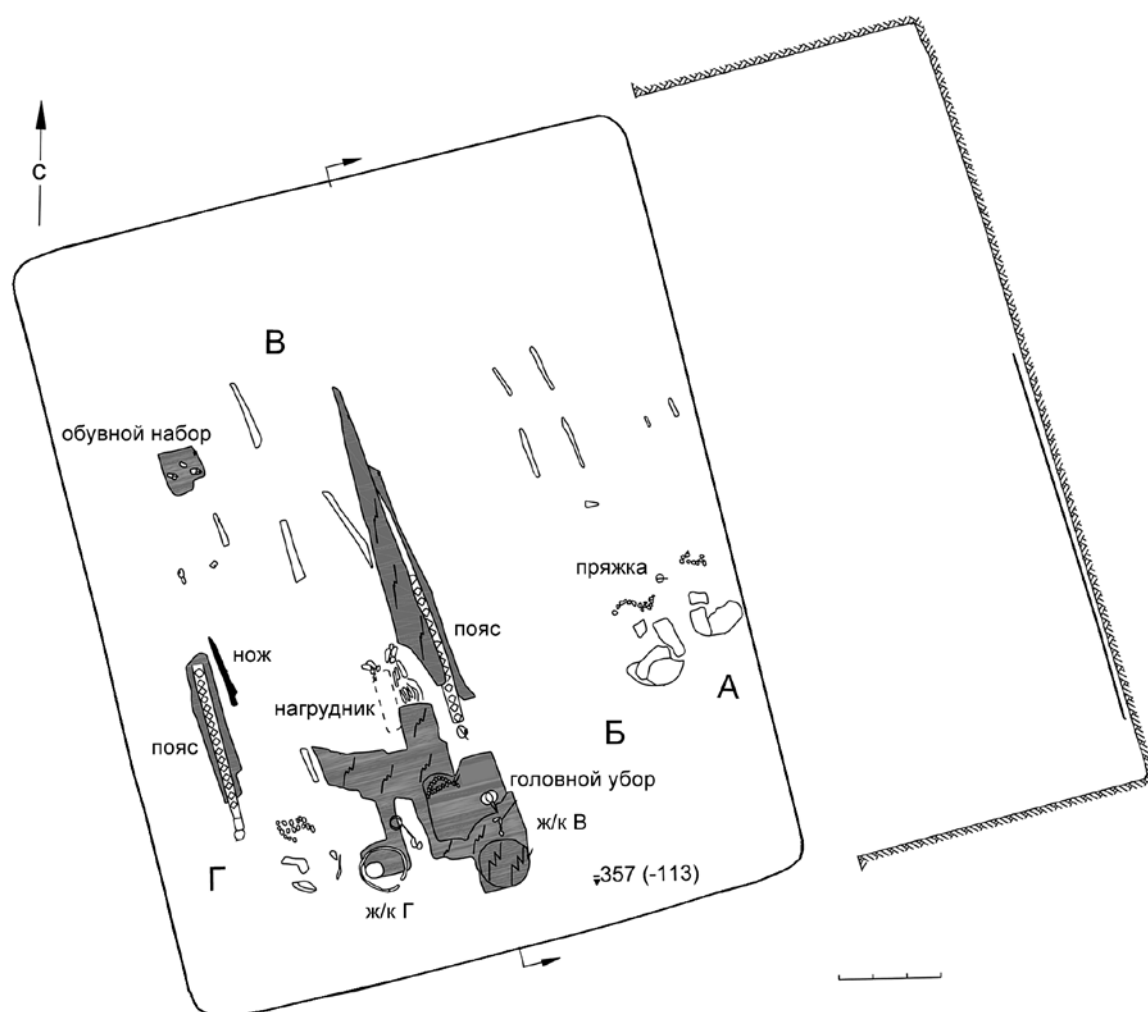

Рис. 1. Дубровский могильник. План погребения 98

в последние годы получены новые серии головных уборов, позволяющие наполнить наши представления дополнительной конкретикой. В этом ряду особый интерес представляют остатки головных уборов из женских погребений Дубровского могильника IV–V вв. н.э. (по Е.М.Черных).

Новый памятник исследуется Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета с 2009 года (Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А., 2010; Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Перевощиков С.Е., 2013, с.245–246; Черных Е.М., 2014, с.437–439; Бернц В.А., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., 2015, с.455–457). Расположен некрополь в Киясовском районе УР, на левом берегу р. Шехостанки, недалеко от ее впадения в р. Кырыкмас (приток второго порядка р. Камы). На погребальном поле исследовано 176 могил (данные на начало 2016 г.)

с типичными признаками, присущими мазунинскому погребальному обряду (Генинг В.Ф., 1967, с.9–18, 23–32; Останина Т.И., 1997, с.31). Из них останки 34 погребенных по антропологическим признакам определены как женские¹. В 10 случаях на черепных костях захороненных сохранились остатки многослойных головных уборов (фрагменты текстиля, меха и других органических материалов, дополненные украшениями из металла и стекла). Данной публикацией авторы хотели бы привлечь внимание к отдельному убору, заметно отличавшемуся от прочих как по форме, так и по конструктивным особенностям. Предварительно по формальным признакам он был отнесен к высоким головным уборам на твердой основе, с плоским верхом, наличие которых в захоронениях пьяноборской эпохи в Прикамье подтверждается пока крайне малым числом находок: в диссертации А.А. Красноперова

А

Б

Рис. 2. Дубровский могильник. Погребение 98В (деталь), полевая фотография (описание см. в тексте)

для периода II в. до н.э. — II в. н.э. учтены три подобных убора, происходящих из погребений № 15 Кипчаковского, № 6 Меллятамакского I и № 232 Тарасовского могильников (Красноперов А.А., 2006, с.90–91); уточнения см. далее.

Новая находка головного убора с плоским верхом обнаружена в погребении 98 Дубровского могильника. Это была крупная (для данного некрополя) погребальная камера, прямоугольной формы, размерами 230x185 см, с вертикальными стенками и плоским дном; глубина ямы от уровня фиксации составила 113 см (рис.1). В южной половине могилы зафиксированы фрагменты деревянной погребальной конструкции (крышки гроба?) размерами 55x60 см и 95x30 см. Под ними находились останки молодой (не старше 20 лет) женщины — костяк В. Рядом с захороненной женщиной, справа и слева, расчищены еще три детских костяка (от 7 до 14 лет) плохой сохранности. От них сохранились лишь кости черепов и частично трубчатых костей рук и ног. Судя по взаиморасположению костей, все умершие были уложены рядом, вытянуто на спине, головами на ЮЮВ.

Детским костякам А и Б принадлежала, по-видимому, только небольшая железная овально-рамчатая пряжка.

Умершего Г, уложенного у западной стенки могилы, сопровождали железный нож и стеклянная бусина, кожаный пояс с металлическими накладками ромбической формы, обувной набор (две трехсоставные пряжки и два наконечника ремня), в изголовье — подарочный набор². Пояс был уложен слева от погребенного, в расправленном состоянии от плеча вдоль тела. От него сохранились кожаная основа, железные пряжка и накладки, декорированные полугорошинами из цветного металла на медной основе (16 экз.), а также наконечник пояса типа IB (наборный, по Голдиной Р.Д. и Бернц В.А., 2010, с.134). Подарочный набор, располагавшийся справа от черепа, включал типичные для украшений женского костюма этого времени височные подвески мазунинского типа, железную гривну,

2 стеклянные бусины, бронзовые пронизки (37 экз.).

Центральное место в могиле принадлежало женскому костяку В. После разборки древесного тлена, при расчистке костей, обозначились детали богатого костюмного убранства погребенной. Справа, вдоль костяка, был уложен в расправленном виде наборный пояс с металлическими накладками, аналогичными поясу с костяка Г, но более крупных размеров. В области груди сохранились остатки сложносоставного нагрудника, включавшего металлические и стеклянные детали (цветной бисер). В изголовье умершей, справа, был оставлен подарочный набор (бронзовая гривна из круглого дрота (рис.2Б) и свернутая пополам кожаная лента шириной 3 см и длиной 36 см, украшенная 48 бронзовыми накладками-обоймами из тонкой прямоугольной пластины с четырьмя выпуклинами на лицевой стороне). Здесь, как представляется, мы сталкиваемся еще с одним интересным сюжетом, достойным отдельного исследования, а именно присутствием в погребении двух разнотипных головных уборов.

В области черепа был расчищен оригинальный головной убор (рис.2; 3). От него сохранились узкие текстильные ленты шириной 1,5 см, с рядами медных полусферических бляшек (27 экз.; рис.3, 1,2; 5, 1,2). В тыльной части убора находилась железная цепочка с прикрепленными к ней тремя железными трапециевидными подвесками (рис.3, 4,7,8,10; 5, 4,7,8,10). В затылочной части расчищены остатки железного наконечника в виде мешочка для волос, сплетенного из железных колец (рис.3, 11; 5, 11). От убора сохранились также кусочки ткани и меха. Кроме того, в области правого уха зафиксированы оригинальные вязаные косички (рис.3, 9; 5, 9); а под ними — железная ложечковидная привеска (рис.5, 3). С обеих сторон убора находились сложенные попарно довольно крупные железные височные подвески мазунинского типа с бронзовой обмоткой (рис.3, 5,6; 5, 5,6).

Основным типом головных уборов, неоднократно встреченным в мазунинских

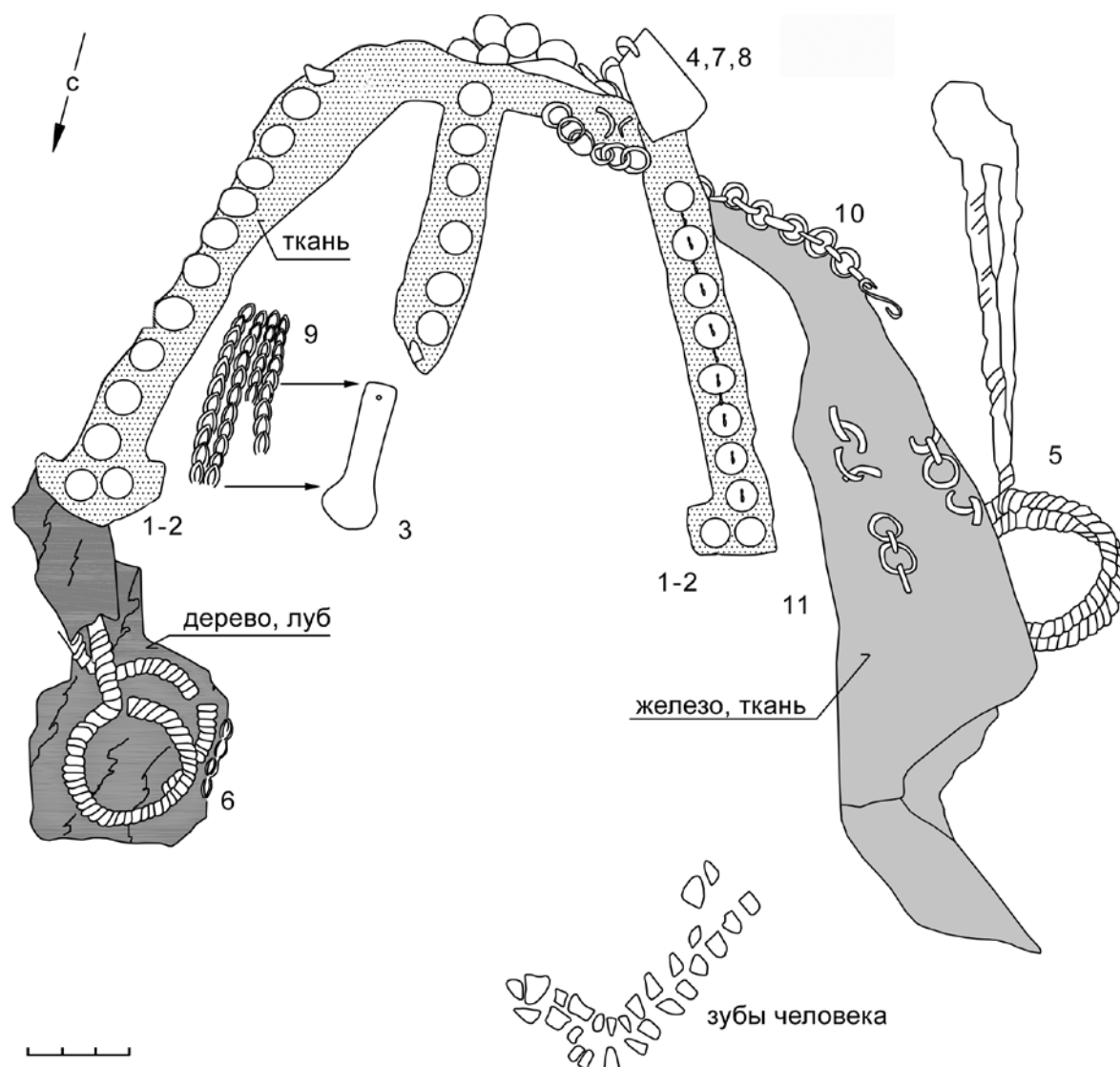

Рис. 3. Дубровский могильник. Прорисовка убора in situ в масштабе 1:10

погребениях, является лента с характерными *пронизками-обоймами* в виде прямоугольных пластин с загнутыми краями, орнаментированными одним или несколькими рядами выпуклин. Иногда, что тоже надежно зафиксировано в погребениях, она являлась налобной, наиболее декорированной, частью полусферической шапочки. Шапочка может дополняться специфическим мазунинским накосником кольчужного плетения (Останина Т.И., 1997, с.36–37). Случаи соединения/включения ленточного головного убора в закрытый (шапочку) неоднократно описаны в этнографии и являются обычными.

Совершенно иначе дело обстоит с другим типом головного убора — высоким с плоским верхом. Находки его столь редки,

что каждая требует самостоятельного рассмотрения и подробного обоснования. Для прикамских древностей уже высказывались предположения о раннем бытовании высоких головных уборов (В.Ф. Генинг, Н.А. Быков, О.А. Арматынская), но без достаточных обоснований.

Впервые археологически достоверно такой убор был найден С.Э. Зубовым на Кипчаковском могильнике (Зубов С.Э., 2000, с.44–51). В погребении 15 сохранились остатки кожаного убора цилиндрической формы с закрытым затылком и ушами. Основным украшением убора являются ажурно-прорезные накладки. Шапочка была разделена на 4 секции-ряда пятью ремешками, сплошь покрытыми обжимными обоймами. Первый верхний ряд состоял

из 15 прямоугольных ажурных накладок, второй — из 8 ромбических ажурных накладок и одной накладки из пяти спиралей, третий ряд состоял из симметрично нашитых справа и слева ажурных накладок четырехугольной формы. Нижний, четвертый, ряд был украшен круглыми бляшками (9 экз.). Головной убор дополняли 12 височных подвесок: 9 спиральновитых, 1 гофрированная и 2 листовидные. С.Э. Зубов считает, что найденные в изголовье и соединенные в ряд ажурные накладки относились к наконечнику. Головной убор сохранил затылочную часть, и наконечник остался прикрепленным.

Такие же типы накладок происходят из пьяноборских памятников Башкирии: в погребениях Кушулевского III (возможно; пп. 141, 143, 172), Камышлытамакского (возможно, пп. 35, 50), Старокиргизовского (п.2) могильников они зафиксированы в области черепов. И, хотя характер фиксации материала *in situ* не позволяет делать конкретные выводы об их расположении на головном уборе, полностью исключать вариант бытования в указанных случаях именно высокого убора нельзя.

Возможно, остатки головного убора из Меллятамака I (п. 6), украшенного бисером, пронизками, накладками и просверленными зубами мелких хищников, также можно включить в разряд высоких (около 15 см) головных уборов с плоским верхом. К сожалению, сохранившийся план могилы (Старостин П.Н., 1978, рис.6–6) опять-таки не позволяет детально восстановить расположение украшений.

К типу высоких относится и головной убор из погребения 232 Тарасовского могильника (Голдина, 2003, табл.95–96). Бронзовые круглые бляшки на нем расположены по центру и бокам тремя вертикальными рядами, лобная часть украшений не имеет. Бляшки вытянуты над черепом приблизительно на 20–25 см, выше их, перпендикулярно, расположены ряд бронзовых подвесок, железные и бронзовые цепочки. Расположение украшений позволяет предполагать башнеобразный головной убор

высотой до 25 см, несколько сужающийся кверху, декорированный тремя вертикальными рядами бляшек и горизонтальным рядом подвесок по околышу. В височной области его дополняли украшения из цепочек и подвесок. В погребении найдены фрагменты дерева, кожи, но поблизости от черепа никаких органических остатков не зафиксировано. Можно лишь предполагать, что основа убора была выполнена из войлока. Подобная планиграфия украшений наблюдалась в погребении 28 этого же могильника: бусы *in situ* располагались вертикальными рядами вверх от черепа. Возможно, и в этом случае мы имеем остатки высокого башнеобразного головного убора.

Для реконструкции внешнего облика и формы убора чрезвычайную важность приобретают остатки текстиля, сохранность которых в археологических слоях, как правило, оставляет желать лучшего. В данном случае в нашем распоряжении оказалось сразу несколько фрагментов:

1. Ткань с головного убора (рис.4, 7): обнаружена в области верхней части черепа под медными украшениями. Ткань плотного переплетения, нить Z-кручения. Плотность 12х14 н/см. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

2. Ткань из ЖК (рис.4, 9, 10): расчищена у изголовья с правой стороны. Найдены два фрагмента: первый размерами 12,2х5,1 см был согнут пополам; второй имел размеры 15,4х2,9 см. В обоих образцах использован двойной уточный репс, плотность 8х12 н/см, нить S-кручения. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

3. Нитка для пришивания украшений либо подшивания ткани 2S-кручения (рис.4, 5), слабой крутки, толщиной 2–3 мм. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

4. Фрагменты вязаного (?) / плетеного изделия из 3–5 «косичек» (рис.4, 6; 5, 9): были обнаружены на костях черепа вместе с железной привеской. Нити толщиной 1,0–1,5 мм. Плотность 2х2 н/см.

5. Фрагменты ткани от покрытия (рис.4, 8): обнаружены при расчистке

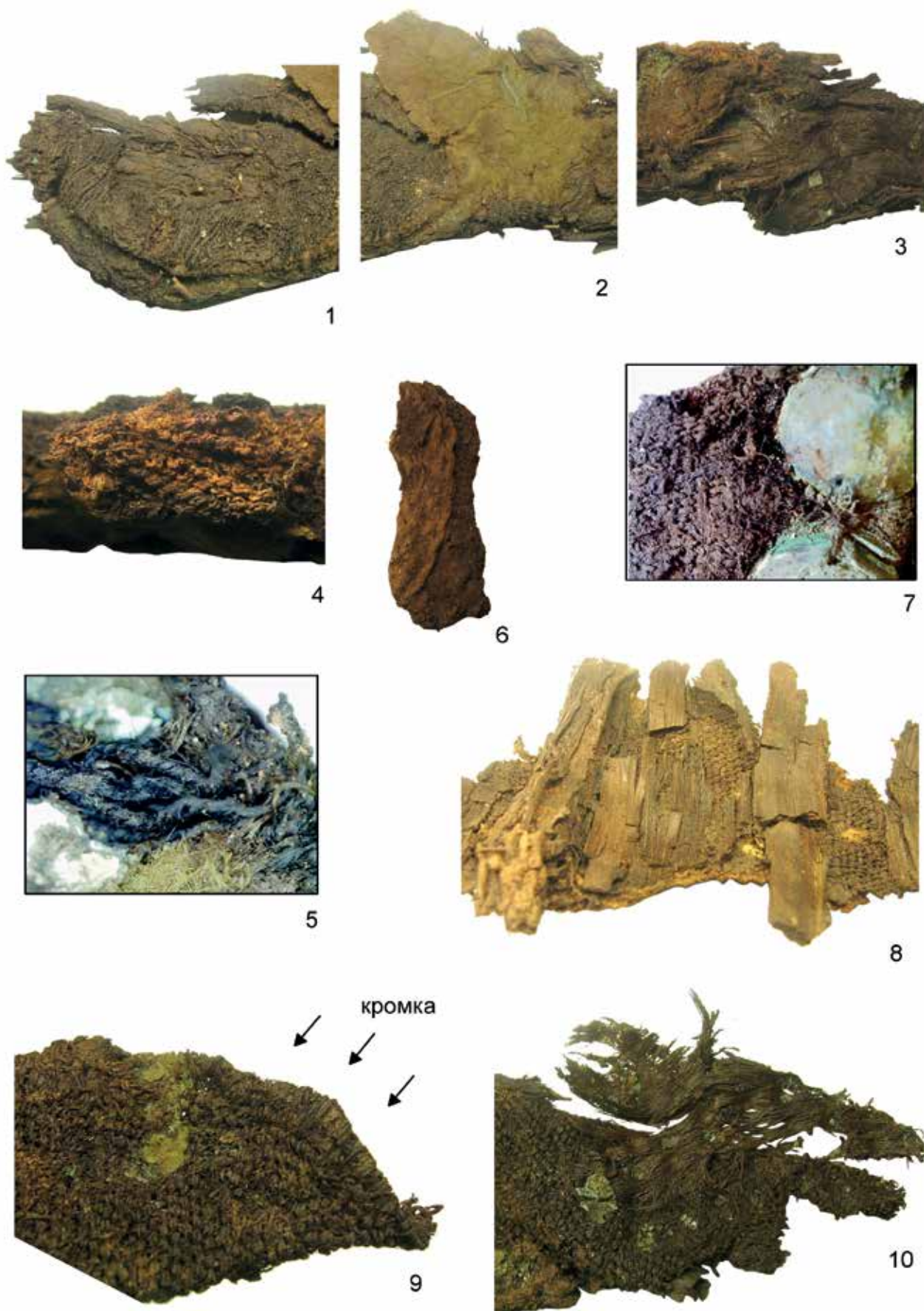

Рис. 4. Дубровский могильник. Фото образцов органики: 1–3 – деталь головного убора (дерево, кожа, ткань); 4–5 – соединительные шнуры, 6 – фрагмент текстиля; 7 – фрагмент ткани с пришитыми медными бляшками; 8 – фрагмент погребального покрытия (дерево, ткань); 9–10 – фрагменты платы

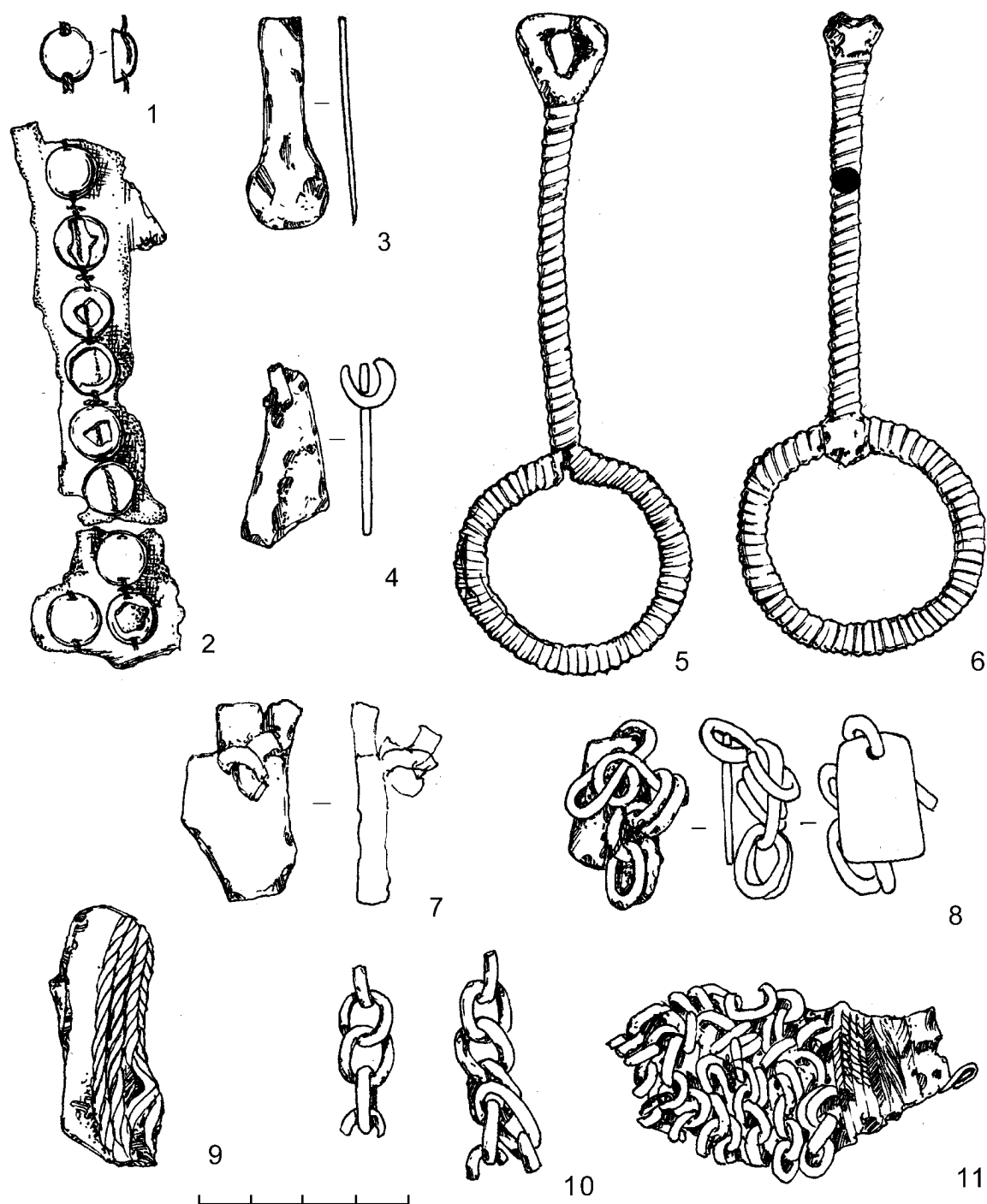

Рис. 5. Дубровский могильник. Детали головного убора:

1 – медная бляшка; 2 – тканая лента с медными бляшками; 3, 4, 7, 8 – железные подвески; 5, 6 – железные височные подвески с обмоткой из медной проволоки; 9 – фрагмент ткани; 10 – железные цепочки; 11 – фрагмент наконсика (железо)

древесного тлена над головой умершей. Полотняное переплетение со сдвоенным утком. Крутку нити понять трудно, т. к. нет кромки, но Z не исключена.

6. Куски древесного тлена, луб, кожа, текстиль (рис. 4, 1–3): обнаружены под предметами ЖК; сохранившиеся нити S-кручения.

Столь же значимо для реконструкции убора тщательное полевое документирование находки. Этот контекст не только позволяет конкретизировать детали убранства, но и делает реконструкцию проверяемой. Попробуем оценить нашу находку через наблюдения за взаиморасположением отдельных деталей черепа и убора.

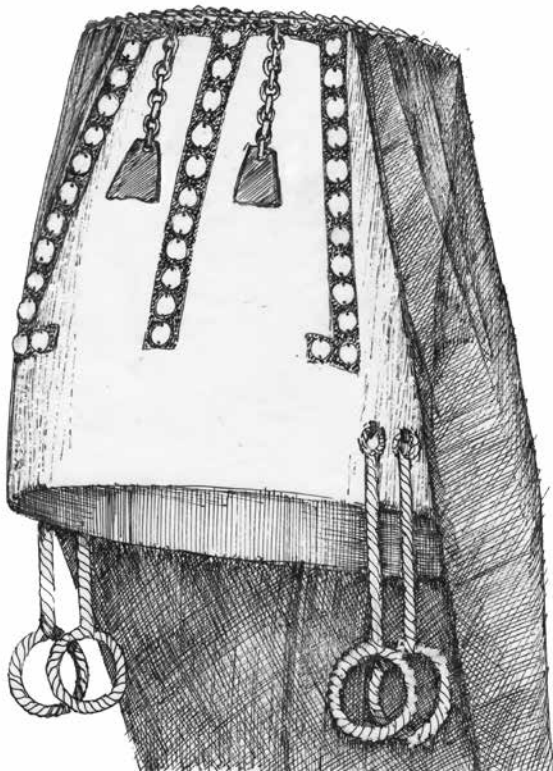

Рис. 6. Реконструкция внешнего вида головного убора из погр.98В Дубровского могильника (рисунки Л.И. Липиной)

1. От костяка сохранились не сместившиеся со своих мест лишь контур тлена и зубы, что позволяет соотнести с ними детали убора.

2. Оценка процесса распада органики позволяет считать, что головной убор, первоначально одетый на голову, оставался целым и сохранял форму дольше мышечных тканей погребенного, впоследствии сместился со своего места вправо вверх.

3. Височные подвески с левой стороны изначально висели на головном уборе парой, были воткнуты в органическую основу без металлических украшений (рис.2Б, 3), отпали первыми, так как оказались перекрытыми фрагментами «кольчужного» плетения (рис.2Б, 4).

4. Остатки истлевшей кожи (?) перекрывали жертвенный комплекс, уложенный рядом с головой умершей (рис.2Б, 1).

5. Лобная часть головного убора разрушилась позже остальных, так как именно она перекрывает жертвенный комплекс.

6. Фрагменты «кольчужного» плетения спеклись складками (рис.2Б, 5), что го-

ворит скорее об их свободном (не жестком, не облегающем) налегании друг на друга в момент археологизации.

7. Фрагменты «кольчужного» плетения налегали непосредственно на органическую основу убора — войлок/луб (рис.2А, 3).

8. Плетеный «валик» (шнур) лежал (рис.2А, 1) выше цепочки «кольчужного» плетения.

9. Бляшки, по 12 экз. в ряду, перекрывали, в свою очередь, плетеный «валик» (шнур) (рис.2А, 4), и цепочку «кольчужного» плетения (рис.2А, 2).

10. Прямые ряды бляшек были закреплены на кожаной основе (рис.2Б, 7). Крайние ряды внизу заканчивались дополнительной бляшкой, обращенной к центру и образующей прямой угол к основному ряду (рис.2Б, 6).

11. Средний ряд бляшек не короче боковых, как это видится на первый взгляд; он просто сильнее сместился в затылочную часть (рис.2Б, 2).

Исходя из выполненных атрибуций и наблюдений за расположением деталей, можно утверждать, что головной убор имел основу из «лубяных волокон» (рис.4, 3), был подбит (?) или покрыт (?) войлоком и тканью (рис.4, 2). Налобная деталь имела плоскую поверхность и трапециевидную форму. Вариант прямоугольника можно исключить на основании расположения бляшек. Верхний край лобной детали был укреплен шнуром(-ами), характер плетения которого хорошо заметен (рис.4, 5; 2А, 1). Фрагменты «кольчужного» плетения крепились на органическом подкладе (ткань (рис.4, 9, 10), кожа), но не имели жесткого каркаса, спускались с головного убора складками наподобие плата. Таким образом, сумма данных позволяет предполагать в нашем случае головной убор с жестким околышем-начельником и мягкой лопастью-покрывалом, внешний вид которого, очевидно, мог выглядеть, как на рисунке 6. Утверждать, составляли ли эти элементы единый убор (были соединены друг с другом), или были двумя самостоятельно одевавшимися деталями, не позво-

ляют имеющиеся данные. Оба варианта равновероятны.

Судя по сохранившимся элементам, описываемый убор из п. 98 Дубровского могильника только внешне напоминал *тиару* скифского типа, но не имел ни затыльника, ни вообще твердой затылочной части. Аналогичное расположение украшений убора из женского погребения 232 Тарасовского могильника как будто убеждает, что вертикальные ряды металлического декора на нем не исключение, а закономерность.

В этнографии зафиксированы комбинированные головные уборы, очевидно,

составленные из ранее (исторически) самостоятельных шапочки и накосника. Составные уборы в виде мягкого чепца, полностью закрывавшего волосы, с твердой от украшений лобной частью отмечены у авар, это как раз с Кавказа — *чохто* ((Сагитова М.Д., 2012), но сопоставлять его нужно с кон. XV в. (Теплякова А.Н., 2014).

Известные в этнографии образцы могут составлять две линии развития: объединение шапочки и накосника и объединение твердого околыша (рудимент *калафа*) и платка-накосника. Видимо, они составляют обособленную группу полутвердых высоких головных уборов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Половозрастные определения погребенных на Дубровском могильнике выполнены к.и.н., научным сотрудником МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) И.Г. Ширококовым; авторы выражают благодарность исследователю за многолетнее сотрудничество.

2. В региональной научной литературе такие наборы принято называть жертвенными комплексами (Останина Т.И., 1997, с.26–27, 31). В настоящее время Р.Д. Гол-

диной предложена иная атрибуция данных комплектов — как подарочных, вслед за московскими археологами, прежде всего И.В. Белоцерковской. Мнение Р.Д. Голдиной не может быть принято по умолчанию. Совершенно очевидно, что необходимо вернуться к осмыслению этого явления в культурах Прикамья с учетом значительно возросшего арсенала источников и познавательных практик.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко Л.И., 1999. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // ДА. № 2.
- Бернц В.А., Черных Е.М. Перевозчикова С.А., 2015. Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // АО 2010–2013 гг. — М.
- Генинг В.Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7. Памятники мазунинской культуры. — Ижевск — Свердловск.
- Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2, иллюстрации. — Ижевск.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // МИКВАЭ. Т. 17. — Ижевск.
- Жилина Н.В., 2003. Эволюция филигранного убора покладам Старой Рязани // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. — Рязань.
- Жилина Н.В., 2010. Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство) // Stratum plus. №6.
- Зубов С.Э., 2000. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тез. докл. — Самара.
- Красноперов А.А., 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье

- (II в. до н.э. — V в. н.э.) // Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Т. 1, 2. — Ижевск.
- Мастыкова А.В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э. — М.
- Мирошина Т.В., 1981. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. // СА. № 4.
- Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III—V вв. — Ижевск.
- Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.
- Сабурова М.А., 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144. — М.
- Сабурова М.А., 1978. Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) // КСИА. Вып. 155. — М.
- Сагитова М.Д., 2012. Чотхо: этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии С. Кавказа: Исследования и интерпретации / XXVII Крупновские чтения. Мат-лы междунаrodn. научн. конф. Махачкала, 23–28 апр. 2012 г. — Махачкала.
- Старостин П.Н., 1978. Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / ОНКАЭ. Вып. 2. Работы Татарского отряда. — Казань.
- Степанова Ю.В., 2010. Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья // Stratum plus. № 6.
- Теплякова А.Н., 2014. Редкий тип убора с Сев. Кавказа // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 2007–2012. К 80-летию со дня рожд. / ТГЭ. Т. LXXII. — СПб.
- Черных Е.М., 2014. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Казань.
- Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А., 2010. Открытие и исследование нового могильника IV—V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. — Ижевск.
- Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Перевощиков С.Е., 2013. Исследования Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской Республике // АО 2009 г. — М.
- Шутова Н.И., 1999. Женская одежда средневекового населения бассейна р. Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990–1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье. — Ижевск.
- Яценко С.А., 1986. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 186. — М.

А.И. ДЖОПУА, В.А. НЮШКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ АБХАЗИИ С 2000 г. ПО 2013 г.

Интерес к изучению археологических памятников Абхазии всегда был очень высок начиная с XIX в., когда на них обратили внимание известные кавказоведы: Фредерик Дюбуа де Монпере, графиня П. Уварова, А. Павлинов и др. Многие в исследовании памятников I тыс. н.э. в Абхазии было сделано уже в XX столетии. Однако мы хотим в своей статье рассказать о тех работах, о раскопках (в том числе о совместных российско-абхазских), которые были проведены на территории Абхазии с 2000 года, и обратить внимание на период I тыс. н.э., т.е. с I–X вв., поскольку он занимает видное место в древней истории Абхазии.

Как известно, в это время на исторической арене проживали (с I по VIII в.) древнеабхазские этнополитические объединения: апсилы, абасги, саниги и мисимиане. С VI века при усиленной византизации восточно-причерноморского региона данные этнообъединения принимают христианскую веру, строятся храмы, базилики, церкви. Их изучением серьёзно занимаются сегодня абхазские искусствоведы и археологи (О.Х. Бгажба, С.М. Сакания, Р.М. Бырцыц и др.). Большое внимание уделяется исследованию крепостной архитектуры, например, грандиозного сооружения на территории Абхазии Великой Абхазской стене (А.И. Джопуа, Г.В. Требелева, Г.А. Сангулия, Ш.Г. Кайтан) или крепости в с. Хашупсе (Г.А. Сангулия, Т.М. Кармов) и т.д. Отдельно стоит остановиться на работах, которые были произведены в г. Сухум на тех участках, где располагались, как считается, древние кварталы г. Севастополя в римско-византийскую эпоху (О.Х. Бгажба, В.В. Бжания, А.Н. Габелия и др.), включая непосредственно территорию Сухумской крепости и водную акваторию Сухумской бухты (Д.С. Бжания, Ю.В. Горлов, И.М. Безрученко и др.). Представляют также интерес раскопки могильников, в част-

ности, в Гудаутском районе, в сс. Куланурхуа и Ачандара (А.И. Джопуа, А.Ю. Скаков, З.Г. Хондзия). В последние годы идёт интенсивное изучение системы водоснабжения древнего Питиунта посредством акведука, обнаруженного в результате раскопок. Вода спускалась по керамическим трубам с гор в поселок. Это строение античности и поздневизантийского периода (Р.М. Барцыц). Интересны недавние раскопки Воротной башни в Анакопийской крепости (О.Х. Бгажба, А.В. Аргун, Г.А. Сангулия).

Следует отметить, что активные археологические исследования в Абхазии начиная с 2000 г. ведутся Абхазским институтом гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии (АБИГИ АНА), Абхазским государственным университетом (АГУ), Абхазгосмузеем, Управлением по охране историко-культурного наследия Республики Абхазия (с 2014 г. преобразовано в департамент при министерстве культуры Республики Абхазия), Пицундским государственным заповедником «Великий Питиунт». Чаще всего эти исследования проводятся в рамках охранно-спасательных работ, а также археологических разведок. Так, в 2005 г. был произведён учёт по выявлению и проверке состояния памятников в ряде пунктов Восточной и Западной Абхазии (Великая Абхазская стена, крепость Хасант-абаа, корытообразный дольмен в урочище Куджба-Яшта, Бзыбская крепость и храм, Хашупсинская крепость, храм на вершине горы в урочище Пашоухуа) и т.д. (Бжания В.В. и др., 2007, с.554).

Итак, в результате археологических работ, начатых в 2001 г. группой сотрудников Управления охраны историко-культурного наследия, АБИГИ (Д.С. Бжания) и ИА РАН (Ю.В. Горлов, И.М. Безрученко) совместно с Магнитогорским государственным университетом на территории

Сухумской крепости, на участке, где должна была находиться восточная часть ранее открытой октогональной церкви, удалось обнаружить остатки раннехристианского памятника — базилики предположительно второй половины V в. (рис.1), что явилось значимым событием в археологии Абхазии (Горлов Ю.В. и др., 2007, с.182, рис.1).

Тогда же, в 2001 г., археологическая экспедиция АБИГИ провела археологические раскопки в селе Куланурхуа могильника поздней античности и раннего средневековья, обнаружив 27 захоронений (среди них 15 были безынвентарными). Могильник содержал фрагменты тарной и кухонной посуды в небольшом количестве. Особо можно выделить фрагменты керамики цебельдинского типа с чашечкообразным венчиком в 3 экземплярах, а также фрагменты пифосов с налепным орнаментом с пальчиковыми вдавливаниями под горловиной. На могильнике Куланурхуа было найдено 10 ритуальных глиняных кувшинов, 3 железных ножа и 1 фрагмент бронзового браслета (Джопуа А.И., 2015, с.31, рис.2). Надо отметить, что синхронный могильник Цоухуа был выяв-

лен и исследован в с. Ачандара (Гудаутского района) М.М. Гунба и А.Н. Габелия в конце 80-х годов. В дальнейшем исследования могильника были продолжены А.И. Джопуа, А.Ю. Скаковым. Были также вскрыты ритуальные сосуды и прослежен такой же обряд захоронения, как на могильнике Куланурхуа.

Далее, в следующие годы, были продолжены археологические исследования, организованные экспедицией АБИГИ в с. Куланурхуа. В частности, был заложен раскоп, выявивший 4 разрушенные погребальные ямы вытянуто-овальной формы и одно 5 неповрежденное женское. При данном костяке были обнаружены следующие вещи: бронзовая крестовидная фибула, бронзовая копушка-зубочистка, бронзовый перстень, бронзовая серьга, железный ножичек с прямым лезвием, бусы из горного хрусталя, известняка, пасты и стекла (28 шт.). Комплекс по имеющимся аналогиям в ряде памятников в Абхазии датируется кон. V — нач. VI в. н.э. (Хондзия З.Г., 2005, с.565).

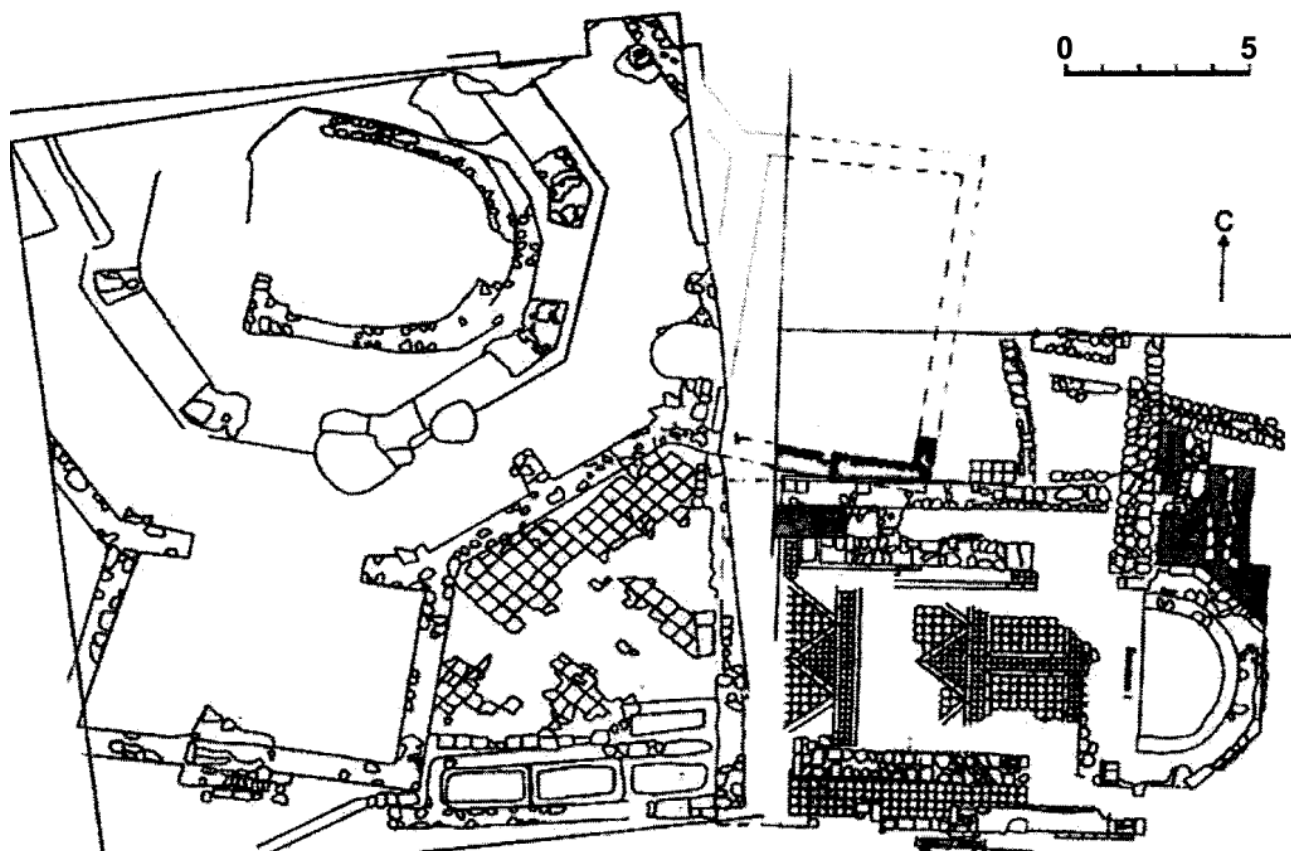

Рис. 1. План раннехристианской базилики второй половины V в. (Сухумская крепость)

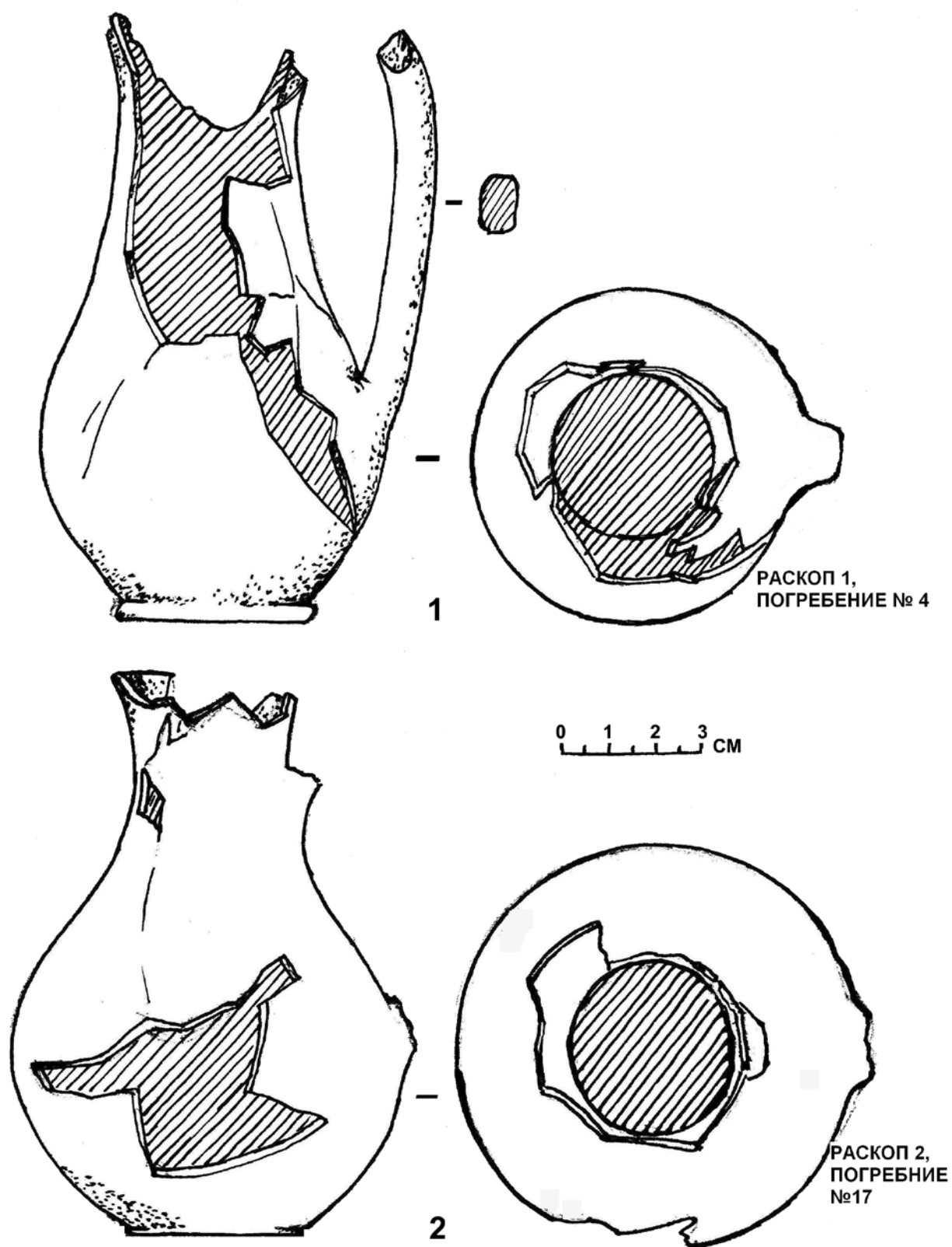

Рис. 2. Кувшины (Куланурхуаский могильник)

Рис. 3. Изображения кошачьих хищников, Лашкендарский храм, фотоснимок

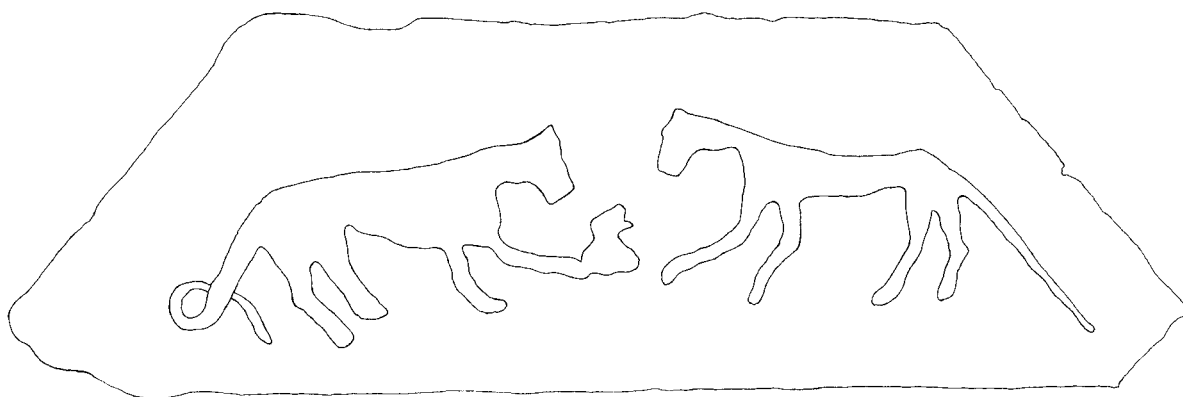

Рис. 4. Изображения кошачьих хищников, Лашкендарский храм, прорисовка

Прекрасные находки дала, и продолжает давать, экспедиция Абхазского государственного университета в Сухумской крепости с 2000 г. В 2003 г. был получен многочисленный и разнообразный археологический материал, характеризующий культурный слой I–III вв. н. э. В прошлые годы полевыми сезонами были вскрыты две культурные группы напластований, одна из которых относится к позднему средневековью. Заслуживают внимания обнаруженный здесь образец лепной антропоморфной керамики (Габелия А.Н., Сакания С.М., 2004, с.519) и

терракотовая статуэтка женщины в головном уборе рубежа нашей эры (Габелия А.Н., 2014, с.423).

Большое место принадлежит работам, которые ежегодно проводятся по выявлению средневековых памятников на территории Абхазии. В данном случае хочется отметить крепости Ачапара и церкви в с. Арасадзыхь Очамчирского района. Судя по форме плана и находкам, датировать храм, обнаруженный в 2005 г., можно XII–XIII вв. В с. Пакуаш была проведена фиксация новых объектов: остатки оборо-

нительной стены, крепостное сооружение подпрямоугольной формы с округлёнными углами, церковь прямоугольной формы, развалины церкви с оградой, церкви с вписанной овальной апсидой. Все отмеченные памятники в с. Пакуаш могут быть датированы XIII–XV вв. Серьёзные исследования были проведены в Гагрском районе, в с. Ачмарда. Главное внимание было уделено Ачмардинскому могильнику. Доследование одной из грабительских ям выявило погребение № 6. В нём находились большие и малые берцовые кости, скелет коня и кости жертвенных животных (козы, свиньи, домашней птицы). Слева от берцовой кости скелета найдены остатки железного меча с деревянной обкладкой, а также фрагменты амфор местного производства между костями человека и коня, серебряная пряжка и кольцо конской узды. Погребение предвательно датируется VI в. н.э. Также в Пицунде рядом с кафедральным собором начала XI в. под крупными известняковыми плитами были обнаружены захоронения, там же открылся верхний обрез фундамента храма, что говорит о слабой интенсивности жизни вблизи храма на протяжении последнего тысячелетия (Бжания В.В. и др., 2009, с.716–721).

Так, в связи с тем, что древности Гагрского района подвергаются разграблению кладоискателями, в 2005 г. правительством Абхазии было принято специальное распоряжение об усилении охраны памятников означенного района. В результате были доследованы 4 повреждённых погребения Ачмардинского могильника и одно неповреждённое — пятое погребение. Оно интересно тем, что в нём помимо прочих вещей был найден серебряный сосуд, под венчиком которого нанесена греческая надпись, предвательно читаемая как: «Я, царь Бакур, овцам (своим) дал». Находка датируется 1-й пол. III в. н.э. Сам же могильник датируется в пределах II–IV вв. н.э. (Бжания В.В. и др., 2007, с.568–569).

Серьёзные археологические раскопки с 2007 г. по 2009 г. были сделаны на месте одного из известных античных городов

Причерноморья — Питиуса (Пицунда). Руководитель экспедиции — Л.Г. Хрушкова. За это время был полностью раскопан жилой комплекс и установлены два строительных периода: позднеантичный (кон. IV — сер. VI в.) и средневековый (с X в.). Также было выявлено более 30 грунтовых захоронений, совершённых по христианскому обряду, в большинстве в своём они безынвентарные, и исследована двухапсидная церковь VI в., на остатках которой была построена церковь более позднего времени, т.е. памятник представляет собой «двойную» церковь (Хрушкова Л.Г., 2012, с.394–395). Сейчас он законсервирован.

Архитектурно-археологические исследования были произведены на горе Лашкендар в районе г. Ткуарчала совместной экспедицией ИА РАН и АБИГИ. Ею было установлено, что утверждение Ю.Н. Воронова о якобы прямоугольных снаружи очертаниях восточной стены храма, послуживших для него признаком для определения даты храма рубежом X–XI вв., ошибочно. На самом деле храм, алтарная стена которого — полукруглая как изнутри, так и снаружи, и предположительно по характеру изображений кошачьих хищников (рис.3; 4) мальтийского креста над южным порталом, следует датировать VII в. (Джопуа А.И. и др., 2009, с.721, рис.3).

В результате работ по замене полов в храме Симона Канонита в Новом Афоне и устройству дренажной системы вокруг храма в 2011–2012 гг. Управлением по охране историко-культурного наследия были организованы археологические работы. В ходе них стало ясно, что вся территория вокруг храма сильно перекопана строителями 1930–1960 гг. Дальнейшие археологические изыскания позволили установить, что нартекс хронологически соответствует храму, и подтвердить датировку христианского памятника (в пределах IX–X вв.). В свою очередь, обнаруженные (на период закладки внутри храма 6 раскопов) поздние погребения XIV–XVI вв. свидетельствуют о длительном времени функционирования храма Симо-

на Канонита в Новом Афоне (Агумаа А.С. и др., 2013, с.10–14).

Так, в рамках составления проекта реставрации памятника древнего зодчества — «Бедийского храмового комплекса» осенью 2011 г. были проведены археологические работы по очистке некоторых участков вокруг храма — с южной, восточной, западной и северной сторон. Для выявления сохранности фундаментов Бедийского храма и культурного слоя в целом было заложено 10 шурфов разных размеров разной глубины. При расчистке нартекса были найдены склеповые захоронения, к северу от храма. Также были обнаружены остатки церкви более раннего периода, о существовании которой не было известно исследователям (Бгажба О.Х. и др., 2012, с.268–269).

В связи с проведением дренажно-реставрационных работ на территории средневекового храма в с. Лыхны Управление по охране историко-культурного наследия одновременно произвело охранно-спасательные работы возле данного храма. Выявленные находки керамики, стекла, черепицы сохранили следы скрепляющего раствора, в то же время наличие разбитых фрагментов в древнем слое свидетельствует о ремонтно-восстановительных работах, начиная с VIII–X вв., когда храм в с. Лыхны стал функционировать. Важно, что в ходе данных работ была подтверждена синхронизация культурных слоёв с аналогичной датировкой самого храма (Агумаа А.С. и др., 2013, с.4–5).

В 2013 г. были далее произведены археологические исследования христианского храма в с. Лдзаа, расположенном в 500 м от моря в открытой местности, под руководством Р.М. Барцыц. В 2007 г. была исследована восточная часть прилегающей к храму территории, раскопано 48 захоронений (одно детское) и открыта южная стена до двух метров, найдено много строительной керамики, вещей из железа, интерес представляют предметы украшений. В результате работ сезона 2013 г. было установлено, что храм имеет вписанную апсиду, длина с

юга на запад — 23,5 м, ширина с юга на север — 16 м, и представляет собой исторический памятник христианской культуры в Абхазии раннего средневековья. Работы будут и дальше продолжены (Барцыц Р.М., 2014, с.4–6).

Летом 2013 г. и весной 2014 г. совместно с АБИГИ Управлением по охране историко-культурного наследия и ИА РАН было продолжено исследование средневекового памятника — Великой Абхазской стены. Археологические разведки проводились в четырёх районах Восточной Абхазии (в Гульрипшском, Очамчирском, Ткуарчалском и Гальском). Фиксация объектов велась, как и ранее, с помощью приёмника GPS, с внесением всех данных в ГИС археологических памятников Абхазии. Цель экспедиции — определить точную локализацию местонахождения Великой Абхазской стены. Особое внимание было обращено к укреплениям Оджиху и Реч-абаа, относимым большинством исследователей к системе Великой Абхазской стены. В то же время согласно проведённому исследованию ни по особенностям планировки, ни по своей ориентации с башнями Великой Абхазской стены, как показал осмотр крепостей, ничего общего они не имеют, а значит, укрепления Оджиху и Реч-абаа не могли относиться к системе Великой Абхазской стены. Это касается и храмового комплекса в с. Чхортол, который находится в 2 км от крепости Реч-абаа. Его осмотр показал, что он требует серьёзного изучения (Требелева Г.В. и др., 2014, с.250–252).

Большой интерес представляет обнаруженное в 2006 г. к югу от могильника Джантух и раннесредневековое поселение на поляне на склоне горы. Могильник известен своими погребальными комплексами XII–II вв. до н.э., с фиксацией, в частности, античного материала. В 2007 г. на площадке поселения были заложены два шурфа, в 2013 г. — третий шурф. Найденный материал, а именно наконечник стрелы, керамика, аналогичен цебельдинскому, что позволяет данное поселение датировать серединой I тыс. н.э. (Кадиева А.А. и

др., 2015, с.41). Раннесредневековое поселение продолжает изучаться.

В заключение хочется отметить, что представленные нами результаты археологических работ, конечно, далеко не все. В то же время в своей статье мы постарались представить максимально полную картину тех археологических работ, которые были проведены на территории Абхазии с 2000 г. по 2013 г. Они, как мы надеемся, дают представление о значимости раскопочных работ, которые ежегодно ведутся в Абхазии. Также следует добавить, сегод-

няшнее состояние Республики Абхазия таково, что в результате поддержки государства и грантовой системы (совместные абхазо-российские археологические экспедиции) можно проводить полевые, разведывательные и охранно-спасательные работы во всех районах страны. Очевидно, изучение археологических памятников будет продолжено, и, без сомнения, будут новые открытия, которые своими находками ещё более откроют завесу древней истории Абхазии.

ЛИТЕРАТУРА

- Агумаа А.С., Бгажба О.Х., Сакания С.М., Сангулия Г.А., 2013.* Храм Симона Канонита в Новом Афоне: новые археологические данные по материалам экспедиции 2011–2012 гг. // Вторые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар.
- Агумаа А.С., Бгажба О.Х., Сангулия Г.А., Сакания С.М., 2013.* Результаты охранных археологических исследований вокруг Лыхнинского храма // Третьи Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар.
- Барццц Р.М., 2014.* Христианский храм в селе Лдзаа, Республика Абхазия (новые материалы раскопок 2013 г.) // Четвёртые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар.
- Бгажба О.Х., Сакания С.М., Агумаа А.С., 2012.* Археологические раскопки в Бедийском храме в 2011 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. — Махачкала.
- Бжания В.В., Агумаа А.С., Бжания Д.С., Виноградов А.Ю., Кандаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г., 2007.* Охранные исследования в Гагрском районе // АО. 2005. — М.
- Бжания В.В., Агумаа А.С., Барццц Р.М., Бжания Д.С., Бирюков Ю.Д., Кандаки Д.А., Сакания С.М., Хондзия З.Г., 2009.* Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // АО 2006. — М.
- Габелия А.Н., 2014.* Абхазия в предантичную и античную эпохи. — Сухум.
- Габелия А.Н., Сакания С.М., 2004.* Работы экспедиции Абхазского университета // АО. 2003. — М.
- Горлов Ю.В., Безрученко И.М., Бжания Д.С., 2007.* Раннехристианский комплекс в Севастополе // ВАН. № 2. — Сухум.
- Джопуа А.И., 2015.* Новый могильник поздней античности и раннего средневековья в с. Куланурхуа (Гудаутский район, Абхазия) // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. — М.
- Джопуа А.И., Скаков А.Ю., Федотова А.В., 2009.* Разведки на горе Лашкендар // АО. 2006. — М.
- Кадиева А.А., Скаков А.Ю., Джопуа А.А., 2015.* Поселение Джантух в Восточной Абхазии: к вопросу о социальном статусе ремесленников эпохи Великого переселения народов // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. — М.

- Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Сангулия Г.А., Кайтан Ш.Г., 2014.* Чхортольский храм и вопрос локализации Великой Абхазской (Келасурской) стены // Четвёртые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар.
- Хондзия З.Г., 2005.* Раннесредневековые погребения села Куланыхуа // АО. 2004. — М.
- Хрушкова Л.Г., 2012.* Раскопки в Питиусе (совр. Пицунда): 2007–2009 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. — Махачкала.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ СЛУЧАЙНОЙ НАХОДКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ СТАНИЦЫ НАТУХАЕВСКОЙ

Весной 1987 г. в Анапский археологический музей была передана группа из тринадцати средневековых предметов, случайно найденных в районе ст. Натухаевской. К сожалению, никаких сведений об обстоятельствах находки выяснить не удалось: коробка с предметами была оставлена находчиком в отделе краеведения музея с запиской, указывающей на то, что находка происходит из окрестностей станицы.

Ниже приводится описание поступивших в музей предметов (коллекция ПМ 4048).

1. Обломок основания клинка сабли с черенком для крепления рукояти. Со стороны спинки клинка черен выделен ступенчато, со стороны лезвия переход более плавный. Черенок слегка изогнут и наклонен в сторону лезвия. В средней части два отверстия для крепления деревянных деталей рукояти. Клинок клиновидного сечения, слегка сужающийся к спинке. В месте излома клинок погнут (рис.1, 1). Длина 19,5 см, ширина клинка 2,8 см. Фрагмент несет следы пребывания в огне.

2. Фрагмент окончания клинка сабли двустороннезаточенный линзовидный в сечении (рис.2, 2). Длина 15 см, ширина 2 см. Несет следы пребывания в огне.

3. Перекрестие сабли напускное, представляет собой пластину в форме вытянутого овала с прямоугольной прорезью для черена рукояти, заключенную в пластинчатую обойму, снабженную с одной из сторон треугольным выступом. От обоймы отходят овальные в сечении стержневидные выступы, завершающиеся округло-биконическими утолщениями с порошком (рис.3, 3). Размеры — 9х2,1х1,5 см. Несет следы воздействия огня.

4. Навершие рукояти сабли в виде короткой овальной в сечении втулки с выпуклым шаровидным завершением, сжатым с

боков. С одной из уплощенных сторон имеется выступ — вероятно, от шляпки гвоздя, служившего для крепления навершия к деревянной основе рукояти или фиксации петли темляка. Нижняя часть утрачена (рис.4, 4). Размеры — 4х2,8х2,2 см.

5. Наконечник ножен сабли в виде вытянутой овальной в сечении втулки с треугольным вырезом в верхней части. Нижняя часть не сохранилась (рис.1, 5). Размеры — 24х3,3х1,8 см. Несет следы воздействия огня.

Все перечисленные предметы можно было бы считать единым комплексом (сабля и ее гарнитура), однако прорезь в перекрестии меньше ширины черена в месте перехода его в клинок. Это обстоятельство дает основания считать, что поступившие в анапский музей фрагменты и предметы принадлежат по меньшей мере двум разным саблям.

Обломки сабельного клинка мало информативны для датировки. Форма перекрестия достаточно своеобразна. В некоторой мере оно сопоставимо с перекрестиями из кремационных могильников XI — начала XIII в. Западного Закубанья: Абинского-4 (Пьянков А.В., 1993, с.128, рис.4, 22; 6, 7; 7, 13; 10, 26), Циплиевского (Пьянков А.В., 2000, с.17, рис.5, 17,21), Черноклен (Пьянков А.В., 2001, рис.7, 6,19,33), Андреевская щель (Новичихин А.М., 2014, с.9, рис.3, 1а), Ленинахабльского (Носкова Л.М., 1999, с.198, рис.6, 5; 10, 3; 11, 4), и с перекрестиями из кремаций и сопутствующих им конских захоронений цемдолинских могильников: грунтового («на пашне») и курганного (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с.96, рис.9, 18; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003, табл.99, 38,42), однако отличается от них более длинными выступами с отчетливо проработанными округло-биконическими шишечками на концах. Можно предположить, что такая форма яв-

ляется результатом последующего развития сабельных перекрестий из указанных закубанских и причерноморских могильников. В какой-то степени натухаевскому близко перекрестие сабли из кремационного погребения 31 Цемдолинского грунтового могильника, но оно снабжено более короткими выступами, завершающимися грибовидными шляпками (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис.18, 7).

В указанных закубанских могильниках находит аналогии навершие рукояти (Пьянков А.В., 1993, с.128, рис. 11, 8; 2000, с.17, рис.5, 7; Носкова Л.М., 1999, с.198, рис.3, 2; 4, 2; 5, 2; 11, 3). Близким по оформлению верхней части навершием была снабжена сабля из кенотафа первой половины XII в., открытого на могильнике Андреевская щель (Новичихин А.М., 2008, с.32, рис.5, 1).

Удлиненный наконечник ножен по форме также сходен с экземплярами из кремационных могильников Закубанья, но отличается от некоторых из них более простым фигурным вырезом в устьевой части (Пьянков А.В., 1993, с.128, рис. 2, 8; 4, 13; 5, 3,20; 6, 6; 7, 44; 9, 1, 11; 10, 6; 11, 2,4; 2000, с.17, рис.5, 9; Носкова Л.М., 1999, с.199, рис.3, 1; 10, 2; 12, 9). Близкие публикуемому экземпляры, в том числе и с треугольным вырезом — «уголком», сопровождали сабельные клинки в кремационных погребениях конца XI — XIII в. Цемдолинских могильников: грунтового («на пашне») и курганного (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с.97, рис. 2, 22; 18, 7; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003, табл. 99, 37,44).

6. Наконечник пики с конической втулкой, составляющей около трети общей длины, и резко выделенным четырехгранным острием (рис.1, 6). Длина — 34,5 см, ширина у основания острия — 2,1 см, диаметр втулки — 2,3 см.

Судя по аналогиям в инвентаре закубанских могильников, подобной формы наконечники имели достаточно продолжительный период бытования. В Западном Закубанье и в Северо-Восточном Причерноморье они встречены как в ингумационных могильниках VIII–IX вв. Казазово I

(Тарабанов В.А., 1983, с.151, рис.1, 3) и Нововочепшийском (Носкова Л.М., 1990, с. 50, рис.45, 9; 2002, рис.6, 7), так и в кремационных IX–X вв. Казазово II (Пьянков А.В., 1990, с.159, рис.46, 1,3), Молдаванском (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2004, рис.6, 12), Дюрсо (Дмитриев А.В., 2003, табл.89, 43), а также в кремационных курганных XI–XIII вв. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003, с.219, табл.99, 3) и курганных ингумационных XIII–XIV вв. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003, с.223, табл.103, 32,33). На могильнике Андреевская щель близкой формы наконечник найден вне комплекса (Новичихин А.М., 2014, с.62, рис.7, 2).

7,8. Два наконечника стрел с круглого сечения черешком и плоским пером. Сохранившиеся размеры: длина — 6,2 и 8 см, ширина — 1,2 и 2,2 см. Сохранность одного из наконечников такова, что о форме пера судить невозможно (рис.1, 7). Второй наконечник, судя по всему, имел крупное перо листовидных очертаний (рис.1, 8). Подобные наконечники изредка встречаются в материалах средневековых кремационных могильников Закубанья, например в Абинском 4 (Пьянков А.В., 1993, рис.10, 18).

9. Колчанная петля в форме низкой П-образной скобы с расширениями на концах, в которых сохранились гвозди, крепившие скобу к деревянной основе (рис.1, 9). Размеры: 5,5x1,3x0,8 см. Небольшие по размерам колчанские петли подобной формы известны в инвентаре средневековых кремационных могильников Молдавановского (Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2004, рис.9, 14,15), Абинского 4 (Пьянков А.В., 1993, рис.4, 12), Цемдолинского (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис.10, 10,11), Андреевская щель (Новичихин А.М., 2008, рис.4, 12,13) и других.

10. Фрагмент свернутой и спекшейся от коррозии кольчуги размером 20x8x7 см. Сплетена из круглых в сечении колец диаметром 1,1 см. В плетении попеременно сочетаются сварные и склепанные кольца. Подобная техника плетения характерна для кольчужных доспехов домонгольского времени (Кирпичников А.Н., 1971, с.7).

11. Удила двусоставные со слегка уплощенными внешними петлями, в одной из которых сохранилось кольцо для поводка из круглого в сечении прута. Звенья удил подпрямоугольные в сечении (рис.1, 10). Длина удил — 17 см, диаметр кольца — 4,3 см, сечение кольца — 0,4 см.

12. Удила двусоставные с широкими уплощенными (цилиндрическими) внешними петлями, в которые вставлены плоские кольца для поводьев. Кольца сильнее уплощены к внешнему краю, в результате чего их сечение близко к вытянутому треугольнику. Грызла удил овальные в сечении (рис.1, 11). Длина удил — 14,5 см, диаметр колец — 5,8 см, ширина колец — 0,9 см.

Первые удила относятся к самому распространенному в средние века типу — П по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.18, рис.2).

Вторые удила сочетают элементы удил типов ПIII (плоские кольца) и ПIV (трубчатое окончание внешних петель) по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.17, рис.2). По данным исследователя, удила указанных типов характерны для кочевнических комплексов второй половины XIII — XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.115, 116), однако он отметил, что удила типа ПIII встречаются в погребениях конца XII — начала XIII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.106). Представляется, что сочетание признаков типов ПIII и ПIV могло существовать у удил, бытовавших в XIII в. В памятниках Северо-Восточного Причерноморья известны находки удил с трубчатым окончанием звеньев, правда, в сочетании с обычными, круглыми в сечении кольцами для поводьев — они датируются концом XII — XIII в., с возможным сужением до конца XII — начала XIII в. (Армарчук Е.А., 2006, с.49).

13. Пуговица костяная в форме низкого усеченного конуса со сквозным вертикальным отверстием. Внешняя поверхность украшена колечками циркульного орнамента, расположенными по периметру изделия, край — рядом заштрихованных треугольников (рис.1, 12). Высота — 0,7 см,

диаметр — 2 см, диаметр отверстия — 0,4 см. Несет следы пребывания в огне.

Костяные предметы подобной формы хорошо известны в кочевнических древностях X—XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.70, 71, рис.12). Костяные пуговицы с аналогичной и иной орнаментацией (или же неорнаментированные) содержались в инвентаре мужских половецких погребений XI—XIV вв. степного Предкавказья (Нарожный Е.И., 2005, с.48, рис.20, 4,5, с.51, рис.22, 4, с.53, рис.23, 5). В Келийском могильнике (горная Ингушетия) такие пуговицы встречены в погребениях XIII—XIV вв. (Нарожный Е.И., 2005, с.82, рис.37, 5–27). На Черноморском побережье Западного Кавказа подобные пуговицы встречены в кремационных погребениях конца XI—XIII вв. Борисовского могильника (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003, табл.100, 12,15), наиболее близкие публикуемому экземпляры происходят из ингумационного погребения 34 конца XIII — XIV в. в каменном ящике Цемдолинского могильника (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис.13, 13,14; Армарчук Е.А., Дмитриев А.А., 2003, табл.102, 30,31).

Два экземпляра удил, а также фрагменты и детали, принадлежавшие двум разным саблям, дают основания предполагать, что поступившие в анапский музей предметы представляют собой остатки двух комплексов инвентаря погребений средневековых воинов. Следы воздействия огня на обломках сабельных клинков, деталях ножен и костяной пуговице указывают на то, что погребения были совершены по обряду трупосожжения. Датировка большинства предметов в целом укладывается в рамки XI—XIII вв., однако наиболее поздняя хронологически выразительная находка — удила с цилиндрическими внешними петлями и вставленными в них плоскими кольцами — может быть датирована достаточно узко, в пределах XIII в. Судя по всему, погребения, из которых происходят найденные в 1987 г. предметы, следует относить к заключительному этапу существования обряда кремации у племен Северо-Западного Кавказа.

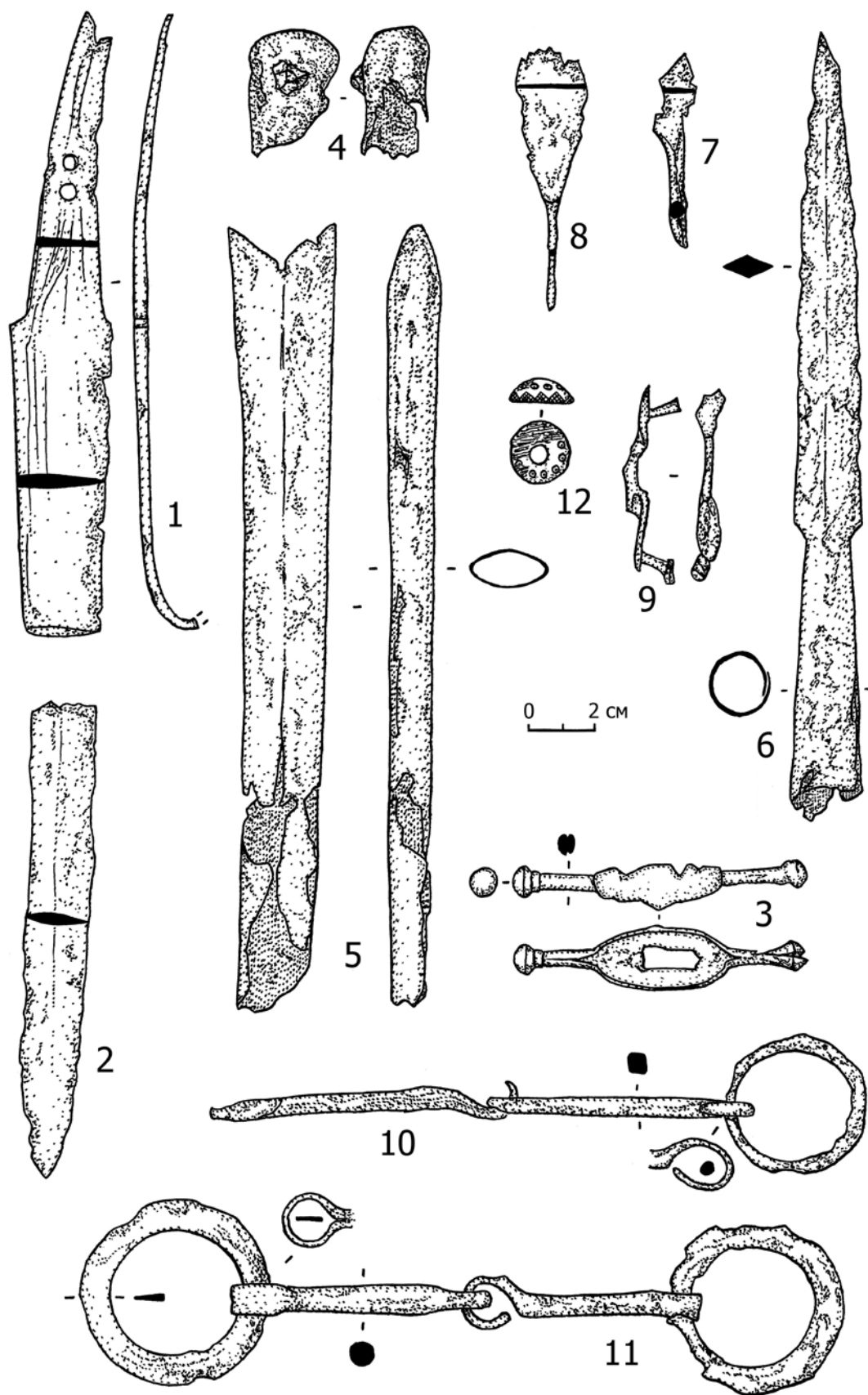

Рис. 1. Предметы из случайной находки 1987 г. в окрестностях ст. Натухаевской:
 1, 2 – фрагменты клинков сабель, 3 – перекрестие сабли, 4 – навершие рукояти сабли, 5 – наконечник
 ножен, 6 – наконечник копья, 7, 8 – наконечники стрел, 9 – петля колчана, 10, 11 – удила, 12 – пуговица.
 1–11 – железо, 12 – кость

ЛИТЕРАТУРА

- Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. — М.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003. Курганские могильники // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. — М.
- Армарчук Е.А., Мальшев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. 3. — Армавир — М.
- Дмитриев А.В., 2003. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. — М.
- Киртичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1-36. — Л.
- Нарожный Е.И., 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа. — Армавир.
- Новичихин А.М., 2008. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 1. — М.
- Новичихин А.М., 2014. Предметы вооружения, воинского и конского снаряжения из разрушенных погребений могильника Андреевская щель // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. Вып. 3. — М.
- Носкова Л.М., 1990. Средневековые погребения Ново-Вочепшийского могильника // Древние памятники Кубани. — Краснодар.
- Носкова Л.М., 1999. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее // Материальная культура Востока. — М.
- Носкова Л.М., 2002. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. — М.
- Пьянков А.В., 1990. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. — Краснодар.
- Пьянков А.В., 1993. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. *Studia Pontocavcasica* I. — Краснодар.
- Пьянков А.В., 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. — Абинск.
- Пьянков А.В., 2001. Касоги — касахи — кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. — Краснодар.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2004. Воинский комплекс 25 из Молдавановского могильника (раскопки 1989 г.) // МИАСК. Вып. 3. — Армавир.
- Тарабанов В.А., 1983. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиции и современность (Проблемы археологии и этнографии. Вып. II). — Л.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.

ПОГРЕБЕНИЕ СО СТОРЧАТЫМИ БРАСЛЕТАМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧЕРНОКЛЁН В ЗАПАДНОМ ЗАКУБАНЬЕ

В июле — ноябре 1986 г. Абинская археологическая экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (*далее — КТИАМЗ*) проводила исследование девяти курганов, расположенных в зоне строительства орошаемых площадей на землях колхоза им. XXII Партсъезда Абинского района Краснодарского края, по плану строительства Закубанской оросительной системы. Земли вышеупомянутого колхоза охватывают г. Абинск с запада, севера и востока.

Работы экспедиции начались с раскопок двух курганов могильника Черноклён, находящихся в 4 км к северу — северо-востоку от г. Абинска и в 500 м к востоку от дороги Абинск — с. Варнавинское. Обе земляные насыпи насыпаны первоначально в эпоху бронзы и к моменту раскопок были сильно распаханы и потеряли первоначальную форму.

Особого внимания заслуживает курган № 1, имевший высоту 1,7 м и диаметр 62х56 м. Земляное сооружение оказалось курганом-кладбищем, содержащим 105 погребений, захоронение коня и 23 различных объекта. Большая часть погребений относилась к эпохе средневековья и являлась биритуальным могильником, состоящим из 50 кремационных и 47 ингумационных погребений. Средневековый некрополь, устроенный в насыпи кургана, был грунтовым. Выбор возвышенности под некрополь объясняется тем, что Западное Закубанье в прошлом являлось плавневой зоной и, соответственно, характеризовалось высоким уровнем грунтовых вод (Анфимов Н.В., Пьянков А.В., 1989, с. 14; Пьянков А.В., 2000, с. 14; Сорокина И.А., 2001, с. 188).

Предварительная информация о средневековом могильнике была изложена в докладе на археологической конференции и кратко опубликована в тезисах (Пьянков А.В., 1988, с. 63, 64).

Из 97 средневековых погребений наибольший интерес представляет погребение № 20 с двумя погребенными в урнах. Кроме височных колец, обложенных золотом, здесь найдены два серебряных с позолотой трёхчастных и орнаментированных браслета. Погребение с этими неординарными предметами заслуживает отдельной публикации. Ниже дано описание погребения и его инвентаря.

Погребение 20 (рис. 1, 1) открыто в 6 м к юго-западу от ЦР на глубине 60 см от ЦР и 54 см от поверхности земли в насыпи.

Форма погребального сооружения не прослеживается.

Погребение представляло собой две керамические урны, поставленные на дно, друг возле друга, заполненные измельчёнными кальцинированными костями (размеры фрагментов от 0,9х0,7х0,4 см до 7,9х4,2х0,25 см) вперемешку с гумусированным суглинком и инвентарем.

Урна № 1 (рис. 1, 1) представляла собой нижнюю половину кружалной красноглиняной корчаги с остатком одного корня вертикальной ручки. Дно плоское, тулово от дна расширяется. Тесто плотное, обжиг ровный. Черепок на изломе двуслойный: красный и серый. Стенки сосуда покрыты вертикальными лощёными линиями. Отощитель — шамот и дресва. Верхняя половина сосуда была разрушена вспашкой¹. Размеры: h — 26,3 см, d тулова — 23 см, d дна — 17,3 см. КМ 8469/209.

При разборке заполнения урны № 1 были обнаружены следующие предметы:

1. Браслет серебряный трёхстворчатый (рис. 1, 6; 3, 1–3); две створки — пластинчатые, средняя — в виде двух овальных медальонов и круглым кастом со стеклянной вставкой синего цвета между ними. Обе пластинчатые створки отлиты в одной форме, средняя створка — в другой. Пластинчатые створки соединены со средней частью по-

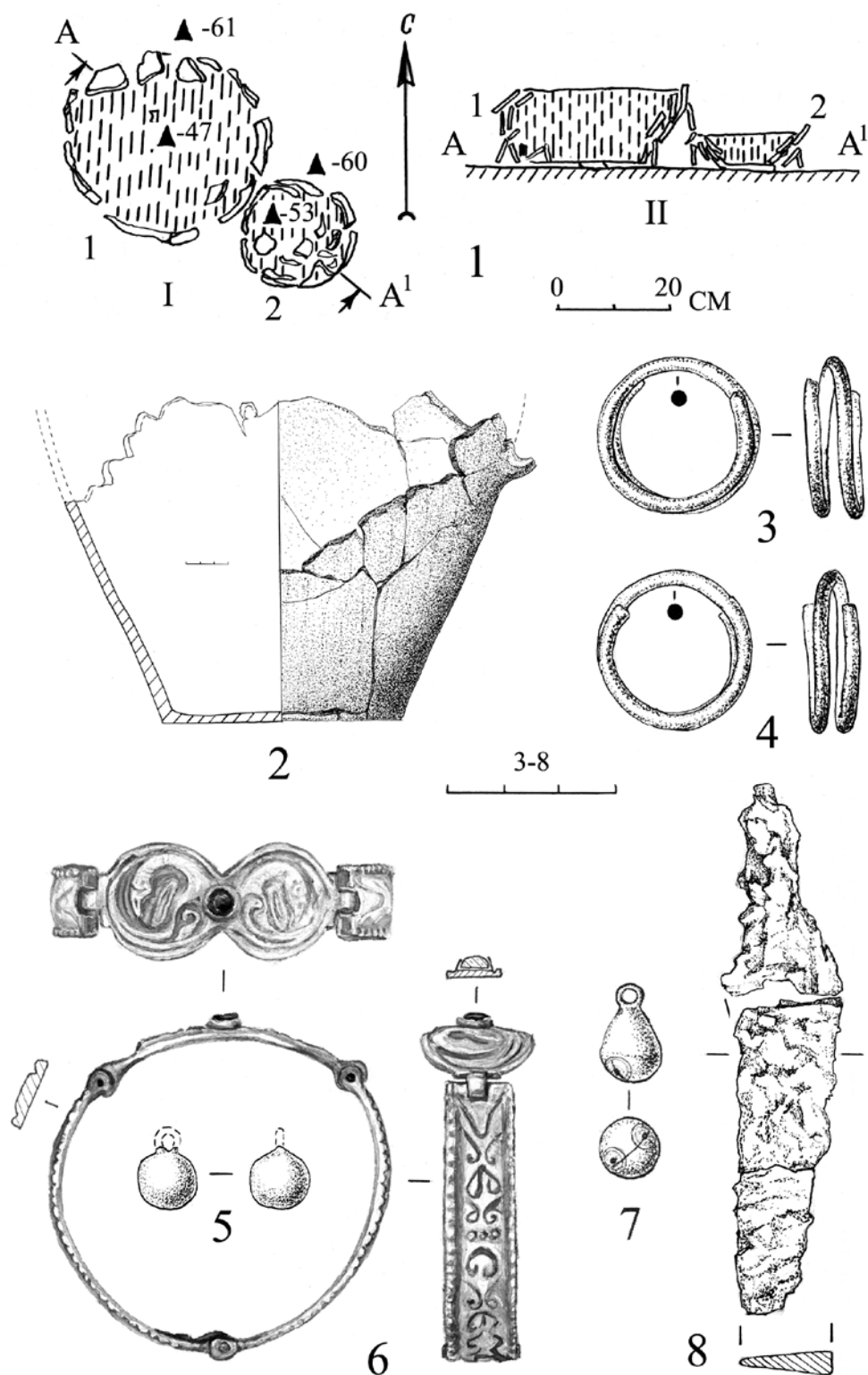

Рис. 1. Могильник Черноклён, кург. № 1, погреб. № 20:

1 – план погребения (I и II – план и разрез погребения, 1 – урна № 1, 2 – урна № 2); 2 – урна № 1;
3, 4 – височные кольца; 5 – пуговка; 6 – браслет трёхстворчатый № 1; 7 – бубенчик; 8 – нож. 1 – керамика,
3, 4 – бронза (серебро)?, золото, 5, 7 – бронза, следы позолоты, 6 – серебро, позолота, стекло и бронза,
8 – железо

средством шарниров с бронзовыми штифтами. Запирался браслет с помощью узкой замковой пластинки на шарнире со стерженьком на другом конце. Соседняя створка имела сквозное отверстие для стерженька. Внешняя поверхность боковых створок покрыта рельефным растительным орнаментом, вдоль края с обеих сторон идут рельефные бортики из ложной зерни. Центральная створка на обоих медальонах имеет стилизованные рельефные изображения свернувшихся в кольцо птиц. Пернатые свернулись в противоположные стороны. Птицы имеют длинные шеи и клювы, головы повернуты назад, хвосты длинные, их окончания заходят за головы. Выделены приподнятое крыло и лапа. Внешняя поверхность всех створок покрыта позолотой. Замковая пластинка была сломана. Браслет имел один сломанный шарнир. Размеры: d браслетов — 5,9x6,2 см, s пластины — 1,3–1,4 см, t пластины — 0,2 см, средние створки — 5,0x2,1x0,2 см, d медальонов — 2,1x2,2 см. Мд 3709; КМ 8469/221.

2. Браслет серебряный трёхстворчатый (рис. 3, 4, 5), аналогичный предыдущему. Замковая пластинка отсутствовала. Один шарнир сломан. Размеры: d браслетов — 6,1x6,2 см, s пластины — 1,3–1,4 см, t пластины — 0,2 см, средние створки — 5,0x2,1x0,2 см, d медальонов — 2,1x2,2 см. Мд 3710; КМ 8469/222.

3. Цепочка со сложным звеном (рис. 2, 1), во фрагментах, звено: перехваченное посередине проволоочное кольцо (концы сварены) и свёрнутое в кольцо меньшего диаметра. Фрагменты цепочки складываются в два отрезка одинаковой длины: серебряный с позолотой и бронзовый с позолотой. Размеры: 1 отрезок — 43 см, звено — 0,8x0,3 см, d проволоки — 0,1 см. Мд 3706; 2 отрезок из 4 фрагментов — 40 см. КМ 8469/220.

4. Нож черешковый (рис. 1, 8) железный, 3 фрагмента. Сечение лезвия треугольное. Сильно коррозирован. Размеры: лезвие — 5,8x1,85x0,4 см, черешок — 2,85x1,0x0,5 см. КМ 8469/211.

5. Бубенчик бронзовый (рис. 1, 7), тиснённый, с грушевидным корпусом и проволоочной петлёй для подвешивания, в

основании — щель с двумя отверстиями по обоим концам щели. Вокруг отверстия прочерчены концентрические окружности диаметром 0,5 см. На поверхности сохранились следы позолоты. Размеры: корпус — 1,3x1,1 см; d петли — 0,5 см; d проволоки — 0,1 см. КМ 8469/212.

6. Бубенчик бронзовый тиснённый с грушевидным корпусом, аналогичный предыдущему, утрачена нижняя половина со щелью. КМ 8469/213.

7. Бубенчик бронзовый тиснённый с грушевидным туловом, аналогичный предыдущим, утрачена петля. КМ 8469/214.

8. Пуговица бронзовая (рис. 1, 5) тиснённая с шаровидным корпусом, проволоочная петля утрачена. Размеры: корпус — 1,05 см; КМ 8469/215.

9. Кольцо височное (рис. 1, 3) в 1/75 оборота, из круглого в сечении металлического дрота (серебро или бронза?), обложено тонким листом из жёлтого металла. Размеры: d кольца — 2,9x2,8 см; d дрота с обкладкой — 0,3 см. Мд 3318.

10. Кольцо височное (рис. 1, 4) в 1/75 оборота, из круглого в сечении дрота, обложено тонким листом из жёлтого металла. Размеры: d кольца — 2,8 см; d проволоки с обкладкой — 0,3 см. Мд 3319.

Урна № 2 (рис. 1, 2) находилась с Ю-В стороны вплотную к урне 1. Представляет собой лепной сероглиняный сосуд. Дно плоское. Тулово от дна расширяется. Тесто плотное. Черепок на изломе трёхслойный. Отощитель — дресва и шамот. Сохранились только придонная часть урны и дно. Размеры: h — 10 см, d тулова — 20 см, d дна — 13,2 см. КМ 8469/210.

При разборке урны № 2 были обнаружены следующие предметы:

1. Пластина бронзовая (рис. 2, 5, 7) из 9 фрагментов толщиной 0,1 см. Форма не восстанавливается, на одной из пластинок имеется отверстие диаметром 0,4 см. Размеры: от 1,2x1,1x0,1 см до 4,8x3,5x0,1 см. КМ 8469/219.

2. Бубенчик (рис. 2, 6) бронзовый грушевидный с проволоочной петлёй и щелью в основании, слегка помят и с двумя

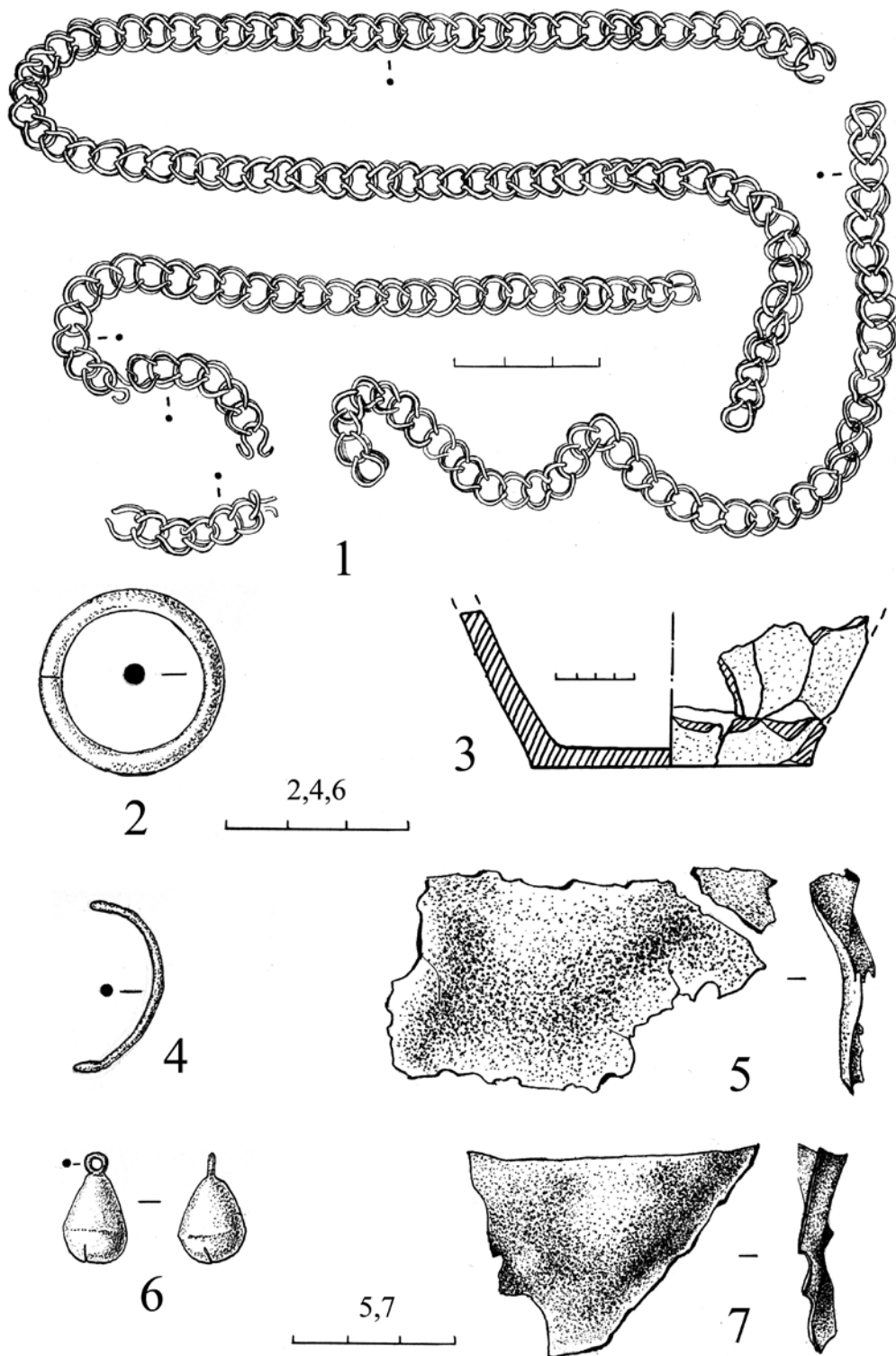

Рис. 2. Могильник Черноклён, кург. № 1, погреб. № 20:

1 – цепочка с фигурным звеном (фрагменты); 2 – кольцо, со сведёнными концами, литое;
 3 – урна лепная (фрагмент придонной части и дна); 4 – браслет с уплощённым концом (фрагмент);
 5, 7 – пластинка металлическая тонкая (фрагменты); 6 – бубенчик. 1 – серебро, бронза, позолота,
 2, 4–6 – бронза, 3 – керамика

пробоинами в тулове. Размеры: тулово — 1,3x1,1 см; d петли — 0,47 см; d проволоки — 0,1 см. КМ 8469/216.

3. Кольцо бронзовое (рис. 2, 2) из литого овального в сечении дрота со сваренными концами. Размеры: d кольца — 3,2x3,1 см; d прута — 0,4x0,35 см. КМ 8469/217.

4. Браслет бронзовый, фрагмент (рис. 2, 4), круглого сечения с одним утолщённым концом. Размеры: l фрагмента — 2,9 см; d проволоки — 0,15 см. КМ 8469/218.

Другого инвентаря в обоих сосудах не обнаружено.

Судя по инвентарю, сожжение в урне № 1 принадлежало женщине, вероятно взрослой. Сожжение в урне № 2 принадлежало ребёнку, пол не определён.

Несмотря на присутствие в двойном погребении нескольких дорогих предметов, узко датировать захоронение № 20 достаточно сложно. Во-первых, инвентарь обоих сожжений невелик и по большей части маловыразительный.

Во-вторых, большая часть предметов датируется очень широко. Например, цепочка с фигурным звеном (рис. 2, 1) на Северо-Западном Кавказе имеет аналогии и близкие формы среди цепочек от раннего железного века до позднего средневековья (Пьянков А.В., 2016а, с. 192, 195–196, рис. 7, 2; Марковин В.И., 1996, с. 189, 192, рис. 12, 9; 14, 7; Мордвинцева В.И. и др., 2010, кат. № 106, рис. 6, табл. 9; Марченко И.И., 1996, рис. 91, 10; Шедевры... 1987, кат. № 167, 168, 171; Сокровища..., 1985, кат. № 528). Тиснёные грушевидные бубенчики и шаровидные пуговицы² разных размеров и с различными деталями встречены в погребениях внутри и рядом с Сентинским храмом, которые датированы В.И. Марковиным XII–XIV вв., и во многих могильниках Северо-Западного Кавказа XI–XIII вв., как в грунтовых, так и в курганных (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003, с. 220, табл. 97, 18; 100, 43, 48, 49; Марковин В.И., 1996, с. 192, рис. 7, 5; 14, 1–6; Пьянков А.В., 2000, с. 18, 21, рис. 4, 8; 5, 4). Наконец, керамические урны с глиной, имеющей отошитель из шамота и дресвы, с шероховатой внешней поверхностью, по на-

блюдению автора, бытовали в Закубанье в X — середине XIII в.

Не могут уточнить дату погребения и височные кольца, обложенные золотым листом, поскольку ни по размеру, ни по материалу не имеют полных аналогов³. По классификации височных колец, предложенной Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриевым на материалах Цемдолинского курганно-грунтового могильника, наше височное кольцо относится к группе 1 (проволочные), отделу перстнеобразных, подтип д. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 43, рис. 57, 1). Этот подтип объединяет украшения из «проволоки», свёрнутой в 1,75 оборота, при диаметре кольца 2 см и диаметре «проволоки» до 3 мм⁴. Ещё одна особенность этого подтипа в том, что он пружиновидный, то есть кольца не соприкасаются боковыми поверхностями, а несколько отстают друг от друга, что характерно и для публикуемых колец. Однако наши кольца имеют диаметр 3 см и обложены золотым листом. Близкие находки височных колец по размеру происходят из катакомбы № 83 Змейского могильника в Северной Осетии, датированного X–XII вв., но эти кольца бронзовые (Кузнецов В.А., 1995, с. 350, 361, рис. 16, 8). Очень близки нашим находкам височные кольца из новых поступлений в КГИАМЗ, напоминающие пружины и свёрнутые почти в 2 оборота из серебряного дрота, которые отнесены авторами к X–XIII вв. (Возвращенные сокровища..., 2014, ил. на стр. 83). Но последние происходят не из закрытого комплекса и потому не могут дать нам надёжной даты. Отсутствие точных аналогий височным кольцам позволяет нам датировать их широко в пределах X–XIII вв.

Для датировки остаются серебряные трёхстворчатые браслеты. Правда, нам не известны наручи из трёх створок. Но известно много двустворчатых браслетов, бытовавших в средние века.

Серебряные браслеты X–XI вв. восточного происхождения, состоящие из двух прямоугольных пластинок, внешняя поверхность которых орнаментирована рельефными изображениями, а бордюры покрыты растительным узором и чернью хранятся в Думбартон Оксе, Эрмитаже

Рис. 3. Могильник Черноклён,
кург. № 1, погреб. № 20: 1 — браслет № 1, прорисовка лицевой стороны;
2 — браслет № 1 вид сбоку, фотоснимок; 3 — браслет № 1, вид сверху на раскрытые створки;
4 — браслет № 2 вид сбоку, фотоснимок; 5 — браслет № 2, вид сверху на раскрытые створки.
1–5 — серебро, позолота, стекло и бронза

и в частном парижском собрании⁵ (Маршак Б.И., 1985, с.136, рис. 3, а,б,в). Правда, эти браслеты с более широкими створками, чем черноклёновские.

Браслеты с более узкими створками, орнаментированными растительным,

геометрическим и зооморфным узорами известны среди находок в Древней Руси (Болоховское городище, Великий Новгород, д. Пискова, гор. у с. Романово и Рюриково городище) в слоях конца XII — XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 118, рис.

15, 7,9; 44, 1–5,8; Макарова Т.И., 1986, кат. № 223,227,232).

В орнаментации створчатых браслетов часто использовались изображения птиц. Упомянутые уже браслеты из Думбартон Окс и Эрмитажа имеют череду медальонов с рельефными фигурами животных и птиц (Маршак Б.И., 1985, рис. 3, а,в). В.П. Даркевич в своей монографии по византийскому искусству приводит изображение другого, более широкого византийского наруча из Лувра (из коллекции Г. Шлюмберже), с птицами в круглых медальонах и с чернью, который он датирует XII–XIII вв. (Даркевич В.П., 1975, с. 272, рис. 387). Но здесь совершенно другая стилистика изображений птиц, отличная от изображений на публикуемых наручах. Это касается и изображений птиц на предметах торевтики, на иллюстрированных заставках к рукописям и на расписных керамических сосудах XII в., подобранных В.П. Даркевичем (Даркевич В.П., 1975, с. 202–205, рис. 9; 23; 148; 182; 317–322).

Стоит отдельно задержаться на парных двустворчатых золотых браслетах из клада в Салониках, сегодня хранящихся в Афинах в коллекции Е. Стафатос, с листовидными по форме створками, украшенными рельефными изображениями «древа жизни», по сторонам которого расположены фигуры птиц с длинными хвостами, развернутыми в разные стороны, и с головами, повернутыми назад (Даркевич В.П., 1975, с.203, рис. 320). Композиционно и стилистически изображения птиц на афинских браслетах отличаются от изображений на черноклёновских наручах.

Существуют более близкие стилистические параллели изображениям наших птиц среди византийских артефактов. Речь идёт об изображениях на костяных пластинках из находок в Херсоне. На этом памятнике в разное время при раскопках были найдены костяные пластинки с резными и гравированными изображениями птиц, стоящих в профиль и развернувших головы назад (Византийский Херсон, 1991, кат. № 109–113; Яшаева Т., др., 2011, с. 294–295, 590–593, кат. № 336, 338–340, 343, 344). Среди

этих находок можно выделить несколько наиболее близких изображений птицам нашим браслетам. Одна такая круглая пластинка происходит из раскопок Р.Х. Лепера 1909 г., вторая пластинка — находка сегментовидной формы того же исследователя из раскопок 1912 г. (Византийский Херсон, 1991, кат. № 112, 113; Яшаева Т., др., 2011, с. 593, кат. № 343, 344). На двух этих пластинках птицы не только имеют головы на длинных шеях, которые развернуты назад, но и приподнятое крыло. Правда, птицы не смотрятся свернувшимися в кольцо и изображены обе лапы, чем эти изображения несколько отличаются от черноклёновских изображений пернатых. Но стилизация изображений птиц довольно близка. Датированы херсонские пластинки X–XI вв.

Последних два изображения птиц (Яшаева Т., др., 2011, с. 593, кат. № 343, 344) имеют аналогии на чернёных древнерусских колтах XII–XIII вв. из Киева, найденных в кладах на ул. Рейтарской в 1876 г. и на ул. Трёхсвятительской в 1901 г. (Макарова Т.И., 1986, с. 62,63, кат. № 107,163). Бросается в глаза, что они выполнены в одном стиле и аналогичны композиционно, но различаются в деталях.

Различие в изображении птиц объясняется разными породами изображённых пернатых. На черноклёновских браслетах воспроизводятся птицы с длинными хвостами. Так в восточно-средиземноморском искусстве изображались фазаны. Например, свернувшийся в кольцо фазан изображён на шерстяном гобелене VIII в. из Хасутского могильника, который происходит из раскопок М. Ковалевского в 1885 г. (Иерусалимская А.А., 1992, кат. 55; она же, 2012, с. 107,108, рис. 59). Правда, стиль изображения на ткани иной.

Орнамент, украшающий пластинчатые створки публикуемых браслетов, близок орнаменту «школы Рогеруса» (торевт жил в Нижней Саксонии на рубеже XI–XII вв.). Мастера этой школы часто вписывали растительный орнамент в виде побегов с парными листьями в узкие прямоугольные полосы (Маршак Б.И., 1985, рис. 11).

Учитывая всё вышесказанное, можно допустить, что наиболее вероятное время бытования наших браслетов — XI–XII вв. Так же должно датироваться и само погребение № 20.

Орнаменты на упомянутых выше браслетах и на нижнесаксонских предметах выполнены на более высоком художественном уровне, чем украшения публикуемых наручей. Это заставляет предполагать, что наши браслеты изготовлены в провинциальной византийской мастерской, где копировались более изысканные украшения. Но, не зная аналогий и прототипов, трудно говорить о месте производства трёхстворчатых наручей. Вероятно, браслеты изготовлены в одном из причерноморских ремесленных центров, возможно крымских. Это должен быть относительно крупный городской центр. Например, на Руси створчатые браслеты появились в XII в. как типично городские украшения (Седова М.В. 1981, с. 116).

Нельзя исключать из предполагаемых мест производства украшений с позолотой и торгово-ремесленные центры Западной Алании, лежавшие на Шелковом пути. Тем более что именно здесь найдено много подобных украшений, а в научной литературе такие предположения уже высказывались (Кузнецов В.А., 1971, с.120, 122; Пьянков А.В., 2015, с.62; 2016б, с. 41; Пьянков А.В., Тиханов А.А., 2016, с. 75).

Кремационное погребение № 20 не являлось рядовым. Это одно из двух захоронений на могильнике Черноклён, содержащих золотые и серебряные украшения (имеется в виду погребение № 57). Присутствие в погребении пары дорогих серебряных браслетов и височных колец, обложенных золотым листом, свидетельствует о том, что женщина и ребенок происходили из знатной семьи, входившей в верхнюю социальную страту сообщества, оставившего биритуальный могильник Черноклён. По мнению автора, некрополь принадлежал племенам зихов и касогов, находившихся в процессе интеграции (Пьянков А.В., 2001, с. 205).

Фазан в христианской культуре — символ верности и единобрачия, а изображение двух фазанов в сценах Рождества Иисуса Христа на живописных полотнах означает таинство брака (Апостолос-Каппадона А., 2000, с. 224). Пара дорогих браслетов являлась благопожелательным свадебным подарком жениха невесте. А браслеты с изображением фазанов несли при этом особый христианский смысл. Но в нашем случае погребение совершено по языческому обряду, и остаётся неизвестным, понимали ли жители Западного Закубанья, использовавшие могильник Черноклён, христианский символизм на браслетах с изображением фазанов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Глубина кремационных погребений первоначально редко превышала 1 м, а из-за многолетней распашки насыпи их высота постоянно уменьшалась, что привело со временем к повреждению керамических урн.

2. Детали тонкостенных бубенчиков и пуговиц изготавливались из металлического (обычно бронзового) листа техникой тиснения (или прессовки), а не штамповки, так как этим способом оттиск получался более чёткий и избегался брак в случае непроизвольного наклона штампа или неточного удара молотка.

3. Существующие классификации не учитывают всё имеющееся разнообразие

форм, их деталей (например, сечений), материалов и технологий изготовления височных колец. Кроме того, по разным причинам классификации охватывают небольшую часть материала из археологических комплексов. См., например: Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 42–46.

4. Эти височные кольца из литого, прокованного и обточенного дрота. Бронзовый прут диаметром более 3 мм протаскивать через волочительную доску затруднительно.

5. Есть мнение, что для византийского ювелирного искусства чернь, заполняющая фон растительного орнамента, была малохарактерной (Маршак Б.И., 1985, с. 136).

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов Н.В., Пьянков А.В., 1989. Прото-меотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов. Майкоп, 1989.
- Апостолос-Каппадона А., 2000. Словарь христианского искусства. / Перевод с английского А. Ивановой. Челябинск: изд-во «УРАЛ Л.Т.Д.»
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2003. Курганные могильники (в главе 9. Памятники Северо-Восточного Причерноморья в X–XIII веках) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.
- Византийский Херсон, 1991. Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.
- Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.
- Возвращенные сокровища..., 2014 – Возвращенные сокровища Кубани. / Сост. и авторы текстов А.В. Пьянков, Е.А. Хачатурова, Т.В. Юрченко. Краснодар.
- Иерусалимская А.А., 1992. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб.
- Иерусалимская А.А., 2012. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шёлковом пути. СПб.
- Кузнецов В.А., 1971. Алания в X – XIII вв. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1995. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Алапса III / Сост. и отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ.
- Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.
- Марковин В.И., 1996. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии // Историко-археологический альманах Вып. 2 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир, М.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани) / Науч. ред. В.Б. Виноградов. Краснодар.
- Маршак Б.И., 1985. К вопросу о торевтике крестоносцев // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Сборник статей / Науч. ред. В.Г. Луконин. Л.
- Мордвинова В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. 2010. Сокровища древней Кубани. Симферополь; Краснодар.
- Пьянков А.В., 1988. Средневековый могильник Черноклён из Краснодарского края // Тезисы доклада конференции XV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Махачкала.
- Пьянков А.В., 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. Абинск.
- Пьянков А.В., 2001. Касоги / касахи / касаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар. Вып. 1.
- Пьянков А.В., 2015. Перстень из Западной Алании // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск III. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / Науч. редактор С.М. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир–Отрадная.
- Пьянков А.В., 2016а. Несколько разрушенных погребений из урочища Циплиевский Кут (Западное Закубанье) // Археологическая наука: Практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого / Отв. редакторы А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.

- Пьянков А.В., 2016б.* Шестилепестковая фибула из Западной Алании // Отраденские историко-краеведческие чтения. Выпуск IV. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко / Науч. редактор С.М. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир — Отрадная.
- Пьянков А.В., Тиханов А.А., 2016.* Одно разрушенное средневековое погребение на правом берегу р. Кубани // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Научный альманах / Под ред. Ю.А. Прокопенко, Т.А. Невской. Ставрополь. Вып. 8.
- Седова М.В., 1981.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.
- Сокровища ..., 1985* – Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки / Отв. ред. и авт. вступ. статьи А.М. Лесков. М.
- Сорокина И.А., 2001.* Курганные могильники Закубанья. Краснодар.
- Шедевры ..., 1987* – Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. / Научные редакторы: А.М. Лесков, В.Л. Лапушнян. М., 1987.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлёв Д., 2011.* Наследие византийского Херсона / Автор проекта Т. Яшаева. Севастополь — Остин.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ У ХУТОРА ПОЛТАВСКОГО КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

За годы изучения позднекочевнических памятников Прикубанья собраны обширные материалы, относящиеся к полувещным древностям. Так, следует отметить найденные на правобережье реки Бейсуг средневековые каменные изваяния (Зеленский Ю.В., 2012, с.323; Нарожный Е.И., Соков П.С., Харольская О.Г., 2012, с.80–85; Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н., 2014, с.74–79). Ранее здесь были исследованы два позднекочевнических погребения (Анапская I — 11/1 и Батуриная I — 7/1) (Бочкарев В.С., Чхаидзе В.Н., 2009, с.130–131, рис.7–8), в связи с чем введение в научный оборот новых погребальных комплексов вызывает несомненный интерес.

Осенью 2014 г. отрядом ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» производились раскопки кургана 1 из курганный группы «Полтавская 4» (хутор Полтавский, Брюховецкий район Краснодарского края). Курган эпохи бронзы располагался на краю коренной надпойменной террасы правого берега реки Бейсуг (рис.1). В кургане было исследовано два впускных кочевнических погребения.

Погребение 7 (рис.2) находилось на расстоянии 3 м к западу от R0, чуть ниже пахотного слоя, на глубине –0,38 м и было разрушено погребением 10 (XIX в.). От костей человека сохранились фрагментированные трубчатые кости рук. Рядом, чуть к западу, находились трубчатые кости лошади, на которых были найдены фрагменты железного стремени (рис.2, 1; 3, 1–2). Ориентировка погребения не устанавливается. Также среди костей обнаружены фрагменты лепной керамики (рис.2, 2; 3, 3–4), однако их связь с погребением неясна.

Особый интерес представляет средневековое впускное погребение 8 (рис.4), обнаруженное в 2,2 м от R0 к западу на глубине –0,76 м. Форма погребального сооружения не прослеживалась.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на северо-восток. Вероятно, положение тела — полуразворот влево. Голова завалилась влево. Кости левой руки вытянуты вдоль туловища, кости правой слегка согнуты в локте. Коленные суставы немного развернуты влево. Сохранность костей средняя, череп раздавлен. Результаты антропологической экспертизы черепа показали, что погребение могло принадлежать женщине 45–55 лет¹. Однако данное определение не представляется окончательным.

Справа за затылком и частично под черепом располагались позвонки хвоста крупной овцы (рис.5, 1). Над правым плечом лежала грудинная кость овцы (рис.5, 1–2)².

Вдоль левого бока погребенного, острием к стопам, лежала сильно коррозированная сабля (рис.6, 1). Клинок в деревянных ножнах режущей частью вниз лежал на торце. Сохранность металла крайне плохая. Общая длина сабли составляла 1,1 м, точные размеры полосы установить невозможно: в районе гарды — 3,1x0,9 см, ближе к острию — 2,7x0,9 см. Рукоять (рис.6, 2) длиной 12 см имела небольшой наклон к лезвию. Сохранились три штифта, при помощи которых крепились деревянные накладки. Черенок был плоским без ребра жесткости, 12x0,8x0,6 см (рис.6, 2А). Перекрестие брусковидное, щиток крестовины проследить не удалось. Концы от втулки перекрестия отходили на 2,7 см. Втулка в сечении прямоугольная, с небольшим расширением к концам, 1,2x0,9 см (рис.6, 2Б). Гарда была оснащена овально-цилиндрическим навершием с двумя выступающими мысками 2,8x2,4x2,4x0,3 см, через которые проходит штифт с петелькой для темляка 3,1x0,5 см (рис.6, 3), донце плоское. Также на клинке находились остатки одной обоймы (размерами 5x1,9x0,3 см), развалившейся на

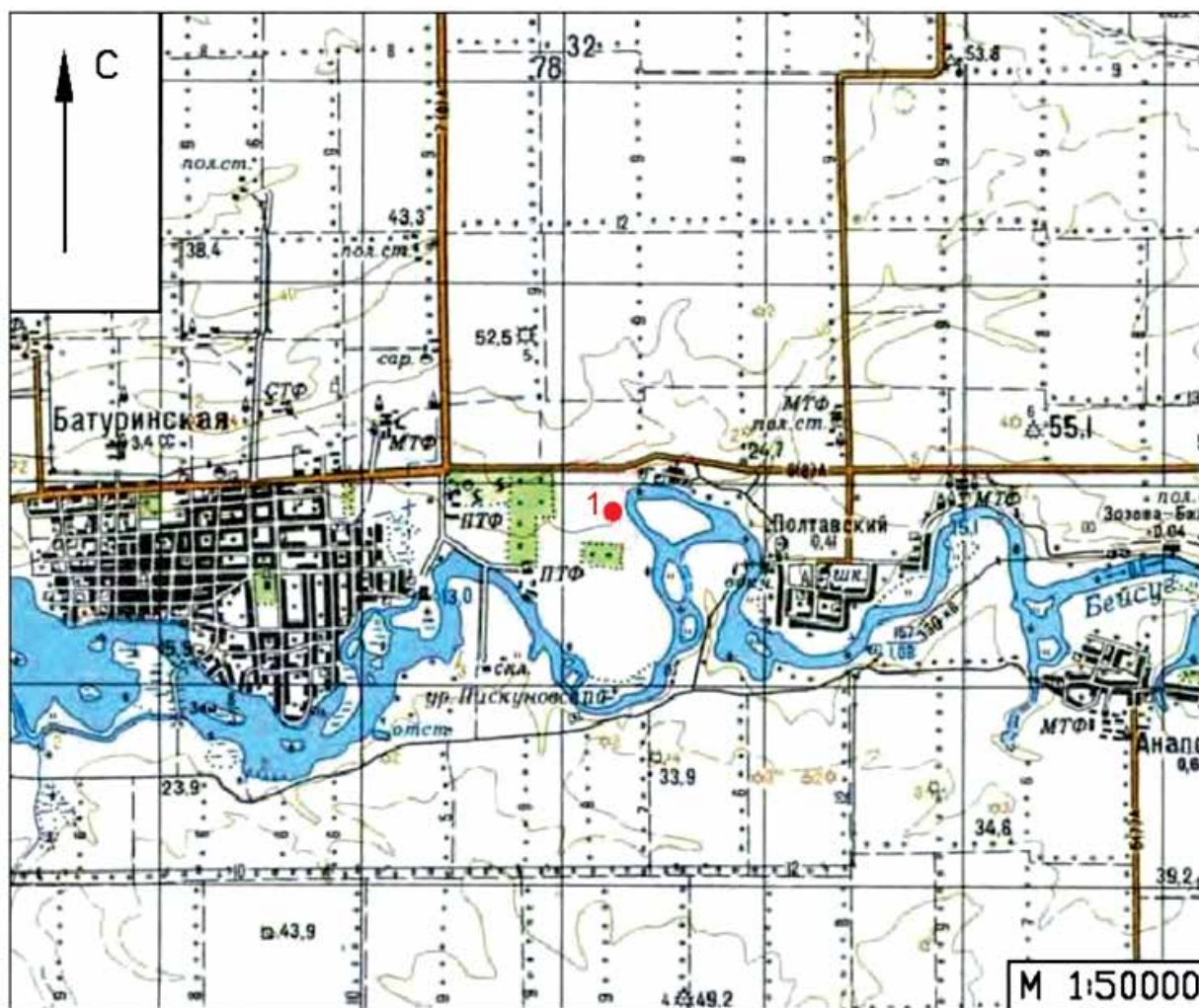

Рис. 1. Расположение курганный группы Полтавская 4

отдельные фрагменты. На торце обоймы — выступающий шов, вероятно, приспособленный для петли перевязи (рис.6, 4). Наконечник ножен (4,4x2,8x0,3 см) развалился на мелкие фрагменты, и установить его точную форму не удалось (рис.6, 5).

Рядом с клинком, с внешней стороны, лежала железная коррозированная овальная в сечении пряжка. Рамка овальная в сечении, язычок также в сечении овальный: 2,2x0,6x0,4 см (рис.6, 6).

На груди скелета располагался плоский коррозированный железный предмет 2,5x1,1x0,3 см (рис.6, 7).

По погребальному обряду оба захоронения относятся к средневековым кочевническим. Погребение 7 типологически не идентифицируется, а погребение 8 может принадлежать отделу как VI, так и DI (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.126–127).

Тип укладки сабли — рукоятью в зоне предплечья, слева, является достаточно распространенным вариантом в кочевнических погребениях (Евглевский А.В., 2002, с.295, рис.3, 27, 30).

Помещение остатков заgrabной пищи (различных частей туши овцы) в погребение (в основном в изголовье), как показано Т.М. Потемкиной на материалах 405 захоронений, связано с золотоордынской погребальной обрядностью. Это же замечание относится и к ориентировке погребенных в северо-восточном секторе (Потемкина Т.М., 2012б, с.147; 2014, с.232–237, табл.1–7; 2015, с.299–300).

Относительно возможной принадлежности погребения 8 женщине следует отметить, что погребения всадниц с оружием, о которых писали С.А. Плетнева, а затем А.Г. Атавин, пока не выявлены, в том чис-

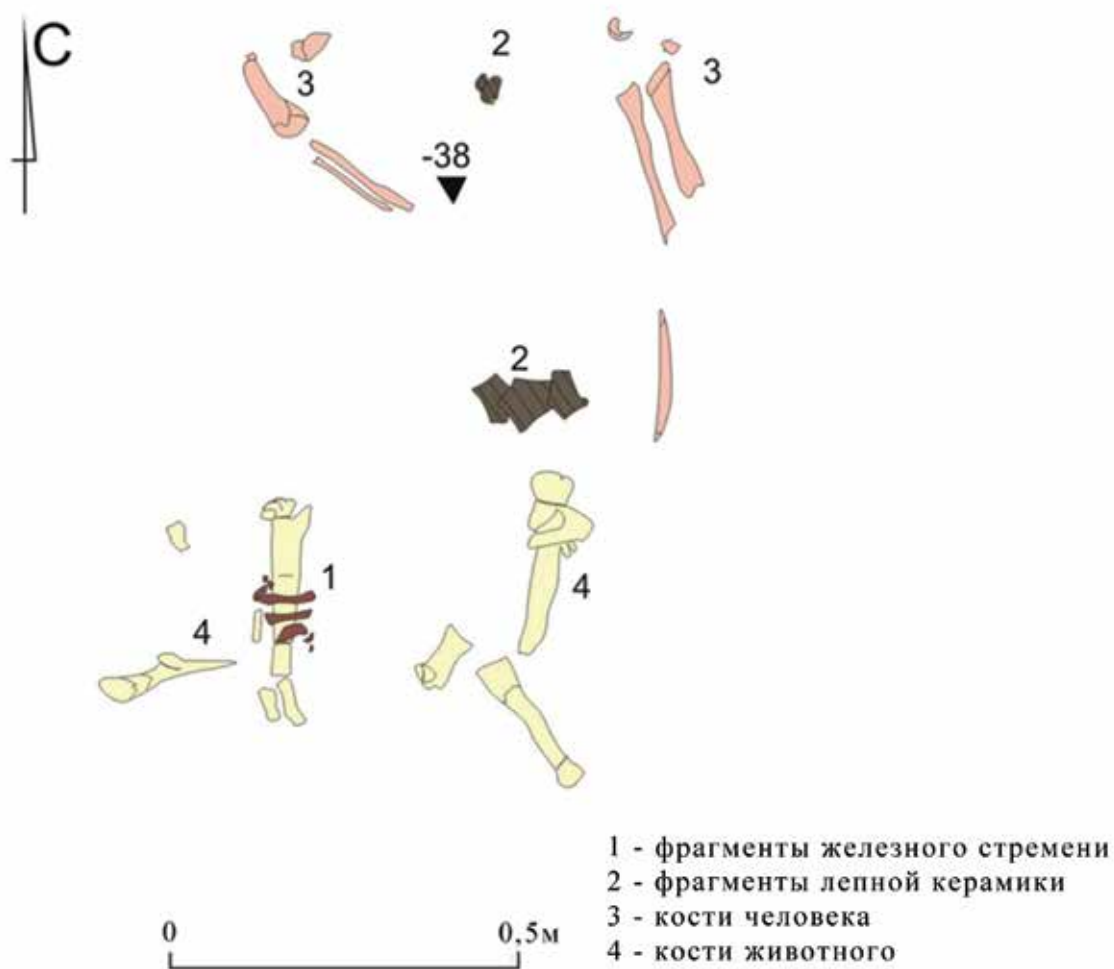

Рис. 2. Полтавская 4 – 1/7. План. Фото, вид с запада

Рис. 3. Полтавская 4 — 1/7. Инвентарь. 1 — фрагменты железного стремена, 2 — стремя, реконструкция, 3–4 — фрагменты лепной керамики

ле, в степях Предкавказья. Отметим лишь одно женское погребение: Кисляковский XIII — 2/2 (Белов М.А., 2009, с.14–15), где обнаружены два ромбовидных наконечника стрел. Возможно, эти стрелы не были предназначены для боя, а использовались во время охоты. Не исключено, что они могли иметь и какой-то сакральный смысл. В целом же можно констатировать, что выдвинутый С.А. Плетневой тезис о существовании у средневековых кочевников института «амазонства» (Плетнева С.А., 1983, с.9–20; 1990, с.68, 70; 1998, с.529–537) в настоящее время не подтвержден (Потемкина Т.М., 2010, с.138–139; Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2011, с.129).

При этом нельзя не отметить, что сведения о воительницах-наездницах хорошо известны. Европейские дипломаты Плано Карпини и Гильем Рубрук, побывавшие в «половецкой степи», оставили о них сведения. Включение женщин в войско кочевников не было необыкновенным делом и

являлось древней традицией, в том числе известной у печенегов (Бережинский В.Г., 2010, с.83).

Г.А. Федоров-Давыдов, произведя тщательный анализ более 1000 погребений с атрибутами наездников, а также содержащих лук и наконечники стрел, отнес к женским захоронениям (Федоров-Давыдов, 1966, с.116–119). А.Г. Атавин, в свою очередь, провел тщательную классификацию половецких погребений, происходящих в основном из Нижнего Подонья. При этом исследователь отмечал, что часть половчанок принадлежала к воинскому сословию и погребалась вместе с оружием и всадническими атрибутами (Атавин А.Г., 2008, с.94–96). Т.М. Потемкина, отрицая возможность существования «амазонства» у половцев, отмечает, что всегда, в разные времена, существовали женщины с мужскими архетипами, стремящиеся к лидерству, с характерными для них агрессивностью и воинственностью (Потемкина Т.М., 2012а,

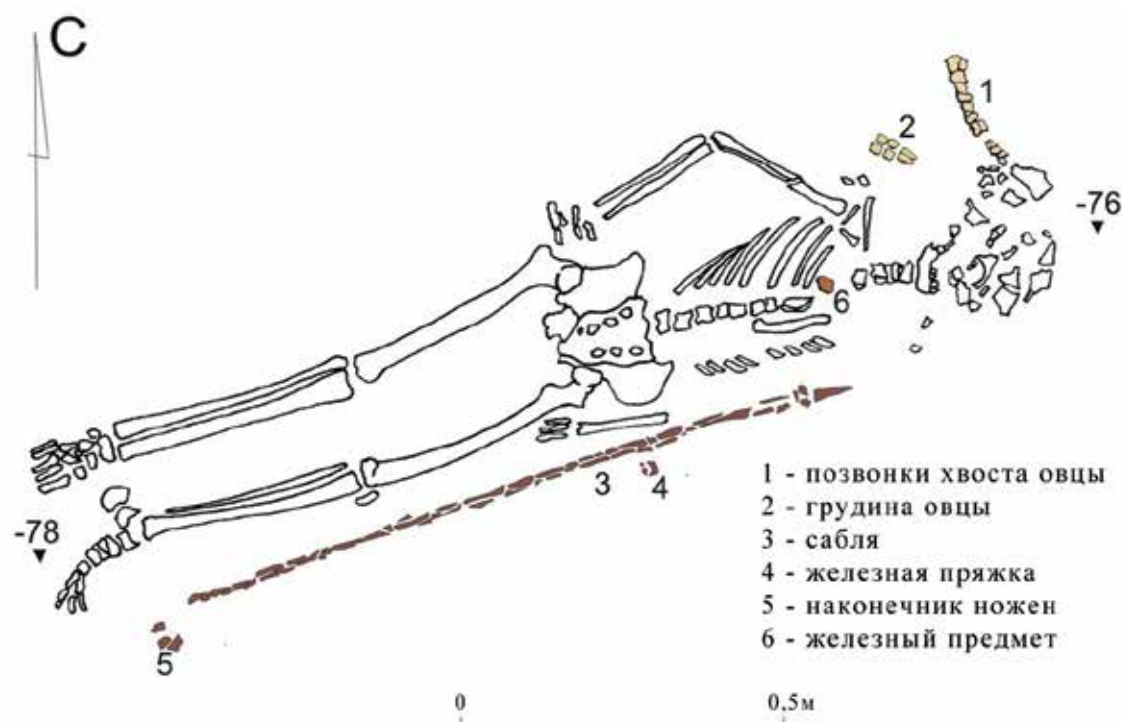

Рис. 4. Полтавская 4 – 1/8. План. Фото, вид с севера.

с.25, 28). К сожалению, далеко не все исследуемые кочевнические погребения воинов подвергались антропологическому анализу и автоматически могли быть зачислены как мужские.

Обращаясь к инвентарю погребений, отметим, что стремя, найденное в погребении 7, было сильно повреждено: отсутствовала подножка (рис.3, 1–2). Судя по фрагменту горизонтальной узкой прорези

петли, его возможно отнести к отделу Е типу I–II, который тяготеет к XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.13, 16, рис.1; ср.: Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с.86–87). К этому же времени, вероятно, следует относить и само разрушенное погребение.

Сабля из погребения 8 (рис.6, 1–2) сохранилась во фрагментах. Насколько был искривлен клинок, по самой находке опре-

1

2

Рис. 5. Полтавская 4 – 1/8. Фото. 1 – кости хвоста и грудина овцы, вид с запада.
2 – грудная кость овцы

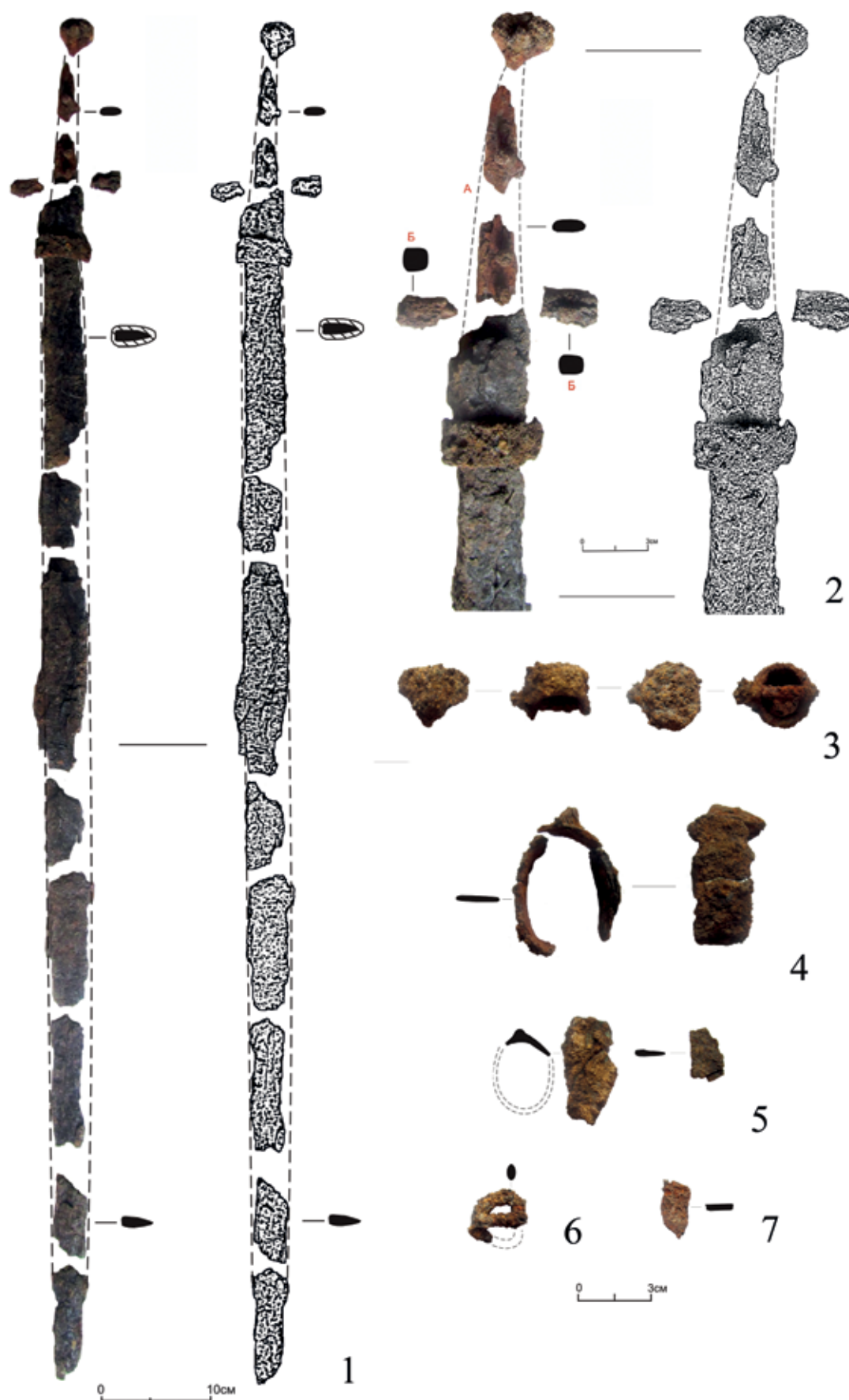

Рис. 6. Полтавская 4 – 1/8. Инвентарь. 1 – сабля, 2 – рукоять сабли, 3 – навершие сабли, 4 – обойма ножен, 5 – наконечник ножен, 6 – пряжка, 7 – железный предмет

делить трудно, но, вероятнее всего, он был прямой или слабо изогнутый (Кирпичников А.Н., 1966, с.67). Вероятно, перекрестие близко к типу III (Кирпичников А.Н., 1966, с.62, рис.13). Подобные клинки были найдены в Прикубанье: Восток I — 2/6 (Голубев Л.Э., Сазонов А.В., 2008, с.130–132, рис.2), а также в Хакасии и Нижнем Подонье. М.В. Горелик относит их к монгольским палахам XIII–XIV вв. (Горелик М.В., 2002, с.64, рис.6, 9). По мнению, А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, сабли со слабо изогнутым клинком в отличие от сильноизогнутых полос не могут являться хронологическим показателем: оружие подобного облика продолжает, хотя и в меньшем количестве, бытовать и в период XII–XIV вв. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.155).

Навершие рукояти (рис. 6, 3) цилиндрическое с плоским донцем и двумя выступами, через которые проходит круглый штифт для крепления его к рукояти с одного конца в виде петельки для темляка, оно относится к типу II и имеет широкую датировку (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.131, 133, рис.5, 7–9). Схожие навершия были найдены на Дону: Дружба — 4/1 (Парусимов И.Н., 1998, с.36, рис.45, 1); в

Прикубанье: Старонижестеблиевский I — 4/3 (Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010, с.111, рис.1, 10), Восток I — 2/6 (Голубев Л.Э., Сазонов А.В., 2008, с.131, рис.2). Данные погребения датируются XIII–XIV веками.

На ножнах сабли рядом с устьем была найдена всего одна обойма с торцевым «швом» (рис.6, 4), аналогии которой найти не удалось. На небольшом фрагменте наконечника ножен также был «шов» (рис.6, 5), но так как сохранились незначительные фрагменты, реконструировать форму изделия не удалось.

К сабле относится небольшая овальная пряжка, которая, вероятно, была деталью кожаной перевязи, крепившейся к обойме ножен. Пряжка относится к отделу А типу II (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.46, рис.7, 3). Эти пряжки достаточно распространены в кочевнических погребениях восточноевропейской степи и относятся к первой половине XIV в. (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с.125, 128).

Анализ погребального обряда и вещевого материала показывает, что погребение 8 могло быть совершено во второй половине XIII — первой половине XIV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авторы выражают признательность к.б.н. Д.В. Пежемскому (НИИ и музей антропологии МГУ).

2. Авторы выражают признательность А.Э. Чушкину (КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына).

ЛИТЕРАТУРА

- Атавин А.Г., 2008. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX — первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина. — М.
- Белов М.А., 2009. Кочевническое погребение у станицы Кисляковской Краснодарского края // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. — Краснодар.
- Бережинский В.Г., 2010. Организационная структура войска печенегов // Сіверщина в історії України. Вып. 3. — Киев; Глухов.
- Боцкарев В.С., Чхаидзе В.Н., 2009. Погребения средневековых кочевников в степном Прикубанье // МИАСК. Вып. 10. — Армавир.
- Горелик М.В., 2002. Армии монголо-татар X–XIV веков. Военное искусство, снаряжение, оружие. — М.

- Голубев Л.Э., Сазонов А.В., 2008. Погребение воина-кочевника из Прикубанья // РА. № 4. — М.
- Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н., 2014. Средневековые каменные изваяния из окрестностей станицы Новодонецкой // КСИА. № 232. — М.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. — Армавир; М.
- Евглевский А.В., 2002. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX — XIV в.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 1. — Донецк.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Восточно-европейские кочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. — Донецк.
- Зеленский Ю.В., 2012. Новые находки половецких каменных изваяний из Прикубанья // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы конференции. — Махачкала.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Мечи и сабли. / САИ. Е1-36. — М.; Л.
- Нарожный Е.И., Соков П.В., Харольская О.Г., 2012. Новые каменные изваяния эпохи средневековья из Выселковского района Краснодарского края // МИ-АСК. Вып. 13. — Армавир; Краснодар.
- Парусимов И.Н., 1998. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. — Новочеркасск.
- Плетнева С.А., 1983. Средневековые «амазонки» в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. — Воронеж.
- Плетнева С.А., 1990. Половцы. — М.
- Плетнева С.А., 1998. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. Сборник к 90-летию академика Б.А. Рыбакова. — М.
- Потемкина Т.М., 2010. Социокультурный аспект женских половецких погребений со статусными предметами // Донецкий археологічний збірник. № 13/14. — Донецьк.
- Потемкина Т.М., 2012а. Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 10. — Донецк.
- Потемкина Т.М., 2012б. Признаки монгольской погребальной традиции (по золотоордынским кочевническим погребениям) // Донецкий археологічний збірник. № 16. — Донецьк.
- Потемкина Т.М., 2014. Жертвенная пища в золотоордынских погребениях с признаками монгольской обрядности // Маргулановские чтения — 2014. — Алматы; Павлодар.
- Потемкина Т.М., 2015. Комплекс признаков монгольской погребальной обрядности в золотоордынских захоронениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале. VI Всероссийская научная конференция. — Челябинск.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. Тяжело вооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. — М.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2011. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. — Казань.

ШАПСУТСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК «КУРГАННАЯ ГРУППА «ХОЛОДНЫЙ РОДНИК 3»

В сезоне 2012 г. сотрудниками Археологического общества Кубани были проведены работы по исследованию курганной группы «Холодный родник 3», расположенной в Туапсинском районе Краснодарского края (рис. 1). Северной границей могильника являлась ЛЭП 220 кВ «Центральная — Шепси», западной — восточные строения садоводческого товарищества, южной — ущелье, промытое безымянным ручьем. Восточная граница достаточно четко не выделена: насыпи поднимаются на третью террасу горы Черная круча, где их количество резко уменьшается и постепенно сходit на нет (рис. 3). По всей видимости, при строительстве ЛЭП и строений разрушена некоторая часть памятника. Могильник занимает широкую полосу, поднимаясь по склону хребта, причем наиболее значительные скопления курганов группируются на двух террасах густо покрытого лесом склона (рис. 2).

Всего было вскрыто 140 каменных насыпей (рис. 3), большинство из которых не содержали каких-либо захоронений; лишь в части из них был найден невыразительный керамический материал, относящийся к античному времени. Находки предметов античного времени на территории курганного могильника «Холодный родник 3» не случайны. Разведочные работы, проведенные летом 2012 г., показали наличие на террасе, ограждающей исследованную часть могильника с востока, поселения античного времени (подробнее см: Бакушев М.А., 2013, с. 17). Поселение имеет размеры около 100х40 м и может быть датировано, также как и найденный на территории могильника материал, первыми веками н.э. Находки фрагментов античной керамики представляют собой смыв с территории поселения.

Под четырьмя насыпями (№ 110, 115, 123 и 139) были исследованы погребения,

относящиеся, судя по найденному в них материалу, к концу XVIII — началу XIX века.

Насыпь 110 имела размеры 7,5х4,8 м и высоту 80 см. Она была округлой формы и окружена по периметру стеной, сложенной из плит известняка разного размера в 7–8 рядов (высотой около 50 см) (рис. 8). Камни панциря радиально от описанной стены были положены внутрь, перекрывая друг друга и всё пространство кургана. Поверх каменного панциря после сооружения кургана были накинаны средние и мелкие по размеру камни, перекрывшие, в свою очередь, сам панцирь. После снятия каменной насыпи были обнаружены плиты, поставленные на ребро, которые составляли каменный ящик, ориентированный по длинной оси СЗ–ЮВ. Каменная обкладка погребения имела внутренние размеры 2,5х0,7 м. Собственно, каменным ящиком это сооружение можно назвать лишь условно, так как это, скорее, была обкладка могильной ямы, впущенной в слой лесного чернозема (рис. 9). В каменном ящике был расчищен скелет, лежащий вытянуто на спине, ориентированный черепом на северо-запад. Череп был повернут лицевыми костями направо, на юго-запад. Кости рук были вытянуты параллельно костям туловища. Кости ног также располагались вытянуто параллельно одна другой. Костяк принадлежал женщине 20–25 лет.

При костяке был обнаружен инвентарь: в районе грудных костей располагались застёжки женского кафтана (рис. 12). С правой стороны костяка было найдено 16 застёжек, имеющих прямоугольную форму с продольным ребром посередине. В сечении застёжки имели подтреугольную форму с широким основанием. По всей видимости, они были изготовлены из биллонового сплава. На одной из боковых сторон была припаяна вогнутая шишечка. Застёжки имели размеры 3х1 см. Ещё одна застёжка (по всей

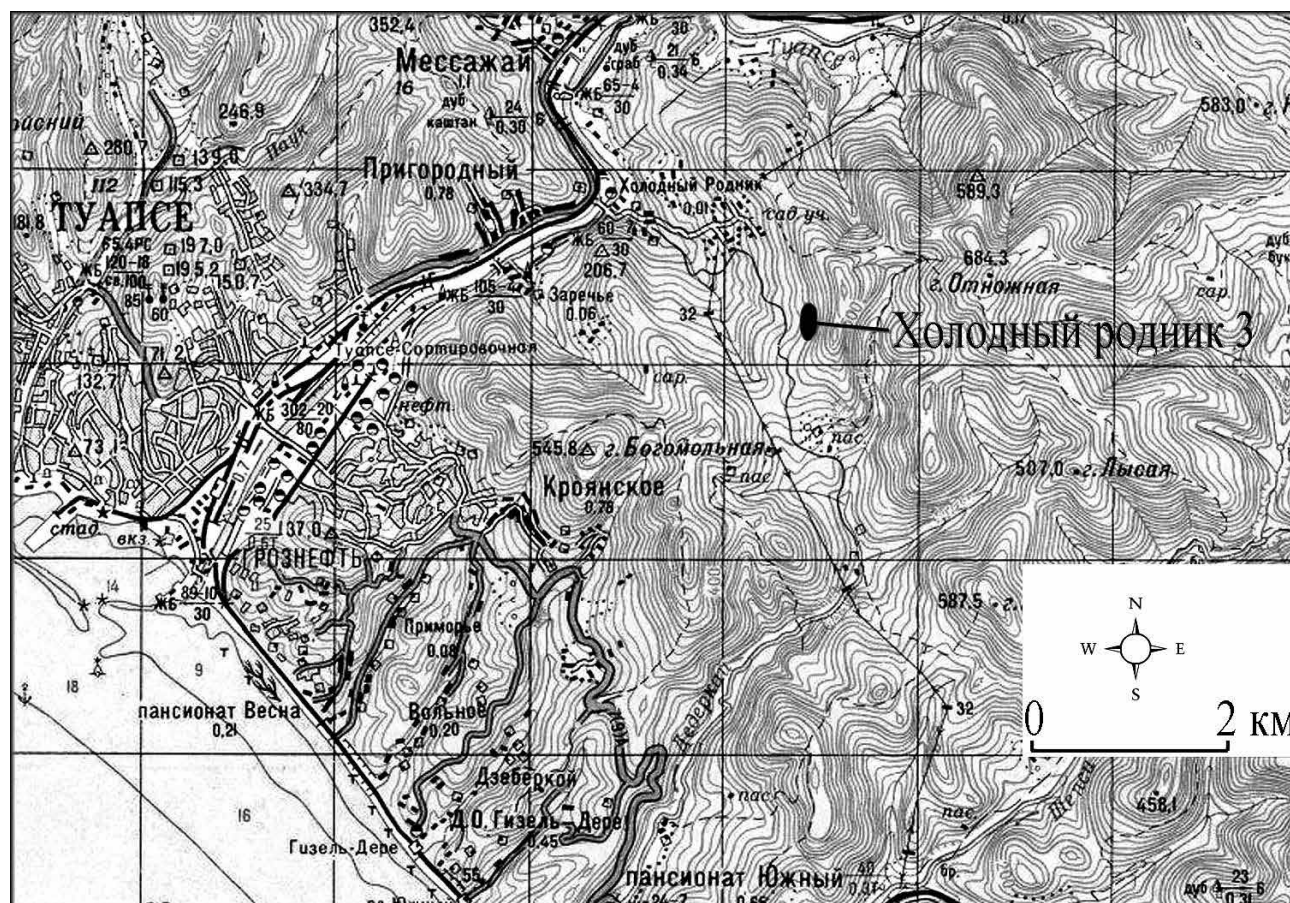

Рис. 1. Место расположения курганный группы «Холодный родник 3» в Туапсинском районе

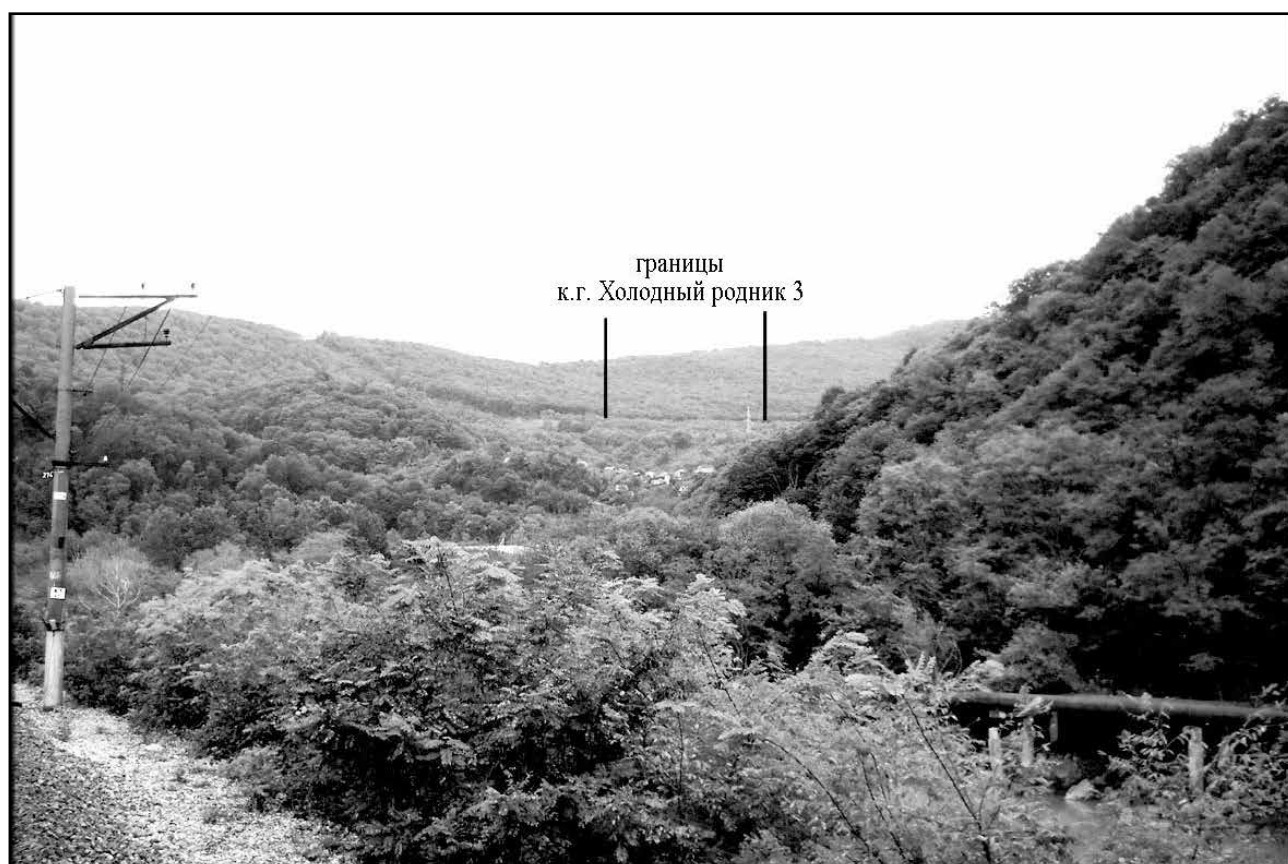

Рис. 2. Фотография места расположения курганный группы «Холодный Родник-3»

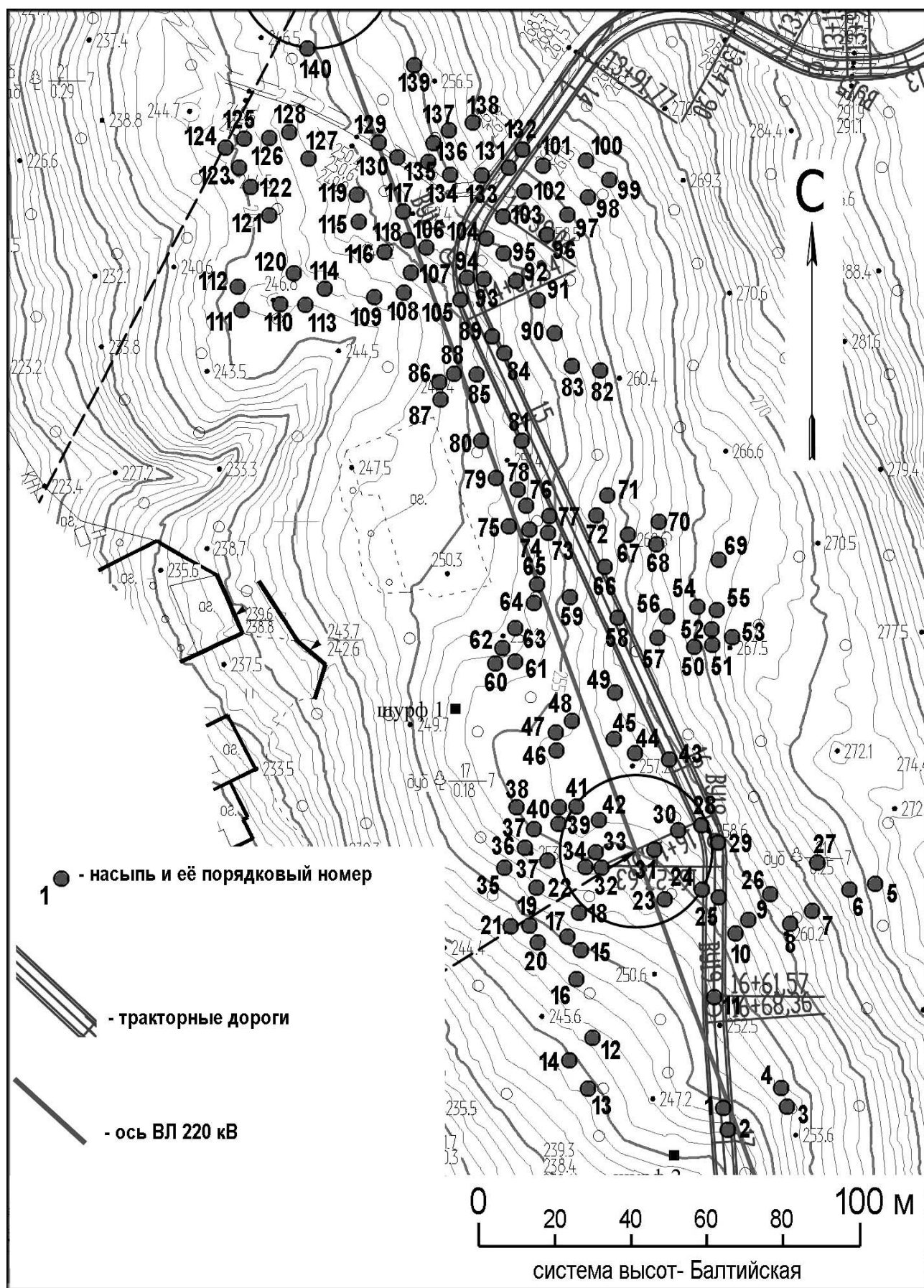

Рис. 3. Топографический план и схема взаиморасположения насыпей курганный группы «Холодный родник-3»

видимости, носившаяся первой сверху, воротниковая) имела такие же размеры и форму противоположной от шишечки стороны в виде конца древесного листа (геральдического щита). На левой стороне грудной клетки располагались аналогичные застёжки в том же количестве, с той лишь разницей, что вместо шишечки у них на конце располагалось кольцо-петелька. Среди застёжек на грудной клетке было найдено небольшое по размеру кольцо, видимо являвшееся петелькой для одежды (рис. 11, 6).

В районе тазовых костей справа от костяка была найдена трапециевидная в сечении бусина из агата в сопровождении маленькой прозрачной бусины (рис. 11, 4, 7). Слева от тазовых костей в месте сочленения тазобедренного сустава находилось железное кольцо (рис. 11, 10). На палец левой руки в момент погребения был одет бронзовый напёрсток, помещенный в кожаный чехол (рис. 11, 8). Слева от левой бедренной кости были найдены две бронзовые зубчатые пластинки, возможно, являвшиеся концами бечёвки для перевязи мешочка типа кисета (рис. 11, 2, 3). На одном из пальцев левой руки (несохранившемся) находился серебряный перстень без вставки (не найдена) (рис. 11, 9), в этой же руке у погребенной был найден железный нож с костяной рукоятью (рис. 11, 1). В районе костей стоп были найдены застёжки от обуви в виде сдвоенных ромбов с перевязью кожаным ремешком посередине. На застёжке имеется геометрический орнамент (рис. 11, 11, 12) в виде ромбов. Примечательной деталью погребального обряда является помещение между пяточных костей куска тонкого фабричного стекла подпрямоугольной формы (рис. 11, 14). Еще один фрагмент, также подпрямоугольного стекла, был найден расколотым там же, у пяточных костей левой ноги (рис. 11, 13). В районе костей кисти правой руки сохранился железный тлен, по всей видимости, от располагавшегося там шила (не восстанавливается); на левой стороне груди были найдены железные ножницы (рис. 11, 5).

Насыпь 115 имела подовальную форму и размеры 5,5х5,75 м. Высота насыпи составляла до 1,3 м. По периметру насыпь имела каменную обкладку, состоящую из 9–12 рядов слоистого известняка, что образовывало стенку высотой около 80 см (рис. 13). В остальном принцип сооружения каменного панциря был схож с принципом сооружения панциря насыпи 110, то есть радиально расположенные камни частично перекрывали друг друга, образуя панцирь. Установлено, что насыпь кургана, как внешняя стенка, так и внутренняя забутовка, сооружалась одновременно. Каких-либо этапов в работе выявлено не было. Насыпь 115 покоилась на коричневом суглинке, который лежал на скальном основании, однако грунт в теле насыпи полностью соответствовал грунту вокруг кургана, что дало основание предположить факт снятия чернозема до скального основания в момент сооружения погребального сооружения и насыпи. Могила была выбита в скале и имела размеры 1,5х1 м при глубине 1,5 м (рис. 13, 3, 5). Она имела коническую форму с уступами-ступенями. В ней были обнаружены разрозненные кости мужского скелета: лобные и теменные кости, фрагменты обеих плечевых, правых: лучевой, локтевой, бедренной и большеберцовой костей, фрагменты подвздошных костей. Анализ костей позволил установить перелом правой локтевой кости и артроз левого тазобедренного сустава. Погребение оказалось разграбленным, о чем говорят отдельные кости таза и рук, обнаруженные в верхнем уровне насыпи. Никаких находок в погребении обнаружено не было.

Под камнями каменной обкладки (стенки) насыпи, в юго-восточной части сооружения, был обнаружен фрагмент малой берцовой кости, возможно, принадлежавшей женщине. Других находок при разборе насыпи обнаружено не было.

Насыпь 123 имела размеры 5 (З–В)х 5,2 (С–Ю) м, максимальная высота насыпи была 90 см (рис. 14). Она была сложена в той же технике, что и насыпь 110: по периметру возводилась стена в 4–5 рядов клад-

Рис. 4. Насыпи центральной части курганной группы «Холодный родник-3»

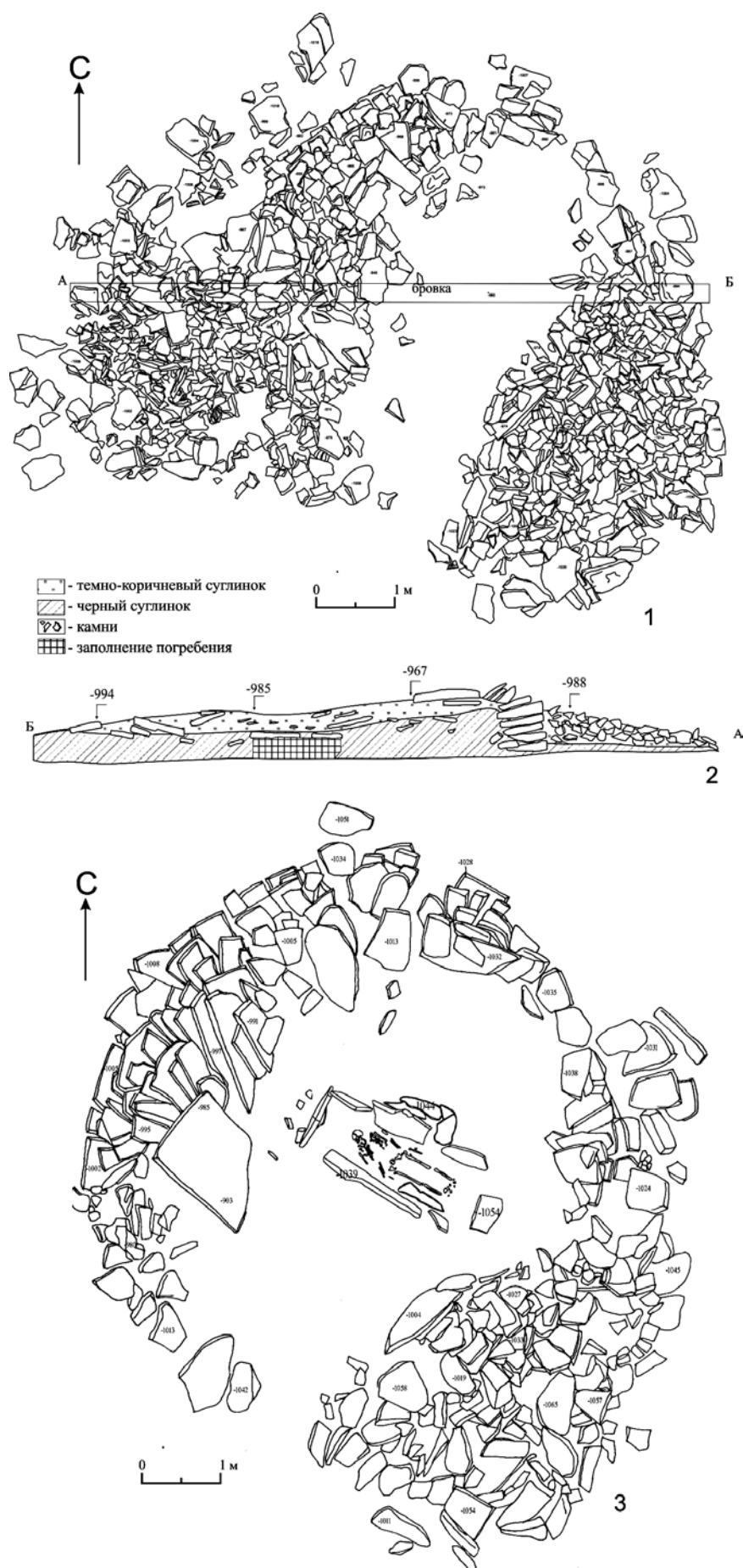
Рис. 5. Насыпи центральной части курганной группы

Рис. 6. Насыпи северной части курганный группы

Рис. 7. Ряды насыпей в центральной части курганный группы

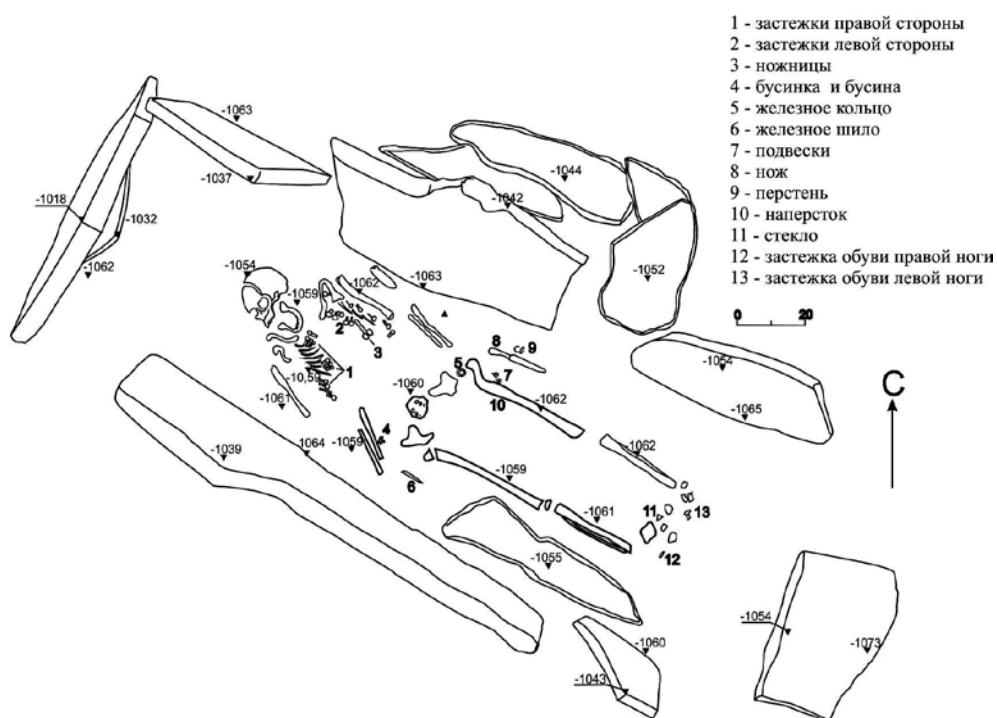

Рис. 9. Насыпь 110. Погребение

Рис. 10. Насыпь 110. Фотография. Вид с юго-востока

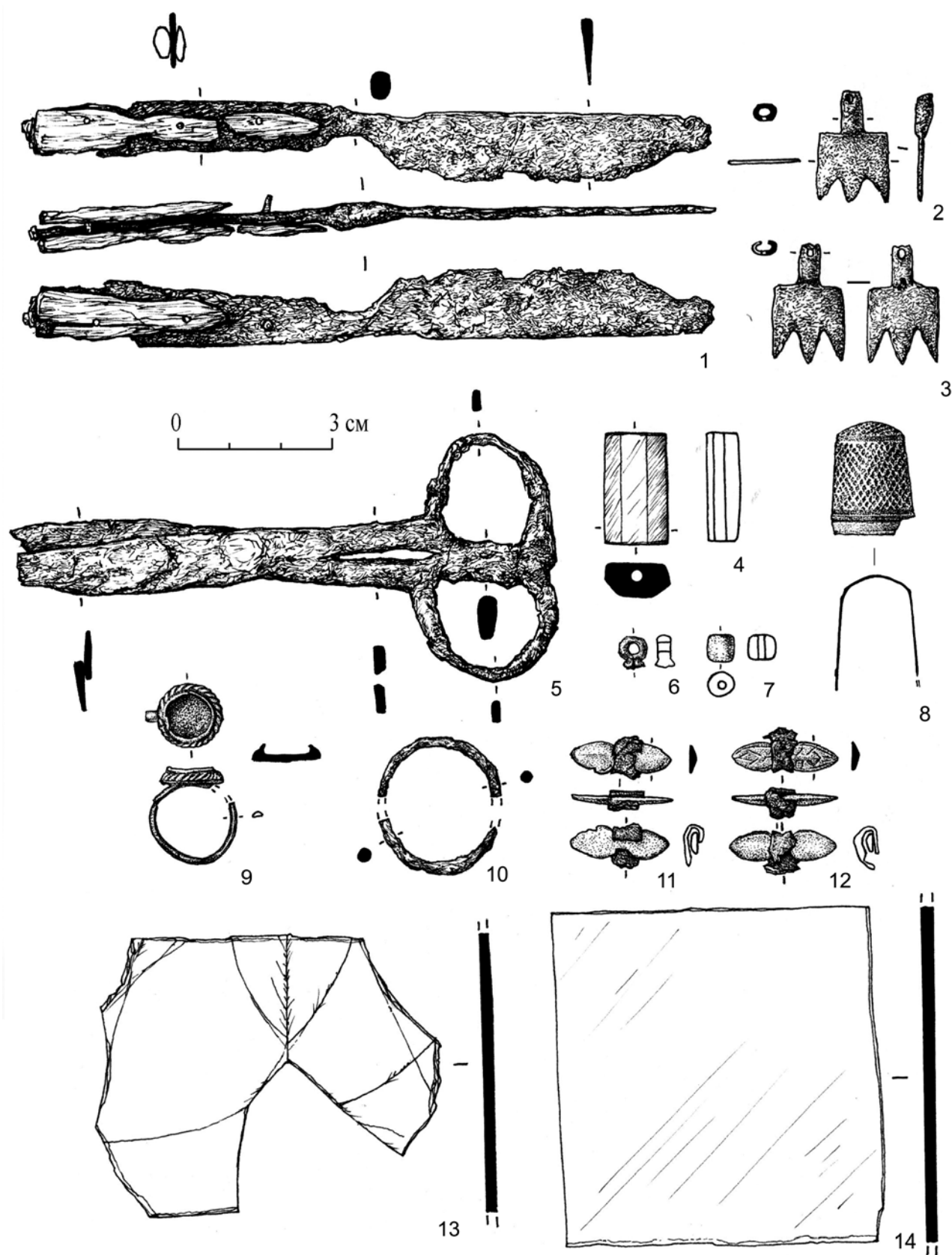

Рис. 11. Насыпь 110. Находки. 1, 5, 10 — железо, 2, 3, 6, 8, 11, 12 — бронза, 4 — агат, 7, 13, 14 — стекло

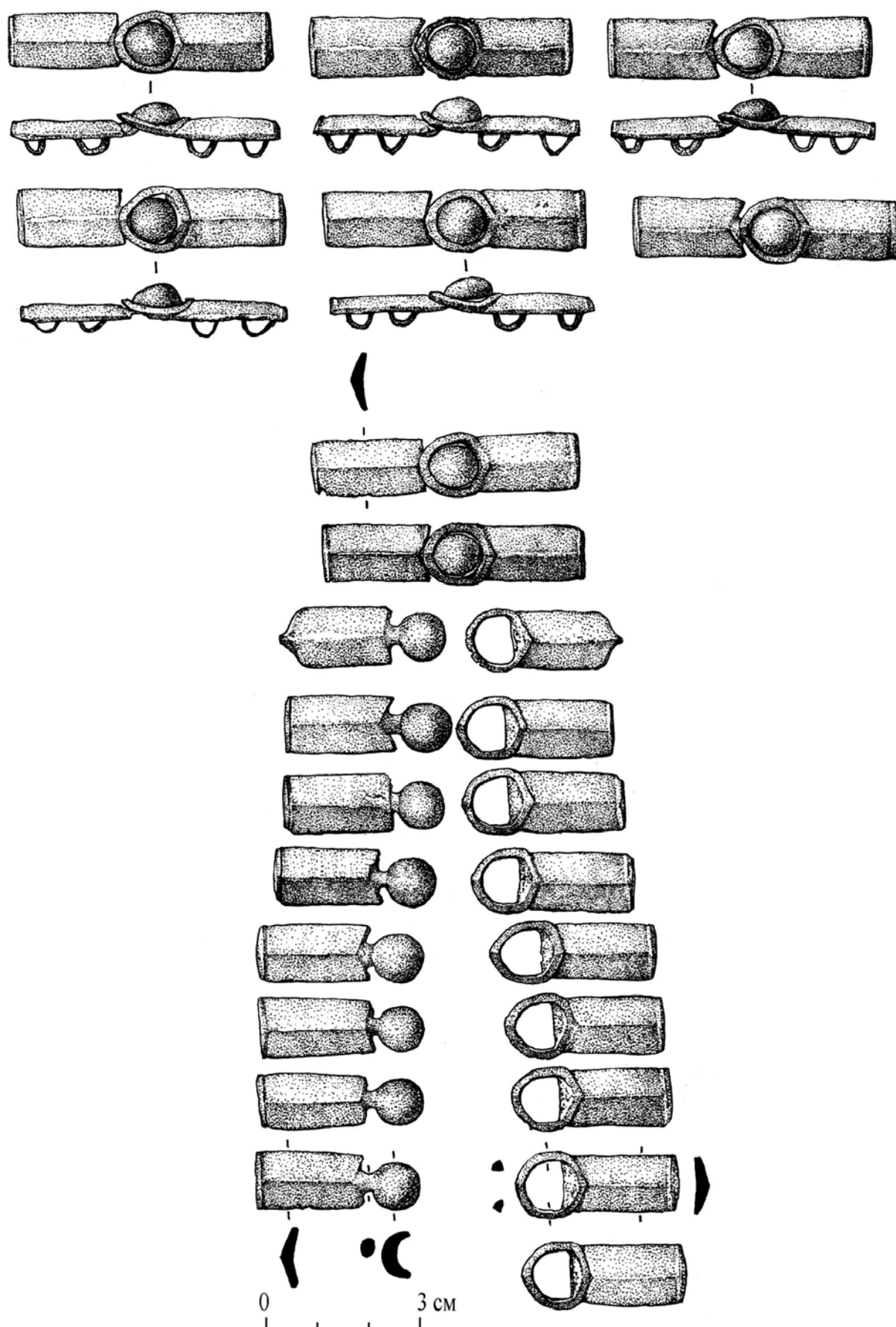

Рис. 12. Насыпь 110. Находки. Застежки кафтана

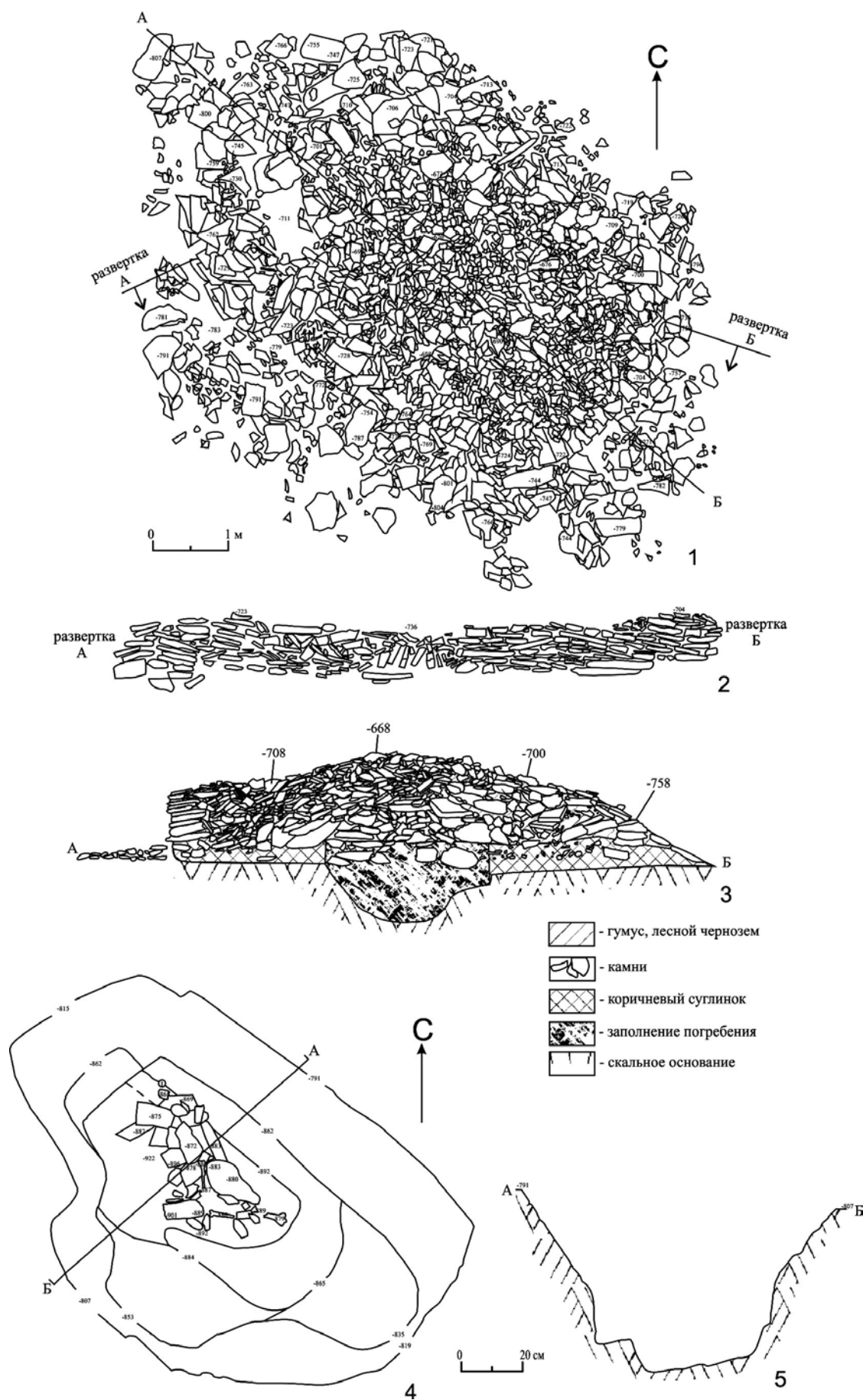

Рис. 13. Насыпь 115.

1 – план насыпи, 2 – развертка южной стенки, 3 – разрез насыпи, 4 – погребение, 5 – разрез погребения

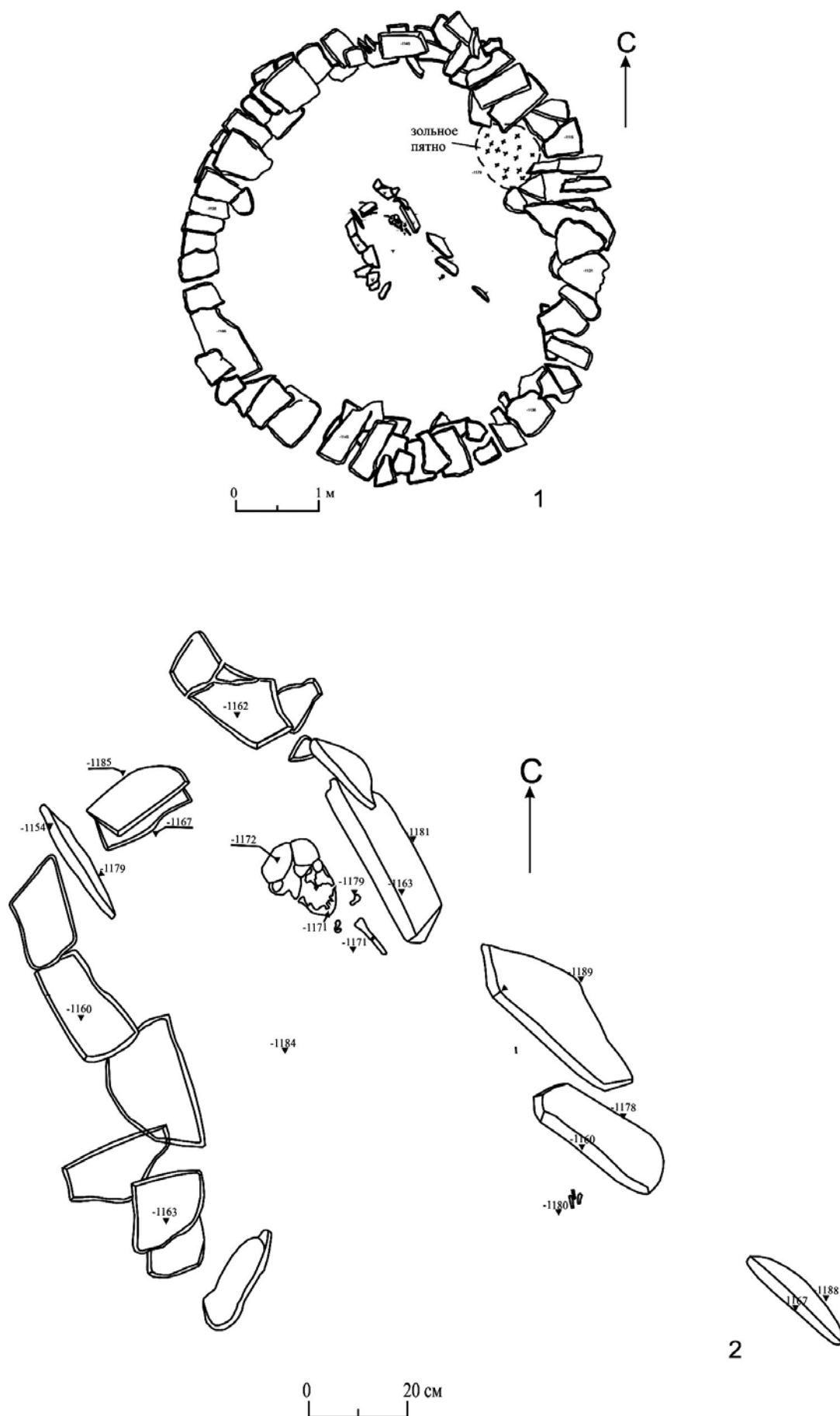

Рис. 15. Насыпь 123. 1 — план насыпи после расчистки погребения, 2 — погребение

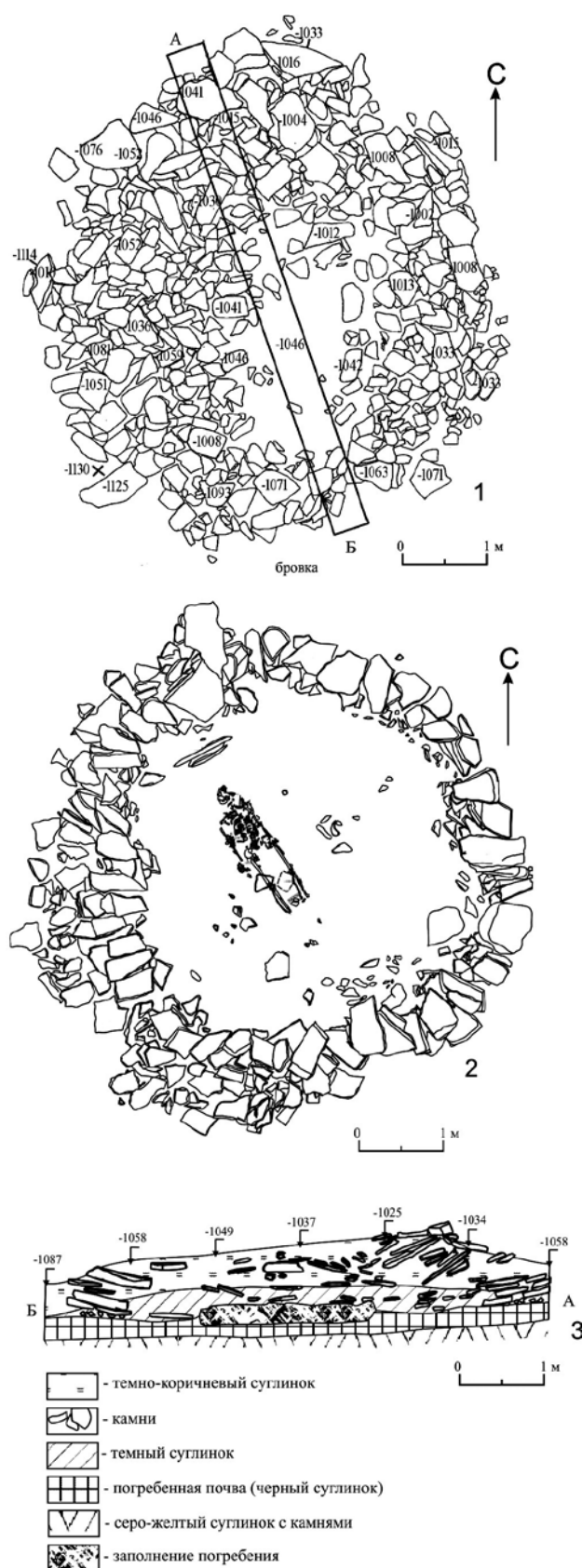

Рис. 16. Насыпь 139.

1 – план насыпи до расчистки каменного завала,
2 – план насыпи после расчистки погребения,
3 – разрез

ки, затем от стены известняковые плиты клались, перекрывая друг друга, по направлению к центру сооружения вместе с грунтом — лесным черноземом. Как и в случае с насыпью 110, здесь, в центральной части кольца, образованного каменной кладкой, располагались вертикально стоящие камни — имитация каменного ящика, обкладка могилы, вырытой на глубину порядка 20 см от древнего горизонта (рис. 15), на что указывает разница между основанием каменной стенки насыпи и основанием плит обкладки могилы. Образованная плитами конструкция (условно — ящик) располагалась длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Размеры — 195x80 см. Внутри ящика были расчищены кости человека: фрагментированный череп и нижняя челюсть, фрагмент первого шейного позвонка, фрагмент лопатки, диафиз левой плечевой кости, отдельные плюсневые косточки. Других костей скелета и находок в погребении не было. Анализ показал, что кости принадлежат женщине 30–40 лет. Он позволил определить и некоторые патологии скелета, такие как эмалевая гипоплазия, зубочелюстная патология, прижизненная утрата нижних правого первого предкоренного и левого первого коренного зубов, посттравматические изменения левой плечевой кости. Судя по расположению костей и длине ящика, погребенная была положена в вытянутом положении головой на северо-запад. В 1,15 м к северо-востоку от костяка, под камнями внешней обкладки насыпи, на уровне древнего горизонта было обнаружено зольное пятно, возможно, являвшееся результатом погребальных ритуалов. Находок в этом погребении обнаружено не было.

Насыпь 139 имела размеры 5,5х5,2 м и высоту до 80 см. Каменная обкладка вокруг насыпи была сложена из плоских камней по направлению от периферии к центру (рис. 16). Техника сооружения насыпи 139 была идентичной технике сооружения насыпей 110, 115 и 123. Это обстоятельство, а также схожесть погребального обряда позволяют хронологически уравнивать все описанные

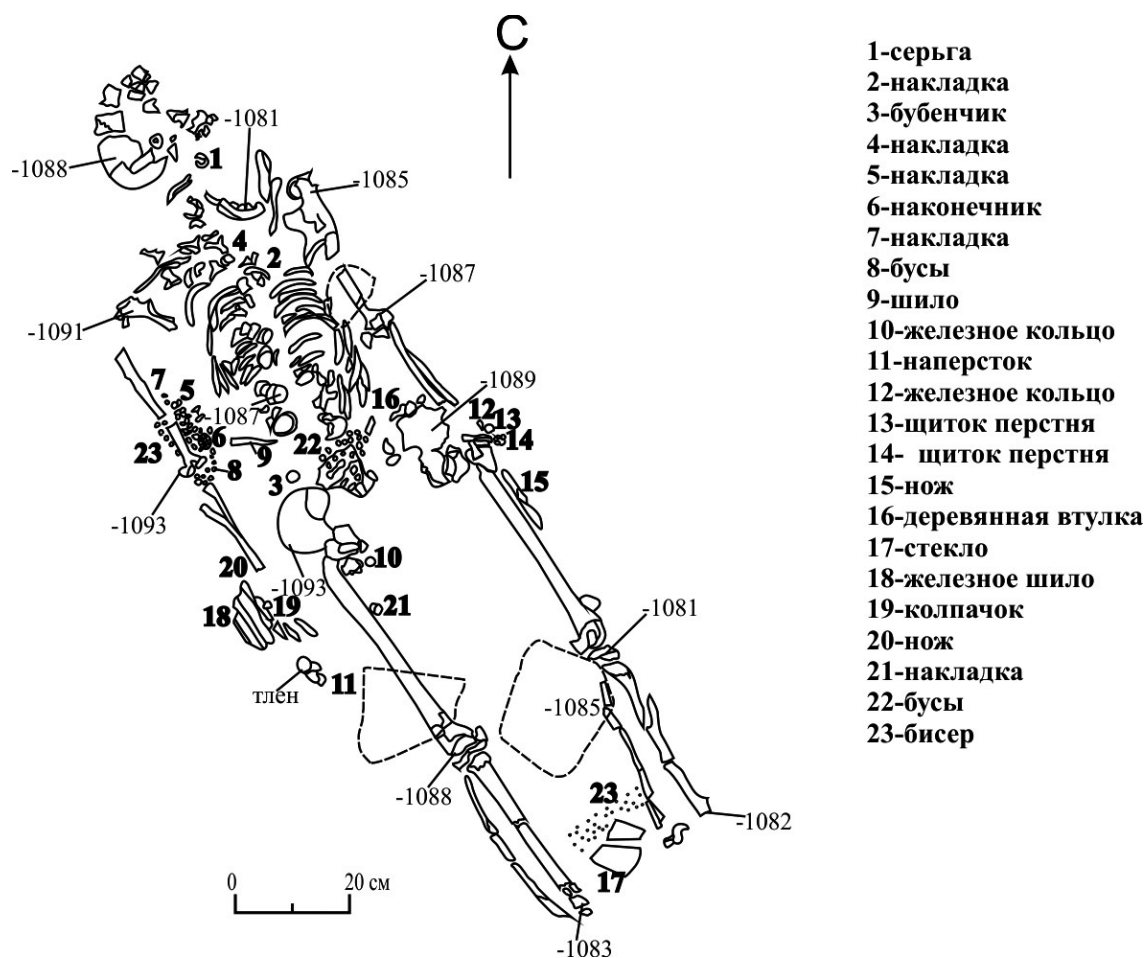

Рис. 17. Насыпь 139. Погребение

Рис. 18. Насыпь 139. Фотография. Вид с юго-востока

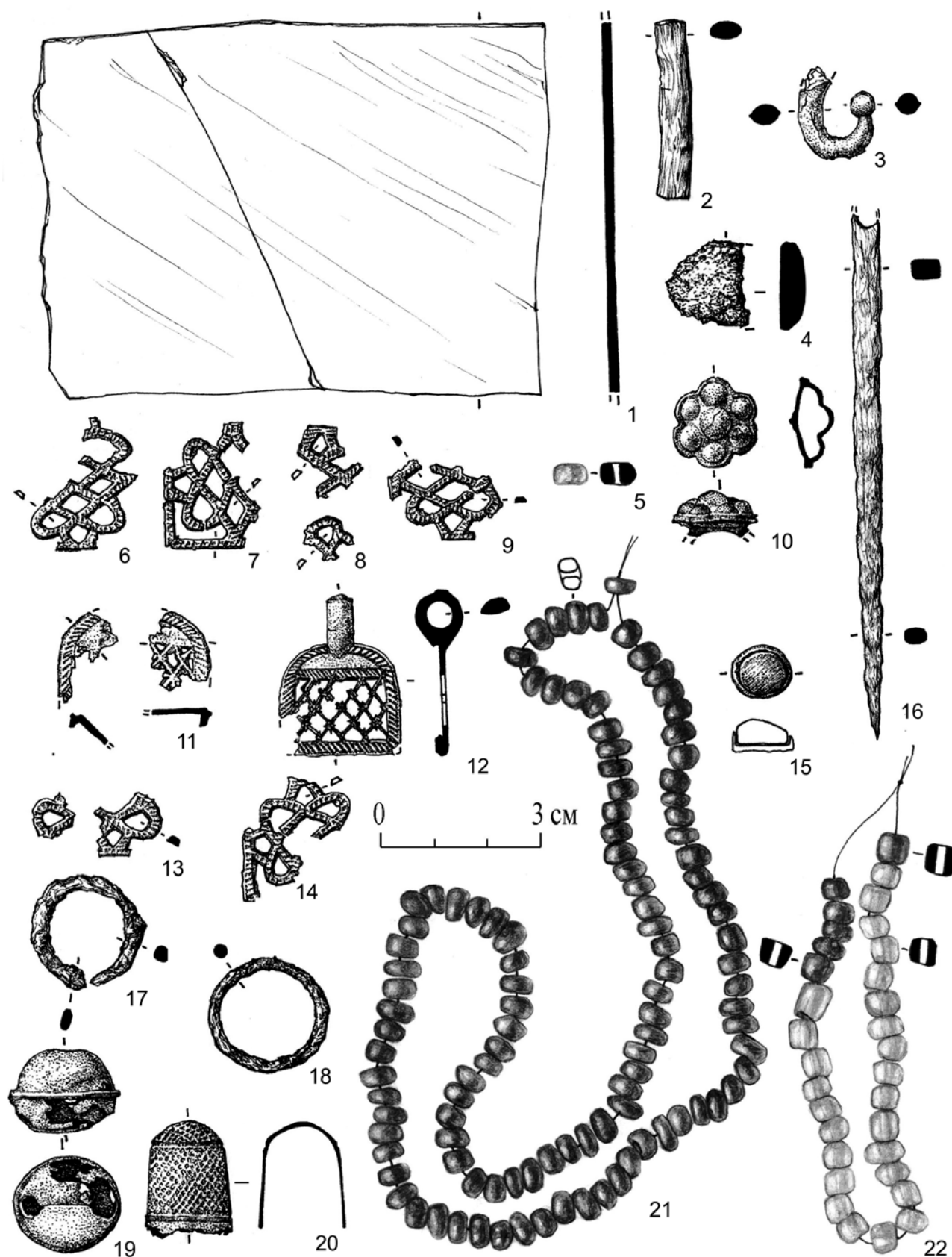

Рис. 19. Насыпь 139.

Находки: 1, 5, 15, 21, 22 — стекло, 2 — дерево, 3, 6–14 — серебро,
4, 17, 18 — железо, 16 — кость, 19, 20 — бронза.

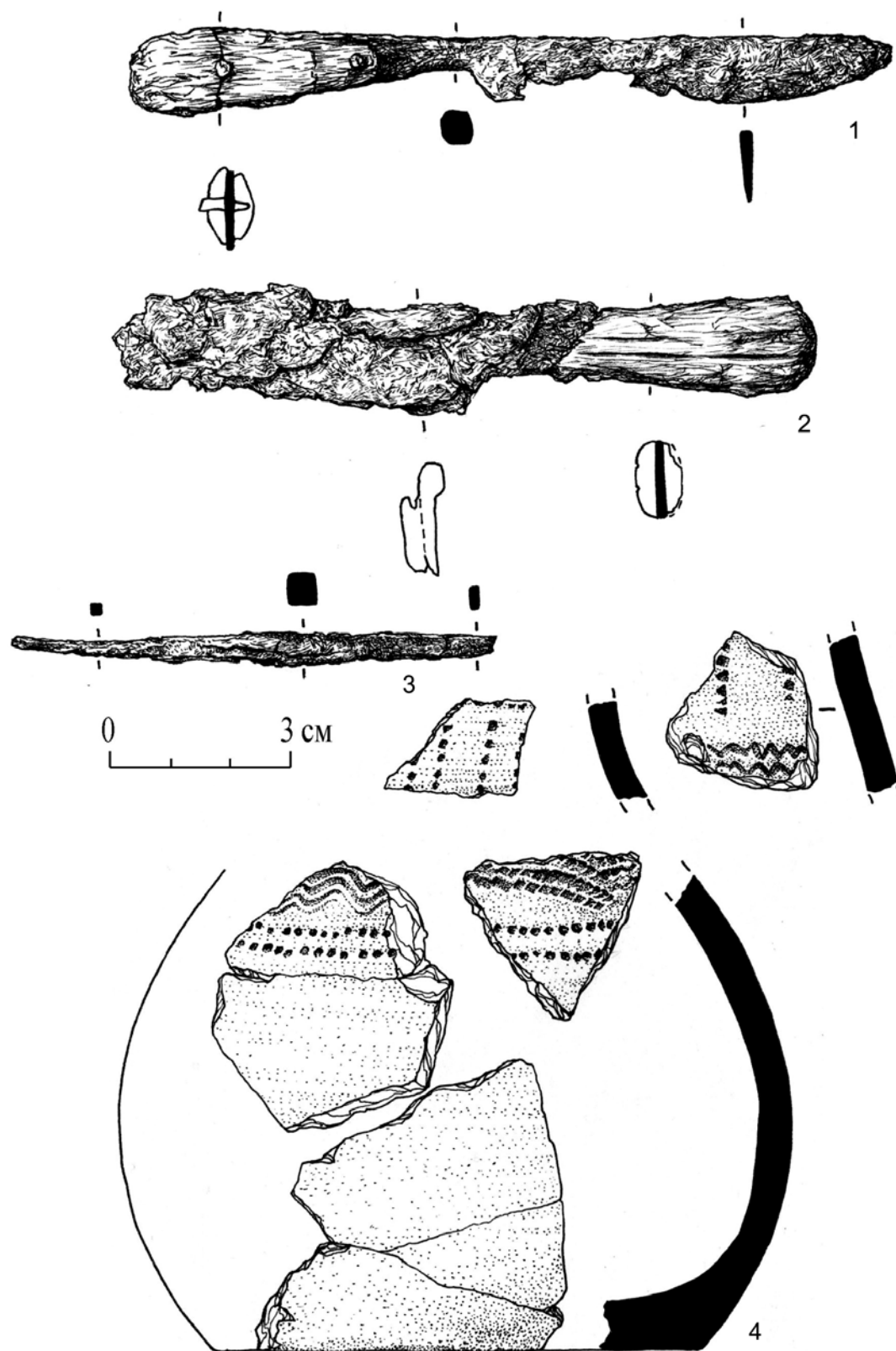

Рис. 20. Насыпь: 139. Находки. 1–3 — железо, 4 — керамика

насыпи. После совершения погребения или в момент его сооружалась внешняя обкладка-стена, сохранившаяся на высоту в 6–7 рядов (рис. 18). Стена была сложена из местных известняковых плит различного размера, толщиной 7–10 см, затем, по мере сооружения насыпи, плиты клались на грунт внутри кольца, образованного каменной кладкой, частично перекрывая друг друга, из чего можно сделать вывод о том, что сооружение насыпи шло от краёв к центру. В юго-западной поле насыпи под камнями внешней обкладки были найдены разрозненные фрагменты светло-красного горшочка, имевшего расширяющееся книзу тулово (максимальное расширение — 10,8 см) и широкое дно (диаметр 7,8 см). Реконструкция сосуда позволила установить, что на его плечиках снизу располагались два горизонтальных ряда точечных вдавлений, над которыми шла волнистая линия, прерываемая гребенчатым орнаментом и ломаной зубчатой линией, а затем уже на горловине были нанесены ряды вертикальных точечных вдавлений (рис. 20, 4). Расположение на одном сосуде разнообразных символов может говорить о его ритуальном характере.

В центральной части каменной обкладки кургана было расчищено погребение, совершенное в слегка углубленной грунтовой яме (рис. 17). Погребенная молодая женщина 17–20 лет лежала вытянуто на спине головой на северо-запад. Глазницы были обращены к северо-востоку. В изголовье в 40 см к северо-западу от черепа были поставлены на ребро две известняковые плиты (рис. 16, 2; 18). При костяке был найден разнообразный инвентарь. В районе нижней челюсти было найдено металлическое изделие (серебро?) (рис. 19, 3) (серьга?). В различных частях были в целом и фрагментарном виде собраны 4 ажурные нашивные пластинки (рис. 19, 6–9, 11, 13, 14) из серебра низкого качества. В районе тазовых костей располагались прозрачные стеклянные бусы (рис. 19, 22), на костях пальцев левой руки имелось два кольца со шляпками: в одном случае шляпка представляла собой розетку

с шестью шишечками (рис. 19, 10), в другом случае на шляпке располагалась вставка из синего стекла (рис. 19, 15). Здесь же, в кисти левой руки, был найден железный нож с костяной рукоятью (рис. 20, 1). Возле кисти правой руки в деревянном чехле лежал ещё один нож (рис. 20, 2) вместе с железным шилом (рис. 20, 3). Вероятно, на палец правой руки в момент погребения был надет и бронзовый напёрсток (рис. 19, 20). Немалый интерес представляют предметы, найденные выше тазовых костей, на поясе. Здесь была найдена деревянная втулка (рис. 19, 2), по всей видимости, в древности обернутая бронзовой фольгой и служившая застёжкой для пояса. Также, видимо к поясу, крепился бронзовый бубенчик (рис. 19, 19). Одежду, вероятнее всего, скрепляла костяная игла-шило, также найденная на поясе (рис. 19, 16). Вокруг правой плечевой кости было собрано достаточно большое количество бус из коричневого стекла (рис. 19, 21). Здесь же были обнаружены фрагменты нашивных бляшек и серебряная миниатюрная пряжка со скругленными двумя углами, между ними находится петелька для крепления втулки. Округлая часть заполнения рамки изделия сплошная, ниже прямоугольная часть состоит из косых перекрещивающихся линий, образующих узор. Места перекрещивания линий отмечают вертикальные и горизонтальные валики, что в итоге образует подобие 8-конечных звёзд. По краю накладка имеет валик, украшенный косыми насечками. Такой же валик горизонтально отделяет сплошную часть от ажурной. Обратная часть пряжки плоская и имеет закрепленную поперечную планку, которая предназначалась для зажима какой-либо детали одежды (тонкого пояса?) (рис. 19, 12). Не исключено, что вместе с ажурными нашивными бляшками эта пряжка составляла украшение одного пояса или ремня.

У правого тазобедренного сустава и у кисти левой руки были найдены железные кольца, возможно, также имевшие отношение к креплению одежды. И, также как в погребении в кургане 110, между пяточных

костей располагался подпрямоугольный кусок фабричного стекла размером 9х6,8 см (рис. 19, 17, 18).

Исследования показали, что комплекс имеет относительную хронологию и возводился не единовременно, а постепенно занимая всю площадь. Насыпи, исследованные в ходе работ, имеют различную конструкцию, природу происхождения и, по всей видимости, различные идейные причины строительства. Подавляющая часть объектов курганного могильника «Холодный родник 3» имеет погребально-поминальный характер, и лишь малая часть насыпей представляла собой каменные погребальные конструкции, внутри которых производились захоронения.

Насыпи, под которыми не было обнаружено погребений (рис. 4–7), сложены из средних и мелких по размеру необработанных камней и имеют размеры от 1х1,7 м до 8х2,5 м при среднем размере 2,5х3,5 м. Среди этих конструкций можно выделить два типа. Первый тип насыпей представлял собой округлые в плане каменные сооружения со стенками и с заполнением мелким камнем в центральной части. Первоначально периметральные обкладки насыпей курганов были сложены из плоских скальных обломков и имели высоту около 1 м. Впоследствии на большей части насыпей они были деструктурированы или разрушены. Об их первоначальном виде можно судить по незначительным сохранившимся участкам. В границах зоны исследования подобные участки зафиксированы на незначительном количестве насыпей. Этого типа насыпи зачастую примыкали к скальному выходу или к природной террасе, имея одну из сторон достаточно высокую, а другую низкую, вписываясь, таким образом, в рельеф местности.

Другой тип каменных погребально-поминальных сооружений представлял собой каменные навалы, набросы, обычно овальной формы, имеющие длинную ось по направлению склона горы. Нередко такие набросы располагались рядами, один над другим, составляя линию из 4–5 на-

сыпей. Остальные насыпи располагались в хаотичном порядке. Высота насыпей этого типа колебалась в пределах от 30 см до 1 м. Сложены они были из местного слоистого известняка. Наблюдения показали, что основание этих насыпей расположено на 20–25 см выше основания слоя лесного чернозема, что косвенно позволяет говорить о времени их сооружения (античный слой расположенного выше поселения связан с основанием чернозема). Часть насыпей сооружалась на коричневом суглинке со скальными обломками, часть — на скальном основании.

В толще некоторых насыпей были обнаружены фрагменты зернотёрок (насыпи № 36, 55, 56, 68, 69, 77, 79). Они были различных типов, как плоские, так и с утолщением в центральной части, и все со следами выработки. Камень, из которого были изготовлены зернотёрки, резко отличался от известняка, составляющего основу насыпей курганов: изделия были изготовлены из мелкого ракушечника или плотного песчаника, для максимального эффекта перетирания зерен. Факт нахождения описанных предметов в насыпях свидетельствует об их искусственном происхождении, и не исключено, что в действии использования обломков зернотёрок и, возможно, жерновов в сооружении насыпей скрываются идеологические воззрения, в которых предметы для переработки зерна играли определенную роль. Также в толще отдельных насыпей были обнаружены невыразительные керамические фрагменты, не образующие скоплений или горизонтов. Эта керамика в подавляющем большинстве относилась к античному времени и могла попасть в тело насыпи вместе с окружающим грунтом, оказавшись там в процессе смыва с существующего выше античного поселения. Примечательно, что большая часть керамических фрагментов в насыпях была найдена в тех из них, которые находились под выявленным поселением. Чем дальше от поселения находилась насыпь, тем меньше фрагментов в них было найдено. Насыпи северного участка курганной группы, за редким

исключением (насыпь 140), не содержали керамических фрагментов. Представляется возможным, что фрагменты орудий для обработки зерна также относятся к античному периоду и являются случайными предметами в насыпях.

Отдельные невыразительные фрагменты позднесредневековой керамики (XIV–XVI вв.), также найденные среди нескольких насыпей, являются единственным датирующими предметами насыпей без погребений, хотя, надо признать, эта датировка, вероятно, также не соотносится с истинным временем сооружения насыпей.

Сходные каменные насыпи, набросы, исследованные в 2010 г. у урочища Розахутор близ Красной Поляны, авторы раскопок (в качестве одной из версий) рассматривали как поминальные, связанные с переселением адыгов в 1864 г. (Бакушев М.А., Меньшиков М.Ю., 2011, с. 272; Бакушев М.А., Меньшиков М.Ю., 2013, с. 175).

Четыре сооружения были возведены над погребениями. Это описанные насыпи № 110, 115, 123, 139.

В двух из них (№ 115 и 123) не было найдено вещей, возможно, ввиду того, что они были ограблены, однако еще две насыпи (№ 110 и 139) дали большое количество инвентаря и показали яркий погребальный обряд. Среди найденных вещей в двух хорошо сохранившихся погребениях имеются предметы, способные указать на приблизительный период совершения этих захоронений. Здесь в первую очередь надо отметить наперстки английского или голландского производства, в целом датирующиеся XVIII веком. Показательны и фрагменты стекол фабричного производства, которые также можно отнести к XVIII или XIX веку. Концом XVIII и началом XIX века можно датировать нагрудные женские застёжки из погребения под насыпью 110. Застёжки были деталью женского костюма — кафтанчика, имеющего покрой мужского бешмета и туго обтягивающего фигуру. Именно у адыгов достоверно известно наличие такого рода одежды в указанное время (Студенецкая Е.Н., 1989, с. 45). Остальные предметы

имеют более широкий хронологический диапазон, не противоречащий предполагаемому периоду совершения погребений. Верхняя дата функционирования курганной группы и совершения погребений, по всей видимости, связана с событиями Кавказской войны и лежит в промежутке между 1838 и 1854 годами или в начале 1860-х гг. В мае 1838 г. примерно в 6 километрах южнее территории исследованного памятника было основано Вельяминовское укрепление, просуществовавшее до 1854 года. Укрепление неоднократно подвергалось нападению со стороны горцев, что могло повлечь ответные меры, в частности, связанные с выселением шапсугов с близлежащих территорий. Отмечу, что на территории курганной группы было найдено несколько свинцовых пуль, свидетельствующих о беспокойной обстановке здесь в середине XIX в. Наиболее вероятной датой прекращения функционирования курганной группы и, несомненно, существования аула, с которым она была связана, является начало 60-х гг. XIX века, когда после окончания Кавказской войны с Западного Кавказа в Турцию и предгорья Северо-Западного Кавказа были выселены сотни тысяч адыгов.

Шапсуги, приняв ислам в начале XVIII века, и через сто лет во многом сохраняли элементы доисламских верований. Так, Н.И. Карлгоф, в частности, отмечал: «Черкесы и убыхи считаются мусульманами, но настоящие мусульмане составляют незначительную часть народонаселения; это преимущественно люди, находящиеся в сношениях с турками по торговым делам и семейным связям; в большей же части народа, особенно в низших слоях, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества» (Карлгоф Н.И., 1860, с. 588). Это высказывание подтверждают в том числе и исследованные нами погребения.

В первую очередь необходимо указать на сами погребальные сооружения, являющиеся традиционными для адыгских народов еще в средневековую эпоху. Каменные

курганы средневекового времени исследовались в местах проживания черкесских народов (см., например: Носкова Л.М., 2005, с. 186–200), в том числе на территории Северо-Восточного Причерноморья, начиная с конца XIX в. Как и в исследованных нами курганах, в средневековых погребальных сооружениях отмечались щебенисто-земляные насыпи диаметром от 4,5 до 8–9 м с каменными конструкциями в виде ограды по периметру подквадратной или округлой формы. Погребенные нередко ориентировались головой на северо-запад или запад, что было зафиксировано и в исследованных нами насыпях.

В раскопанных погребениях курганной группы «Холодный родник 3» умершие были положены вытянуто на спине в сопровождении инвентаря, в положении которого и принципе использования в погребении, несомненно, отражены определенные идеологические воззрения. Так, ножи помимо утилитарной функции здесь выполняли роль оберега, будучи вложенными в руки покойных. Такую же роль играло и шило, по всей видимости, также размещенное в момент похорон в правой руке погребенной под насыпью 110. Наперстки являются предметом, широко распространенным в погребениях белореченского типа (Левашова В.П., 1953, с. 205; Носкова Л.М., 2005, с. 193). В исследованных нами погребениях наперстки были одеты на пальцы левой (насыпь 110) и правой (насыпь 139) рук в момент похорон. Известно, что наперсток в этнографическом прошлом имел определенные магические свойства и нередко использовался в гадании.

Особо надо обратить внимание на куски стекол, которые были обнаружены между нижними концами берцовых костей. Аналогов этого обряда мне не известно, однако не исключено, что эти стекла являлись

зеркалами, и к моменту их обнаружения отражающий слой полностью распался. Если это предположение верно, то перед нами предмет-оберег, связанный с представлением о защите покойного при переходе в иной мир. Известно, что зеркало имело и функции защиты против злых духов; воспринималось как окно на тот свет (Бакушев М.А., 2008, с. 140; Толстая С.М., 1994, с. 112). Отмечу, что в данном случае это лишь предположение, так как нет доказательств того, что в погребения были положены именно зеркала, а не куски стекол, что может являться отражением совершенно иного обряда.

Шапсуги, как и большинство кавказских народов, считали, что души предков нуждаются в поминовении, и с этим ритуалом, по всей видимости, связана находка обломков керамического сосуда среди каменной насыпи 139. Несомненно, что сосуд был разбит и перекрыт камнями в момент похорон. Как уже отмечалось, орнамент сосуда, представляющий собой различные мотивы, может указывать на его ритуальную функцию.

Таким образом, на основании полученных данных можно говорить об устойчивой погребальной традиции, не исчезнувшей и после принятия шапсугами ислама, и подтвердить сообщения о сохранении шапсугами древних верований в среде простого народа на протяжении по крайней мере первой половины XIX века.

В целом исследования курганной группы «Холодный родник 3» дали важный материал, позволяющий проследить генезис обрядов, верований, идеологии шапсугов и адыгов в целом на протяжении Нового времени, а также дополнить наши представления о культуре местного населения Северо-Восточного Причерноморья в период Кавказской войны.

ЛИТЕРАТУРА

Бакушев М.А., 2008. Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени. — Ростов-на-Дону: «Ростиздат».

Бакушев М.А., 2013. Отчет о раскопках курганной группы «Холодный родник 3» в Туапсинском районе Краснодарского края в 2012 г. // Архив ИА РАН.

- Бакушев М.А., Меньшиков М.Ю., 2011. Погребальные комплексы «Роза 1» и «Роза 3» в предгорьях хребта Аибга // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Т. II. — СПб, М., Великий Новгород.
- Бакушев М.А., Меньшиков М.Ю., 2013. Археологический комплекс «Роза 1» на северном склоне хребта Аибга // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы. — Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати».
- Карлгоф Н.И., 1860. О политическом устройстве черкесских племен // Русский вестник. Т. 28. Кн. 2.
- Левашова В.П., 1953. Белореченские курганы // Труды ГИМ. Вып. XXII. — М.
- Носкова Л.М., 2005. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов // Государственный музей Востока. Материальная культура Востока. Вып. 4. — М.
- Студенецкая Е.Н., 1989. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. — М.: изд. «Наука».
- Толстая С.М., 1994. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. — М.

ИСТОРИЯ

Ю.А. ПРОКОПЕНКО

СЮЖЕТЫ ИРАНСКОГО ИСКУССТВА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В V–VIII ВВ.

В числе предметов, декорированных сюжетами иранского и среднеазиатского искусства, поступавших в Центральное Предкавказье в V–VIII вв., следует выделить изделия с изображением фантастического существа Сенмурва. Изображение этого чудовища, имевшего явные черты собаки, но с крыльями и павлиньим хвостом, было довольно широко распространено в сасанидском искусстве. Считается, что существо было покровителем шахиншахов, поэтому использование его образа в Иране было ограниченным и сугубо элитарным (Луконин С.Г., 1979, с.55).

Население Центрального Предкавказья было знакомо с образом крылатой собаки в «тканом» и других вариантах. Это подтверждают находки кафтана, сшитого из шелка, с изображением «сенмурва» (могильник Мощевая Балка) (Иерусалимская А.А., 2012, с.122) и кожаной треугольной сумочки XI–XII вв. с вышитым серебряной крученой нитью изображением полиморфного животного с вертикально стоящими ушами, закругленной мордой в носовой части (с приоткрытой пастью), близко напоминающего образ иранского Сенмурва (Змейский могильник). Вероятно, данное изделие было изготовлено по заказу (Кузнецов В.А., 1992, с.265–266, рис.57).

Данный сюжет с течением времени становится популярным у местного населения Предкавказья. Кроме сенмурвов, украшающих ткани, подобные образы представлены на целом ряде предметов местного декоративно-прикладного искусства. В 1959 г. в женском погребении могильника Подорванная Балка была обнаружена деревянная шкатулка-пенал «Бинатхцау» с изображением сенмурва (?) — существа

«на четырех лапах в позе лающей собаки с крыльями и когтями» (рис. 1, 10). Также следует отметить изображения «крылатой собаки» на серебряных и бронзовых поясных бляшках, имеющих местное аланское происхождение (Нижний Архыз и др.) (Демаков А.А., Фоменко Д.А., 1999, с.26, 27, рис.1) (рис.1, 9).

Изображение крылатой собаки в искусстве сасанидского периода имеет отношение к идее плодородия. Считалось, что сенмурв являлся охранителем растений, семян и молодых ростков (Тревер К.В., 1937, с.44). Собака играла большую роль в погребальном ритуале зороастрийцев, о чем свидетельствует традиция памирцев впереди похоронных носилок нести собаку (Мухидинов И., 1986, с.15). Собака выступала не только в роли стража и друга человека. В авестийских представлениях она являлась врагом духов смерти (Пугаченкова Г.А., 1979, с.186).

Согласно канонам зороастризма душа человека после смерти встречается в загробном мире у моста Чинват с прекрасной девой в сопровождении двух собак. После опроса они ведут душу верующего в загробный мир. У таджиков Гиссорской долины зафиксирован целый ряд верований, связанных с собакой, которую наделяют способностями охранять новорожденного, исцелять его от болезней. Вплоть до настоящего времени в сельской местности Таджикистана высушенные гениталии волчицы применяли в качестве сильного оберега от болезней и невзгод, способного приносить удачу. В целом в Средней Азии изображение собаки на предметах украшений раннего средневековья выполняло функции оберега (Умарова З.Х., 2009, с.47).

Сходным с выше отмеченным является понимание образа собаки на Северном Кавказе. Собака-волк связана с нижним миром, является его стражем, проводником и средством передвижения в нем. Собака связана с миром мертвых по происхождению. В осетинской версии Нартовского эпоса, прародитель всех собак Селан рождается в могиле от мертвой Дзерассы из водного рода Донбеттыров и пса, принадлежащего Уастырджи (Скаков А.Ю., 1998, с.20).

В устном народном творчестве народов Дагестана собакам придается сакральное значение. Она появляется как спутник смерти, как символ власти над душами покойников и демонов, находящихся на пути в потусторонний мир. Амулетами из зубов собаки защищались от сглаза. Череп собаки ограждал от злых духов дом человека, кости отдельных органов собаки носились в качестве амулета для плодovitости (Салихов Б.М., 1997, с.43).

Согласно местным поверьям, к дому, охраняемому собакой, боятся подходить демоны. Черепа собак водружались на заборах и крепились к фасадам домов (Гаджиев Г.А., 1991, с.102; 1996, с.16; Бакушев М.А., 2008, с.145).

У аварцев во время праздника первой борозды появлялся так называемый «шуточный» волк, одетый в вывернутый наизнанку тулуп, и производящий определенные действия, целью которых было обеспечить плодородие земли. Ряженные в волков могли присутствовать на свадьбах. Целью их появления на подобных торжествах было не только поддержание порядка, но и защита молодых от порчи и сглаза.

Волчьи амулеты защищали от болезней, помогали в делах любви. У горцев Кавказа существовал обычай давать съесть ребенку вареное сердце или печень волка, чтобы ребенок рос сильным и отважным (Калмычкова Л.В., 2001, с.192).

В тореvтике сасанидского Ирана выделяются два иконографических типа сенмурва: «мирного» — с мордой, напоминающей собачью, и «ужасного» — с открытой рыкающей пастью и мощными лапами (Лу-

конин В.Г., Тревер К.В., 1987, с.93). На шелковых тканях представлен исключительно второй тип. Касаясь генезиса данного образа, А.А. Иерусалимская отмечает: «Истоки его отчетливо прослеживаются на ранних шелках византийского круга V — начала VII в. в образах различных монстров...». Автор предполагает связь распространения данного образа в сасанидском искусстве с завозом в Иран ромейских шелков (Иерусалимская А.А., 1995, с.67).

А.А. Демаков и Д.А. Фоменко обратили внимание на интересные исторические сведения, касающиеся отношения в период античности к Сириусу. В частности, греческие врачи сообщали, что под влиянием Сириуса собаки могли становиться злыми, бешеными. Такое состояние называли волчьим. Связь Сириуса с волками выражена более непосредственно в рассказах о мифическом существе, названном «золотой волк»: нечто большое, с пастью из крепкой бронзы и гривой, сверкавшей подобно молнии. Он жил высоко в горах Востока, близко к Сириусу при его восходе. На античных изображениях созвездия Большого Пса в самое жаркое время (во второй половине июля) лучи солнца окружали голову собаки в той части созвездия, где находится Сириус. Таким образом, по мысли авторов, тип «мирного сенмурва» имеет в своей основе египетскую традицию изображать Сириус в виде верного пса-стража, а тип «ужасного сенмурва» связан с греко-византийскими представлениями о «волчьей» природе Сириуса, когда он приносит смертельный жар (Демаков А.А., Фоменко Д.А., 1999, с. 24, 25).

Образ собаки является характерным и для сюжетов сасанидских гемм. Как отметил С.Н. Малахов, анализируя такое изображение на гемме из ст. Алексеевской Краснодарского края (изображение двух антропоморфных фигур с быкообразными головами, стоящих в фас, держащих посохи — образ Гопатшаха — Гайомарда; внизу композиции — изображение собаки), данная композиция является иллюстрацией зороастрийского мифа о происхождении людей,

животных и жизни на земле. По словам автора, идеограмма, отразившая авестийский миф о прародителе людей Гайомарде, носила благожелательный характер, была неразрывно связана с символом вечной жизни, культом плодородия и отражала космогонические и социально-магические представления иранцев эпохи сасанидов. Одновременно тотемистический культ собаки (волка) был широко распространен в аланском язычестве (Малахов С.А., 1988, с.47, 48).

Возможно, фантастическое существо на четырех лапах в позе лающей собаки с крыльями и когтями, изображенное на боковой стенке деревянной шкатулки «Бинатхцау» (могильник Подорванная Балка), а также изображения «крылатой собаки» на серебряных и бронзовых поясных бляшках, имеющих местное происхождение, являются художественной попыткой местного осмысления образа сенмурва, пришедшего в кавказскую Аланию из искусства Ирана (Демаков А.А., Фоменко Д.А., 1999, с.27).

Одним из наиболее распространенных сюжетов в искусстве сасанидского Ирана является изображение в круглом медальоне горного козла (также оленя и архара), скачущего или с подогнутыми ногами. В частности, таким образом декорировались металлические сосуды. Например, изображения горных козлов с подогнутыми ногами являются обычными на медальонах в центре сасанидских серебряных тарелок, выявленных на территории Приуралья (Томыз, Слудка). Также подобный сюжет украшает тулово серебряных кружек (Гутова) (Даркевич В.П., 2009, с.79, табл.5, 1, 4; 8, 1–3).

Предметы, украшенные таким образом, поступали на территорию Центрального Предкавказья. Следует отметить известный серебряный кубок из Урсдонского ущелья (территория Северной Осетии). В данном случае тулово сосуда по окружности декорируют овальные медальоны с изображениями скачущего горного козла и растения (Кузнецов В.А., 1992, с.97, рис.18).

Еще два подобных изображения зафиксированы на прямоугольных бляшках-

накладках престижного иранского поясного набора IV–VI вв. н.э., обнаруженного в 2009 г. в юго-восточной части Карачаево-Черкесской республики. В данном случае образы горных козлов помещены в круглые позолоченные медальоны (украшены пуансоном), заключенные в рельефные кольца, напаянные на серебряную основу. Изображения являются центром композиции. Прямоугольные бляшки по боковым краям декорированы рядами из шести рельефных серебряных полусферических жемчужин (рис.1, 1, 3).

Пояс включал кроме двух отмеченных накладок (размеры: 60 x 46; 60 x 48 мм) четыре серебряные ромбические бляшки-накладки (декорированы в центре прорезями ромбической формы), украшенные по углам жемчужным декором (рис.1, 4–7), а также серебряную прямоугольную бляшку-накладку с напаянным в центральной части позолоченным прямоугольником (украшен пуансоном и рубчатым орнаментом). Центр позолоченного прямоугольника занимает овальное гнездо со вставкой из темного камня (гагат (?), гранат (?)) (размеры — 34 x 31 мм), оконтуренное рубчатым орнаментом и пуансоном (рис.1, 2).

Изображения козла также характерны для памятников сасанидской глиптики — каменных или стеклянных гемм, завозившихся в Предкавказье. Например, полусферическая гемма-печатка из светлого сердолика с резным изображением лежащего кавказского тура выявлена в могильнике Дунте (раскопки Долбежева) (Прокопенко Ю.А., 2008, с.372, №34; 2009, с.45, №34). Несколько экземпляров с вырезанными на щитках козами, сернами или оленями с подогнутыми ногами представлено в коллекции гемм, происходящей из могильников Камунта и Клинь-Яр (Прокопенко Ю.А., 2009, с.45, №№39, 41, 63, рис.2, 7, 9).

В раннем средневековье на территории Средней Азии использование рогов горного козла (также оленя и архара) в головном уборе играло знаковую функцию. Кроме этого им придавалось и ритуально-магическое значение. В качестве амулетов

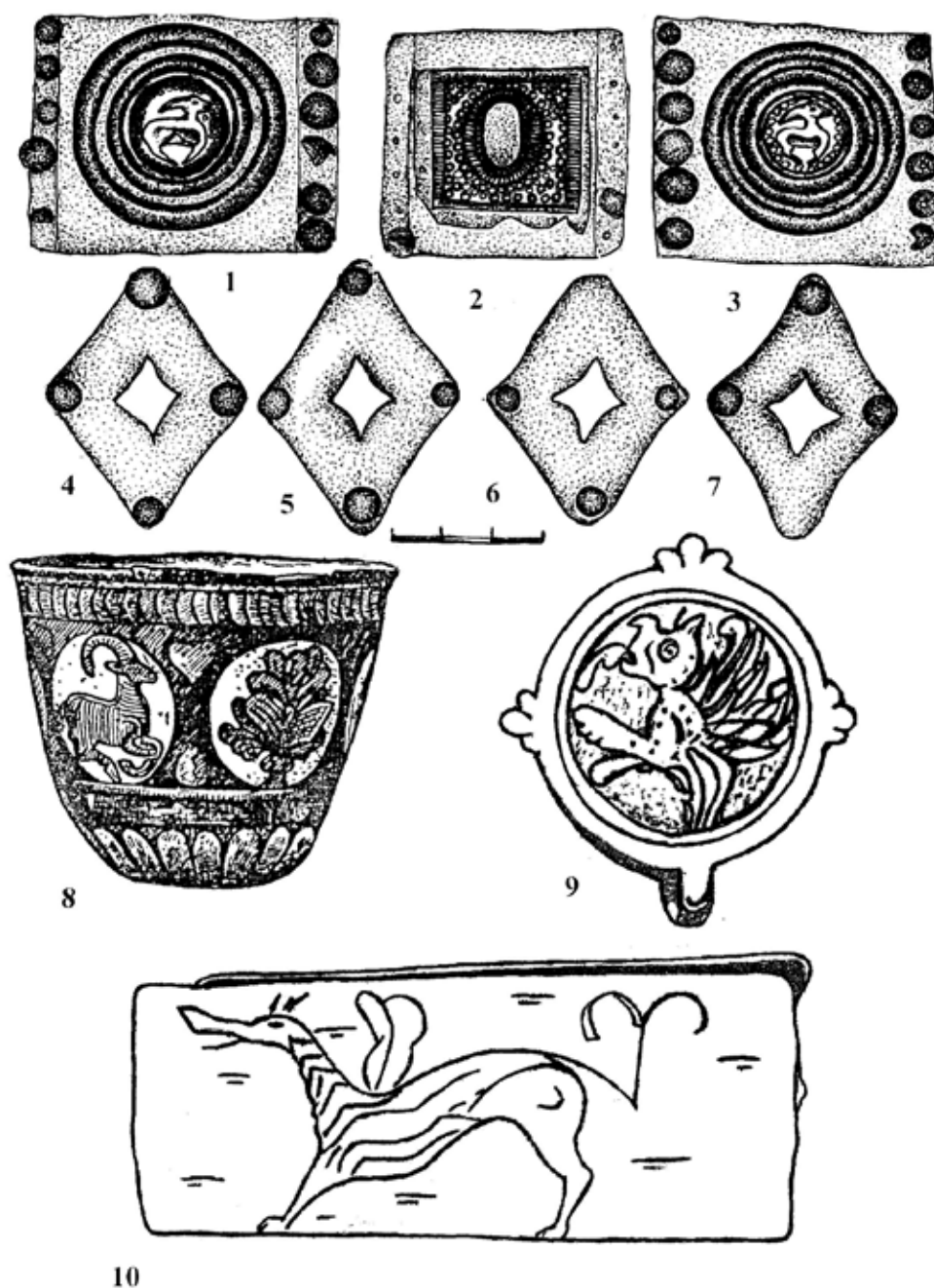

Рис. 1. Предметы с изображениями горного козла и сенмурва из памятников V–VIII вв. Центрального Предкавказья:

- 1–7 — поясной набор (юго-восточный район Карачаево-Черкесской республики);
 8 — кубок, Урсдонское ущелье (территория Северной Осетии) (по В.А. Кузнецову);
 9 — бляшка (окрестности Нижнего Архыза (Карачаево-Черкесская республика) (по А.А. Демакову, Д.А. Фоменко); 10 — шкатулка «Бинатхцау», могильник Полорванная Балка (Карачаево-Черкесская республика) (по А.А. Демакову, Д.А. Фоменко); 1–3 — серебро, позолота; 4–8 — серебро;
 9 — бронза; 10 — дерево

использовались различные предметы с подобными изображениями. Например, ряд перстней был обнаружен в Пенджикенте, на щитках которых были изображены козлы и винторогие олени. Среди находок из Курката имеются бусины с изображением горного козла и каменная подвеска в виде архара (Умарова З.Х., 2009, с.45–47).

Образы горного козла, барана (архара), оленя и быка, характерные также и для сасанидских гемм, были наделены определенным смысловым содержанием, представляли собой инкарнацию того или иного доброго божества (Вретрагны, Хварны и др.) и являлись самыми популярными в сасанидской глиптике.

Изображения козерогов, оленей и коней также характерны для шелковых тканей, завозившихся в Предкавказье из Средней Азии. Как считает А.А. Иерусалимская, они являлись символами, связанными с различными зороастрийскими божествами, и имели благочестивый характер (Иерусалимская А.А., 2012, с.112).

Как уже было отмечено, на предметах, выявленных в памятниках Предкавказья, зафиксированы сюжеты, сочетающие изображения горного козла и растения (кубок из Урсдона), а также козла и кругов с жемчужинами (накладки пояса из Карачаево-Черкесии). Первая композиция связана с культом плодородия. Уже в древности в среде земледельцев изображение травоядного животного и растения символизировало великих богов плодородия, и козел выступал в качестве символа сверхчеловеческой мощи (Антонова Е.В., 1981, с.14). По мнению Б.А. Литвинского, баран в сасанидском искусстве, особенно с ошейником из лент, считался фарном — символом божественной благодати. Данный образ являлся олицетворением царской власти и могущества (Литвинский Б.А., 1968, с.89–90).

Вторая композиция (сочетание образа козла с кругами и жемчужным орнаментом) связана с представлениями, характерными для маздеизма. Солярные символы и знаки сочетаются с животным миром, имеющим астральное значение. В данном случае

горный козел (баран) выступает в качестве солнечного существа. В Средней Азии в изобразительном искусстве раннесредневекового периода часто встречается композиция в виде колеса, по краям украшенного круглыми перлами. Они представлены в числе сюжетов на сасанидских и согдийских шелковых тканях, в росписях Бабалык-тепе (V–VI вв.), Афрасиаба (VI–VIII вв.), Балшана (VI–VII вв.) и др., что, скорее всего, является результатом влияния сасанидского Ирана. В Согде колесо с перлами на стенке оссуариев являлось символом светил и царства света, куда вступает человек после смерти (Ремпель Л.И., 1987, с.13).

Медальоны из перлов являются характерным элементом декора среднеазиатских тканей, поступавших в Предкавказье по северной трассе Великого шелкового пути. В частности, три фрагмента полотняной ткани с изображением медальонов на синем фоне, большой кусок шелковой ткани с медальонами на золотистом фоне, большой кусок ковровой ткани с изображением большого овального медальона на лиловом фоне в обводе из широкой голубой полосы обнаружены в могильнике Хасаут (территория Карачаево-Черкесии) (Документы..., 1965, л.1). Целый ряд фрагментов среднеазиатского шелка, выявленных в погребениях могильника Мощевая Балка, был декорирован зооморфными изображениями в медальонах (Иерусалимская А.А., 1972, рис.5, 2; 7; 14, 1).

Как уже было отмечено, иконография горного козла (скачущего или с подогнутыми ногами) в медальоне исходит из сасанидского Ирана. Но сам мифологический образ имеет более древнюю подоснову. Для искусства племен кобанской культуры скифского и скифского времени характерны скульптурные фигурки из бронзы с изображением козлов и баранов (Кобанский мог.; Баксанское ущелье, случ. погр.; Заюково; Зандакский мог., погр. 15 и др.) (Доманский Я.В., 1984, с.56, 61; Козенкова В.И., 1998, с.168, табл.ХII, 27, 27а, 16–18). В данном случае эти фигурки создавались одновременно со скульптурными изображениями

олений и серн, что, скорее всего, было связано с культами солнца и плодородия.

Как уже было отмечено, образ горного козла был востребован в языческой среде средневекового населения Центрального Предкавказья. Об этом свидетельствует не только использование местным населением тканей и предметов декоративно-прикладного искусства с такими изображениями в повседневной жизни, но и длительное сохранение традиции создания амулетов в виде горных козлов. Например, такая фигурка была отмечена В.Б. Ковалевской в таблице аланских амулетов VIII–IX вв. (Степи..., 1984, с.181, рис.64, 121).

Также к ближневосточным мотивам, с которыми было знакомо население Предкавказья в V–VIII вв., относятся изображения пегасов (крылатых коней). Образ коня — традиционная тема в сасанидском искусстве. Он выступает в зороастрийской литературе как астральная эмблема — знак звезды Тиштрийа, как символ одного из праведников — «ашаванов», как ипостась различных божеств — Митры, Вретрагны, Хварны (Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963, с.34–35).

Предметы с изображением пегасов обнаружены в памятниках Центрального и Восточного Предкавказья. В могильнике Камунта (территория Северной Осетии) выявлена плоская бронзовая привеска, изображающая крылатого коня. Его тулово и стилизованные крылья украшены пуансонным орнаментом (Уварова П.С., 1900, с.312–313).

Обращенный вправо конь (в статичной позе), со слегка опущенной головой и немного подогнутыми ногами, изображен на бляшках IV–VII вв., обнаруженных на территории Дагестана (городище Урцеки, могильник Таргу, Аркаское городище, могильник у с. Хадага, могильник у с. Уллу-гатаг). Все бляшки отлиты в одностворчатых формах и имеют выпукло-вогнутую форму. В дальнейшем изделия дополнительно обрабатывались по холодному металлу.

На территории Западного Дагестана также обнаружена бляшка VIII–IX вв.,

изображающая обращенного влево крылатого коня, заключенного в круглую рамку с имитацией перлов.

Возможными прообразами дагестанских бляшек являются сасанидские серебряные накладные пластины VI–VII вв., изображающие стоящего в канонической позе коня-пегаса с приподнятой передней ногой. На основании представительности данного типа бляшек и отсутствия им прямых аналогий на сопредельных территориях М.С. Гаджиев и Ш.О. Давудов считают, что иконография изображений на данных изделиях заимствована из сасанидского Ирана, но сами предметы являются продукцией местных мастеров (Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., 2012, с.295, 296).

Крылатые кони также являются популярным сюжетом на сасанидских геммах (Берзина С.Я., 2010, с.166–167, 170–171). Надписи на этих геммах в большинстве своем имеют религиозный характер («божественная справедливость», «упование на богов»), что подчеркивает связь образа пегаса с небожителями. Крылья также являются указанием на небожительство, божественность. Крылатый конь в иранской мифологии не только символическое изображение созвездия, но и образ, тесно связанный с божеством дождя Тиштаром/Тиштрией (Сириусом) и солнечным божеством Михром (Митрой), инкарнацией которых он является (Гаджиев, М.С., 2012, с.295, 296).

Кроме непосредственного завоза предметов с изображениями крылатых коней из Ирана в Предкавказье поступали образцы данного сюжета, переосмысленного мастерами городов Средней Азии. На согдийских тканях рисунок коней выполнен в духе стилизации и геометризации узора. В частности, согдийские шелка с геральдическим вариантом расположения пегасов в медальоне зафиксированы в материалах захоронений могильников VIII в. Хасаут и Мощевая Балка (Иерусалимская А.А., 1972, с.14–15, рис.5, 2; 7). А.А. Иерусалимская изображения крылатых коней на тканях относит к сасанидским сюжетам, имевшим

благочестивый характер (Иерусалимская А.А., 2012, с.112).

Популярность среди населения Предкавказья образа крылатого коня, завожившегося в качестве декора на различных предметах из Ирана и на тканях из городов Средней Азии, видимо, связана с более древним знакомством с данным сюжетом населения Предкавказья. На это указывают данные фольклора народов Центрального Предкавказья (нартский эпос) и Дагестана (сказки). В частности, в нартском эпосе образ летающего коня связан с подвигами Сэусырыко, Айсана (двойник Батраза), Уациллы и др. В первом случае два умных брата — треногих коня помогают Сэусырыко вернуть украденные чудовищем Емынежем (чудовище с телом змеи и головой великана) семена проса. Старший брат (конь Емынежа) по совету младшего (конь Сэусырыко) взлетел до самого неба и сбросил чудовище на скалы. Семена были возвращены (Дюмезиль Ж., 1990, с.81).

Во втором случае чудесный умный конь принял участие в свершении подвигов юного Айсаны, выполнявшего требования жены Сослана. В частности, чтобы получить волшебное дерево, нужно было проскочить между двумя горами, периодически смыкавшимися друг с другом. Для этого по совету коня Айсана затянул ту же ему подпругу, крепко завязал в узел хвост коня (при этом оставил незавязанными три волоска) и так хлестнул, что с ладони его слез кусок кожи со шлепок для кнута, а с бока коня — кусок кожи с подошву. Конь после этого одним прыжком проскочил между горами (оторваны оказались только три незавязанных волоска). Айсана успел выдернуть дерево. Куски кожи, появившиеся после удара, придавшие коню ускорение, напоминают крылья пегаса (Дюмезиль Ж., 1990, с.46, 47).

В некоторых нартских сказаниях прямо повествуется о крылатых конях: «У сыновей Телберда лошади крылатые, а летают они между небом и землей» (Сказания, 1981, с.122, 123). Кони мчат своих всадников выше облаков, и сила их равна буре.

Уацилла сидит на огненной колеснице, влекомой огненными крылатыми конями. «Полез сын Дзылы на чердак, нашел там сухую конскую шкуру, три раза встряхнул ее, как ему показала вещунья, помолился Богу, и мигом шкура обратилась в крылатого коня» (Сказания, 1981, с.345).

Самые лучшие кони нарттов — всегда белого цвета. Конь Урузмага Арфан — белой масти. Уастырджи также непременно разъезжает на белом коне. И покойнику посвящали, как правило, белого коня.

Мифический конь плавает, как рыба. Водяной конь, иногда крылатый, обитает в водных стихиях. В нартском эпосе встречаются кони с рыбьим хвостом. Это особая порода, принадлежащая божеству солнечного света. На таких конях нартские герои совершают свои подвиги (Чибиров Л., 2016, www.darial-online.ru).

В устном народном творчестве Дагестана фигурирует образ чудесного крылатого коня, связанный как с небом, так и с водной стихией (Халидова М.Р., 1987, с.15, 16). В некоторых сказках он именуется белым конем, что подчеркивает его божественность, связь со светом. Этот персонаж дагестанской мифологии близок иранскому Тиштару, который имеет облик белого коня и связан с водной стихией (Чунакова О.М., 2004, с.217–219). Также наблюдается функционально-типологическое родство с зороастрийским божеством-звездой Тиштрией/Тиштаром, известной дагестанским народам звездой-божеством Турши/Туршу/Турше (Сириус) (Маммаев М.М., 2005, с.125, 126; Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., 2012, с.296).

Судя по сюжетам нартского эпоса, скорее всего, образ крылатого коня, отразившийся на развитии иконографии предметов материальной культуры (бляшки) и в устном народном творчестве (нартский эпос, сказки), в осмыслении населения Предкавказья в период средневековья, связан с культом плодородия.

По мнению М.С. Гаджиева, местное население Дагестана видело в иранских изображениях (например, на геммах) объекты

местных культов, а не персонажей Авесты (Гаджиев М.С., 1987, с.151).

Как считает С.Н. Малахов, сасанидская религиозно-образная система не была полностью чуждой ирано-язычным аланам. С элементами зороастризма они вполне могли познакомиться, совершая походы в Закавказье, будучи союзниками сасанидского шахиншаха (Малахов С.Н., 1988, с.47, 48).

Таким образом, распространение поясной гарнитуры, сосудов и предметов глиптики с иранскими изображениями в Восточной Алании (в какой-то степени и Западной Алании) V–VIII вв. было обу-

словлено не только активной политикой Ирана в этом регионе Центрального Предкавказья, не только активностью согдийских купцов в северокавказских торговых центрах вдоль северокавказских трасс Великого шелкового пути, но и с определенной близостью аланского и иранского этнокультурных миров в раннем средневековье. Важное значение для адаптации импортных зооморфных сюжетов в местной изобразительной традиции имело сходство с ними почитаемого в регионе зооморфного ряда, особенно это касается животных, связанных с культом плодородия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакушев М.А., 2008. Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э. — IV в. н.э.). — Ростов-на-Дону.
- Берзина С.Я., 2010. Древние геммы Востока. — М.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. Сасанидские геммы. — Л.
- Гаджиев Г.А., 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. — Махачкала.
- Гаджиев Г.А., 1996. Амулеты и талисманы народов Дагестана. — Махачкала.
- Гаджиев М.С., 1987. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Ирана. — Махачкала.
- Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., 2012. Образ крылатого коня на зооморфных бляшках из Дагестана // Новейшие открытия с территории Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы конференции. — Махачкала.
- Даркевич В.П., 2009. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. Изд.-е второе. — М.
- Демаков А.А., Фоменко Д.А., 1999. К проблеме идентификации сенмурва // Археoaстрономические исследования. — Нижний Архыз.
- Документы..., 1965. Документы о Хасутском могильнике (указатель, описание, рисунки, фото), присланные М.П. Абрамовой из Государственного исторического музея, 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф. 79. Ед. хр. 137.
- Доманский Я.В., 1984. Древняя художественная бронза культуры в собрании Государственного университета. — М.
- Дюмезиль Ж., 1990. Скифы и нарты. — М.
- Иерусалимская А.А., 1972. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Сборник статей. — Л.
- Иерусалимская А.А., 1995. Шелковые ткани с «сенмурвами» // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Лукониной. — СПб.
- Иерусалимская А.А., 2012. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. — СПб.
- Калмычкова Л.В., 2001. Образ волка в индоевропейской и северокавказской традиции // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. — Москва, Ставрополь.
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. — М.
- Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.
- Луконин С.Г., 1979. Иран в III в. — М.

- Луконин В.Г., Тревер К.В., 1987.* Сасанидское серебро. — Л.
- Малахов С.А., 1988.* К истории алано-иранских этнокультурных контактов в раннем средневековье (сасанидская гемма из ст. Алексеевской Краснодарского края) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. — Орджоникидзе.
- Маммаев М.М., 2005.* Зерехгеран — Кубачи: Очерки по истории и культуре. — Махачкала.
- Мухидинов И., 1986.* Обряды и обычаи припамирских народностей, связанных с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии. — М.
- Прокопенко Ю.А., 2008.* Сасанидские геммы из памятников Северного Кавказа (каталог) // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина. — М.
- Прокопенко Ю.А., 2009.* Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 1. — Ставрополь.
- Пугаченкова Г.А., 1979.* Искусство Бактрии эпохи кушан. — М.
- Ремпель Л.И., 1987.* Цепь времен. — М. — Ташкент.
- Салихов Б.М., 1997.* К вопросу о культе собаки в Дагестане // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (26–27.01.96 / Ставрополь). — Ставрополь.
- Сказания..., 1981* — Сказания о нартах. — Цхинвали, 1981.
- Скаков А.Ю., 1998.* Об одной группе кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. Вып. 4. Армавир — М.
- Степи..., 1981* — Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
- Тревер К.В., 1937.* Сэнмурв — Паскудж. Собака — птица. — Л.
- Уварова П.С., 1900.* Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. — М.
- Умарова З.Х., 2009.* История развития ювелирного искусства таджиков (V — начало XX вв.): дис... канд. ист. наук. — Душанбе.
- Халидова М.Р., 1987.* Тотемистические истоки сказочных образов народов Дагестана // Жанр сказки в фольклоре народов Дагестана. — Махачкала.
- Чибиров Л., 2016.* Скифский мир и Нартовский эпос. [Электронный ресурс] (режим доступа): http://www.darial-online.ru/2012_1/chibirov.Shtml (дата обращения 15.08.2016 г.)
- Чунакова О.М., 2004.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. — М.

К ВОПРОСУ О КИПЧАКАХ ДЕРБЕНТСКИХ

Вопрос о времени появления и пребывании половцев на Северном Кавказе до сих пор остаётся нерешённым. В русских летописных сводах ничего не сообщалось об их пребывании в Предкавказье. Это объяснялось тем, что Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. не взаимодействовали с предкавказскими половцами. Более подробные свидетельства сохранились в грузинских исторических хрониках.

Грузинский анонимный историк XII в., описывая правление царя Давида IV Строителя, писал, что в 1123 г. он (Давид Строитель) совершил поход и одержал победу «над лаками и кипчаками дербентскими» (Анчабадзе З.В. 1960, с.118). З.В. Анчабадзе считал, что лаками грузинские историки называли всё население нагорного Дагестана (там же, с.118). В этом случае под дербентскими кипчаками подразумеваются обитатели приморского Дагестана.

Следует сразу же отметить, что термин «кипчаки» употреблён некорректно. В XI в. в южнорусские степи проникли два кочевых народа: сары и куманы. В русских летописях, а позже в сочинениях историков они фигурируют как половцы. Кипчаки же обитали в Средней Азии, Приуралье и Приаралье.

В настоящее время нет оснований говорить о появлении половцев в Предкавказье в середине — конце XI в. Большинство исследователей предполагает, что они переселились на Северо-Западный Кавказ в 1118–1120 гг. из донецких степей. Этот процесс связывали с походами русских князей на Дон (Северский Донец) в 1111 и 1116 гг. Переселение половцев было достаточно быстрым, и они сразу же ушли в Грузию.

В Грузии половцы составили большую часть войска и придворную стражу Давида IV. С их помощью царь Грузии освободил территорию страны от турок-сельджуков.

В 1123–1124 гг. Давид Строитель совершал походы на Ширван. В этих походах принимали участие и половцы. Арабский историк Ибн-ал-Асир писал, что в 1123 г. произошло вторжение грузинских войск в Ширван (Карсанов А.Н., 1995, с.400). Во время осады Шемахи возник конфликт между грузинами и половцами. После этого половцы покинули лагерь и ушли. Возможно, именно они вернулись в предкавказские степи и стали известны как дербентские кипчаки. Однако это только предположение.

В конце XII в., в царствование Тамары (1184–1213 гг.), грузинская историческая хроника «Картлис Цховреба» упоминает «старых» («бывших») и «новых» кипчаков (Анчабадзе З.В., 1960, с.118). В это же время усиливается влияние на Кавказе ширваншаха Ахситана I. Его брак с дочерью эмира Дербента Абу Музаффера Сейф-ад-Дина устранил угрозу для Ширвана со стороны Дербента и укрепил влияние Ширвана на половцев, которые обитали около Дербента и в Грузии (Ашурбейли С., 2006, с.108). Возможно, под половцами, которые обитали около Дербента, подразумевались именно дербентские кипчаки. Поэт Хагани писал, что в 1174 г. русы и кипчаки напали на Ширван, а ранее захватили Дербент. Может быть, опять имелись в виду дербентские кипчаки. Однако ширваншах обратился за помощью к царю Грузии Георгию III (1156–1184 гг.) и с его помощью разгромил кипчаков. В.А. Кузнецов считает данный источник ненадёжным (Кузнецов В.А., 1992, с.208). Действительно спорным остаётся упоминание о русах на Северном Кавказе в 1174 г.

В 1222 г. эмир Гянджи Каш-Кари начал войну против Грузии и призвал на помощь половцев. Я.В. Пилипчук предположил, что имеются в виду дербентские кипчаки, так как они кочевали близ Дербента и Гянджи (Пилипчук Я.В., 2012, с.76). Царь Грузии Георгий IV Лаша направил войско против

гянджийцев и половцев, но оно потерпело поражение. В 1223 г. было собрано новое войско, которое разгромило дербентских кипчаков. Я.В. Пилипчук предположил, что эти события имели катастрофические последствия для дербентских кипчаков (Пилипчук Я.В., 2012, с. 77), но не уточнил, какие именно.

Необходимо указать, что средневековые авторы писали о кипчаках, проживающих около Дербента гораздо ранее XI в. Так, персидский автор XVI в. Муслихиттин Лари писал о расселении кипчаков в Дербенте и около Дербента в III в. н. э., что явно является вымыслом (Алиев К., Интернет). Другой персидский автор XIII в. — Кади Бейзави упоминал о дербентских кипчаках применительно к событиям VI в., что также является вымыслом. Современный турец-

кий историк Фахреттин Кырзыоглу пишет о переселении кипчаков в бассейн Кубани и Терека в 1030 и 1066 гг. (Алиев К., 2016, Интернет). Он предполагает, что сначала в Предкавказье обитали «илк-кыпчаклар» («первокипчаки»), а в XI в. можно говорить о появлении в этом регионе «сон-кыпчаклар» («второкипчаки»). Появление «второкипчаков» он датирует 1118 г., и, таким образом, их можно отождествить с донецкими половцами. Но вряд ли можно отождествлять «первокипчаков» с дербентскими кипчаками.

Таким образом, можно твёрдо установить, что единственным достоверным упоминанием дербентских кипчаков в письменных источниках можно считать упоминание о походе против них Давида IV в 1123 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Анчабадзе З.В., 1960.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Материалы сессии о происхождении балкарского и карачаевского народов. — Нальчик.
- Ашурбейли С.Б., 2006.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). — Баку.
- Карсанов А.Н., 1995.* Об одном известии Ипатьевской летописи // Аланы: история и культура. ALANICA III. — Владикавказ.
- Кузнецов В.А., 1992.* Очерки истории алан. — Владикавказ.
- Пилипчук Я.В., 2012.* Межэтнические отношения на Северном Кавказе (кыпчакский фактор) // МИАСК. Вып.13. — Армавир — Краснодар.
- Алиев К., 2016.* Кипчаки на Кавказе до и после нашей эры // <http://kumukia.ru/article-9472.html>. 8.04.2016.

ОБ ОДНОМ АЛАНСКОМ АНТРОПОНИМЕ

С 29 декабря 2015 г. различные отечественные электронные СМИ со ссылкой на пресс-релиз Института археологии РАН и комментарии специалистов сообщали о сенсационной находке.¹ Согласно данным самого пресс-релиза, размещенного на официальном сайте Института археологии РАН, летом 2015 г. в г. Переславле-Залесском начались реставрационные работы на внешних стенах Спасо-Преображенского собора, построенного в 1157 г. Тогда же были обнаружены первые надписи. О находке позднее еще одной, уникальной надписи поведали ее авторы, московские эпиграфисты А.А. Гиппиус и С.В. Михеев, ведущие непосредственное изучение ее текста.

Старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат филологических наук С. В. Михеев отмечал: «Следы большого текста, процарапанного на южной абсиде, были найдены уже осенью, в ходе нашей поездки в Переславль. Надпись была покрыта слоями грязи и краски и нуждалась в реставрации. Благодаря энергичной поддержке со стороны директора Института археологии РАН Николая Макарова ее удалось провести очень оперативно. Уже через десять дней надпись была тщательно расчищена от наслоений новгородским реставратором Татьяной Федоренко. В результате был найден уникальный текст, касающийся событий 800-летней давности — убийства владимирского князя Андрея Боголюбского». По свидетельству доктора филологических наук, профессора НИУ ВШЭ, члена-корреспондента РАН А.А. Гиппиус, эту надпись и другие чуть было не уничтожили во время реставрации. Их спасло вмешательство научных сотрудников Переславль-Залесского музея-заповедника Александры Андреевой, Елены Шадунц и их владимирского коллеги Ивана Селезнева, настоявших на том, чтобы стены собора отмывались водой

под давлением, а не чистились абразивом, что предполагалось сначала.

А.А. Гиппиус отмечает: «Надпись по своей ценности войдет в десятку самых важных древнерусских надписей. Это уникальный памятник официальной эпиграфики Владимиро-Суздальского княжества, фиксирующий акт церковного проклятия убийцам владимирского князя... Таким образом могли оформляться и официальные акты, самый известный пример — надпись о покупке земли Бояна вдовой князя Всеволода на стене Софийского собора в Киеве. В той же Софии Киевской имеется ряд записей летописного характера, в частности, знаменитое граффито о смерти Ярослава Мудрого. Но и на этом фоне Переславльский текст уникален своей композицией: тут и сообщение об убийстве, и список, и проклятие. Важно и другое: сделанная по горячим следам событий Переславльская надпись представляет собой древнейший, относительно точно датируемый памятник письменности Северо-Восточной Руси. До сих пор таковым считалась рукопись Жития св. Нифонта, написанная в Ростове в 1219 году... Похоже, это официальный текст, который был разослан по всем городам епархии и высечен в назидание потомкам на стенах их главных храмов. Конечно, не случайно расположение его на таком стратегически важном месте, как алтарная абсида. Теоретически можно было бы искать такие надписи на других храмах княжества».

Академик Н.А. Макаров, директор Института археологии РАН, сотрудники которого также занимаются исследованием собора, отметил, что открытие надписи об убийстве Андрея Боголюбского имеет «исключительное значение для изучения политической истории средневековой Руси»: «Убийство князя — одно из самых драматических и загадочных событий второй половины 12-го века. Можно полагать, что

это событие — следствие острых конфликтов среди политической элиты Владимиро-Суздальской земли, превратившейся в годы княжения Андрея в один из доминирующих политических центров Руси. Однако подробности этих конфликтов, которые часто интерпретируют как столкновение княжеской власти и боярства, нам не известны. Возможность получить новые данные о событиях 1174 г., известных нам по летописному рассказу, — совершенно неожиданная удача».²

Прориси надписи были также опубликованы в пресс-релизе Института археологии РАН и различными электронными СМИ. Надпись состоит из двух столбцов, объединенных в общую рамку с нанесенным сверху крестом и располагается в средней части южной алтарной абсиды собора. В правом столбце сообщается о самом убийстве князя его слугами: «Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы, овому вечная память, а сим — вечная мука...». Дальше текст не читается. В левом столбце содержится перечень имен убийц, завершающийся словами: «Си суть убийцы великого князя Андрея, да будут прокляты». По словам А.А. Гиппиус, фраза «... овому вечная память, а сим — вечная мука...» говорит о том, что надпись была сделана уже после казни заговорщиков.

Прежде об убийстве Андрея Боголюбского в результате составленного заговора, в котором непосредственно участвовало 20 человек, о причинах данного заговора и о последующих событиях было известно из летописных свидетельств. Трагическая гибель князя на 63-м году жизни в субботнюю ночь на 29 июня 1174 г. (день памяти святых апостолов Петра и Павла) была достаточно подробно описана, например, в пространной редакции «Повести об убийнии Андрея Боголюбского», сохраненной в Ипатьевской летописи. Ее сокращенный и переработанный вариант представлен во Владимирском летописном своде, Лаврентьевская летопись. 15 октября 1702 г. Андрей Боголюбский был канонизирован в лике благоверного.

Мощи Андрея Боголюбского исследовались под руководством профессора Д.Г. Рохлина в 1934 г. в рентгено-антропологической лаборатории Государственного рентгенологического института г. Ленинграда. 22–24 июля 2007 г. мощи были повторно исследованы непосредственно на территории Успенского собора г. Владимира. Анализ полученных данных и спектральное исследование производились под руководством профессора В. Н. Звягина до марта 2008 г. в Российском центре судебно-медицинской экспертизы Минздрава России г. Москвы. В целом научные исследования установили подлинность останков, подтвердили летописные данные о смерти князя, скорректировав некоторые из них.

Среди имен открытой надписи Спасо-Преображенского собора на втором месте фигурирует имя Амбалъ. Интересно, что оно также на втором месте представлено и в летописях, указывавших на трех конкретных участников заговора. Возможно, данный факт может свидетельствовать в пользу введения в летописи данных, извлеченных из официальных государственных и церковных актов. В различных списках летописей имя приводится в формах, которые можно разделить на два варианта: 1) Аньбалъ, Аньбалъ, Анбалъ, Анбанъ, Анбла и 2) Амбалъ, Амболъ, Амбонъ (ПСРЛ..., 1846, с.157; 1843, с.113–115; 1851, с.164, 165; 1856, с.89; 1862, с.249, 250; 1863, с.251, 252; 1889, с.46; 1908, с.240; 1910, с.49; 1949, с.83, 84; Софийский..., 1820, с.201, 202; Приселков М.Д., 1950, с.253). Таким образом, обнаруженное граффито позволяет уточниться с действительной формой имени участника тех далеких событий — Амбал. В летописях он представлен как Амбал Ясин («Ясин родом», «родом Ясин»), что указывает на его этническое происхождение, связанное с ясами русских источников, т. е. с историческими асами-аланами.

Появление на службе у русского князя алана, видимо, поднявшегося с низов до высокой должности ключника (казначей), в отечественных исследованиях давно оказалось сопряжено с версией об яском про-

исхождении супруги Андрея Боголюбского. В. Н. Татищев, рассказывая о женитьбе русского князя Ярополка Владимировича в 1116 г. на дочери ясского князя после удачного похода на половцев Северского Донца, пояснял, что и после многие князья русские были женаты на ясынях (там же, с.217, 459–460, прим. 364). Затем, повествуя об убийстве князя Андрея Боголюбского и последующей казни заговорщиков (Татищев В.Н., 1774, с.198–200, 216–217, 493, прим.512), автор пояснял, что участвовавшая в заговоре супруга была второй женой князя, ясыней (там же, с.495, прим.520). Вставка о второй, ясской жене Андрея Боголюбского в главе 46 «О родословии Государей Руских» под 1177 г. представлена в последующем издании (Татищев В.Н., 1962, с.375). Н.М. Карамзин, также повествуя о гибели Андрея Боголюбского и казни заговорщиков (Карамзин Н.М., 1818, с.26–28, 42, 13–16, прим.20–23), пояснял, что среди прибавлений от В.Н. Татищева значится утверждение об отъезде супруги Андрея Боголюбского во Владимир, а после с убийцами — в Москву, о том, что она, будто бы была ясыня родом (Там же, с.24, прим.33, 30, прим.44).

На основании данных В.Н. Татищева и в представленной в них связи приводил сведения об Амбале Ясине и второй жене Андрея Боголюбского, ясыне, П.Г. Бутков, связывая ясов с Северным Кавказом и осетинами (Бутков П., 1825, с.326–327, 332, сн.20). Наконец, уже со ссылкой на работу П.Г. Буткова С.М. Соловьев отмечал браки русских князей с северокавказскими ясами (Соловьев С.М., 1988, с.13–14, 304, сн.31). Следует упомянуть, что в летописях единственный случай приписывания жене Андрея Боголюбского прямого участия в убийстве и ее иноплеменного происхождения представлен в Тверской летописи, где она мстит за поход князя на болгар и определяется как «болгарка родом» (Полное собрание..., 1863, с.250).

В конечном итоге в части отечественных исследований версия о ясском происхождении второй супруги Андрея Боголюб-

ского (первая супруга — Улита Кучкова) прямо или косвенно стала воспроизводиться без особого обоснования (Козловский И.П., 1928, с.67, сн.3; Пчелина Е.Г., 1947, с.151–152, сн.4; 1963, с.160; Пашуто В.Т., 1965, с.105; Новосельцев А.П., 1968, с.216; Виноградов В.Б., Голованова С.А., 1982, с.182–183; Лимонов Ю.А., 1987, с.95, 98, сн.48–50; Кузнецов В.А. 1992, с.209; Яцкаер О.В., 1997, с.46; Гримберг Ф.И., 2000, с.119; Творогов О.В., 2001, с.32, 174, сн.21 и др.). Хотя вопрос с версией о ясском происхождении второй жены Андрея Боголюбского остается дискуссионным (Малахов С.Н., 1992, с.128–135; 2002, с.95; 2015, с.201; Карсанов А.Н., 1994, с.385–397), летописи не дают никаких сомнений по вопросу о ясском происхождении Амбала. В данном случае мы не касаемся вопроса о реальности конкретных действий Амбала Ясина, изложенных в летописях, о соотношении эпизодов и мотивов «Повести об убиении Андрея Боголюбского» с некоторыми другими повестями (Ковалев А., 2010; Сочнева Н.А., 2013, с.161–172). Для нас определяющим является подтверждение граффито реальности данного лица и его участия в тех событиях.

В некоторых летописях в обращении к Амбалу Ясину фигурирует определение «жидовин». Поэтому часть исследователей считала возможным интерпретировать данное сообщение как указание на иудейское вероисповедание Амбала. Другие авторы более прямолинейно называли Амбала Ясина евреем или горским евреем. Некоторые исследователи, помня, например, об особой похвальбе Андрею Боголюбскому за его привлечение ко двору различных болгар и евреев, которые затем принимали христианство, видели в Амбале крестившегося иудея (Берхин И., 1883, с.152–155; Кривошеев Ю.В., 2003, с.83; Воронин Н.Н., 2007, с.169, 301, сн.10; Кулик А., 2008, с.58–59; 2010, с.193, 195 и др.).

Подобные толкования могли бы апеллировать и к прежним сведениям о принятии иудаизма, бывшего государственной религией Хазарии, частью аланов или к све-

дениям о еврейской общине в Алании (Алемань А., 2003, с.431, 434). Некоторые исследователи полагают пребывание в Алании еврейских купцов и стеклодувов (Кузнецов В.А., 1992, с.136–137, 166; Ковалевская В.Б., 2003, с.61). Но определение «жидовин» в русской традиции могло, например, обозначать язычника (Васильев М.А., 1999, с.47–53; Петрухин В.Я., 2010, с.253), что более приемлемо в отношении и к самому аланскому имени. Кроме того, в летописях на месте обращения к Амбалу Ясину представлено также «еретик», «изверг». Следует, видимо, полагать, что за всеми этими обращениями стоит эмоциональная оценка поступка как преступного и богопротивного с позиций православного христианства.

П.Г. Бутков пояснял, что «имя Анбала и теперь употребляется у осетинцев» (Бутков П., 1825, с.332, сн.20). Впоследствии В.Ф. Миллер так же прокомментировал сведения Лаврентьевской летописи: «Под 1175 годом в Лаврентьевском списке в рассказе об убиении Андрея Боголюбского упоминается в числе убийц *Анбалъ ясинъ ключникъ*. Отметим, что имя *Анбалъ* чисто осетинское: *А́нбал* или *а́мбал* значит «товарищ, спутник» (Миллер В.Ф., 1992, с.566). Действительно, в диалектах осетинского языка представлено дигор. *æmbal/ænbal*, ирон. *æmbal* — «*товарищ*», «*спутник*», имеющее первоначальное значение «товарищ по походу». Оно состоит из *æt-bal*, где *æt* — префикс (древнеиран. *ham-*), *bal* — «группа или партия, находящаяся в военном походе» (Абаев В.И., 1958, с.135). В прошлом в специальном «охотничьем языке» осетин *ænbal/æmbal* называли «палку», «посох» (Таказов Ф.М., 2003, с.64), т. е. своеобразный попутчик и помощник охотника в его походе.

К тому же корню восходят дигор. *balci*, ирон. *balc* — «военный поход», «поход за добычей», дигор. *bælccon*, ирон. *balcon* — «путник», *balxon* — «военный вожак», «предводитель», т. е. «созывающий *bal*» (Абаев В.И., 1958, с.233, 234; 1995, с. 7). Вероятно, к нему же восходит определение *ballon*, прилагаемое только к волку из стаи, который считается наиболее опасным: *ballon biræğ (beræğ)*.

Образ такого волка служил сопоставительным воплощением для образа бросавшихся в битву осетин в фольклорных произведениях. Это же определение представлено в осетинском *allon-ballon*, служившим определением героев нартского эпоса и иных фольклорных произведений осетин. В его первой части, несомненно, сохраняется имя исторических аланов. Определение *allon-ballon* использовалось и в обыденной речи осетин. Лежащий в основе всех приведенных лексем корень восходит, по В.И. Абаеву, к **bārya— om bār* — «ездить верхом» и представлен в древних этнонимах и именах из Северного Причерноморья, хотя возможны и некоторые поправки (Расторгуева В.С., Эдельман Д.И., 2003, с.66–67, 102; Тохтасьев С.Р., 2005, с.88–89, сн.126; 2007, с.52, 93–94). Таким образом, само имя не позволяет видеть в его носителе еврея или иудея.

Сведения об Амбале Ясине впоследствии были привлечены В.Ф. Миллером в ходе дешифровки Зеленчукской эпитафии, которая является первым эпиграфическим образцом передачи аланских слов в греческой графике. Данная эпитафия была найдена недалеко от Нижнего Архыза, который некогда мог быть центром Аланской епархии (митрополии) (Туаллагов А.А., 2015). В надписи среди различных имен было представлено имя Анбал (АНПАЛ), параллель которому исследователь видел и в осетинском родовом имени *Æmbaltæ* (Миллер В.Ф. 1893, с.115).

Следует отметить, что Зеленчукская эпитафия датируется XI–XII вв., т. е. оказывается хронологически близкой ко времени Амбала Ясина. Таким образом, мы можем констатировать, что в тот период данное имя у аланов было представлено в двух формах — *Амбал* и *Анбал*, как и соответствующая лексема в современном осетинском языке. Возможно, в этом заключается и причина фиксации в русских летописях имени ключника князя также в двух формах: *Амбал* и *Анбал*. Остальные приводившиеся формы имени в списках летописей следует признать искаженными.

Впоследствии решение В.Ф. Миллера по имени из Зеленчукской эпитафии, как и приводимые к нему параллели, было признано и другими специалистами. Также была предложена поправка к форме имени Зеленчукской надписи — *Анбалан* (АНПАААН), которое является производным от *Анбал* (Абаев В.И., 1949, с.262; 1958, с.135; Zgusta L., 1987, р.25–26, 34–35; Алемань А., 2003, с.497). Вместе с тем были высказаны и некоторые замечания в отношении работы В.Ф. Миллера. И.Г. Добродомов писал: «Уже Вс.Ф. Миллер (вероятно, вслед за П.Г. Бутковым) сопоставил имя этого ключника-ясына Анбаль (точнее Анъбаль) в Лаврентьевской летописи с осетинским «әнбал или әмбал» — «товарищ, спутник», что и было воспринято последующими исследователями, хотя фактически первым на осетинские связи имени Анбал-Амбал в общей форме указывал еще в 1825 году П.Г. Бутков: «Имя Анбала и теперь употребляется у осетинцев» (Северный архив, 1825, № 4, с.332), однако на П.Г. Буткова В.Ф. Миллер не сослался, как и впоследствии мало кто ссылался на В.Ф. Миллера» (Добродомов И.Г., 1993, с.132–133).

Для нас в данном случае важно высказать два замечания. Во-первых, показательным является фиксация П.Г. Бутковым факта наличия именно личного имени *Ænbala* в осетинском ономастиконе, сближающего его с дигорской формой, что до сих пор не учитывается исследователями. Во-вторых, В.Ф. Миллер не задействовал в своем исследовании данное замечание П.Г. Буткова, как и последующие исследователи, указывавшие не на осетинское личное имя *Ænbala*, а на осетинское (иронское) родовое имя *Æmbaltæ*. Поэтому более объективным остается полагать, что В.Ф. Миллер, как и его последователи в вопросе изучения, например, Зеленчукской эпитафии, не был знаком с данным замечанием П.Г. Буткова, о чем свидетельствуют и разные основания для выводов исследователей (Туаллагов А.А., 2015, с.52).

В отношении имени Амбала Ясына было также предположено следующее:

«Анбал», может быть, не имя собственное, но сохраненное как прозвище осетинское слово «товарищ», т. е. «анбал-ясин» значит «приближенный ясин», этим указанием я обязан проф. В.И. Абаеву» (Воронин Н.Н., 2007, с.301, сн.10). Некоторую параллель такому подходу составляет предположение по поводу соответствующего имени в Зеленчукской эпитафии. Предполагалось, что оно могло быть титулом или, возможно, принадлежать к разряду обозначения должности конной военной аристократии, трансформировавшегося из первоначального значения как простого «члена конной военной группы» (Алемань А., 2002, р.80). Оба предположения представляются сомнительными в силу отсутствия фактического обоснования в их пользу.

В конечном итоге для нас остается важным отметить, что почти синхронное присутствие имени *Амбал-Анбал* в Зеленчукской эпитафии, русских летописях и граффито подтверждает его отнесение к ономастикону ираноязычных аланов, какими они были представлены на различных территориях Восточной Европы. Прямой выход на данные осетинского языка, как и прямое определение некоторыми исследователями Амбала Ясына «осетином» или выходцем с Северного Кавказа, отражает саму проблему определения места обитания аланов, из среды которых мог происходить Амбал Ясин.

В интересующий нас период различные аланские группировки населяли и различные территории. Можно согласиться с отрицательным отношением к «волошской» версии происхождения Амбала Ясына (Малахов С.Н., 1992, с.129). Заметим, что она у В.Н. Татищева сопряжена с данными о проживании ясов между Днестром и Дунаем, что является явным анахронизмом. Вместе с тем автор отмечает и проживание ясов на Дону и Северском Донце, где знает и город Ясы, в районе расселения половцев, полагая их приход с запада (Татищев В.Н., 1962, с.167–168, 272; 1963, с.77, 131, 241, 260). Положение о приходе ясов с запада ничем не обосновано, а приводимые сведения о приводе Ярополком

Владимировичем с Северского Донца себе в жены дочери ясского князя, казалось бы, должны были сделать более вероятной «донскую» версию, чего не происходит. Таким образом, «волошская» версия является лишь субъективным предпочтением.

Кроме Северного Кавказа аланы населяли, например, Крым. Крупная группировка аланов в VIII в. появляется на Дону, Тихой Сосне, Северском Донце и Осколе, составляя лесостепной вариант салтовомаяцкой культурно-исторической общности. Исследователи по-разному определяли причины (эпидемия, климатические изменения и т. д.) такого массового перемещения на север аланов Северного Кавказа (Плетнева С.А., 1967, с.91). Некоторые из этих или иных причин (Плетнева С.А., 2003, с.53), как представляется, могли дополнительно стимулировать самих аланов к миграции. Но сегодня наиболее вероятным среди исследователей считается решение, что данное переселение происходило в рамках политики Хазарского каганата, таким способом обеспечивавшего охранение своих северо-западных рубежей, а также контроль над торговыми путями. С другой стороны, каганат мог таким образом одновременно добиваться ослабления северокавказских аланов на их родине, в условиях установления собственного контроля на данных территориях и противостояния с арабами. Вместе с тем было сделано интересное наблюдение о поселении аланов на новых местах, очень напоминающих по ландшафту их северокавказскую родину (Плетнева С.А., 1986, с.42), что может быть сопоставлено и с иными наблюдениями (Туаллагов А.А., 2011, с.396–397).

Переселившиеся на север аланы, возможно частично, и представители иных пришедших с Северного Кавказа народов (Плетнева С.А., 1986, с.42; Аксенов В.С., 2012, с.208–219; Аксенов В.С., Хорунжая М.В., 2012, с.75) вступали здесь в различные тесные отношения, включавшие и брачные, не только с многочисленным тюркским населением, но, например, и со славянским и финно-угорским населением (Плетнева

С.А., 1986, с.43; 1999, с.46–49; 2003, с.57, 58; Аксенов В.С., 2006, с.19, 20, 23; 2007, с.63–65; 2007а, с.46, 47; Аксенов В.С., Лаптев А.А., 2009, с.242–258). Предполагается и переселение отдельно небольшой части аланских гончаров далее на запад (Володарец-Урбанович Я.В., 2012, с.134–135). Одним из северокавказских центров, откуда происходил уход на север аланов около середины VIII в., являлась Кисловодская котловина. В X в. часть потомков аланов вернулась на родину предков, на Северный Кавказ, в том числе на территорию Кисловодской котловины (Милорадович О.В., 1963, с.99, 100). Как полагают исследователи, вовлечение аланских племенных образований в жизнь Хазарского каганата катализировало социальные процессы в аланском обществе, которое на период своего возвращения находилось уже на иной ступени своего развития (Коробов Д.С., 2014, с.540). Собственно, упоминание в русских источниках ясов ограничено именно районами Северного Кавказа или Дона.

Исследователи обращали внимание на указание Ю. Клапрота по вопросу переселения алан-ясов на Дон с Кавказа со ссылкой на некие грузинские источники (Кузнецов В.А., 1969, с.297; 1992, с.161). Насколько можно полагать, речь шла о сообщении Я. Потоцкому, полученному от архимандрита Гайоза Такаова 25 ноября 1797 г. в Моздоке, о том, что грузинам давно известно, что осы, живущие на севере Кавказских гор, ушли на Дон, вытесненные хазарами. Данное сообщение было прокомментировано Ю. Клапротом при издании труда Я. Потоцкого (Potocki J., 1829, p.166-167; Соснина Е.Л., 1997, с.252; 2003, с.72; 2008, с.116). Сам Ю. Клапрот в своей работе указывал на собственно осетинские сведения о приходе народа с Дона (Klaproth J., 1812, s.67; Осетины глазами..., 1967, с.109).

М. Вагнер после своего путешествия по Северному Кавказу в 1843–1846 г. общался о сведениях осетин о переселении их предков в горы Кавказа из какой-то другой земли (Осетины глазами..., 1967, с.277). О переселении осетин с Дона на Кавказ сооб-

щал А. Гакстгаузен в 1857 г. со ссылкой на некие грузинские летописи. По осетинским представлениям, источником которых для А. Гакстгаузена были южные осетины, их предки пришли через горы с севера, вытесненные другими народами, ранее занимая страну, которую теперь занимают черкесы (Гакстгаузен А., 1857, с.93). Е. Зичи в 1897 г. указывал, что, согласно собственным преданиям осетин, они пришли с Дона (Осетины глазами..., 1967, с.287).

Вполне допустимо решение, что данные сообщения связаны с реальным переселением части аланов на север, где они оставили памятники лесостепного варианта салтово-маяцкой культурно-исторической общности, а впоследствии с возвращением части их потомков на родину предков, на Северный Кавказ (Кузнецов В. А., 1969, с.297; Гадло А. В., 1994, с.22; Соснина Е. Л., 2003, с.72, 125, 126; 2008, с.116, 117; Албегова З. Х., 2012, с.206–209). Возможно, с теми далекими событиями следует сопоставить еще одно краткое осетинское предание, на которое пока не обратили должного внимания исследователи: «Старики, бывало, говорили, что грузинские князья, мол, пришли в Зруг и прислали в Тиб человека, вы, говорит, должны подчиняться нам. Жители им сказали: «Мы вам не станем подчиняться, мы будем подчиняться русским, потому что наши предки пришли оттуда» (Беков Д. Г., 1977, с.30, 31).

С возвращением аланов, как представляется, могло быть связано и привнесение на различные территории Северного Кавказа некоторых элементов материальной культуры (Туаллагов А.А., 2006, с.177–179; Комар А.В., 2014, с.212–214; Чаплыгина С.Ф., 2015, с.150, 151). Но заметная часть аланского населения (асы) продолжала оставаться на севере. Как минимум часть этого населения уже исповедовала христианство. Именно из их среды могла происходить, например, Елена, дочь ясского князя, на которой, как упоминалось выше, женился русский князь Ярополк Владимирович после удачного похода на половцев Северского Донца в 1116 г. (Кулаковский Ю.А., 2000, с.190,

191). Видимо, нельзя исключать, что Амбал Ясин был выходцем из среды ясов-аланов, с которыми связаны памятники салтово-маяцкой культурно-исторической общности. Он мог оставаться как приверженцем традиционной религии своего народа, так и быть христианином, что соответствовало положению среди его соплеменников.

Еще одно направление возможного решения связывают с появлением аланского антропонима *Амбал-Анбал* в булгаро-татарской эпиграфике с XIV в. (1345 г.). В конце XVII в. антропоним *Амбал* фиксируется в финно-угорском ономастиконе (Юсупов Г.В., 1971, с.217; Булатов А. Б., 1971, с.80; Хакимзянов Ф. С., 1987, с.5–7, 33, 110, 133; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1987, с.83, 84; Малахов С.Н., 2002, с.91–96). Появление на востоке данного антропонима некоторые исследователи связывают с буртасами, чья аланская (ираноязычная) принадлежность, как представляется, остается в зоне дискуссии, или с передвижением на север части северокавказских аланов (Добродомов И.Г., 1990, с.70; 1993, с.130–136; Карсанов А.Н., 1994, с.385–397; Малахов С.Н., 2002, с.93; 2015, с.200, 201; Бубенок О.Б., 1992, с.54, 120–124; 1998, с.25–29; 2004, с.45–48, 115, 166; 2004а, с.5–11; 2007, с.58, 61–62). Полагалось, например, и перемещение на восток аланов как носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой культурно-исторической общности (Ищерики П.Ф., 1952, с.78–85). Следует учитывать и многосторонние и многоуровневые алано-тюркские контакты на различных территориях, включая Северный Кавказ, откуда могли идти и интересующие нас импульсы на Среднюю Волгу (Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998, с.31, 32, 80–81, 170–171; Комар А.В., 2001, с.17–22). Вспомним, что на Волжскую Булгарию совершали походы различные русские князья, в том числе и Андрей Боголюбский. Что касается попыток связать имя Амбал-Анбал с булгаро-татарскими эпитафий с идеей тюркоязычия ясов (Тагин И.А., 2009, с.10, 11), как и другие фантазии по поводу Анбала Ясина (Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1994, с.43–46), то они научно необоснованны и

бесперспективны. Не стоит уж говорить об иных опусах (Бариев Р.Х., 2007, с.53, 54) из области «фолк хистори».

Подводя итог приведенным наблюдениям, необходимо отметить следующее. Мы можем полагать, что упоминаемый в недавно открытом граффито и в русских летописях Амбал Ясин мог исповедовать как традиционную религию своего народа, так и быть христианином. Его имя принадлежит к традиционному ономастикону ираноязычных аланов. Вместе с тем нам известны многие примеры в истории различных народов, когда принявшие крещение люди оставались известными под своими

прежними именами, а не полученными при крещении. Согласно пресс-релизу Института археологии РАН, в том же граффито среди имен участников заговора фигурирует и имя Стырята, которое может быть прозвищем, образованным от слова «стырь» (кормило, рулевое весло). Но само граффито более склоняет в пользу христианского вероисповедания Амбала. Он мог происходить как из среды северокавказских аланов, прежде всего обитавших в Северо-Западном Предкавказье, так и из среды аланов, давно переселившихся на Дон с Северного Кавказа, и вновь прежде всего из его северо-западной части.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РИА НОВОСТИ: [сайт] URL: ria.ru/science/20151229/1351022597.html

2. Пресс-релиз Института археологии РАН: [сайт] URL: <http://us10.campaign-archive1.com/?u=69c6481f5f46971ce0e875a31&id=681b5441e2&e=31dafd4565>

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. I. — М.—Л.

Абаев В.И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. — М.—Л.

Абаев В.И., 1995. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. — М.

Аксенов В.С., 2006. К вопросу о славяно-салтовских контактах в бассейне Северского Донца // Историко-культурні надбання Сіверщини у контексті історії України (Матеріали п'ятої науково-практичної конференції). — Глухів.

Аксенов В.С., 2007. К вопросу о контактах полукочевого и оседлого населения VIII — начала X вв. в бассейне Северского Донца (по материалам женских украшений из захоронений салтовского времени) // XI сходознавчі читання ім. Крымського. Тези доповідей міжнародної конференції, м. Київ, 7–8 червня 2007 р. — Київ.

Аксенов В.С., 2007а. К вопросу о характере контактов алано-болгар Подонцовья с населением Волго-Окского междуречья и Прикамья хазарского време-

ни // Сіверщина в контексті історії України (Матеріали шостої науково-практичної конференції). — Суми.

Аксенов В.С., 2012. Наборы металлических украшений с ранних памятников салтово-маяцкой культуры Харьковщины (этнический аспект) // Восточноевропейские древности. — Воронеж.

Аксенов В.С., Лантев А. А., 2009. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Старожитності. Вип. 8. — Харків.

Аксенов В.С., Хорунжая М. В., 2012. Наборы личных украшений населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (этнический аспект) // Проблеми історії та археології України: Матеріали VIII Міжнародної наукової конференції (Харків, 9-10 листопада 2012 р.). — Харків.

Албегова З.Х., 2012. Забытое сказание о нартах (к вопросу о миграциях алан в эпоху Хазарского каганата) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. — Владикавказ.

- Алемань А., 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. — М.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). — Самара.
- Бариев Р.Х., 2007. Древние и средневековые государства булгаров // Сокровища булгарского народа. Вып. 1. — СПб.
- Бекоев Д.Г., 1977. Особенности двальских сокающего и шокающего говоров Северной Осетии // Осетинская филология. Вып. I. — Орджоникидзе.
- Берхин И., 1883. Андрей Боголюбский и евреи // Восход. Июль-Август. — СПб.
- Бубенок О.Б., 1992. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI—начало XIII вв.). — Киев.
- Бубенок О.Б., 1998. Східні джерела про країну асів на Волзі // Східний світ. № 1. Київ.
- Бубенок О.Б., 2004. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XIV вв.). — Киев.
- Бубенок О.Б., 2004а. Дані письмових джерел про поширення іудаїзму серед аланів у хозарський і післяхозарський періоди // Східний світ. № 2. — Київ.
- Бубенок О.Б., 2007. Алани й іслам // Східний світ. № 2. — Київ.
- Булатов А.Б., 1971. Личные имена у древних булгар (VI—XVI вв.) // Ономастика Поволжья. Вып. 2. — Горький.
- Бутков П., 1825. О браках князей Русских с Грузинками и Ясынями в XII веке // Северный Архив. Ч. XIII. № IV. — СПб.
- Васильев М. А., 1999. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. — М.
- Виноградов В.Б., Голованова С. А., 1982. Страница русско-кавказских отношений XII века // ВИ. № 7. — М.
- Володарець-Урбанович Я.В., 2012. Витоки та подальша доля канцерської традиції // Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2012. — Київ — Полтава.
- Воронин Н.Н., 2007. Андрей Боголюбский. — М.
- Гагин И.А., 2009. Русь, Булгария и половецкая степь (о значении брачных союзов при заключении политических договоров в эпоху раннего средневековья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 6. — Самара.
- Гадло А.В., 1994. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. — СПб.
- Гакстгаузен А., 1857. Закавказский край. Ч. II. — СПб.
- Гримберг Ф.И., 2000. Две династии: Вольные исторические беседы. — М.
- Добродомов И.Г., 1990. Буртасский язык — исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье // URALO-INDOGERMANICA. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990. Ч. II. — М.
- Добродомов И.Г., 1993. Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. — М.
- Ищеригов П.Ф., 1952. Аланский могильник близ г. Стерлитамака // КСИИМК. Вып. XLVII. — М.
- Карамзин Н.М., 1818. История государства Российского. Т. III. СПб.
- Карсанов А.Н., 1994. Ясыня из Волжской Булгарии // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. II. — М.
- Ковалев А., 2010. Убийство Андрея Боголюбского и его освещение в памятниках летописания // Электронный журнал Scriptorium: гісторія старажытнага свету: сярэдніх вякоў. № 2 (6). Мінск [сайт] URL: [http:// elibr.bsu.by/handle/123456789/91494](http://elibr.bsu.by/handle/123456789/91494).
- Ковалевская В.Б., 2003. Историко-археологические свидетельства разработки серебросвинцовых руд горной Осетии в раннем средневековье // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. — Ставрополь.

- Козловский И.П., 1928.* Тмутаракань и Таматарха — Матарха — Тамань // Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии. Т. II (59-й). — Симферополь.
- Комар А.В., 2001.* К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. — Донецк.
- Комар А.В., 2014.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // II Международный Мадьярский симпозиум. — Челябинск.
- Коробов Д.С., 2014.* Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины).: Дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.06. Т. 1. — М.
- Кривошеев Ю.В., 2003.* Гибель Андрея Боголюбского. Историческое расследование. — СПб.
- Кузнецов В.А., 1969.* Рец. На кн.: С.А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура. МИА СССР, № 142, М., 1967, 196 стр. текста, 50 рисунков+6 таблиц // СА. № 2. — М.
- Кузнецов В.А., 1992.* Очерки истории алан. — Владикавказ.
- Кулаковский Ю.А., 2000.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. — СПб.
- Кулик А., 2008.* Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // Ruthenica. Т. VII. — Київ.
- Кулик А., 2010.* Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. — М.; Иерусалим.
- Лимонов Ю.А., 1987.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. — Л.
- Малахов С.Н., 1992.* Ясская «генеалогия» сына Андрея Боголюбского и проблема русско-аланских связей в XII в. // Аланы и Кавказ. — Владикавказ.
- Малахов С.Н., 2002.* Аланский антропоним в «Житии Трифона Вятского» // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 5. — Ставрополь.
- Малахов С.Н., 2015.* Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. — М.
- Миллер В.Ф. 1893.* Древне-осетинский памятник из Кубанской области // МАК. Вып. III. — М.
- Миллер В.Ф., 1992.* Осетинские этюды. — Владикавказ.
- Милорадович О.В., 1963.* Раскопки средневекового городища Верхний Джулат (1961 г.) // КСИА. Вып. 96. — М.
- Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1987.* Эпиграфические памятники города Булгара. — Казань.
- Новосельцев А.П., 1968.* Русь и государства Кавказа // Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. — М.
- Нурутдинов Ф.Г.-Х., 1994.* Часть I. История Булгар (С древнейших времен до начала XIII в.) // Бахши Иман. Джагфар тарихы. Т. 2. — Оренбург.
- Осетины глазами ..., 1967* — Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). — Орджоникидзе, 1967.
- Пашуто В.Т., 1965.* Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. — М.
- Петрухин В.Я., 2010.* «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимодействий: Историко-археологические очерки. — М.
- Плетнева С.А., 1967.* От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура // МИА. № 142. — М.
- Плетнева С.А., 1986.* Хазары. — М.
- Плетнева С.А., 1999.* Очерки хазарской археологии. — М. — Иерусалим.
- Плетнева С.А., 2003.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). — Воронеж.
- ПСРЛ — Полное Собрание русских летописей, 1843.* Т. II. СПб; 1846. Т. I. СПб; 1851. Т. V. СПб; 1856. Т. VII. СПб; 1862. Т. IX. СПб; 1863. Т. XV. СПб; 1889. Т. XVI. СПб; 1908. Т. XXI. Ч. I. СПб; 1910. Т. XXIII. СПб; 1949. Т. XXV. М.; Л.
- Приселков М.Д. 1950.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. — М. — Л.

- Пчелина Е.Г., 1947. Урсдонское ущелье в Северной Осетии (По поводу находки сасанидского кубка) // Труды Отдела Истории культуры и искусства Востока. Т. 4. — Л.
- Пчелина Е.Г., 1963. О местонахождении яского города Деякова по русским летописям и исторической литературе // МИА. № 114. — М.
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И., 2003. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. — М.
- Соловьев С.М., 1988. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. II. Т. 3–4. — М.
- Соснина Е.Л., 1997. Гениальный фантом // Дарьял. № 1. Владикавказ.
- Соснина Е.Л., 2003. Ян Потоцкий и его «Путешествия в Астраханские и Кавказские степи». — Пятигорск.
- Соснина Е.Л., 2008. Историографический аспект археологического сюжета об аланах Северного Кавказа в сочинении Я. Потоцкого // РА. № 1. — М.
- Софийский Временник, 1820. Ч. I. — М.
- Сочнева Н.А., 2013. Повесть об убийстве Игоря Ольговича и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей: к вопросу о композиционном сходстве и стилистическом своеобразии текстов // В мире научных открытий. № 1.2 (37). — Красноярск.
- Таказов Ф.М., 2003. Дигорско-русский словарь. — Владикавказ.
- Татищев В.Н., 1773. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 2. — М.
- Татищев В.Н., 1774. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. — М.
- Татищев В.Н., 1962. История Российская. Т. I. — М. — Л.
- Татищев В.Н., 1963. История Российская. Т. II. — М. — Л.
- Творогов О.В., 2001. Древняя Русь. События и люди. — СПб.
- Тохтасьев С.Р., 2005. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași.
- Тохтасьев С.Р., 2007. Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии // EYXAPICTHPION: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). — СПб.
- Туаллагов А.А., 2006. К вопросу об аланогорских связях // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. — Нальчик.
- Туаллагов А.А., 2011. Ранние кочевники и оседлое население Северного Кавказа // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. — СПб. — М. — Великий Новгород.
- Туаллагов А.А., 2015. Зеленчукская надпись. — Владикавказ.
- Хакимзянов Ф.С., 1987. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. — М.
- Чаплыгина С.Ф., 2015. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья в зоне влияния транскавказских торговых магистралей в V — нач. XIII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. 24.00.01. — М.
- Юсупов Г.В., 1971. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Археология и этнография Татарии. Вып. I. — Казань.
- Яцкаер О.В., 1997. К вопросу о женах князя Андрея Боголюбского // Россия, Восток и Запад: традиции, взаимодействие, новации. Тезисы международной научно-практической конференции. — Владимир.
- Aleman A., 2002. The «Alanic» Title *Baγātar // NARTAMONGÆ. Vol. I. № 1. — Paris — Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw.
- Klaproth J., 1812. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. I. — Halle und Berlin.
- Potocki J., 1829. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. T. I. — Paris.
- Zgusta L., 1987. The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. — Wien.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ФРАНЦУЗСКИХ ИНЖЕНЕРОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТУРЕЦКОЙ КРЕПОСТИ АНАПА

В многочисленных описаниях русских походов на Анапу часто встречается упоминание об участии в строительстве этой турецкой крепости французских инженеров. Все авторы ссылаются на ранее опубликованную информацию, которая в итоге сводится к двум источникам середины XIX в.

1. В Военном энциклопедическом лексиконе, издававшемся Обществом военных и литераторов, сообщается: «АНАПА, крепость в Азии, на восточном берегу Черного моря, при впадении в него реки Бугур (*Бугур*. — А.Д.) и в тридцати верстах от устья реки Кубани, построена в 1781 году, по повелению султана Абдул-Гамида, французскими инженерами» (Военный..., 1852, с.380).

2. В.А. Новицкий в статье «Анапа и закубанские поселения» пишет: «Сначала крепость Анапа окружена была только земляным валом, но в 1781 году по велению султана Гаида воздвигнута французскими инженерами каменная крепость» (Новицкий В.А., 1852, с.16).

Однако оба эти утверждения противоречат материалам, собранным Н.Ф. Дубровиным в книге «Присоединение Крыма к России». Так, в опубликованном Н.Ф. Дубровиным донесении П. Веселицкого от 8 апреля 1782 г. за № 172 сообщается: «При Анапе изготовляются все нужные материалы для построения новой крепости» (Дубровин В.Ф., 1889, с.431). Таким образом, работы по строительству начинаются только в апреле 1782 г. То, что строительство крепости начато в 1782 г., подтверждается еще в нескольких документах, опубликованных Н.Ф. Дубровиным, и нигде не упоминается о присутствии в Анапе французских специалистов.

Также вызывает сомнение утверждение В.А. Новицкого о построении в Анапе «каменной крепости». Согласно имеющимся в нашем распоряжении «Планам взятия

Анапы русскими войсками в 1791 году» крепостные валы были полностью земляными, а крепостной ров был не «в камне», а «высечен в каменистом грунте» только в районе между Средними воротами и Высоким берегом (Бутков П.Г., 1869, план № 4). Откуда же появилось предположение о каменных крепостных стенах, которых нет на планах 1791 года? Скорее всего, это было следствием обычного преувеличения имеющихся фактов и переноса состояния крепости 1828 г. на более ранний период 1780-х гг.

Так газета «Северная пчела» в номере № 85 от 17 июля 1828 г. опубликовала статью А.В. Висковатова «Взятие Анапы в 1791 году», в которой имеется такое описание крепости: «Анапа, построенная на равнине, между горами и Чёрным морем, подвержена и морской, и сухопутной атаке. С сухого пути защищали её от Корпуса генерала Гудовича семь бастионов, соединенных куртинами, и впереди оных ров, проведенный от одного берега до другого» (Висковатов А.В., 1828, с.3). Здесь имеет место «перенос» автором статьи А.В. Висковатовым информации о «семи бастионах» из 1828 года в 1791-й. В 1791 году бастионов у крепости было всего четыре (Бутков П.Г., 1869, план № 4).

Позже этот фрагмент почти точь-в-точь в статье «Генерал-фельдмаршал граф Иван Васильевич Гудович» повторил С. Новосёлов, который к описанию крепостного рва добавил: «По большей части одетый камнем, а в иных местах даже высеченный в каменистом грунте» (Новоселов С., 1858, с.20), который взят из рапорта И.В. Гудовича: «Крепость Анапа, которая весьма сильно укреплена была, а особливо в последний год, имея глубокий и широкой ров от моря до моря по большей части одетой камнем, а в иных местах высеченной в камне том грунте» (Собра-

ние..., 1791, с.111). Таким образом, налицо искажение фактов и приписывание лишних характеристик.

Определенные сомнения в участии французских специалистов в строительстве крепости Анапа выражал Е.Д. Фелицын. В своей работе «Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг.» он сначала повторяет В.А. Новицкого: «С тех пор как в устьях реки Бугур вместо существовавшего там земляного редута построена была, по повелению турецкого султана Гаида, французскими инженерами первоклассная крепость Анапа...» (Фелицын Е.Д., 1896, с.113). Но чуть ниже по тексту он уже выражает сомнения насчёт французского присутствия: «Если Анапа действительно построена французскими инженерами и на европейский образец...» (Фелицын Е.Д., 1896, с.452). Следует согласиться с его сомнениями: в Европе такие земляные крепости не строили уже почти 200 лет.

Анапский краевед Ю.Б. Борисов утверждает, что анапскую крепость проектировал Лафитт-Клаве, «известнейший французский инженер-фортификатор крепостей» (Борисов Ю., 2013), и ссылается на письмо Великого визиря Али-Паши, написанное в апреле 1784 г. послу Франции в Константинополе Сан-Прие, с просьбой оказать содействие в топографических изысканиях важных стратегических территорий европейского и азиатского побережий Черного моря. Далее автор приводит цитату из работы Лафитта-Клаве «Дневник французского офицера в Стамбуле в 1784–1788 годах»: «Анапа располагается на берегу моря, на обширной равнине, которая ограничена отрогами Кавказа. Здесь сохранились руины большого города, существовавшего когда-то в этой местности. На сегодняшний день мы наблюдаем только плохонькую батарею из четырех пушек малого калибра и небольшое поселение, состоявшее из 30–40 домов или бараков, среди которых возвышается караван-сарай, он же постоялый двор с трактиром. Довольно хорошо построен-

ные, снабженные зубцами наверху стены, которые служили убежищем для торговцев и хранилищем для их товаров. Соседство с Крымом и торговля абазов, которые чувствовали себя здесь вполне естественно, делали эту гавань привлекательной для множества судов. Анапский залив неглубокий и тянется от точки, где расположена батарея, до южного мыса устья Кубани» (Борисов Ю., 2013).

Однако цитируемый Ю.Б. Борисовым фрагмент свидетельствует в пользу того, что причастность к строительству Лафитта-Клаве следует отвергнуть: он был в Анапе не ранее 1784 г., т. е. через два года после начала строительства крепости.

В настоящее время автору стали доступны новые, ранее не привлекавшиеся исследователями источники по данной теме, относящиеся к последнему десятилетию XVIII в. Нарушая хронологическую последовательность, рассмотрим сначала «План новостроящейся турецкой крепости Анапы 1798 г.».

Согласно турецким источникам, после разрушения крепости отрядом генерала И.В. Гудовича восстановление крепости Анапа началось в 1793 г. силами рабочих, прибывших из Стамбула и других населённых пунктов Анатолии и продолжалось до 1798 г. под контролем столичного начальника инженера Ибрагима Ками Эфенди и Тосун Мехмед Ага, а обязанности паши в крепости исполнял в это время Осман-паша. Для нужд жителей и гарнизона крепости Анапа в итоге были построены около 250 лавок и домов. Для усиления обороны в крепость Анапа были направлены 1000 стрелков из Кастамону и Джаник и установлены 38 железных дальнобойных пушки балемез¹ и пять бронзовых пушек шахи², привезённых из Варны (Bilge S.M., 2011).

По завершении строительства неизвестным автором, вероятно со слов побывавшего в крепости лазутчика, был составлен хранящийся в РГВИА «План новостроящейся крепости Анапы в 1798 году» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21628), на котором были даны турецкие названия

в русском написании всем имеющимся бастионам (рис.1):

Бастион № 1. «Паша табиеси» — Пашинский бастион;

Бастион № 2. «Френк табиеси» — Французский бастион.

Бастион № 3. «Алипаша табиеси» (Ali Pasa — возможно, имя и титул первого турецкого коменданта Анапы Фераха Алипаша) — Бастион Али-паша.

Бастион № 4. «Ортахапу табиеси» (Orta — середина, средний, kapı — дверь, ворота) — Бастион у средних ворот.

Бастион № 5. «Джепане табиеси» (Serhane — джепхане — арсенал) — арсенальный бастион.

Бастион № 6. «Девриштепе табиеси» (Dervis — дервиш, суфийский монах, тере — холм, курган) — Бастион у холма дервишей.

Бастион № 7. «Девриштепе табиеси» — Бастион у холма дервишей³.

Бастион № 8. «Шарампул табиеси» (Sarampol — частокол, палисад) — Бастион из частокола.

Бастион № 9. «Искеле табиеси» (Iskele — причал) — Бастион у причала.

Бастион № 10. «Алтын табиеси» (Altın — золотой) — Золотой бастион.

Бастион № 11. «Бугур табиеси» (Бугур — это нынешняя речка Анапка) — Бугурский бастион.

Бастион № 12. «Бугур хапу табиеси» — Бастион у бугурских ворот⁴.

Через всю крепость с севера на юг изображен овраг. Судя по всему, тот, кто выполнял этот чертёж, делал это по памяти или со слов очевидца — только так можно объяснить расширение оврага вверх по уклону и схематичное исполнение плана в целом. Овраг в крепости действительно был: он отчётливо виден на нескольких более поздних чертежах крепости Анапа.

Впервые на плане Анапы детально указано расположение строений внутри крепостной стены:

№ 13. Пашинский дом;

№ 14. Две мечети (на рисунке 1790 года их было четыре).

№ 15. Казармы янычар на три роты;

№ 16. Секретные пороховые погреба;

№ 18. Секретная калитка для вылазок в канал (ров). Эта калитка предназначалась для скрытого вывода отряда из крепости в крепостной ров, чтобы затем быстро перейти в атаку. Для таких действий строители на контрэскарпе не предусмотрели скрытый путь, который облегчал обороняющимся одновременный выход в атаку по фронту крепости;

№ 20. Кладбище;

№ 21. Два маяка;

№ 22. Темница для осуждённых на казнь;

№ 23. Лавки.

За Морскими воротами снаружи крепости располагались здание таможни (№ 24) и небольшая пристань (№ 25).

Итак, на плане Анапы 1798 г. есть упоминание о французах: это бастион «Френк табиеси». Его название косвенно подтверждает причастность французского специалиста к восстановлению крепости. «Французский бастион» расположился на почётном месте между двух пашинских бастионов.

Следующий документ, в котором имеются сведения о самом раннем периоде начала работ по восстановлению крепости Анапы, — это хранящийся в ГАКК рапорт старшины армии прапорщика Лозинского от 30 июня 1793 г. (ГАКК. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 261 об.), который был послан курьером в Анапу к *«почтенному трёхбунчужному Паше Мустафе»* с двумя пакетами. В одном пакете была просьба о расследовании факта захвата черкесами и продажи хорунжего Безкровного и казака Малого.

Офицер в рапорте сообщает, что после переправы через Бугаз на первом же турецком пикете *«постречал меня с разъездом бен баши хади сын аги. Распрося по какой надобности я иду, а узнав мое надобности к паши с нужными письмами, дал через турка знать сказанному отцу своему бывшему тогда при пикете, сам же провождал меня до пикета куда я прибыв-*

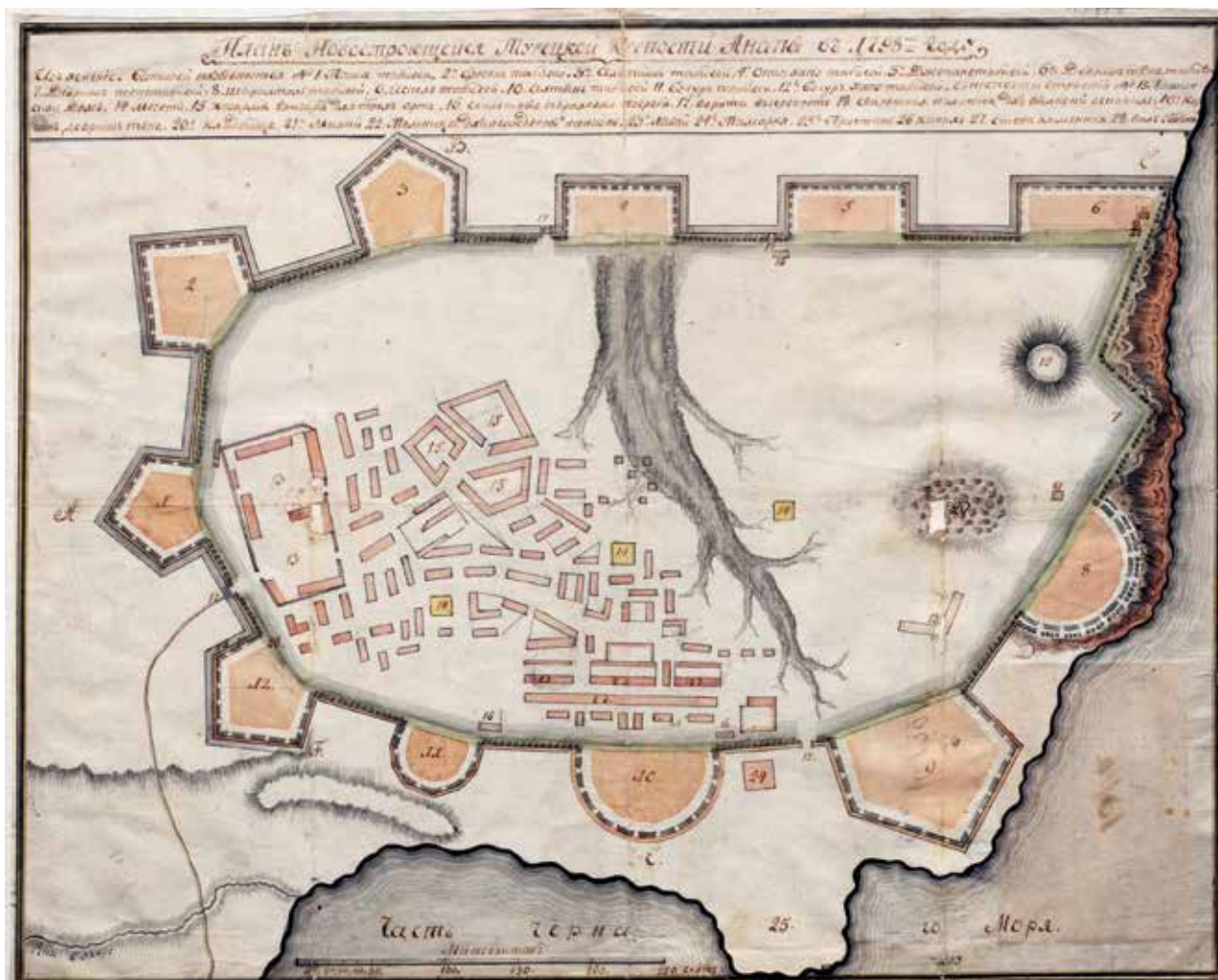

Рис. 1. «План новостроящейся крепости Анапы в 1798 году»

ши принять реченным бен Пашою с ласковостию, и продержан у его покою получил от Паши резолюцию о доставлении меня к нему. Куда за препровождением и доставлением подал лично господину Мустафе Паше те два конверта принять с ласковостию угощиван по их обряду закусками и кофиею. А между тем расспрашивал Мустафа Паша о здравствии Губернаторском и наших Главных начальников, на что я ответствовал «Слава богу здравствуют и кланяются Вашему Превосходительству». За сие он благодарил немало, а по протчении (прочтении. — А.Д.) тех сношений говорил «Я усердно рад сделать удовольствие вашему байфахтару Безкровному и казаку Петру Малому за ухвачение их пограбление Черкесами требуемую суммою, только пусть пришлют их самых ко мне. А я по их показание с тех мест где они были взыщу столько денег сколько требуется».

Пока Паша составлял свой ответ, прапорщик Лозинский спросил разрешения осмотреть поселение: «С просьбы же моей позволил посмотреть городского положения. Чего я всем расстарался, целый день рассматривая внутри и в округе. Положения крепости ещё не было, а слышал от присланного для крепости с Цариграда француза Ивана Ивановича в турецком одеянии обретавшегося, что нынешнюю крепостную работу по новому плану переделаю и для такой работы будет нынешних людей мало, а о прибавки трёх тысяч кроме абазинцев писано султану в Царьград. Ныне же в работе состоит всего 1200. А с военными всего будет не более как 2000».

Из документа следует, что из Константинополя в Анапу «для крепости» был прислан французский инженер Иван Иванович. Предположительно прапорщик Лозинский так, на русский лад, передал фран-

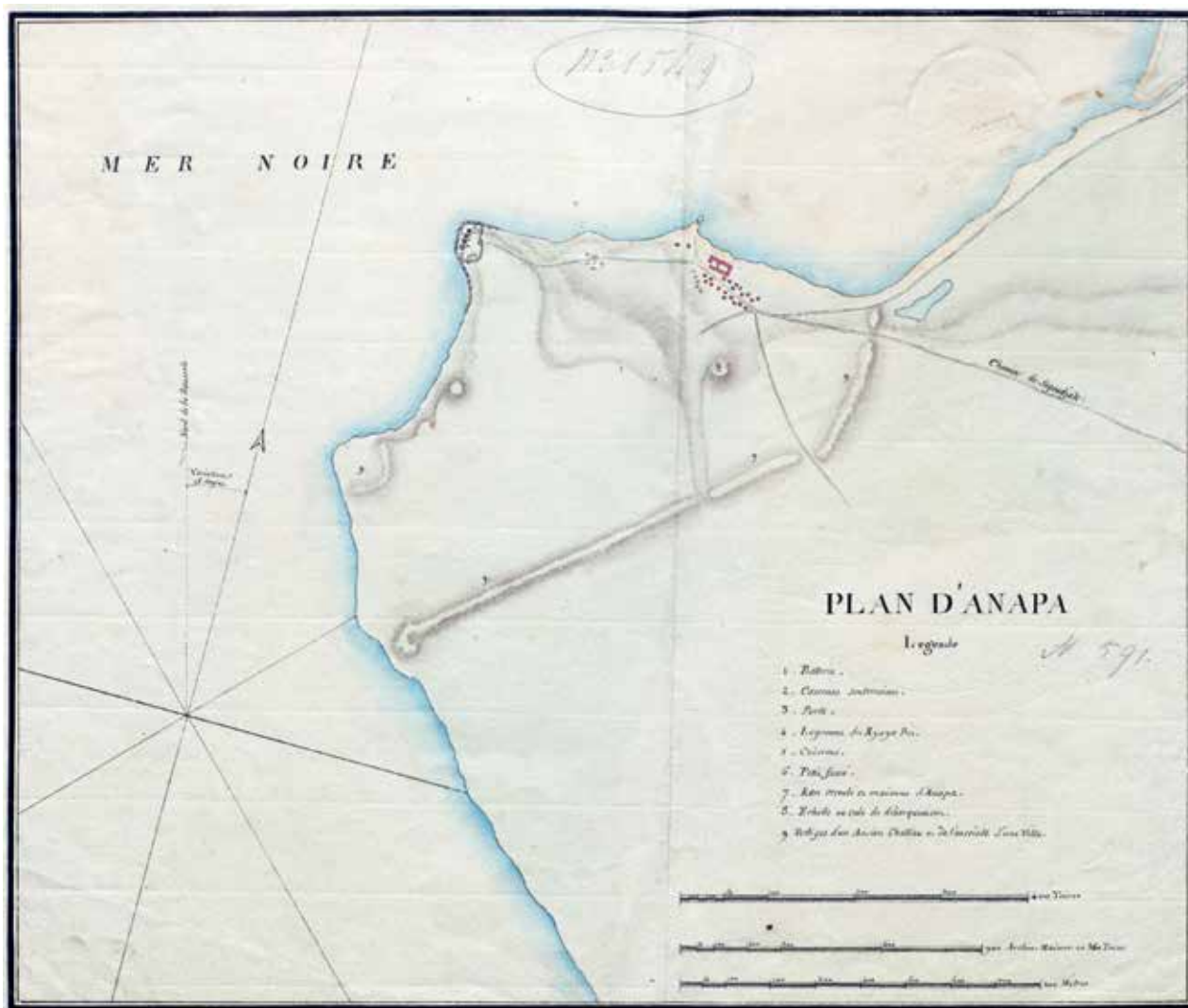

Рис. 2. «Plan D'Anapa»

цузское имя Jean-Jacques (Жан-Жак). Так не в честь участия в строительстве французского Ивана Ивановича один из бастионов крепости был назван «Френк табие-си»?

Третий документ, хранящийся в РГВИА, — план (рис. 2), озаглавленный как «Plan D'Анапа» (РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д. 21630).

На нём не обозначена дата составления, но наиболее вероятно, что план был исполнен в период с конца 1791 г. (после оставления крепости русскими войсками) до начала строительства крепости в 1793 г. Такое определение времени составления основывается на том, что периметр крепости Анапа обозначен на нем как «остатки основания старой крепости».

Все надписи на карте сделаны на французском языке:

1. Batterie — батареи (артиллерийские батареи);
2. Casernes souterraines — подземные казармы (землянки);
3. Porte — ворота;
4. Logement du Куауа Веи — жилище Куая-Бея;
5. Cuisines — кухни;
6. Petit fosse — небольшой ров;
7. Kan crénelé et maisons d'Anapa — караван-сарай и анапские дома;
8. Echelle ou cale de débarquement — мелководный причал для высадки десанта;
9. Vestiges d'un Ancien Chateau et de l'enceinte d'une Vitte — остатки основания старой крепости и пояса укрепления Витте;
10. Chemin de Sogoudjak — дорога на Согуджак⁶.

«Plan D'Анапа» не оставляет никаких сомнений в том, что французские инже-

неры действительно принимали участие в строительстве крепости Анапа, только не во время её первоначального создания в 1782–1785 гг., а в период её восстановления в 1793–1798 гг. И это участие происходило с самого начального этапа, с планирования строительства новой крепости.

На основе составленного французским инженером плана осуществлялось восстановление крепости Анапа в том виде, в котором ее зафиксировал в качестве «новостроящейся» составитель русского плана 1798 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бал-емез — искаженное итальянское *ballo mezzo* — дальнобойная пушка, использовавшаяся на суше и на море, стрелявшая ядрами весом до 50 кг.

2. Шахи, шахаи или шахане — разновидность пушек зарбазен, крупные зарбазены назывались шахи.

3. Под номером 19 на плане изображён холм, у которого имеется название «курган Девриштепе» (искаженное «Дервиштепе»). Очень вероятно, что два бастиона взяли своё название от этого рядом расположенного кургана.

4. В определении значения названий бастионов большое содействие оказала Генеральный консул Республики Турция в г. Новороссийске госпожа Бесте Пехливан Сун.

5. Вероятно, какой-то титул, применявшийся турками по отношению к казачьим офицерам.

6. Турецкая крепость на месте современного Новороссийска.

ЛИТЕРАТУРА

Борисов Ю., 2013. Анапскую крепость проектировал создатель Измаила // Замки и крепости средневековья: <http://www.allcastles.ru/club/news/6384>

Бутков П.Г., 1869. Взятие Анапы русскими 22 июня 1791 г. // Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. — СПб.

Висковатов А.В., 1828. Взятие Анапы в 1791 году // Северная пчела. 1828. № 85 от 17 июля.

Военный..., 1852. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. 2-е изд. Т. I. — СПб.

Дубровин Н.Ф., 1889. Присоединение Крыма к России. Т. IV. — СПб.

Новицкий В.А., 1852. Анапа и закубанские поселения // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. II. — Тифлис.

Новоселов С., 1858. Генерал-фельдмаршал граф Иван Васильевич Гудович // Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». Т. 2. Вып. 19. — СПб.

Собрание..., 1791. Собрание разных полученных от главнокомандующих армиями и флотами ко Двору донесений. Т. I. — СПб.

Фелицын Е.Д., 1896. Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. // Кавказский сборник. Т. 17. — Тифлис.

Bilge S.M., 2011. Yüzyıllarda Kuzey Kafkasya'da Osmanlı Kaleleri // 21. Yüzyılda Çerkesler: Sorunlar ve Olanaklar. Sempozyumu. Ankara. 2011 // https://www.academia.edu/878606/XVI.VIII._Yüzyıllarda_Kuzey_Kafkasya_da_Osmanlı_Kaleleri

Д.С. ДУДАРЕВ, С.Л. ДУДАРЕВ

«НИКТО НЕ ОСВОБОДИЛСЯ ИЗ ПЛЕНА БЕЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ЗАТРУДНЕНИЙ И НЕПРИЯТНОСТЕЙ...»

**(о пребывании у горцев семей княгинь
А.И. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани)**

Тема «кавказских пленников» становится все более популярной среди историков-кавказоведов. Она берет свое начало в творчестве классиков отечественной литературы, имея не только социально-политическое, но и литературно-философское значение (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой) (Каганович С.Л., 2009). Еще в дореволюционный период эта тема получила отражение в целом ряде мемуаров тех представителей российского общества, которые побывали в горском плену в первой половине — середине XIX в. (Кавказ..., 2013). Однако отечественные историки второй половины XIX — начала XX в. не проявили специального интереса к этому ценному виду источников. В советскую же эпоху привлечение воспоминаний пленников, с ярким описанием негативных черт социально-исторической действительности горцев, могло повредить имиджу горских народов, как угнетенных «трудящихся Востока», борцов против царского самодержавия. Поэтому и в советский период отечественной истории тема не получила отражения в историографии. В середине 1980-х гг. некоторые молодые исследователи, занимавшиеся под руководством профессора В.Б. Виноградова, изучали тему российских пленных у горцев, что получило отражение в отдельных тезисных публикациях того времени (Махмудова К.З., Умарова Л.Х., Бусева Т.П., 1985, с.62-64). К числу редких работ конца советского периода можно отнести статью В.Б. Виноградова, в которой он указал на неосвоенность такого рода источников, как мемуары и дневники людей, побывавших в плену у горцев (Виноградов В.Б., 2008, с.180). Только в период перестройки, в самом конце 1980-х гг., были совершены первые по-

пытки историков и краеведов обратиться к теме «кавказских пленников» (Головлев А.А., 1990, с.38–42; Дударев С.Л., 1990, с.42–45). В 1990-х — начале 2010-х гг. интерес к этой теме постоянно нарастал. Все большее внимание к данной теме проявляют современные отечественные историки-кавказоведы (В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Н.Н. Великая, Е.С. Тютюнина, Ю.Ю. Клычников, А.А. Цыбулькикова, А.И. Кругов, М.В. Нечитайлов, и др.) (основную библиографию см.: Дударев С.Л., Дударев Д.С., Ктиторова О.В., Цыбулькикова А.А., 2014, с.175–196; Кругов А.И., Нечитайлов М.В., 2016, с.70–85). К судьбам отдельных групп российских пленников обращались и биографы имама Шамиля в тех случаях, когда эти судьбы переплетались с важными поворотами биографии членов семьи имама (прежде всего его старшего сына Джемал-э-Дина) (Павленко П.А., 1990, с.162–163; Дегоев В.В., 2001, с.216–217; Казиев Ш., 2003, с.232–261). Интересовались данной темой и некоторые российские филологи, например, М.А. Тахо-Годи, которая, как исследователь истории французской литературы, коснулась в одной из своих статей пребывания на Кавказе К. де Местра и Ф. Фрейганг, также оставивших свои впечатления о горцах (Тахо-Годи М.А., 2011). В 2016 г. Д.С. Дударевым была защищена кандидатская диссертация, в одной из глав которой рассматривается положение пленных россиян (Дударев Д.С., 2016). В 2017 г. авторы данной статьи опубликовали монографию, где в 3-й главе произведен анализ статуса российских пленных в горской неволе и их взглядов на мир горцев.

Таким образом, накоплен уже немалый пласт источников и литературы, касающихся нахождения россиян в горском плену, ко-

торые требуют своего дальнейшего осмысления. Важность обращения к мемуарам «кавказских пленников» как своеобразных, хотя и во всех смыслах невольных посланцев своего мира в Иномир горцев заключается в том, что у пленных россиян мы надеемся выявить интересные аспекты их воззрений на окружающую обстановку, поскольку они представляют собой типичный пример явления, называемого в западной литературе «minorities-at-risk», т. е. меньшинства под угрозой. Находясь в необычной для себя ситуации, представители другого мира, а именно российской цивилизации, способны были увидеть, как предполагается, те стороны бытия горцев и их ментальности, которые, возможно, были не столь очевидны для их соотечественников, наблюдавших тех же мирных горцев в их аулах либо в крепостях и городах, во время приезда их сюда на ярмарки и т.п., т. е. в обстановке, когда горцы сами были «гостями». Н.Н. Великая и Е.М. Белецкая отмечают: «Ситуация плена помогает увидеть быт горцев, особенности их жизни глазами русского человека — «врага», «чужого», который, общаясь с горцами, начинает уважать их обычаи, нормы кавказской этики, перестает быть для них «гяуром» (Великая Н.Н., Белецкая Е.М., 2014, с.102). Так, через трудное, порой драматическое узнавание двумя сторонами друг друга закладывались основы будущих межэтнических, социально-политических, конфессиональных и иных отношений, из которых вырос современный мир российского Северного Кавказа. Предметом внимания авторов в данной работе станет исследование взглядов пленников на тот мир, в котором они оказались, представляющее собой попытку нового анализа, казалось бы, уже давно известного материала. Важным, емким и информативным источником, дающим важные свидетельства о горцах, их менталитете, культуре и т.п., отражающим воззрения на них представителей российского общества первой половины — середины XIX в., являются воспоминания пленных княгинь А.И. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани, записанные

и переложенные в литературной форме писателем и журналистом середины XIX в. Е. Вердеревским (Вердеревский Е., 2013, с.155–348). Именно они и будут рассмотрены ниже в качестве репрезентативного примера пребывания российских пленных в горской среде.

Данный источник ценен не только подробным описанием захвата в плен, драматических перипетий по дороге в Дарго-Ведено, или просто Ведено — резиденцию имама Шамиля¹, и самом пребывании там именитых пленниц, их детей, прислуги и др.². В данном случае важен как статус пленниц, так и те отличия, которые были в их содержании в плену от женщин простого звания, но и, еще больше, взгляд княгинь и их окружения, хотя и переданный посторонним человеком, на увиденное и услышанное в самом центре имамата, при «дворе» Шамиля, при общении с ним самим, с его родственникам и приближенными, как бы изнутри той обстановки, которая существовала в доме «владыки гор». Пребывание пленниц рядом с Шамилем, несмотря на весь драматизм, а временами и трагизм их ситуации, дало уникальную возможность увидеть имама и его окружение в повседневной обстановке, причем глазами весьма образованных людей, к тому же женщин, с их пристальным вниманием ко всему, что касается деталей быта и человеческих характеров. Другой важный аспект источника заключается в том, что впечатления княгинь даны через посредничество Е. Вердеревского, облакавшего их в литературную форму и в конечном счете расставлявшего те или иные акценты.

Пребывание в плену четко разделяется для княгинь и их окружения на два этапа: сам момент пленения и дорога в Ведено; пребывание в резиденции Шамиля в Ведено. Наиболее напряженным и драматичным был первый этап, хотя, на наш взгляд, он был логичным началом второго. Обратим внимание на его характерные особенности.

Описание начала событий на первом этапе наиболее тесно сопряжено с употреблением отрицательных характеристик

горцев Е. Вердеревским (опиравшимся на впечатления пленниц), что вполне естественно, ибо захват семейства Чавчавадзе-Орбелиани был связан с прямым насилием над ними, вызвавшим соответствующие эмоции и оценки. При описании приближения партии горцев, а затем и вторжения в усадьбу автор постоянно употребляет определения «лезгины», «горцы», «похитители», но чаще всего «хищники» и однажды «дикари». Г-жа Дрансе, француженка, гувернантка детей кн. Чавчавадзе, называет горцев «чудовищами» (там же, с.173–179). Чуть позже и сам автор употребляет по отношению к похитителям этот же эпитет (там же, с.189). Насколько самые отрицательные эпитеты соответствуют происходящему в этот момент и позднее, на пути следования в Дагестан и Чечню? В момент занятия горцами усадьбы кн. Чавчавадзе она была подвергнута безудержному грабежу, когда вся мало-мальски ценная утварь и т.п. была захвачена нападавшими, которые тогда же делили награбленное, на ходу производя его «экспертизу» на предмет определения ценности. Произведения ювелирного искусства, имевшиеся в доме знатных особ³, среди которых были и весьма ценные образцы (например, бриллиантовый букет старинной работы, подарок императрицы Екатерины Великой бабушке кн. Д. Чавчавадзе), рубились на куски⁴ либо их ковыряли кинжалами, желая установить, скрыто ли золото под эмалью, и т.п.; из бриллиантовых украшений выламывались лучшие камни; и т.д. (там же, с.289).

За правом обладать знатными пленницами (например, княгиней А.И. Чавчавадзе) шло отчаянное соперничество, перераставшее в рукопашную. С самих пленниц снимались украшения: серьги, кольца и т.п., причем неоднократно. В то же время не все они подверглись ограблению, некоторые, например, кн. В.И. Орбелиани и, особенно, княжна Баратова, сохраняли свои драгоценности достаточно долго, поскольку взявшие их в плен горцы проявили к ним почтение, проникнувшись их положением и внешностью (там же, с.111, 191,

204). Кн. Орбелиани впоследствии сама отблагодарила своего похитителя, подарив ему золотые часы с цепью за его бескорыстное и почтительное обращение с ней (там же, с.191). Украшения кн. Баратовой, не изъятые у нее в момент пленения, вызвали у других пленниц величайшее изумление⁵. Е. Вердеревский своеобразно реагирует на противоречивые черты в обращении горцев с пленницами: «Нельзя было не удивляться смеси какой-то услужливости с самой грубой жестокостью в этих дикарях» (Там же, с.189). Впрочем, в экстремальной ситуации эксклюзивная учтивость изменяла нападавшим. Требовалось действовать быстро, поскольку на перехват двигались российские отряды. В связи с этим как именитых (А.И. Чавчавадзе), так и простых пленниц (мадам Дрансе), находившихся в состоянии сильнейшего психологического шока и к тому же совершенно не привыкших двигаться так динамично, как и вообще к значительным физическим нагрузкам, в силу их сословного происхождения или профессиональных занятий побуждали к более поспешному движению с помощью нагаек (там же, с.182). Автор замечает: «Зрелище было наставительное... Оно как бы остерегало от бесполезного ропота» (там же, с.190). Совершенно обессилив от стремительного темпа отступления, А.И. Чавчавадзе выронила своего младенца Лидию прямо под копыта чеченских коней... Поскольку «ханша» (как определили статус А.И. Чавчавадзе горцы) не могла двигаться сама, ее пытались понукать с помощью кинжала, приставляемого к горлу, но затем все же понесли на плече на гору (там же, с.193). В суматохе и желании уйти от погони не церемонились и с захваченными маленькими детьми: их везли на ослах или лошадях спрятанными в мешках, болтавшихся по бокам животных (там же, с.206). Такой способ обращения с детьми был для них едва ли не благом. Когда караван следовал по горному Дагестану, доставлявших неудобства, обессиленных и плачущих детей горцы могли бросить на дороге (там же, с.202) либо разбить головой о камни и швырнуть

в пропасть (там же, с.207). Эмоциональная оценка Вердеревским этих действий как «невообразимого варварства» (там же, с.206) трудно оспариваема.

Но все могло завершиться для пленниц еще ужаснее. Российские войска начали настигать похитителей у горы Концхи, и тогда горцы, как это было принято у них в подобных случаях (Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А., 2011, с.122) начали *рубить пленниц*⁶. Увидев это, капитан Хитров⁶, командовавший подразделением, прекратил огонь и само преследование (Вердеревский Е., 2013, с.187).

Как бы то ни было, но вид горцев далеко не всегда внушал пленницам отвращение. Г-жа Дрансе, которую вез на лошади нукер, предложивший ей покрепче держаться за его пояс, при всем охватившем ее ужасе не преминула чисто по-женски отметить, что «чеченцы вообще сильные, ловкие и статные...». Стоит заметить, что автор не объединяет всех похитителей в одну серую массу, наделенную исключительно одними отрицательными чертами (что было невольно подсказано ему впечатлениями пострадавших пленниц, впервые воочию увидевших горцев в реальности). В его работе неоднократно происходит сравнение между собой чеченцев и лезгин (т.е. жителей Дагестана, участников набега), причем первые относятся к своеобразной «аристократии» сил имама Шамиля по различным критериям: рост, статность, красота, богатство одежды и вооружения и т.п. (там же, с.195, 199, 291). Замена чеченской стражи на лезгинскую была воспринята пленницами с неудовлетворением, поскольку восприятие ими первой было уже более благоприятным в сравнении со второй (там же, с.199). Все чаще кн. А.И. Чавчавадзе замечала, что лезгины и чеченцы очень усердны в молитве, казалось, забывая в этот момент обо всем... (там же, с.203).

Впрочем, сами похитители в момент ухода от погони, прямо скажем, не выглядели озабоченными «имиджевыми» сообщениями. Они были, по свидетельству

кн. А. И. Чавчавадзе, одеты в женские платки или платья, на других сверх папах были одеты детские шляпки. Горцы двигались с вилками и ложками за поясом из столового серебра усадьбы (там же, с.185). Это невольно напоминает сцены из французского отступления 1812 г.

Как ни катастрофично было первоначальное положение пленниц, особенно изнеженных аристократок, они, как уже было только что замечено, не упустили из своей памяти деталей, которые, по сути, относятся уже к экстремальному и, разумеется, невольному «культурному приключению» в *Иномир*. Помимо впечатлений о действиях захвативших их в плен горцах и их внешности они отмечали знание горцами — лезгинами и чеченцами — знание, хотя в основном и далекое от совершенства, русского или грузинского языка (там же, с.177, 203, прим.1; с.205). Княгини с интересом рассматривают сцены повседневной жизни дагестанского аула, особенно относящиеся к жизни женщин (с.224), костюмы жен андийских набов (там же, с.226). Служанки же княгинь наивно заметили о горцах, что если бы они «были бы не черти, то не могли бы жить на таких скалах, не свернув себе шеи» (там же, с.225).

С определенного момента — вступления в пределы Дагестана — отношение к пленницам понемногу смягчалось. Проводники-горцы, например, пересадили А.И. Чавчавадзе на очень удобную для передвижения лошадь (там же, с. 201). Вместе с княгинями, их детьми и прислугой теперь шли пленные грузинские милиционеры, которые оказывали им неоценимую поддержку, заметно облегчая их существование своей постоянной физической помощью, в том числе, защищая от грубости конвоиров (там же, с.201–203). Пленниц сопровождал и отряд музыкантов Шамиля, состоявших из русских дезертиров⁷ (там же, с. 198). Тем самым княгини начали приобретать едва ли не статус «гостей» имама.

С ними началась определенная «психолого-пропагандистская работа», которая, однако, завершилась показательным

конфузом. Княгиню А.И. Чавчавадзе посетил Кази-Магома, средний сын Шамиля, с наибами, которые стали объяснять, что цель проведенной военной акции была в привлечении к покорности имаму кахетинских князей и народа, предъявив в ответ на проявленное княгиней недоверие некие бумаги, исписанные по-грузински. Но пикантность ситуации заключалась в том, что это были листы, вырванные из грузинских счетных книг сельских управителей **имениями**. Княгиня тут же разоблачила эту бесхитростную подделку⁸. Наибы попали в неловкое положение, думая, что княгиня не умеет читать по-грузински (факт из ряда тех, которые указывают на уровень тогдашних представлений горцев о России и Грузии как ее части и с которыми мы еще столкнемся ниже). После этого эпизода произошел еще один, который весьма показателен для выстраивания отношений между пленницами и горцами. А.И. Чавчавадзе, вызванная на встречу с имамом, категорически отказалась прийти к высокому лицу в своей оборванной и истрепанной в путевых перипетиях одежде, и нужный костюм был ей найден. Решимость и смелость в подобных ответах и поступках пленниц, оказавшиеся полной неожиданностью для горцев, были вполне оценены ими. Несмотря на всю свою незащищенность, пленницы, особенно А.И. Чавчавадзе, проявили твердость и тем стали вызывать к себе уважение. Это был один из множества важных уроков во взаимоотношениях россиян и горцев: если хочешь, чтобы суровые сыны гор тебя уважали, прояви характер.

Впрочем, порой жестокие картинки снова и снова вставали перед глазами аристократок. Княгиню Чавчавадзе ужаснули лезгинские трофеи, вывезенные из Грузии: привязанные к высоким палкам отрезанные человеческие руки (там же, с.206). Интересно, что бы она сказала, если бы увидела, как люди ее мужа при уничтожении одной из партий горцев, пришедших в Цинандали, по древнему грузинскому обычаю стали приносить и бросать к но-

гам своего помещика и начальника *головы* убитых противников? Примечательно, что Вердеревский при этом пишет, как князь онемел от ужаса, когда увидел в сумках врагов вещи из различных комнат его цинандальского дома, но, подчеркнем, никак не от вида отрубленных голов, что было делом для него обычным (там же, с.169). Таким образом, далекие от «куртуазности» нравы встречались не только на северном, но и на южном склоне Главного Кавказа.

Показательно, что и сам *Иномир* горцев был по-своему также весьма пристален к пленницам. Дидойские женщины жадно рассматривали грузинский костюм кн. Баратовой. Такое же бесцеремонное любопытство⁹ грузинские княгини встретили в другом селении со стороны толпы, выразившееся в ощупывании одежды, поворачивании лица и т.п. (там же, с.213). А игра одного из пленных милиционеров на чунгури¹⁰ собрала огромную толпу андийских женщин, молча окруживших саклю, где находился пленный, и слушавших его незатейливую игру (там же, с.226–227). Но россияне возбуждали не только страстное любопытство, свойственное впечатлительным горцам. Иная культурная среда порой активно отторгала «новичков». В том же Дидо пленных забросали палками и камнями и не пускали на ночлег (Вердеревский Е., 2013, с. 209). Пленным христианам никто из местных жителей не захотел давать своей посуды (там же, с.224). Нельзя не вспомнить и нападение на кн. И.Чавчавадзе старухи, у которой погиб сын при набеге на Кахетию (там же, с.219). Дагестанские горцы собирались напасть на конвой, желая отбить пленников. Жители одного из аулов все же похитили маленьких княжон, которых удалось вернуть (там же, с.221). Реакция пленников на эти случаи передана Вердеревским словами «хищные нравы страны», «неприятное и бесчеловечное население» (там же, с.221).

Тем не менее среди этих безрадостных для пленных россиянок случаев и сцен положительные эмоции вызывает появление

фигуры т.н. благотельного муллы, который и по дороге в Ведено, и в самом этом ауле оказывал княгиням содействие (он был обменен в свое время на кн. И. Орбелиани, мужа В.И. Орбелиани, находившегося в плену у горцев в начале 1840-х гг.) (там же, с.122–124). Фигура этого муллы, которого звали Абдурахман (Казиев Ш., 2003, с. 239), в чем-то знаковая для пленниц, поскольку этот человек не только оказывал им небольшие знаки внимания, но и способствовал «адаптации» их к местным нравам. Так, он принес княгиням по темному покрывалу, объясняя, «что женщинам высокого происхождения нехорошо путешествовать по этой стороне с незакрытыми лицами» (Вердеревский Е., 2013, с. 227). Это соответствовало нормам Корана¹¹. В то же время благотель забрал у пленниц чем-то приглянувшуюся ему служанку Нину, с которой они распрощались навсегда.

Так постепенно княгинь вводили в то маргинальное и напряженное состояние, в котором им надлежало находиться до освобождения, когда они испытывали то отчаяние и страх, то надежду, то незначительное милостивое внимание со стороны хозяев, которые создавали видимость пребывания княгинь в «почетном плену», а то и едва ли не в «гостях». Самая главная часть этого сценария стала приводиться в действие с момента прибытия пленниц в аул Ведено, когда первый этап их «экстремального погружения» в мир горцев завершился. Он был экстравертным, поскольку плененных женщин нужно было доставить на место их постоянного содержания, следуя по территории имамата, населенного различными народами, и в силу этого их впечатления хотя и были окрашены нередко, в мрачные тона, но отличались достаточным разнообразием. С момента же приезда княгинь в резиденцию имама Шамиля их контакты с внешним миром резко ограничиваются и приобретают камерный, интровертный характер, замыкаясь в основном на членах семьи имама, главным образом его женах и некоторых доверенных приближенных «владыки гор».

То, что пленниц поместили в доме самого имама Шамиля, представлявшем собой двухэтажный флигель¹², с одной стороны, должно было обеспечить гарантию как того, что пленницы не смогут совершить побег, так и того, что их никто не сможет отсюда выкрасть (вплоть до самих подданных имама, которые, как мы помним, уже пытались это сделать по пути). Но одновременно размещение княгинь Чавчавадзе и Орбелиани под одной крышей с имамом Чечни и Дагестана придавало им статус «гостей» с известным оттенком почетности. Их не заковывали в цепи, как мужчин.

При первом свидании с пленницами, явившемся своего рода разминкой в начале общения с княгинями, имам объяснил истинные мотивы похищения: выручить сына, находящегося у русских. Знаковым является тот факт, что Шамиль сразу расставил все акценты относительно положения женщин и детей, которое можно охарактеризовать условным термином «пленник-гость». Он пообещал обхождение с ними, как с членами своего семейства, но пригрозил княгиням смертью за попытки неофициальных, идущих в обход имама, контактов со своими, прямо указав грузинским дамам на их настоящий статус: «Не забывайте, что вы невольницы Шамиля» (Вердеревский Е., 2013, с. 234). Переписку надлежало вести только по-русски, на грузинском языке здесь никто не читал. Интерес, проявленный Шамилем к здоровью сына кн. А.И. Чавчавадзе, Александра, был преподнесен как желание обменять сына на сына. Но княгини, подозревавшие имама в «эгоистических расчетах», полагали иначе. Затем хозяин сделал располагающий жест, угостив детей фруктами и конфетами (там же, с.239). По мнению В.В. Дегоева, дело тут было «не только в отцовском прагматизме, но и в уважении к священным обычаям предков» (Дегоев В.В., 2011, с.281). Но как же дальше соблюдались эти обычаи хозяевами?

Княгини первоначально находились исключительно взаперти в большой тесноте со своими служанками. Условия

жизни знатных пленниц, конечно, радикально отличались от условий обитания мужчин-пленников (российских офицеров и солдат), томившихся в сырых ямах, которые грозили обрушением, иногда в действительности имевшим место (Загорский И., 2011, с.3–24; отрывок из рассказа, 2013, с.361–367)¹³. Но и нахождение 22 человек в душной и крайне тесной комнатухе площадью две квадратные сажени, т.е. 9,1 кв. м. (где женщины спали, скорее всего, вповалку на земле, на подстилке в виде тонких тюфяков) (Свидание с Шамилем, 2013, с.359) создавало свои серьезные проблемы. Пленницам запрещалось выходить даже на галерею (Вердеревский Е., 2013, с.240). Позднее одна из жен имама, Шуанет, исхлопотала им разрешение появляться там, но не попадаясь при этом на глаза хозяину дома (там же, с.243). Княгини прогуливались по вечерам, когда Шамиль уже удалялся в свою комнату. «Расселение» комнаты и перемещение служанок княгинь на проживание в ауле произошло тогда, когда шум и суэта вокруг нее (удержать два с лишним десятка женщин и детей на 9 квадратных метрах оказалось невозможно никакими запретительными мерами) стали досажать сановному хозяину и его домочадцам. Комната отапливалась плохим камином, который либо слабо обогревал помещение, либо, разгоревшись как следует, создавал невыносимую жару, а плохое качество его сооружения однажды привело к возгоранию комнаты. Когда наступили холода, помещение, в котором отсутствовали стекла¹⁴, а окна заклеивались бумагой, стало еще менее «комфортным» для проживания. Это привело к болезням и женщин, и, особенно, детей. Впоследствии Шамиль, поддержав их так определенное время, велел вставить стекла в окна вместо бумаги. По распоряжению имама переделали камин (он сам приходил проинспектировать качество работы; пленниц в это время выводили, чтобы христианки не лицеизрили священной особы; но в этом можно видеть влияние ревливой Зайдет, опасавшейся

возникновения симпатий у супруга к кому-либо из пленниц). Шамиль отчитал Зайдет за то, как она скудно кормит пленниц, прислав им с Шуанет кое-какие продукты: каждодневный рацион пленниц был небогат и оставил благоприятное впечатление только в самом начале, когда пленницы прибыли в дом имама. В первый раз им подали чай, мед, сыр, пшеничный хлеб и даже прекрасные конфеты, какие можно было на Кавказе отыскать только в Тифлисе, во французском магазине Толлэ (!) (там же, с.232). В остальное время меню становилось более питательным и разнообразным лишь во дни празднеств (Курбан-Байрам и др.). Вердеревский расценивал указанный поступок Шамиля как некоторую заботливость имама о пленницах (там же, с.268). Полагаем, что это были элементы дипломатии, на которую имам был горазд, ведя к тому же игру со своими женами, одну из которых он пожурил таким манером через другую. Впрочем, скарденность Зайдет¹⁵ не заслоняет того факта, что горцы вообще очень сдержанны в пище не только в походе, но и дома, их гастрономические предпочтения в целом просты и скромны, и вряд ли приходилось ожидать изобилия повседневной пищи даже в доме самого имама.

Но главный сюжет веденской части пленения разворачивался, конечно же, не вокруг бытовых условий, которые были, конечно, немаловажной составной частью атмосферы, созданной вокруг пленниц. «Гвоздем программы» было *неотступное и все возрастающее требование выкупа*. Оно прошло ряд ступеней, и на каждой из них хозяева вводили все новые аргументы, на которые требовался рациональный ответ, учитывавший уровень восприятия этого вопроса горцами.

Имам Шамиль и его приближенные, а также жены, среди которых главным заинтересованным лицом была Зайдет, не действовали сразу «в лоб». Одной из основных и наиболее важных форм повседневного общения и времяпровождения были «светские» разговоры княгинь с женами Шами-

ля, главным образом на семейные темы, времени для которых было предостаточно. Беседы поначалу шли на родном для пленниц грузинском языке с помощью двух переводчиц — пленных грузинки и тушинки. Во время этого «неформального общения» пленницы постепенно узнавали характер и наклонности жен имама, что позволяло наладить с ними, особенно Шуанет и Аминет (Аминат), человеческие взаимоотношения, а также, по возможности, узнать о намерениях их супруга. Со стороны жен Шамиля это также не были одни лишь домашние посиделки. Участие в таких беседах Зайдет имело меркантильный характер и было отчетливо нацелено на выяснение размеров состояния княгинь. Стремясь к доверительности, хитрая Зайдет пыталась воспользоваться ею в практических целях, настойчиво «зондируя почву». Характерен ее вопрос, заданный как бы невзначай: «Но, может быть, у вас где-нибудь зарыты деньги?»¹⁶. Нельзя сказать, чтобы Шуанет не хотела помочь супругу в деле о выкупе. Но она, дочь армянского купца-миллионщика, была, тем не менее, человеком, далеким от хозяйственных вопросов, и обсуждала с княгинями главным образом семейно-бытовые темы и стремилась к большей конфиденциальности. Характерно, что Шуанет решила разговаривать с пленницами порусски, чтобы не было лишних ушей, хотя говорила на нем с трудом. Среди женщин, живших в доме имама, не было других, владевших русским.

За кулисами темы выкупа незримо стоял важный, но в то же время до известной степени виртуальный народный совет, который и выдвигал-де финансовые требования за пленниц. Дело было представлено так, что Шамиль не мог повлиять на него никаким давлением, а только склонить к решению дипломатическим путем (там же, с.234). Именно опираясь на мнение народа, имам Шамиль был намерен требовать за пленниц 5 млн. руб. серебром¹⁷. Таким образом, ставка в этой игре изначально была обозначена максимально высокой. Казначей, Зайдет и другие приближенные

имама настойчиво убеждали пленниц, что за них могут заплатить много (там же, с.247–248). Горцы были совершенно уверены в том, что платить будет царская семья, которая имеет большие средства. Для темы нашего исследования немаловажно, на каком основании они пришли к такому заключению. В ставку Шамиля неизвестно какими путями регулярно завозились номера газет «Русский инвалид» и «Кавказ» (там же, с.248), что указывает на знакомство имама по меньшей мере с частью российской прессы¹⁸ и на то значение, которое он этому придавал. Приближенные Шамиля прочитали в «Русском Инвалиде» от начала августа 1854 г., о многомиллионной сумме, уплаченной кому-то королевой Викторией (логика была такова: если английская королева имеет миллионы, то почему их не иметь русской царице?) (там же, с.248). Это один из наиболее примечательных для нас фактов. Он является отражением не только связей имама с Россией и ростом представлений его верхушки о ней, которые, очевидно, были шире, чем у рядовых горцев, хотя всех масштабов Российского государства тот же Шамиль, как стало ясно в процессе его поездки после пленения в Санкт-Петербург, все же не представлял¹⁹. Примечательно использование полученных сведений в практических целях и в соответствии со своей логикой и уровнем мировосприятия. Эти последние забавляли и заставляли досадовать княгинь, поскольку горцам было невдомек, что русская царица (к тому же не имеющая такой власти, как английская королева) не обязана платить выкуп, да еще такой большой, за своих подданных. Впрочем, почему царица, а не царь? Ведь горцы, разумеется, знали, что главной фигурой в России является именно он. Ответ на этот вопрос мы постараемся дать ниже.

Но в момент предъявления княгиням указанного «аргумента» из прессы следом появился еще один сюрприз, значительно более неприятный для княгинь. Нам сегодня крайне интересно констатировать тот, казалось бы, неожиданный факт,

что грабеж, охвативший цинандальскую усадьбу Чавчавадзе в момент захвата ее горцами, отнюдь не был бездумной вакханалией «дикарей». Джигиты, которые как будто были заняты овладением пленными, дорогими предметами быта и украшениями, оказывается, были и весьма пристальны к найденным там ценным бумагам. Они обнаружили среди них векселя на имя мужа В.И. Орбелиани. Практичная Зайдет предложила потребовать для горцев деньги по этим векселям (!) (там же, с.248). В.И. Орбелиани ей было сказано в ответ, что эти векселя могут быть обналичены только по достижении ее сыном Георгием совершеннолетия. Этот ответ дал Зайдет повод тонко поиздеваться над княгиней, заметившей, что мальчик может дожить до совершеннолетия и в горах. Эта тактика мелкого, чисто женского, третирования пленниц выражалась и в других поступках Зайдет. Они имели своей целью спровоцировать их на высказывания, в которых мог быть задет и Шамиль. Иногда это удавалось, и тогда Зайдет принималась в истерическом тоне давить на пленниц, лишая возможности протестовать, ссылаясь на святость имама и их статус рабынь и невольниц (там же, с.249). Шуанет же, в глубине души, вероятно, сочувствовавшая пленницам (она сама попала в дом имама подобным же образом), деликатно призвала их к почтению к Шамилю и осторожности, ибо опрометчивые высказывания могли быть неверно истолкованы, что могло повредить княгиням.

Зато финансовый ум Зайдет все время искал новые возможности извлечь выгоду из пленниц, и находил ее. Дело в том, что князь Давид Чавчавадзе, собрав все мыслимые средства, совершил предложение о выкупе пленниц за пленниц в 40 тыс. рублей (там же, с.254). Но тут случилось так, что одна из служанок княгини, собираясь родить, попросила отпустить ее на волю, оставляя в заложниках 6-летнего сына. Предприимчивая Зайдет не преминула предложить отпустить женщину за выкуп в 1000 руб. серебром — сумму, для

нее неподъемную. Недалекая служанка надеялась, что ее выкупят родственницы пленниц — Н.А. Грибоедова (Чавчавадзе), вдова великого русского поэта, или Е.А. Диани²⁰, проговорившись при этом, что последняя — владетельница Мингрелии. Разговор, разумеется, подслушали соглядатаи, донесли имаму, и непомерное, нелепое, но упорное требование о пяти миллионах возникло опять (там же, с.258).

Затем в истории о выкупе, которая развивалась, как и все на Востоке, неспешно, наступает пауза. Во время взятого горской стороной продолжительного «тайм-аута» произошло то, о чем уже говорилось: служанок переместили в аул, условия жизни пленниц начали постепенно улучшаться. И, едва имам отбыл в поход, настойчивая Зайдет снова подняла тему выкупа (там же, с.260–261). Она интересовалась, выкупит ли пленниц правительство. Кн. А.И. Чавчавадзе отвечала, что это невозможно, так как каждый сам должен заботиться о своем семействе. При этом она стремилась изобразить дело так, что они с мужем только слыли за богатых, но денег у них никогда много не бывало. Пользуясь некомпетентностью своих горских собеседниц в земельных вопросах (неведение о том, что земля — товар, — указание на слабое, зачаточное положение товарных отношений в имамате), она уводила их в сторону от мысли, что земля, которой владели князь Чавчавадзе, сама могла быть обращенной в деньги (там же, с.261).

Но вот последовало возвращение Шамиля из неудачного похода. И сразу последовал запрет пленницам на сношения с родными до получения Шамилем сведений о возвращении его сына. Одновременно начался новый тур переговоров о выкупе. Присланный к княгиням переводчик имам дезертир Индрис (Андрей)²¹ принялся уговаривать и одновременно угрожать им (чем он занимался и впоследствии, прямо или косвенно), если они станут вновь писать письма с просьбами о своем освобождении только родным. Пленницы упорно отказывались делать это и писали

исключительно родственникам. Но имам Шамиль через Индриса настойчиво побуждал их писать императрице, к которой, как мы помним, их просили обратиться еще ранее. Княгини отказывались, говоря, что не имеют права этого делать. И вот здесь, наконец, проявилась важная и весьма показательная, опять-таки для нашего исследования, причина. Индрис выложил довольно серьезный «козырь», который, полагаем, приберегался до поры до времени, для того чтобы еще чем-либо прижать к стенке несговорчивых россиян²². Дезертир-переводчик заявил, что в усадьбе в Цинандали были взяты *шифры* — золотые с бриллиантами знаки отличия, которые носили фрейлины императрицы²³, а значит, княгини говорят неправду (там же, с.264). Это еще один факт осведомленности (причем поразительной!) горцев о внутрироссийской жизни, касающийся весьма редкой и тонкой детали; откуда пришла им эта информация — от Индриса или кого-то еще, сказать невозможно. Но, сославшись на то, что они не знают, где сейчас императрица, княгини написали письмо кн. М.С. Воронцову. При этом пленницы снова продемонстрировали независимое и смелое поведение, взорвавшее Зайдет и вызвавшее желание у Шуанет смягчить ситуацию. Возможно, такое поведение шло естественным путем со стороны этой жены Шамиля в силу ее более мягкой, женственной и человеческой натуры²⁴, но иногда все же напоминало известную ныне игру в «плохого» и «хорошего» следователя.

Невозможно во всех деталях описать многодневный, изнурительный, многоступенчатый марафон по выдавливанию горцами выкупа из знатных грузинских пленниц. На заключительном его этапе в ход шло все: и турецко-шамилевская пропаганда, рассчитанная на очень легковерных, неосведомленных и малообразованных людей (известие о мнимом приезде посланника от султана с известием о победе над Россией, занятии 50 губерний и т.п.; княгини, понимая ложность инфор-

мации²⁵, отвечали на эту «новость», что тем хуже для них, ибо это может воспрепятствовать их освобождению) (там же, с.268), и слухи о приближении русских к Ведено (после неудачи горцев под Исти-Су). Зайдет интригуяюще говорила пленницам, что в этом случае их всех перережут. В ответ те внешне хладнокровно говорили, что им лучше умереть, чем остаться здесь навеки (там же, с.269). Как бы то ни было, но тема пяти миллионов «испарилась» и речь твердо шла уже о миллионе: мужество и стойкость пленниц, с одной стороны, твердая позиция кн. Д. Чавчавадзе и посредничество Магамеда, жителя Эндери, и его брата Хаджи, а также буртунайского пятисотенного Хасана (АКАК, Т.11, с.604; Вердеревский Е., 2013, с.247), но, на наш взгляд, в большей степени дипломатическое искусство Исаака Грамова, тонко разбиравшегося в менталитете горцев (см. ниже), что явствует из сочинения Вердеревского далее, с другой, а также прибытие старшего сына имама Джемал эд-Дина в Ставрополь, а позднее — в Хасавюрт, принесли свои плоды.

Тем временем происки Зайдет не прекращались. По-прежнему всячески страшая княгинь, она уже стремилась уверить их в том, что Джемаль эд-Дина не отдадут за них, поскольку он-де аманат, а не военнопленный (Вердеревский Е., 2013, с.275–276)²⁶. Но один из последних ходов, который должен был произвести на пленниц впечатление, был сделан, разумеется, самим имамом. Через все того же Индриса Шамиль озвучил угрозу: пленниц раздадут наibaм, а их детей — по аулам. Причина такого выпада была в том, что кн. Д. Чавчавадзе, согласно верным сведениям горцев, «получил гораздо больше денег, чем предлагает за ваше освобождение» (там же, с.281). Угроза сопровождалась дипломатической внутрисемейной игрой: сын Шамиля Кази-Магома выступил ходатаем перед отцом с просьбой опять послать гонцов к родственникам княгинь, чтобы попросить еще денег...²⁷. Во время новых перипетий, изобретенных в окружении имама, его при-

ближенный Шах-Аббас успокоительно заметил: «Не тревожьтесь, здесь уж такой обычай, чтобы пугать христиан...» (там же, с.282). Однако еще раньше автор работы, Е. Вердеревский, заметил точнее: «Никто не освободился из плена без величайших затруднений и неприятностей» (там же, с.274).

Наконец, мудрый и справедливый Джемал эд-Дин Казихумухский, тесть имама, также внеся свою посильную лепту в уговоры упорных и уверенных в своей правоте княгинь, убедился, что дело зашло в тупик и нужно-таки снизить цену до предлагаемой суммы в 40 тысяч рублей. Он же сообщил пленницам, что имам употребит средство уговорить «народ» (незримая тень «общественного мнения» все время маячила за кулисами страшно затянувшейся и безумно утомительной для пленных россиянок и их родственников сделки и играла, на наш взгляд, в известной степени манипулятивную роль) согласиться на сумму в 40 тысяч. Это была проповедь некоего отшельника, произносимая к неопределенному числу собравшихся горцев через окно в особняке имама, три недели подряд, сопровождаемая пением тахлиля, в котором участвовали Шамиль, его тесть и другие приближенные к главному действующему лицу всей этой драмы. Проповедник учил тому, что излишнее богатство ведет к порокам и гибели как на земле, так и в раю. Народ убедили, грубо говоря, резко сбавить цену. Пленницам, по Вердеревскому, было непонятно, почему Шамиль, сам будучи готов принять такую сумму, зная о своем тайном средстве убеждения народа и уже готовя дорогу к Мичику для обмена, все же всячески давил на них (там же, с.286). Виновной пленницы и автор сделали натуру Зайдет. Но в том, что происходило, главным действующим лицом и пружиной был Шамиль. Невозможно не видеть его роли как главного режиссера изнурительного, многоактного спектакля, главной сюжетной линией которого было настойчивое требование выкупа. Это подтверждают сцены общения

имама с переводчиком (а точнее, переводчиком) Исааком Грамовым. Мы не станем подробно останавливаться на них, поскольку это не входит в задачи нашей работы. Для веденской истории, основной для нас, с точки зрения взгляда на происходившее со стороны пленниц, переговоры с участием Грамова были «закулисьем», «обратной стороной медали», хотя в конечном счете, все решалось на них.

Участие в переговорах юнкера И. Грамова (карабахского армянина по происхождению) имело знаковый характер. По справедливому мнению Е. Вердеревского, такие люди, как он, «в особенности драгоценны в сношениях частных начальников с управляемыми ими или соседственными нам непокорными племенами». Грамов принадлежал к числу тех представителей армянского народа, которые сыграли серьезную роль в войнах на Кавказе в XIX в. (В.Г. Мадатов, Л.М. Серебряков, М.П. Лазарев, М.З. Аргутинский-Долгоруков и др.) (Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д., 2008; Матвеев О.В., 2015, с.172–181) и являлись важным связующим звеном в отношениях между Российской империей и горцами. Тонкая дипломатия Грамова, его знание менталитета горцев, умение общаться с ними и одновременно знание порядков, правил и российского мировосприятия помогли уладить вопрос о выкупе, в котором колебания Шамиля шли между пониманием своего престижа, общественным долгом, как он его понимал, отцовскими чувствами и материальной выгодой²⁸. Разумеется, Шамиль далеко не сразу пошел на уступки. Он то соглашался с важностью того, что о его успехе в переговорах с русскими и возвращении сына напишут европейские газеты, и тут же добавлял, что «и деньги получить хорошо» (там же, с.314), то впадал в демонстративный аскетизм («Деньги — трава: сохнет и пропадает, мы не деньгам служим, а Богу») (там же, с.315). Потом следовал неожиданный ход имама, который снова поднимал тему миллиона и еще 150 человек горцев в придачу (там же, с.319).

Снова сыграло свою роль и «общественное мнение»: на собрании наибов и стариков в Ведено те сказали Шамилю: как он может оставить сына в руках гяуров? «Мы согласны на все... возврати пленниц и возьми за них сына и 40 тысяч рублей» (там же, с.324). Показательно, что свидетелем заключительной части торга горцев и россиян был сын Шамиля, Джемал эд-Дин. Откровенный характер происходящего был ему не по душе. Один из приближенных его отца прокомментировал ситуацию молодому человеку приблизительно так же, как и его «коллеги» княгиням: «Не беспокойся: это обычай горцев; затруднения необходимы, но все хорошо кончится»... Нетрудно себе представить, какой осадок остался в душе Джемал эд-Дина, воспитывавшегося в кадетском корпусе, в понятиях русского офицерства. Недаром он разделял опасения российской стороны, до самого конца сомневавшейся в исходе дела без новых осложнений. Вот реплика Джемал эд-Дина в отношении возможной перемены условий (при прибытии гонца от Шамиля после окончания переговорных процедур): «А отчего ж бы и не так? Ведь они дали вам слово по шариату, а теперь, может быть, хотят поступать по адату». Это было, как отмечает Вердеревский, насмешливым намеком на мусульманскую казуистику (там же, с.325, прим.2). Что же касается пленных княгинь, то вряд ли их чувства нуждаются в дополнительных комментариях.

И, тем не менее, насколько можно осуждать предводителя движения горцев за подобные маневры с точки зрения горских, исламских реалий, ибо никакие другие его не волновали по определению?²⁹ Им двигало в конечном счете стремление получить от неприятеля как можно больше денежных средств, укрепив тем самым и байтул-мал, т.е. казну имамата, и подняв свой престиж как правителя³⁰. Что же касается длительности и настойчивости переговоров, а также неоднократного изменения «цены вопроса», то это было уко-

ренено в менталитете через нормальную восточную практику продолжительностью едва ли не в тысячелетия. На Востоке того, кто не торгуется, не уважают. Пристало ли этим заниматься имаму? Но если сам Пророк ислама, до того, как стал ханифом, водил караваны и торговал, то почему это должно быть зазорно рабу Аллаха Шамуилу, т. е. Шамилю?

Но завершить внешне эту историю на столь прозаических нотах горцы не могли. Расставаясь с княгинями и провожая их из Ведено, где они провели не лучший период в своей жизни, сын Шамиля Казимагома принес пленницам своеобразные извинения, которые он затем повторил от имени Шамиля князю Чавчавадзе, смысл которых заключался в том, что если у них и были какие неприятности, то не от желания хозяев их причинить, а от того, что «мы не умеем обращаться с такими женщинами и не имеем достаточных средств». Еще примечательнее вел себя имам, который объяснил Грамову свой выезд на встречу своему сыну не тем, что должен был его встречать (по обычаю так не положено), но чтобы проводить «*моих дорогих гостей*» (т. е. пленных княгинь) и для устранения возможных беспорядков при обмене. И вновь мы видим незаурядную дипломатическую и человеческую игру Шамиля: маскировка для встречи сына, а также мера предосторожности (ждать ловушек привычно для человека, который сам на них горазд) (там же, с.327–328) приобрели вид кавказского гостеприимства (и, добавим, условной маркировки для того вида плена, который пережили российские аристократки)³¹.

И все же наше рассмотрение эпопеи княгинь Чавчавадзе и Орбелиани как очень показательное культурное «погружение» знатных, образованных россиян в мир горцев нужно завершить их собственным к нему отношением (там же, с.294). Чувства княгинь в этом смысле были противоречивы. С одной стороны, для них это мир тьмы, зла, невежества и страдания, но с *блестками*

радости, доброты и участия. С другой — пленницам жаль было покинуть этих полудиких женщин (т. е. жен имама Шамиля). Прощание княгинь с *Иномиром*, в котором им довелось перенести столько драматических испытаний, усиливается показательным «цивилизаторским» спичем самого Вердеревского, который как бы досказывает то, что, возможно, только предугадывается бывшими пленницами: «Они (т. е. горянки. — *Авт.*) остаются во власти невежества, под игом неистинного, мрачного верования... И они (обращение к Богу. — *Авт.*) тоже твои создания (курсив наш — *Авт.*): озари же если не их, то ближайшие к ним, последующие поколения светом Божественной Истины... возложив это великое призвание на святую Русь (курсив наш. — *Авт.*), нашу великую родину, пошли ей скорейший успех в его осуществлении». Это суждение представляется весьма показательным. Горский мир в глазах автора во вполне ориенталистских традициях наделен враждебными чертами, выливающимися прежде всего в конфессиональное противостояние. Но его представители

уже рассматриваются как *Божьи создания* (sic!), что чрезвычайно существенно для фиксации определенного, и весьма важного, этапа в процессе постепенного и нелегкого признания **равноценности Другого**, т.е. горцев. Дело приведения их на путь истины, разумеется, должно, по Е. Вердеревскому, принадлежать «святой Руси» как вневременной цивилизационной субстанции любви, правды и добра, понимаемой через призму ценностей православия. Эта Русь даже в реалиях второй половины XIX — начала XX в. не могла быть адекватно экстраполирована на мир горцев, и в этом смысле данные упования Вердеревского были утопичны. Но Россия того же и, разумеется, более позднего времени (в том числе уже в обличье СССР) сыграла громадную роль в приобщении горских народов к ценностям мировой культуры, что наиболее адекватно отражается в феномене российскости (Великая Н.Н., 2007). Так что надеждам автора сочинения о плене княгинь Чавчавадзе и Орбелиани все же во многом суждено было сбыться в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Она была основана после уничтожения российскими войсками прежней резиденции имама Шамиля — Нового Дарго (Ведено, 2016).

2. Очень интересно то, что с данной работой, впервые увидевшей свет в 1857 г., желал ознакомиться, судя по его переписке с бароном Николаи, вернувшийся в горы Джемал эд-Дин, старший сын имама Шамиля (Каширин В.Б., Муханов В.М., 2010, с.111).

3. Отцом княгинь был представитель бывшего царствующего дома Грузии — царевич Элизбар (Илья Георгиевич) Багратион-Грузинский; в связи с этим они до замужества носили титул «светлейшая княжна» (Грузинская Анна Ильинична, 2015).

4. Так поступали в истории с добычей многие другие народы далекого и более

близкого прошлого, находившиеся, по Моргану и Энгельсу, на ступени варварства.

5. Далее Е. Вердеревский уже не останавливается на теме украшений г-жи Баратовой. Полагаем, об их судьбе нетрудно догадаться. Все, что не было отнято у пленниц храбрыми джигитами, скорее всего, попало затем в руки алчной и скупой Зайдет (Зейдат), главной жены Шамиля, которая командовала всем хозяйством в доме имама (см. также: Пикуль В.С., 1989, с.298–300; Дегоев В.В., 2001, с.271–272).

6. Один из биографов имама Шамиля, Ш. Казиев, наиболее полно использовавший описание плена княгинь Е. Вердеревский, упоминая гибель Лидии, объясняющуюся «объективными обстоя-

тельствами», упускает, тем не менее, этот трагический эпизод в своем исследовании, который списать на обстоятельства уже не представляется возможным (Казиев Ш., 2003, с.236).

7. Они уклончиво называли себя пленными. Непонятно, на чем основаны предположения Ш. Казиева о том, что появление этого «оркестра» было воспринято княгинями как знак освобождения их из плена (Казиев Ш., 2003, с.237).

8. Ш. Казиев умалчал об этом факте (Казиев Ш., 2003, с.237).

9. Оно было свойством многих горцев, неоднократно отмечаемым наблюдателями (Свидание..., 2013, с.355).

10. Грузинский струнный музыкальный инструмент.

11. В суре 38 «Сонмы» (59:59) сказано: «О пророк, скажи своим женам, дочерям и женщинам верующих, пусть они сближают на себе свои покрывала. Это лучше, чем их узнают; и не испытают они оскорбления».

12. Почему автор так называет дом, в котором жил имам Шамиль, выстроенный русскими пленными и дезертирами, непонятно. Дело в том, что флигель – это вспомогательная пристройка, находящаяся при основном здании. Резиденция же имама, как можно судить об этом из описания Вердеревского и приводимого им плана, составленного княгиней А.И. Чавчавадзе в 1855 г. (Вердеревский Е. Плен у Шамиля, с.238), была совершенно самостоятельным строением.

13. Грузинские милиционеры, приведенные вместе с княгинями, находились не в яме, а в сакле.

14. Дом в этом смысле в целом не отличался благоустроенностью: маленькие застекленные окна были в нем только в комнатах самого имама и его жен (Вердеревский Е., 2013, с.237).

15. Ш. Казиев весьма политичен в оценках натуры Зайдет, указывая, например, что меню пленниц весьма зависело от ее настроения (Казиев Ш., указ. соч.,

с.249).

16. Дело в том, что разговоры о зарытом где-то богатстве той или иной семьи (фамилии) исторически являлись предметом престижа у горцев, тех же вайнахов, т.е. чеченцев и ингушей.

17. Поразительно, но ни у одного из современных авторов, повествующих об истории пленения княгинь Чавчавадзе и Орбелиани, нигде не фигурирует эта цифра. Ничего не упоминается о ней и в официальной переписке кн. Чавчавадзе с кавказским командованием, а также переписке наместника Кавказа с двором, опубликованных в «Актах Кавказской археографической комиссии» (АКАК, 1885, с.566–567; АКАК, 1888, с.60).

18. Знакомил имама с содержанием российских газет Шах-Аббас, этнический армянин из Шуши, владевший русским языком.

19. В.В. Дегоев отмечает, что в сознании Ушурмы (шейха Мансура) Россия отождествлялась с небольшими русскими крепостями и казачьими станицами, разбросанными вдоль северного берега Терека (Дегоев В.В., 2015, с.15). Свидетельства российских пленников первой половины – середины XIX в. показывают, что через полвека с лишним после Мансура представления горцев о России изменились очень мало (Торнау Ф.Ф., 2000, с.250; Шипов Н., 2011, с.12).

20. Они были родными сестрами мужа А.И. Чавчавадзе, Давида.

21. Индрис сделал княгиням любопытное заявление, что он не русский, а горец, а Шамиль посылал его учиться в Россию. Разумеется, это было вымыслом, но по-своему весьма примечательным. В кругах, близких к Шамилю, идея о том, что горцы могли учиться в России и это приносило им пользу (а руководство имамата, конечно же, было в курсе относительно того, что ряд представителей горских народов (кабардинцев, осетин и др.), в том числе и старший сын Шамиля Джемал эд-Дин, из-за которого и произошла вся эта история с похищением, учились и

учатся в российских учебных заведениях, аманатских школах, гимназиях, кадетских корпусах и т.д.), была, таким образом, несмотря на противостояние, вполне знакомой и даже в чем-то привычной, хотя в то время невозможной для широкой реализации на практике.

22. Кстати, здесь следует особо подчеркнуть, почему мы снова и снова употребляем это определение. Во-первых, грузинская аристократия была частью российской элиты, а во-вторых, и это, пожалуй, главное, княгиня Чавчавадзе однажды, парируя все новые наскоки со стороны Зайдет, сказала: «У нас, у русских, есть пословица...» (Вердеревский Е., 2013, с.261). Это очень напоминает неоднократно повторявшиеся слова И.В. Сталина, обращавшегося к руководству союзных держав: «Мы, русские, считаем...» из х/ф «Освобождение».

23. Подробнее см.: Шифры..., 2016.

24. По тем сведениям, которыми, со слов русского офицера, побывавшего в плену у горцев, располагал А. Дюма, «Шуанат служит ангелом-хранителем пленникам Шамиля и особенно его пленницам. Оказавшись в неволе, княгиня Чавчавадзе и Орбелиани, эти две знаменитые пленницы, обрели в ней покровительницу, которой они были обязаны всем облегчениям, внести какие в их положение имела возможность Шуанат» (Дюма А., 2016).

25. В 1860-е гг., т.е. уже после описываемых событий, в России всего была 51 губерния.

26. Это был обман. После бегства Шамиля из Ахульго в 1839 г. его сын Джемал эд-Дин, как пишут современные авторы, «в одночасье из заложника превратился в пленника» (Каширин В.Б., Муханов В.М., 2010, с.67).

27. Но после посредничества Казимагомы Шамиль написал Д. Чавчавадзе: «Не прибавите ли чего-нибудь к даваемой вами сумме?». Князь понял, что любая уступка уронит его в глазах горцев и может привести только к их новым

требованиям. Он очень темпераментно и решительно заявил мюридам, что если Шамиль отдаст пленниц набам, то он от них откажется. Не пошел он и на вариант оставления на время собирания выкупа в плену княгини Орбелиани.

28. Посредничество Грамова, о котором пишут П.А. Павленко (Павленко П.А., 1990, с.163–165) и Ш. Казиев (Казиев Ш., 2003, с.257, 259), несомненно, опираясь на работу Е. Вердеревского (суда по текстуальным и сюжетным схождениям) и благодаря которому, судя по всему, дело сдвинулось с мертвой точки, оказывается совершенно обойденным в документах по обмену, вошедших в АКАК (см. выше), и отсутствующим также в новейшей и весьма интересной работе, освещающей тему данного обмена (Каширин В.Б., Муханов В.М., 2010, с.95–99).

29. Еще в самом начале переговоров о выкупе кн. Д. Чавчавадзе писал Шамилю о том, что, говоря языком известного литературного героя XX в., «торг здесь неуместен» (Вердеревский Е., 2013, с.301). И, с точки зрения российского, грузинского аристократа, это было, несомненно, так. Правда, всегда ли такие аристократы были так уж чужды материальных предпочтений? Когда в плену у Шамиля оказался будущий свояк Д. Чавчавадзе и будущий ген.-м., князь И. Орбелиани, он с сожалением перечислял затем в своих мемуарах «экспроприированные» горцами личные вещи: одежду, золотые часы, разнообразное оружие, ковры, деньги, лошадей и пр., живо напоминая этим известного киногероя, сыгранного В. Этушем, из х/ф «Иван Васильевич меняет профессию»: «Все, что нажито непосильным трудом...» (отрывок из рассказа, 2013, с.362).

30. Когда горцам отсчитывали сумму, о которой наконец договорились (35 тыс. серебром и 5 тыс. золотом – серебра не хватило), им нелегко оказалось сосчитать даже ее, и они воочию убедились, что миллион сосчитать было бы не по силам. При этом они считали очень осторожно,

чтобы русские не передали им лишнего и потом не придрались. Эта мысль была внушена им Шамилем (Вердеревский Е., 2013, с.324). Е. Вердеревский оценил это тонкую, изысканную осторожность главы неприятеля. Имам был верен себе до мелочей.

31. При встрече с сыном Шамиль, как свидетельствует один из присутствовавших при этом офицер прусского проис-

хождения, имам еще более усилил акцент на создание впечатления у россиян своего подчеркнуто благоприятного отношения к пленницам и просил передать князю Чавчавадзе, что поступал с его женой и свояченицей как с родными дочерьми (курсив наш. — *Авт.*), что могут-де засвидетельствовать и они сами (Свидание с Шамилем, 2013, с.357). С впечатлениями княгини на сей счет мы уже ознакомили читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- АКАК. 1885. Письмо полк. кн. Чавчавадзе к ген. Реаду, отъ 11-го сентября 1854 года. Хасав-юртъ. Тифлисъ // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. X. 1885.
- АКАК. 1888. Описание размена пленных семейств полк. кн. Чавчавадзе и ген.-м. Орбелиани (представлено при отношении ген. Муравьева к кн. Долгорукову, отъ 30-го марта 1855 года, № 398 // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. XI. 1888.
- Ведено, 2016. Ведено [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/144467/94/Kaziev_-_Imam_Shamil.html (дата обращения – 27.05.2016).
- Великая Н.Н., 2007. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. № 45. 2007. — Ростов н/Д.
- Великая Н.Н., Белецкая Е.М., 2014. Казаки Северо-Восточного Кавказа и их соседи в дореволюционном прошлом (по историческим, фольклорным и литературным источникам). — Армавир.
- Вердеревский Е., 2013. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854–1855) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показании лиц, участвовавших в событии. В трех ча-
- стях // В плену у горцев. — Нальчик. Вып.13. Т.2.
- Виноградов В.Б., 2008. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения)//Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). — Армавир.
- Головлев А.А., 1990. К вопросу о беглых и пленных русских у Шамиля // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. — Грозный (там же и библи. до 1915 г.).
- Грузинская Анна Ильинична..., 2015 – Грузинская Анна Ильинична, светлейшая княжна, по мужу кн. Чавчавадзе) [Электронный ресурс] URL: <http://rulex.ru/rpg/portraits/30/30197.htm>. (дата обращения – 17.11.2015).
- Дегоев В.В., 2001. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. — М.
- Дегоев В.В., 2015. Предпосылки Кавказской войны: была ли альтернатива?//Кавказский сборник. № 9(41) / Под ред. В.В. Дегоева. — М.
- Дударев С.Л., 1990. О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. — Грозный.
- Дударев С.Л., Дударев Д.С., Ктиторова О.В., Цыбулькинова А. А., 2014. Проблемы интеграции этнических сооб-

- ществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа): монография. — Армавир.
- Дударев Д.С., Дударев С.Л.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины - середины XIX в. — Армавир: Дизайн-студия Б, 2017. — 402 с.
- Дударев Д.С.* Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века: автореф. дисс. канд. ист. наук. — Армавир.
- Дюма А., 2016.* Имам Шамиль, его жены и дети [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?art=602&rub=18> (дата обращения — 25.05.2016).
- Загорский И., 2011.* Восемь месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Вып.6. — Нальчик, 2011.
- Кавказ..., 2013* — Кавказ: В плену у горцев. Вып.13. Т.1–2. — Нальчик, 2013.
- Каганович С.Л., 2009.* Кавказские пленники в русской литературе. — М.
- Казиев Ш., 2003.* Имам Шамиль. — 2-е изд., испр. — М.
- Каширин В.Б., Муханов В.М., 2010.* Заложник двух владык (Судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал эд-Дина Шамиля) // Кавказский сборник. Т.6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. — М.
- Кругов, А.И., Нечитайлов, М.В., 2016.* Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829–1859. — М.
- Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А., 2011.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. Б.В. Виноградова. — Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах.
- Матвеев О.В., 2015.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. — Краснодар.
- Махмудова К.З., Умарова Л.Х., Бусева Т.П., 1985.* Новые источники по истории Чечено-Ингушетии // Археология и краеведение — вузу и школе (Вторая региональная научно-практическая конференция). — Грозный.
- Ованесов Б.Т., Судацков Н.Д., 2008.* Военно-административная деятельность армян в Российской империи на Кавказе. — Ставрополь.
- Отрывок из рассказа..., 2013* — Отрывок из рассказа покойного генерал-майора князя И. Орбелиани о своем плене у Шамиля в 1842 году // Кавказ: В плену у горцев. Вып.13. Т.2. — Нальчик, 2013.
- Павленко П.А., 1990.* Шамиль. — Махачкала.
- Пикуль В. С., 1989.* Этюды о былом. — М.
- Свидание..., 2013* — Свидание с Шамилем. Письмо пруссака, служащего в русских войсках на Кавказе // Кавказ: В плену у горцев. Вып.13. Т.2. — Нальчик, 2013.
- Тахо-Годи М.А., 2011.* Кавказ и «кавказские пленники» глазами путешественников начала XIX в. (Ксавье де Местр и Фредерика Фрейганг) // [Электронный ресурс] URL: http://www.darial-online.ru/2001_1/taxogo.shtml (дата обращения — 10.11.2011).
- Торнау Ф.Ф., 2000.* Воспоминания кавказского офицера. М.
- Шипов Н., 2011.* История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Вып. 5. — Нальчик.
- Шифры..., 2016.* Шифры фрейлин императорской фамилии // [Электронный ресурс] URL: <http://tsarselo.ru/photos/photo27461.html#.V0bLbDWLRD8> (дата обращения — 25.05.2016).

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

Г.Г. ДАВЫДЕНКО, М.П. БЕРЛИЗОВ

СОХРАНЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ПРОБЛЕМАТИКА ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ

Краснодарский край, являясь уникальной историко-культурной территорией, с внушительным отрывом занимает первое место в Российской Федерации по количеству состоящих на государственной охране объектов археологического наследия. Это почти 14 500 памятников археологии (включая выявленные) различных исторических эпох: от раннего палеолита до позднего средневековья.

При этом штатная численность регионального органа объектов культурного наследия Краснодарского края является одной из самых маленьких в России и составляет всего 16 человек, из которых отдел памятников археологии — 3 человека. Подведомственных учреждений Управление государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края (далее — Управление) не имеет (Об управлении по охране, реставрации..., 2007).

Помимо прямых полномочий Управлением осуществляются и полномочия РФ в данной сфере, переданные для реализации органам государственной власти субъекта. Принимаемые ежегодно поправки и изменения в федеральное законодательство не только постоянно расширяют переданные полномочия, но и увеличивают количество объектов культурного наследия, в отношении которых данные полномочия осуществляются. Так, в 2013 году после вступления в силу Федерального закона № 245-ФЗ («О внесении изменений в отдельные...», 2013, ст. 4078) количество объектов культурного наследия федерального значения на территории Краснодарского края увеличилось с 211 до 5166 объектов. С 2015 года

региональным органам в полном объеме переданы полномочия по федеральному государственному надзору, утверждению границ территорий выявленных объектов культурного наследия, установлению историко-культурной ценности объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, и организации проведения государственной историко-культурной экспертизы на предмет включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

При этом размер выделяемых в виде субвенций средств из федерального бюджета на осуществление переданных полномочий до сих пор не пересчитан, несмотря на неоднократные обращения в федеральные органы государственной власти. Недостаточный объем субвенций не позволяет увеличить численность сотрудников Управления, наладить системную и эффективную деятельность по государственной охране объектов археологического наследия.

Конечно, логичным выходом из сложившейся затруднительной ситуации мог бы стать перерасчет субвенций исходя из увеличившегося количества объектов культурного наследия федерального значения и расширившихся полномочий субъектов. Однако в условиях современных реалий российской экономики и трудной международной обстановки на это никто не пойдет. В связи с чем еще одним реальным путем разрешения данной проблемы мог бы стать законодательно закрепленный механизм поступления денежных средств, полученных бюджетом от штрафов и иных санкций за нарушения в отношении объектов культурно-

го наследия, целевым образом именно в бюджет соответствующего государственного органа, осуществляющего государственную охрану объектов культурного наследия, с возможностью самостоятельного формирования сметы расходов на следующий плановый период. Данный механизм не только бы решил проблему финансирования, но и повысил бы активность и ответственность уполномоченных государственных органов. Конечно, здесь можно говорить о фискальной направленности и возможных коррупционных проявлениях, однако они и без этого существуют и предлагаемое изменение на них существенно не повлияет.

Следующим проблемным аспектом является государственная охрана объектов культурного наследия при осуществлении хозяйственного освоения земельных участков.

Так, в Краснодарском крае ежегодно выявляются и принимаются под охрану государства порядка 300–400 ранее не известных объектов археологического наследия. Это обусловлено геоморфологическими особенностями края и недостаточностью археологической изученности отдельных районов. В связи с чем остро встаёт вопрос об обеспечении сохранности объектов археологического наследия, еще не поставленных на учет или еще не открытых и не получивших научного описания. Часть памятников выявляется при проведении археологических полевых работ (разведок) участков, предполагаемых к хозяйственному освоению. Однако существенное количество объектов археологического наследия выявляется при строительных работах, проводимых до необходимых археологических изысканий.

В данной связи следует рассмотреть вопрос несовершенства института государственной историко-культурной экспертизы (далее — ГИКЭ) в отношении земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. Данный объект ГИКЭ хоть и был указан в ст. 30 Феде-

рального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 73-ФЗ) («Об объектах культурного наследия...», 2016, ст. 2519; 2016. № 15. ст. 2057), из Постановления Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» («Об утверждении Положения...», 2016) он попросту выпал. Положение Федерального закона, не реализованное подзаконным нормативно-правовым актом, на долгое время «зависло в воздухе». В целях обеспечения фактической защиты не состоящих на государственной охране объектов археологического наследия в законодательстве Краснодарского края была закреплена норма, обязывающая физические, юридические лица, органы государственной власти, местного самоуправления на стадии проведения землеустройства, формирования, предоставления, изменения категории, вида разрешенного использования и иного хозяйственного освоения земельного участка, предусматривающего проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, провести за счёт собственных средств археологические полевые работы (разведки) в целях выявления в зонах производства данных работ неучтенных памятников археологии.

С 22 января 2015 г. в Федеральный закон № 73-ФЗ, а с 9 июня 2015 года и в Постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 г. № 569 был введен объект ГИКЭ: «земли, подлежащие воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, в случае, если

орган охраны объектов культурного наследия не имеет данных об отсутствии на указанных землях объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия либо объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия» (далее — ГИКЭ земельных участков). Однако это не решило проблему. Порядок и алгоритм проведения ГИКЭ по данному объекту до сих пор фактически не проработаны, что создает проблемы правоприменения и порождает спорные ситуации.

Во-первых, Федеральным законом № 73-ФЗ не закреплено, на каком этапе землеустройства и проектирования необходимо проводить ГИКЭ земельных участков, соответственно, кто должен её финансировать. Формулировка «до начала землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, осуществление которых может оказывать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия» имеет неоднозначную трактовку и позволяет участникам земельных отношений избежать затрат, связанных с оплатой ГИКЭ. Так, в Краснодарском крае органами местного самоуправления производится предоставление земельных участков гражданам без проведения ГИКЭ со ссылкой, что она необходима «до начала строительства», а сам факт формирования, предоставления, изменения категории, вида разрешенного использования не способен «оказать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия». В результате на граждан, в том числе на представителей социально слабо защищенных слоев населения, таких как ветераны, многодетные семьи, ложатся затраты на проведение ГИКЭ. В случае выявления объекта археологического наследия расходы на спасательные археологические полевые работы могут многократно превысить рыночную стоимость самих земельных участков.

Во-вторых, в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ ГИКЭ зе-

мельных участков проводится путём археологической разведки. Следовательно, археолог кроме получения в Минкультуры России разрешения (открытого листа) должен ещё пройти аттестацию в качестве эксперта по проведению ГИКЭ, чтобы иметь возможность оформить своё заключение в виде акта ГИКЭ. Кроме того, отчет, содержащий результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, является самостоятельным объектом ГИКЭ. Таким образом, происходит многократное формальное дублирование работ по определению наличия или отсутствия объектов археологического наследия на земельном участке. При этом установление данного факта происходит в ходе археологических полевых работ (разведок), а ГИКЭ носит абсолютно формальный характер и, по сути, является излишним административным барьером, приводящим к удорожанию и затягиванию работ. В масштабах страны ГИКЭ по данному направлению практически не выполняется. Акт ГИКЭ фактически заменяется научным отчётом об археологических полевых работах (разведках), при поступлении которого в региональный орган охраны объектов культурного наследия утрачивается необходимость проведения ГИКЭ.

В-третьих, ГИКЭ земельных участков в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ проводится «в случае, если орган охраны объектов культурного наследия не имеет данных об отсутствии на указанных землях объектов культурного наследия включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, либо объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия». Однако что понимать под указанными «данными», закон не конкретизирует, что оставляет место для субъективной, усмотренческой оценки наличия/отсутствия этих данных.

В-четвертых, в действующем федеральном законодательстве в принципе отсутствует прямое указание на обязанность физических и юридических лиц обращаться за согласованием проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на необременённых памятниками земельных участках в орган охраны объектов культурного наследия. Так, на практике органы местного самоуправления при выдаче разрешения на строительство направляют на согласование в орган охраны объектов культурного наследия лишь в случае наличия в документах территориального планирования и информационной системе обеспечения градостроительной деятельности сведений о наличии на участке состоящих на охране объектов культурного наследия. При их отсутствии органы местного самоуправления выдают разрешение на строительство руководствуясь статьёй 51 Градостроительного кодекса РФ (Градостроительный кодекс..., 2005), в которой приведен исчерпывающий перечень документов для данной процедуры, и заключение органа охраны объектов культурного наследия там отсутствует. Суды поддерживают позицию муниципальных органов.

В связи с вышеизложенным предлагается поддержать находящийся на рассмотрении Государственной думы РФ законопроект, внесенный инициативной группой из Воронежской области, предлагающий исключить необоснованное администрирование в части установления факта наличия/отсутствия объектов археологического наследия на том или ином земельном участке, предоставив право археологу, получившему в установленном порядке разрешение (открытый лист), оформить результаты археологических полевых работ в виде акта ГИКЭ. Остальные вопросы необходимо урегулировать путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ

и подзаконные нормативные правовые акты.

Также существенной проблемой, не позволяющей проводить эффективную государственную политику, направленную на сохранение объектов археологического наследия, нуждающихся в принятии срочных мер по спасению от разрушения в результате проявления различных негативных экологических явлений и процессов (абразия берегов, трансгрессия, оползни, эрозия, наводнения и т.д.), является неурегулированность вопроса собственности на объекты археологического наследия. Вплоть до 2010 года за счёт средств краевого бюджета финансировалось проведение спасательных археологических мероприятий — раскопок на объектах археологического наследия, разрушающихся под воздействием экологических факторов. Однако законодательная неурегулированность вопроса собственности на объекты археологического наследия стала непреодолимым препятствием для продолжения финансирования данных работ. В соответствии с действующим законодательством (в частности, п. 3 ст. 49 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ) памятники археологии являются государственной собственностью, однако отсутствует разграничение собственности на эти объекты между Российской Федерацией и субъектами. Ни в департаменте имущественных отношений Краснодарского края, ни в территориальном Управлении Росимуществом памятники археологии не только не стоят на балансе, но и не включены ни в один из реестров государственного имущества, право собственности на них не зарегистрировано. По сути, они являются **безхозным** имуществом. Из неурегулированности данного вопроса также вытекает проблема взыскания вреда, причинённого объектам археологического наследия (в бюджет какого уровня взыскивать?).

Если объекты культурного наследия федерального значения (в том числе па-

мятники археологии), принятые на государственную охрану до вступления в силу Постановления ВС РФ от 27.12.1991 № 3020-1 («О разграничении государственной собственности...», 1992–1993), можно отнести к исключительно федеральной собственности, то остальные объекты археологического наследия, которых, как правило, в сотни раз больше, попадают под действие п. 6 ст. 2 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ, в соответствии с которым оформление права собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований на объекты недвижимого имущества, отнесенные к недвижимым памятникам истории и культуры республиканского значения, недвижимым памятникам истории и культуры федерального (общероссийского) значения либо к объектам исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения после 27 декабря 1991 года, осуществляется по основаниям, не связанным с отнесением указанных объектов недвижимого имущества к объектам исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения.

Предлагается законодательно урегулировать вопрос собственности на объекты археологического наследия посредством внесения соответствующей статьи в Федеральный закон № 73-ФЗ.

Приказом Минкультуры России от 20.04.2016 № 876 (Об утверждении целевого значения...», 2016) установлено значение целевого показателя эффективности деятельности органов государственной власти субъекта РФ, предусматривающее осуществление плановых мероприятий по контролю за состоянием в отношении 20% объектов культурного наследия ежегодно. Сложность проведения указанных мероприятий заключается не только в большом количестве объектов археологического наследия в Краснодарском крае, но и в труднодоступности абсолютного большинства из

них, в их больших размерах (площадь городищ может достигать 100 га, курганные группы могут состоять более чем из 1000 отдельных насыпей), возможности проводить обследование исключительно в благоприятный период, необходимости документального оформления результатов контроля, принятия необходимых мер реагирования.

Предлагается откорректировать значение данного целевого показателя, скорректировав его по каждому региону отдельно, исходя из фактического количества объектов культурного наследия, их доступности и штатной численности уполномоченного государственного органа.

Федеральным законом от 22.10.2014 № 315-ФЗ [8] (О внесении изменений в Федеральный закон...», 2014–2015) введено информационное взаимодействие при ведении реестра объектов культурного наследия, обязывающее органы охраны объектов культурного наследия в срок не более чем пять рабочих дней со дня принятия ряда решений (о включении объекта в реестр, перечень выявленных объектов культурного наследия, об утверждении границ территории и зон охраны объекта культурного наследия) направлять в орган кадастрового учета документы, содержащие текстовое и графическое описание местоположения границ территории и зон охраны объекта культурного наследия с перечнем координат характерных точек этих границ в системе координат, установленной для ведения государственного кадастра объектов недвижимости. В течение 2015 года и первой половины 2016 года органы кадастрового учёта после получения указанных документов самостоятельно (и вполне успешно!) вносили необходимые сведения в государственный кадастр недвижимости и Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Однако приказом Министерства экономического развития РФ от 15.09.2016 № П/0465 («О внесении изменений в приказ Росреестра...»,

2016) установлен порядок реализации информационного взаимодействия при ведении государственного кадастра недвижимости в электронном виде, предусматривающий обязанность органов охраны объектов культурного наследия формировать XML-документы, содержащие описание местоположения границ территорий и зон охраны объектов культурного наследия. Для формирования указанных XML-документов необходимо не только приобретение программного обеспечения, но и привлечение в штат специалистов по ведению кадастровой деятельности. В связи с чем в настоящее время информационное взаимодействие при ведении реестра объектов культурного наследия в Краснодарском крае практически не осуществляется.

В этой связи предлагается вернуться к прежней схеме и возложить обязанность по формированию XML-документов для внесения сведений в Единый государственный реестр недвижимости на органы кадастрового учёта.

Также присутствует еще целый ряд проблемных аспектов, не охваченных нами в данной статье (например, новая редакция ст. 11 Федерального закона

№ 73-ФЗ, не позволяющая уполномоченным региональным органам государственной власти обращаться в суд с исковыми заявлениями о взыскании вреда, причиненного объектам культурного наследия), которые лишь подчеркивают необходимость их отдельного обсуждения, неудачность изначальной редакции и самой структуры закона об объектах культурного наследия, а также хаотичность внесения в него последующих поправок (заметим, огромного количества для Закона, которому только 15 лет) без учета мнения и опыта реальных практических работников.

В связи с этим в первую очередь, как нам видится, на основе сложившегося опыта работы региональных органов и иных практических работников данной сферы необходима детальная разработка абсолютно нового федерального закона об объектах культурного наследия, который будет научно и логически обоснован, а содержащиеся в нем нормы отвечать сложившимся проблемам и реалиям, регулировать сложившиеся отношения не эпизодически и по мере необходимости, а системно, как это было в советские времена.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Об управлении по охране, реставрации..., 2007 — Об управлении по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края: постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16 мая 2007 года № 455 // Официальный сайт управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. <http://uorn.krasnodar.ru>

О внесении изменений в отдельные..., 2013 — О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23 июля

2013 года № 245-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (часть I).

Об объектах культурного наследия..., 2016 — Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2016 г. № 95-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 26.

Об утверждении Положения..., 2016 — Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 года № 569 (в ред. от 14.12.2016 г.) // Текст доступен в СПС «Гарант».

- Градостроительный кодекс..., 2005* — Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 года (в ред. от 18.06.2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16; (см.: Российская газета. 2017. № 144).
- О разграничении государственной собственности..., 1992–1993* — О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность: Постановление Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 (в ред. от 21 июля 1993 г. № 5475-1) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 3. Ст. 89; 1993. № 32. Ст. 1261.
- Об утверждении целевого значения..., 2016* — Об утверждении целевого значения показателя эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по осуществлению переданных им полномочий в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия: приказ Министерства культуры РФ от 20.04.2016 года № 876 // Текст доступен в СПС «Гарант».
- О внесении изменений в Федеральный закон..., 2014–2015* — О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 22.10.2014 года № 315-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 43. Ст. 5799; 2015. № 29 (часть I). Ст. 4359.
- О внесении изменений в приказ Росреестра..., 2016* — О внесении изменений в приказ Росреестра от 01.08.2014 г. № П/369: приказ Министерства экономического развития РФ от 15.09.2016 года № П/0465 // Текст доступен в СПС «Гарант».

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ЛЕСКОВА

12 ноября 2017 года в г. Бостоне (США) скончался Александр Михайлович Лесков, известный специалист по эпохе поздней бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы, бывший заведующий Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока, доктор исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института.

Судьба его была яркой и извилистой, в ней были ослепительные удачи и сокрушительные падения, и её с лихвой хватило бы на несколько жизней.

Александр Михайлович Лесков родился 19 мая 1933 г. в г. Харькове. Раннее детство было безрадостным. Родной отец в 1937-м был арестован и получил «10 лет без права переписки», что тогда означало верную гибель в жерновах репрессивной машины. Мать, Рита Борисовна, по профессии машинистка, с четырехлетним сыном по совету близких знакомых временно покидает Харьков и впоследствии выходит замуж за железнодорожного служащего Михаила Владимировича Лескова, в чьей семье и был воспитан маленький Саша.

Интерес к древней истории и археологии проявился достаточно рано, еще в школьные годы, пишет в своих воспоминаниях Александр Михайлович, после посещения в конце 1-го класса Харьковского исторического музея. Дальше были война и эвакуация в г. Баку, где, живя у родственников, он одолел вузовские учебники по истории Древнего мира и Древнего Востока.

В 1946 году семья возвращается в Харьков, а в 1950-м юный Александр, преодолев множество препон (прежде всего он не был комсомольцем), поступает на исторический факультет Харьковского университета. В университете Лесков включается в работу археологического кружка, которым руководили известный археолог профессор С.А.Семенов-Зусер и тогда молодой преподаватель, только что закончивший аспирантуру, Б.А. Шрамко. Именно под их влиянием формируются

археологические интересы студента Лескова, связанные с археологией Крыма. В студенческие годы он участвовал в первых ВАСКах (Всесоюзных АРХЕ студенческих конференциях), проходивших в МГУ, благодаря которым он знакомится с преподавателями Московской археологической школы. Здесь же устанавливаются впоследствии многолетние знакомства и связи с молодыми археологами Москвы, Киева, Ленинграда, Тбилиси и других городов Союза. Тогда же, в студенческие годы, были написаны первые статьи.

В 1955 г. Лесков закончил исторический факультет Харьковского государственного университета с красным дипломом и поступил в аспирантуру Института археологии АН УССР в Киеве с уже сформировавшейся темой «Таврская культура в Горном Крыму». Научным руководителем диссертации стал тогдашний директор киевского института С.Н.Бибиков, которого Александр Михайлович до последних дней считал своим основным учителем. После окончания аспирантуры он был принят на работу в отдел скифо-сарматской археологии на должность младшего научного сотрудника.

В 1961 г. А.М. Лесков защитил кандидатскую диссертацию и вскоре издал ее в виде монографии «Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры» (Лесков, 1965).

В годы работы в Киеве проявились недюжинные способности А.М.Лескова как организатора крупных новостроечных экспедиций в зоне строительства Северо-Крымского канала и на юге Украины в зоне мелиоративных работ. В 1959–1961 гг. он провел большие разведки на Керченском полуострове, руководил крупными новостроечными экспедициями: Южно-Украинской (1961–1963) и Керченской (1964–1967). Каждая из них включала по несколько отрядов. В эти годы он приобрел опыт руководства большими коллективами разных людей, научился находить общий язык с механизаторами, директорами совхозов, начальниками трестов и

управлений. Жизненный принцип «не высовывайся», царивший тогда в Киевском институте археологии, был не для него. Тогда впервые проявились талант и смелость Лескова входить в высокие кабинеты и добиваться своего.

В мае 1967 г. он был назначен ответственным за организацию и проведение хозяйственных работ на новостройках, стал инициатором развития новостроечных экспедиций в Институте археологии АН УССР и соответствующих структурных реорганизаций.

В 1967 г. А.М.Лесков добился в Москве в Министерстве мелиорации СССР выделения почти миллиона рублей для организации и проведения новостроечных экспедиций в зоне строительства оросительных систем на юге Украины, что по тем временам было астрономической суммой для археологических работ. В 1968 г. он возглавлял крупнейшую в Украине Каховскую новостроечную экспедицию. В августе 1971 г. по инициативе А.М.Лескова Херсонская (Каховская), Запорожская и Киевская экспедиции были реорганизованы в постоянно действующие экспедиции на правах отделов института.

Необходимо отметить и выдающиеся археологические открытия, сделанные А.М.Лесковым в Украине в эти годы. Это раскопки Широчанского могильника белозерской культуры в Херсонской области, исследование Кировского поселения, которое до сих пор остается эталонным памятником эпохи поздней бронзы Восточного Крыма.

Масштабные работы требовали новой методики производства археологических изысканий. Именно тогда впервые в СССР в новостроечной археологии стала широко применяться землеройная техника (бульдозеры и скреперы) для исследования курганов, совершенствовались методы изучения стратиграфии. К работе экспедиций на юге Украины привлекались специалисты-археологи из Москвы, Ленинграда, других научных центров Союза.

Археологическая удача сопутствовала Лескову при исследовании скифских погребений в курганах Восточного Крыма и Херсонской области у сел Ильичево, Архангельская Слобода, Любимовка и др. Здесь Лесковым был раскопан ряд «золотых» погребений, существенно обогативших Музей исторических драгоценностей Украины. Открытие каждого «золотого» погребения он не скрывал от широкой общественности, а, напротив, пропагандировал, или, как сейчас говорят, пиарил их. Приглашал журналистов и партийных руководителей, с утра до вечера водил экскурсии школьников и групп колхозников. Тем самым способствовал продвижению археологического и исторического знания в массы. Эти свойства впоследствии ярко проявились при открытии адыгейских сокровищ. Коллегам по институту казалось, что Лескову постоянно везёт, ему сопутствует археологический «фарт», именно тогда он получил в институте прозвище Санька – Золотая Ручка. С другой стороны, эти находки всего лишь результат простой диалектики, перехода количества в качество, за ними стоит огромный труд по исследованию сотен рядовых и ограбленных комплексов. «Везёт тому, кто везёт» — отвечал Лесков завистникам. Благодаря газетной известности А.М.Лесков смог издать новые находки скифского золота в двух альбомах с цветными иллюстрациями, один из которых вышел в Ленинграде на русском и английском языках, а другой в Киеве на украинском языке (Лесков, 1972; Leskov, 1972; Лесков О., 1974). Слава о них перешагнула границы страны, и этим открытиям был посвящен отдельный номер известного немецкого журнала «Antike Welt» (Leskov, 1974).

В 1971 г. за выдающиеся открытия на новостройках юга Украины он был отмечен премией ЦК КПУ и Совета Министров УССР.

В Киевском институте А.М.Лесков проявил себя и как организатор издательской деятельности. В 1969 г. он был назначен ответственным секретарем главной

редакции готовившегося к печати трехтомника «Археологія Української РСР» (Т.1 и 2 – Київ, 1972, Т.3 – 1975). Кроме того, Лесков был членом редколлегии 1-го тома и автором раздела «Срубная культура». Тем не менее А.М.Лесков оказался единственным членом главной редакции, не получившим Государственную премию Украины за этот трехтомник.

Но не все было благополучно и гладко в жизни Лескова в украинский период. В 1972 г. в экспедиции Лескова трагически погиб от удара по голове подвыпившего «интересанта», местного жителя, молодой сотрудник, руководитель одного из отрядов. На место с проверкой выезжает комиссия партбюро института. В конце 1972 г. на институтском предновогоднем вечере группа девушек-лаборанток Каховской экспедиции Лескова поет экспедиционные песни, среди которых далеко не все были «идейно выдержаны». Институтские «доброжелатели» не отказали себе в удовольствии написать донос в партийную организацию. Девушек увольняют уже сразу после Нового года, но на этом процесс не останавливается. Партбюро института добивается от ученого совета увольнения самого Лескова, «допустившего провал политико-воспитательной работы» в экспедиции.

Весной 1973 г. А.М.Лесков был уволен из института, экспедиция фактически уничтожена, а украинская археология потеряла талантливую ученого и организатора.

Самому А.М.Лескову с трудом удалось устроиться на работу в Институт кибернетики АН УССР, где вопреки всему он писал докторскую диссертацию.

В 1974 г. он с семьей переехал в Ленинград, где до 1981 г. работал в Музее истории религии и атеизма. Впервые столкнувшись с музейной работой и получив скромную должность старшего научного сотрудника отдела «Происхождение и ранние формы религии», Лесков и здесь проявляет свои способности организатора: готовит новую постоянную экспози-

цию по происхождению и ранним формам религии, а с 1977 г. возглавляет созданный по его инициативе редакционно-издательский отдел музея. Он также был ответственным редактором сборника «Актуальные проблемы истории религии и атеизма», всего при нем вышло 5 выпусков этого издания. Не прекращалась в Ленинграде и научная деятельность. Здесь он смог завершить и в течение одного 1975 г. защитить со второй попытки докторскую диссертацию в ИА АН СССР по теме «Заключительный период эпохи бронзы на юге Украины» (1975 г.). В питерские годы были изданы три монографии, две из которых вышли в Германии (одна совместно с В.М.Бочкаревым) в известной серии PBF (Prähistorische Bronzefunde) (Bochkarev, Leskov, 1980; Leskov, 1981; Лесков, 1981).

В 1981 г. Министерством культуры СССР было принято решение о создании отдела археологии в Государственном музее искусства народов Востока, и А.М. Лесков был переведен из Ленинграда в Москву на должность заведующего этим отделом. Первоочередной задачей вновь созданного отдела стали организация и проведение охранно-спасательных археологических экспедиций на Северном Кавказе. Выбор А.М.Лескова пал на Адыгею. Уже в первый полевой сезон 1981 г. был получен интереснейший материал по древним и средневековым культурам Северо-Западного Кавказа.

Наиболее ярким открытием первых лет работы Кавказской экспедиции ГМИНВ был комплекс памятников у аула Уляп, состоявший из меотских могильников VI–IV вв. до н.э. и подкурганых святилищ IV в. до н.э., исследовавшийся в 1981–1983 гг. Открытые экспедицией под руководством А.М.Лескова «сокровища курганов Адыгеи» широко освещались в прессе, Лесков сумел найти возможность в самом выгодном свете представить эти находки сильному миру сего, и уже в 1985 году Государственный комитет по науке и технике выделил музею дополнительные целевые ассигнования для расширения

охранно-спасательных работ по изучению разрушающихся памятников археологии. Кавказская археологическая экспедиция музея вплоть до развала Союза являлась самой крупной археологической экспедицией в системе Министерства культуры.

Блестящие находки, открытые в Адыгее, стали основой многочисленных выставок, организованных Лесковым в 1985–1991 гг., экспонировавшихся в Москве, Краснодаре, Майкопе, а также объездивших половину Европы и побывавших за океаном (в Мексике и Колумбии). Это было время перестройки, когда со скрипом приподнимался «железный занавес», интерес к нашим исследованиям и нашим материалам на Западе в то время был огромен. А.М. Лесков смог использовать этот интерес максимально, организовывая коммерческие выставки в городах Европы. В каждый договор обязательно включалась культурная программа для сотрудников отдела, сопровождавших выставку, организовывались стажировки для сотрудников и реставраторов отдела в музейных и реставрационных центрах Европы.

Мы безмерно благодарны «шефу» за то, что он нам, тридцатилетним музейщикам с нищенскими зарплатами, смог тогда открыть большой мир западной культуры, старался показать лучшие музейные собрания Европы. Свидетельством этого «выставочного марафона» являются великолепно изданные по тем временам каталоги (Catalog Manheim, 1989; Catalog Locarno, 1990; Catalog Spier, 1991).

Московский период (80–90-е годы) был для Лескова годами творческого подъема, он непрерывно генерировал новые идеи, строил планы. Некоторые удалось осуществить, некоторые нет. Одновременно с исследованиями на Северном Кавказе отдел истории материальной культуры приступил к работам в Средней Азии и на Чукотке. В 1983 году в рамках созданного Лесковым отдела была организована Среднеазиатская археологическая экспедиция, а в 1987-м — Чукотская экспедиция. Музей смог получить в свое владение

прекрасные материалы из этих регионов и сейчас обладает одним из лучших в Москве собраний среднеазиатской археологии и одной из лучших в мире коллекций древнеэскимосского искусства (последнее было представлено в успешных выставочных проектах в Европе и США. Catalog Tubingen, 1993).

Еще одно из детищ организаторского таланта Лескова — Северокавказский филиал Музея Востока в городе Майкопе. Это был первый в стране филиал музея союзного/федерального подчинения, который создавался не в самом большом городе Северного Кавказа и являлся определенным компромиссом между идеей оставлять и экспонировать предметы археологического наследия там, где их нашли, и необходимостью исследовать памятники, получать археологические материалы, научно обрабатывать их, реставрировать и подготавливать к экспонированию высококвалифицированными силами сотрудников московского музея. Поначалу идея казалась всем фантастической. Нужно было пробить лед недоверия, убедить высоких чиновников в необходимости такого филиала. И Лескову это удалось. Майкопский филиал был создан в 1985 г., а постоянная экспозиция открыта относительно недавно — в 2010 г. Внушительное, красивое здание музея в центре Майкопа с большой экспозицией и выставочной площадью быстро стало важным очагом культуры и искусства на Северном Кавказе. Под крышей филиала и сейчас базируется Кавказская археологическая экспедиция Музея Востока, ежегодно пополняющая его фонды.

Из нереализованных, но очень ярких идей Лескова, которой он смог заразить в самом начале 90-х директора Института археологии РАН академика В.П.Алексеева, — создание в Москве Национального археологического музея России. Основу музея должны были составить многочисленные коллекции, добытые разными экспедициями института, в то время хранившиеся в его фондах. К сожалению,

преждевременная смерть академика Алексеева помешала реализации этого проекта.

Во второй половине 90-х отношения Лескова с директором музея В.А. Набатиловым сильно испортились. Дошло до того, что последний в 1995 г. без ведома и желания Лескова издал приказ о переводе его в главные научные сотрудники «в связи с достижением пенсионного возраста». Незаконный приказ вскоре отменило Министерство культуры, но в сложившейся ситуации работать стало очень сложно. Как писал А.М. Лесков в своих воспоминаниях, он не собирался покидать страну. Дочь Лескова Татьяна уже несколько лет жила с семьей в США и смогла оформить на перспективу выезд ему по линии воссоединения семей.

Весной 1997 г. А.М.Лесков с супругой Аллой Соломоновной покидает Россию, перебираясь за океан. Здесь также проявились талант и упорство «шефа». Чтобы работать и читать лекции в Америке, ему пришлось за несколько лет (в возрасте 65 лет) выучить английский, которым он прежде не владел. Буквально за 3–4 года он смог освоить язык до уровня необходимого, для того чтобы читать лекции и вести семинары в ряде университетов: в Калифорнийском (Беркли), Техасском (Остин) и Пенсильванском (Филадельфия). Тема его докладов и лекций осталась прежней: археология юга Восточной Европы.

Особенно тесным было его сотрудничество с Музеем археологии и антропологии Пенсильванского университета в Филадельфии, результатом которого стала монография «The Maikop Treasure» (Leskov, 2008). В ней он собрал и проанализировал хранящиеся в четырех музеях мира (двух немецких и двух американских) древности Юга России из коллекции Мерля де Массино, вывезенной за рубеж в первой четверти XX века и получившей в науке название «Майкопский клад». В сокращенном виде на русском языке содержание этой книги изложено в разделе «Майкопские сокровища в музеях Германии и США» коллективной монографии

«Античное наследие Кубани» (Лесков, 2010).

В 2005–2007 гг. по гранту Фонда Фулбрайта А.М.Лесков читал лекции в Киевском, Харьковском и Таврическом университетах.

Связи Лескова со своим детищем – отделом материальной культуры и древнего искусства Музея Востока продолжались и в Америке. За эти годы силами сотрудников отдела удалось подготовить к печати и издать целый ряд памятников, исследованных экспедицией под руководством А.М.Лескова в 80-е. Это могильник Фарс/Клады предскифского времени (Лесков, Эрлих, 1999), полная публикация погребальных комплексов и святилищ Уляпского некрополя, вышедшая двумя выпусками (Лесков и др., 2005; Лесков и др., 2013).

Одним из последних опубликованных совместно изданий явилась долгожданная коллективная монография «Ульские курганы», где под одной обложкой собраны материалы этого замечательного памятника скифской эпохи, хранящиеся ныне в четырех музеях России (Ульские курганы, 2015). Можно сказать, что Александр Михайлович ушел от нас, практически не оставив долгов. Опубликованы все основные памятники предскифского и скифского времени, открытые им на Северном Кавказе.

Коллектив отдела истории материальной культуры, созданный Лесковым в начале 80-х, продолжает работать. Мы пришли в него тогда 20–30-летними. Каждый сотрудник отбирался Лесковым «штучно», и в том, что коллектив оказался жизнеспособен уже без его создателя, великая заслуга Лескова. Некоторых уже нет с нами. В отделе появляется молодежь, но все мы, пока живы, будем помнить Александра Михайловича.

*Государственный музей
искусства народов Востока,
В.Р. Эрлих, Л.М. Носкова,
К.А. Днепровский, И.В. Ксенофонтowa*

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Лесков А.М.* Горный Крым в I тысячелетии до н.э. Киев: Наукова думка, 1965. 196 с.
- Лесков А.М.* Новые сокровища курганов Украины. Ленинград: Аврора, 1972. 150 с.
- Лесков А.М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Містетство, 1974. 122 с.
- Лесков А.М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 180 с.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. М.: Государственный музей Востока, 1990. 162 с.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2005.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья III–IV вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: ГМБ, 2013. 184 с.
- Ульские курганы.* Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М., Берлин, Бордо: Палеограф, 2015. 181 с., 42 цв.таб.
- Bochkarev V. , Leskov A.* Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet. PBF, 20,1. München : Beck, 1980. 97 p.
- Catalog Manheim, 1989.* Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban: neue archäologische Entdeckungen aus der Sowjetunion. Stuttgart : K. Theiss, 1989. 189 p.
- Catalog Locarno, 1990.* I Tesori e i tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Nuove scoperte degli archeologi sovietici nell'Adygeja e nell'Osetia Settentrionale. Roma: de Luca Edizioni d'Arte, 1990. 199 p.
- Catalog Speyer, 1991.* Grabschätze vom Kaukasus. Roma: de Luca Edizioni d'Arte. 199 p.
- Leskov A.* Treasures from the Ukrainian Barrow: Latest Discoveries. Leningrad: Aurora, 1972. 150 p.
- Leskov A.* Die skythischen Kurgane. Die Erforschung der Hügelgräber Südrusslands. Antike Welt. Sondernummer, 1974. 100 p.
- Leskov A.* Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet. I, Depots mit einheimischen Formen. PBF, 20, 5. München : Beck, 1981. 113 p.
- Leskov A.M.* Grabschätze der Adygeen, München: Hirmer Verlag, 1990. 197 p.
- Leskov A.M., 2008.* The Maikop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. 294 p.
- Leskov A.M., H.Muller-Beck. 1993.* Arctische Waljager vor 3000 Jahren. Unbekannte sibirische Kunst. 208 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия
ВАНА	– Вестник Академии наук Абхазии
ВИ	– Вопросы истории
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ДА	– Донская археология
ДАС	– Донецкий археологический сборник
ДАЗ	– Донецький археологічний збірник
ИАА	– Историко-археологический альманах
КГИАМЗ	– Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МАК	– Материалы по археологии Кавказа
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
МИАК	– Материалы и исследования по археологии Кубани
МИАСК	– Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИКВАЭ	– Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
НГУ	– Новосибирский государственный университет
ОНКАЭ	– Отчёты Нижнекамской археологической экспедиции
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ЦЧКИ	– Центрально-Черноземное книжное издательство

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакушев Марат Артурович	— к.и.н., заместитель директора по науке Археологического общества Кубани
Берлизов Михаил Павлович	— к.ю.н, доцент кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Вальчак Сергей Борисович	— к.и.н., н.с. отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН
Водолажская Лариса Николаевна	— н.с. Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
Голубев Лазарь Эрвандович	— к.и.н., руководитель экспертной группы Краснодарского краевого отделения ВООПИК
Давыденко Георгий Георгиевич	— соискатель, начальник отдела памятников археологии управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края
Демидов Александр Васильевич	— старший преподаватель Анапского филиала Сочинского государственного университета
Джопуа Аркадий Иванович	— директор Абхазского государственного музея, с.н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА
Днепровский Кирилл Александрович	— к.и.н., главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока
Дударев Дмитрий Сергеевич	— аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета
Дударев Сергей Леонидович	— д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Кубани,

	— академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа
Зеленский Юрий Викторович	— заведующий отделом археологических фондов КГИАМЗ
Иванов Алексей Владимирович	— начальник экспедиции ООО «Южный региональный центр археологических исследований»
Красноперов Александр Анатольевич	— к.и.н.
Ксенофонтова Ирина Васильевна	— старший научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока
Меньшикова Юлия Алексеевна	— магистрант кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)
Мунчаев Рауф Магомедович	— член-корреспондент РАН
Невский Михаил Юрьевич	— н.с., Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
Нечипорук Александр Александрович	— археолог-специалист ООО «Археологическое общество Кубани»
Новичихин Андрей Михайлович	— к.и.н., заместитель заведующего Анапским археологическим музеем по научной работе
Носкова Людмила Михайловна	— к.и.н., заведующая Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока.
Нюшков Валентин Александрович	— к.и.н., с.н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, с.н.с. Абхазского государственного музея
Прокопенко Юрий Анатольевич	— д.и.н., профессор кафедры культурологии и искусств ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь)
Прокофьев Роман Викторович	— н.с. ООО «Ростовская археологическая экспедиция»

Прокофьева Татьяна Евгеньевна	— н.с. ООО «Ростовская археологическая экспедиция»
Пьянков Алексей Васильевич	— в.н.с. ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция»
Туаллагов Алан Ахсарович	— д.и.н., заведующий отделом археологии УРАН СОИГСИ им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и правительства РСО — Алания
Усачук Анатолий Николаевич	— к.и.н, в.н.с. Донецкого областного краеведческого музея
Хачатурова Евангелина Анатольевна	— с.н.с. отдела археологических фондов КГИАМЗ
Черных Елизавета Михайловна	— к.и.н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)
Чхаидзе Виктор Николаевич	— к.и.н., н.с. группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН
Эрлих Владимир Роальдович	— д.и.н., главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока
Яцюк Денис Анатольевич	— г.с. ООО «Профэксперт»

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора.....	3
----------------------------------	---

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Яцюк Д.А.</i> Ольховский курган	4
<i>Водолажская Л.Н., Усачук А.Н., Невский М.Ю.</i> Водяные часы эпохи бронзы: уникальный сосуд срубной культуры из Центрального Донбаса.....	24
<i>Вальчак С.Б., Хачатурова Е.А.</i> Предметы раннего железного века из коллекции Краснодарского музея-заповедника.....	49
<i>Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е.</i> Раскопки курганного могильника «Невинномысский VI»	58
<i>Нечипорук А.А.</i> Грунтовый могильник первых веков на селище Мухортова Поляна-2 в долине реки Аше.....	67
<i>Иванов А.В.</i> О раскопках кургана на Золотом кладбище	82
<i>Красноперов А.А., Меньшикова Ю.А., Черных Е.М.</i> Об одном редком типе головных уборов древнего населения Прикамья	89
<i>Джопуа А.И., Ньюшков В.А.</i> Изучение позднеантичных и средневековых памятников археологии Абхазии с 2000 г. по 2013 г.	100
<i>Новичихин А.М.</i> Предметы вооружения и конского снаряжения из случайной находки в окрестностях станицы Натухаевской	108
<i>Пьянков А.В.</i> Погребение со створчатыми браслетами из могильника Черноклён в Западном Закубанье	113
<i>Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н.</i> Средневековые кочевнические погребения у хутора Полтавского Краснодарского края	123
<i>Бакушев М.А.</i> Шапсугский погребально-поминальный памятник «Курганная группа «Холодный родник 3»	132

ИСТОРИЯ

<i>Прокопенко Ю.А.</i> Сюжеты иранского искусства в повседневной жизни и культовой практике населения Центрального Предкавказья в V–VIII вв.	154
<i>Зеленский Ю.В.</i> К вопросу о кипчаках дербентских.....	163
<i>Туаллагов А.А.</i> Об одном аланском антропониме.....	165

Демидов А.В. К вопросу об участии французских инженеров
в строительстве турецкой крепости Анапа 176

Дударев Д.С., Дударев С.Л. «Никто не освободился из плена
без величайших затруднений и неприятностей...» (о пребывании у горцев
семей княгинь А.Н. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани)..... 182

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

Давыденко Г.Г., Берлизов М.П. Сохранение и государственная охрана
объектов археологического наследия Краснодарского края:
проблематика отдельных аспектов 199

Памяти Александра Михайловича Лескова..... 206

Список сокращений 213

Сведения об авторах 214

Историко-археологический альманах

Выпуск 14

Научное издание

Технический редактор Алексей Пьянков
Корректор Марина Скорик
Компьютерное макетирование Надежда Вольная

Подписано к печати 12.03.2018 г.
Формат 60 x 90 (1/8).
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,58. Уч.-изд. л. 13,02. Тираж 300 экз.

9 785902 830535